Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2022 – № 2 (29)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2022

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski philological bulletin : научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. № 2 (29). 243 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2022-2-29. EDN DHIZGT
2022, № 2 (29). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Т. А. Александрова,** кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин,** кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **А. А. Федотова**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Т. Н. Федуленкова,** доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни,** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тиу,** доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай,** доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран(германский языки, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)
Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Регистрационный номер средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2022
© Авторы статей, 2022

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2022. № 2 (29). 243 pages. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2022-2-29. EDN DHIZGT

2022, № 2 (29). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova,** Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova,** doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department,Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee**; A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **A. A. Fedotova**, doctor of philological sciences, associate professor of the department of russian literature of the Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu,** doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:
5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Mass media registration:
The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media
PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal
«Verhnevolzhski philological bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2022
© Authors of the articles, 2022

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 2 (29) – 2022

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Мельник В. И. Святоотеческое учение в поэзии раннего Н. А. Некрасова: от религиозного сюжета к евангельскому идеалу 8

Бурая М. А., Богданова О. В. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в стихотворении «Я был только тем, чего» И. Бродского 17

Кузьмина М. Д. Формы выражения исповеди-проповеди в письмах В. Г. Белинского к М. А. Бакунину 1837 г. 28

Иванов Н. Н. М. Горький и ярославский текст 39

Никкарева Е. В. Анатомия метафоры в поэзии Константина Кравцова 46

Медиакоммуникации и журналистика

Слышкин Г. Г., Малыгина Л. Е., Павлова Е. С. Радикальный феминный и маскулинный медиадискурс в аспекте лингвобезопасности 53

Селезнева Л. В., Жукова А. Г. Позиционирование в PR-дискурсе: позиция и точка зрения 61

Ермолин Е. А. Автофикшн как медийная стратагема 71

Русский язык

Беглова Е. И. Фразеологические единицы как текстообразующие факторы в жанре афоризма 80

Северская О. И. Денотативный и сингнификативный компоненты паронимической аттракции 89

Романова Т. П. Наименования жилых комплексов как особый тип рекламного имени 99

Гапонова Ж. К. Производные с корнем грамот- в русском языке: историко-лексикологический аспект 107

Аниськина Н. В. Средства репрезентации концепта «дом» в современной подростковой литературе 117

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Бабаян В. Н., Мельникова К. А. Способы реализации коммуникативного воздействия в медиадискурсе 126

Маркасова Е. В. Н. И. Греч и власть дискурса 133

Воробьева С. Н. Современная исповедь как речевой жанр 143

Бернгардт А. В. Проблемные поля терминов контактной лингвистики 151

Штеба А. А. Проблема определения оценочной доминанты смешанной эмоции 159

Мусаева А. С. Терминообразование в сфере искусственного интеллекта 166

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Первак Т. В. Синтаксическая неподчинимость модальных слов с суффиксом -weise в немецком языке 174

Никулина М. А. К вопросу о деривационных и семантических аспектах англоязычной неологической лексики периода пандемии COVID-19 182

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Скуратов И. В. Разграничение фразеологических неологизмов и индивидуально-авторских образований в современных русском и французском языках 195

Бойчук Е. И. Автоматизированный анализ ритма испанского рекламного текста 202

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства

Кондаков И. В. Диалог «войны» и «мира» в русской культуре 209

Богданова П. Б. Классические и неклассические структуры драмы 220

Ли Сяотао, Колода С. А. Национальная кухня Китая как культурный код (Часть 2) 228

Брусиловская Л. Б. Образ кота как Другого в русской поэзии: от классики XIX в. к «оттепели» XX в. 238

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific journal
Published since 2015
№ 2 (29) – 2022

«The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

Melnik V. I. Patristic teaching in N. A. Nekrasov's early poetry: from a religious subject to the evangelic ideal ____ 8

Buraya M. A., Bogdanova O. V. The supertextual unity of the Christmas, Italian and love pretexts in the poem «I was only what» by J. Brodsky ____ 18

Kuzmina M. D. Genre forms of expressing confession-preaching in letters from V. G. Belinsky to M. A. Bakunin 1837 ____ 28

Ivanov N. N. Maxim Gorky and the yaroslavl text ____ 39

Nikkareva E. V. Anatomy of metaphor in Konstantin Kravtsov's poetry ____ 46

Media communications and journalism

Slyshkin G. G., Malygina L. E., Pavlova E. S. Radical feminine and masculine media discourse in terms of linguistic security ____ 54

Selezneva L. V., Zhukova A. G. «Positioning in PR discourse: position and point of view ____ 61

Ermolin E. A. Autofiction as a media stratagem ____ 71

Russian language

Beglova E. I. Phraseological units as text-forming factors in the genre of aphorism ____ 80

Severskaya O. I. Denotative and significative components of paronymic attraction ____ 89

Romanova T. P. Names of residential complexes as a special type of advertising names ____ 99

Gaponova Zh. K. Derivatives with the root 'gramot-' in russian: historical and lexicological aspect ____ 107

Aniskina N. V. The means of representing the concept «home» in modern teenage literature ____ 117

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Babayan V. N., Melnikova K. A. Ways of communicative effect realization in a media discourse ____ 126

Markasova E. V. Nikolay Gretsch and the power of discourse ____ 133

Vorobyeva S. N. Modern confession as a speech genre ____ 143

Berngardt A. V. Problem fields of contact linguistics terms ____ 151

Shteba A. A. Determining the evaluative dominance of a mixed emotion 159

Musaeva A. S. Term formation in the field of artificial intelligence 166

Languages of foreign countries (germanic languages)

Pervak T. V. Syntactic insubordination of modal words with the suffix -weise in the german language 174

Nikulina M. A. On derivational and semantic aspects of the english neologisms during the COVID-19 pandemic period 182

Languages of foreign countries (romance languages)

Skuratov I. V. Delimitation of phraseological neologisms and unique authors' formations in modern russian and french languages 195

Boichuk E. I. Automated analysis of the rythm in spanish advertising text 202

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

Theory and history of culture and the arts

Kondakov I. V. Dialogue of «war» and «peace» in russian culture 209

Bogdanova P. B. Classical and non-classical drama structures 220

Li Xiaotao, Koloda S. A. Chinese national cuisine as a cultural code (Part 2) 228

Brusilovskaya L. B. The image of the cat as the Other in russian poetry: from the 19th century classics to the « thaw» of the 20th century 238

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-8-16
EDN: DIROEH

Святоотеческое учение в поэзии раннего Н. А. Некрасова: от религиозного сюжета к евангельскому идеалу

Владимир Иванович Мельник
Доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологий». 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1
melnikvi1985@mail.ru, https://orcid.org/0000–0001–9684–8943

Аннотация. Своеобразие ранних стихотворений Н. А. Некрасова в «Мечтах и звуках» зиждется на святоотеческом учении. В этом сборнике проявилось не только ученичество Некрасова как поэта, но и его «духовное ученичество», его попытки облечь в поэтическую форму свой церковный опыт, его неофитская категоричность как духовной личности. Некрасова извиняла его юность и чистота побуждений. Но как большой поэт он скоро должен был осознать, что о религиозных вопросах нельзя писать столь прямолинейно и категорично, что религиозность важна в творчестве скрытой глубиной, а не открытым, почти публицистическим выражением догматов и установлений церковной жизни. Тем не менее, ему удалось найти формы оригинального поэтического самовыражения. Некрасов в каждом стихотворении не только следует за церковными установлениями, но и обнаруживает собственные новации. С этой точки зрения проанализированы стихотворения «Смерти», «Разговор», «Сомнение» и др. Содержание этих произведений показывает, что Некрасов не только имел представление о святоотеческом православном учении, но и пытался вести «духовную брань», насколько это было возможно в совершенно юном возрасте и в его жизненных обстоятельствах. Уже через короткое время он найдет в себе силы прекратить попытки схоластического изложения «теории» христианского учения, но не потеряет теплоту своей веры, а привнесет ее оживотворяющий евангельский дух в свою социальную поэзию, наполнит ее духом любви, милосердия и святых порывов. Поставлен вопрос о связи сборника «Мечты и звуки» с поздним творчеством Некрасова.

Ключевые слова: Некрасов; религиозность; учение Святых Отцов Церкви; Боратынский; скептицизм; полемика

Для цитирования: Мельник В. И. Святоотеческое учение в поэзии раннего Н. А. Некрасова: от религиозного сюжета к евангельскому идеалу // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 8–16. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-8-16. https://elibrary.ru/DIROEH

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Patristic teaching in N. A. Nekrasov's early poetry: from a religious subject to the evangelic ideal

Vladimir I. Melnik
Doctor of philological sciences, professor, department of linguistics and literary studies, Moscow state university of design and technology. 117997, Moscow, Sadovnicheskaya st., 33, bld. 1
melnikvi1985@mail.ru, https://orcid.org/0000–0001–9684–8943

© Мельник В. И., 2022

Abstract. The originality of N. A. Nekrasov's early poems in «Dreams and Sounds» is based on patristic teaching. This collection revealed not only Nekrasov's discipleship as a poet, but also his «spiritual discipleship», his attempts to put his church experience into poetic form, his neophyte categorical nature as a spiritual person. Nekrasov was excused by his youth and purity of motives. But being a great poet, he soon realized that one should not write so bluntly and categorically about religious issues, that religiosity is important in art due to its hidden depth, rather than its open, almost journalistic expression of the dogmas and tenets of church life. Nevertheless, he managed to find forms of original poetic expression. In each of his poems, Nekrasov not only follows church regulations, but also shows his own innovations. The poems «Death», «Conversation», «Doubt» and others are analyzed from this point of view. The content of these works shows that Nekrasov not only had an idea of the patristic Orthodox teaching, but also tried to wage «spiritual struggle», as far as it was possible at a very young age and in his life circumstances. After a short time he would find the strength to stop trying to present a scholastic «theory» of Christian doctrine, but would not lose the warmth of his faith, but bring its life-giving gospel spirit into his social poetry, filling it with the spirit of love, mercy, and holy impulses. The author raises the question of the links between the collection «Dreams and Sounds» and Nekrasov's later work.

Key words: Nekrasov; religiosity; teaching of the Holy Fathers of the Church; Boratynsky; skepticism; polemic

For citation: Melnik V. I. Patristic teaching in N. A. Nekrasov's early poetry: from a religious subject to the evangelic ideal. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):8–16. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-8-16. https://elibrary.ru/DIROEH

Постановка проблемы

Настоящая статья является продолжением развития темы религиозности раннего Н. А. Некрасова [Мельник, 2021]. Исследователи долгое время практически не обращали внимания на первый поэтический сборник Н. А. Некрасова «Мечты и звуки». Очевидно, что и сам поэт считал его неудачным: в 1864 г. он запретил перепечатывать сборник после своей кончины [Прозоров, 2013, с. 171]. По-своему замечательная работа В. Е. Евгеньева-Максимова о творчестве раннего Некрасова [Максимов, 1908], в которой он довольно подробно останавливается на религиозной по сути лирике поэта (подавляющую часть стихотворений сборника составляют произведения духовного содержания), осталась также недооцененной. Однако к его книге стоило бы вернуться, чтобы учесть его положительный опыт. Конечно, Евгеньев-Максимов не мог дать достаточно точный анализ религиозных стихотворений Некрасова, ибо не владел познаниями в области святоотеческого учения, но многое подметил верно, и поставил важные вопросы. В главном же его вывод неверен, поскольку он считает, что «Мечты и звуки» отражают плавный путь Некрасова от веры к сомнению, откуда, надо думать, уже рукой подать до революционного бунтарства будущего «народного заступника». Но дело заключалось совершенно в другом: в эволюции Некрасова от прямолинейного стихотворного формулирования религиозных истин к поэтическому осмыслению евангельского идеала и к глубоко художественному выражению религиозного мировосприятия без обращения к «религиозному сюжету».

Именно на этом святоотеческом учении зиждется все своеобразие ранних стихотворений юного поэта в «Мечтах и звуках». В этом сборнике проявилось не только ученичество Некрасова как поэта, но и его «духовное ученичество», его попытки облечь в поэтическую форму свой церковный опыт, его неофитская категоричность как духовной личности. Некрасова извиняла его юность и чистота побуждений. Но как большой поэт он скоро должен был осознать, что о религиозных вопросах нельзя писать столь прямолинейно и категорично, что религиозность важна в творчестве скрытой глубиной, а не открытым, почти публицистическим выражением догматов и установлений церковной жизни, что духовность должна скорее пронизывать поэзию, как у А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, а не выражаться в открытых формулировках, как у многих непосредственных предшественниках первого сборника (М. Вознесенский, Ф. Н. Менцов, А. Тимофеев, В. Красов и др.). В свое время И. А. Гончаров, целиком посвятивший свое творчество главным духовным вопросам, касающимся проблемы «Бог и человек», категорически отказался от прямолинейного выражения своих религиозных устремлений. В письме от 3 ноября 1886 г. к великому князю К. К. Романову, который планировал писать драму о Христе («Царь Иудейский»), романист написал: «Сам я, лично, побоялся бы религиозного сюжета…». Некрасов в семнадцатилетнем возрасте не понимал, что «религиозный сюжет» не так важен, как залегающий в глубине произведения религиозный идеал, да и сам этот идеал еще должен был выработаться, установиться в берегах некрасовской поэзии. К счастью, осознание ошибочности выбранного пу-

ти пришло очень быстро, в чем и выразилась непосредственная мощная сила его таланта. В дальнейшем он, не отступая от христианского идеала как доминирующего и определяющего все его мировосприятие, пойдет по пути «евангелизации» своей поэзии, обращенной уже к изображению народной жизни, в ее самых разнообразных красках, но неизменно проникнутой токами горячей веры и религиозного идеала.

Что касается собственно сборника «Мечты и звуки», то здесь стихотворения, рисующие картины окружающей жизни, еще отделены от стихотворений религиозного содержания как бы глухой стеной: это две еще не соединившиеся стихии некрасовской поэзии. Но доминируют стихотворения духовной направленности: очевидно, что свою оригинальность как поэта Некрасов уже сейчас (и, как выяснилось, навсегда) связывал с горячим выражением религиозного идеала: отсюда его поход к В. А. Жуковскому (как наиболее яркому и открытому представителю духовного направления в русской поэзии), отсюда же многообразный, пока еще не проанализированный исследователями внутренний спор автора сборника со многими представителями современной поэзии (например, с Е. А. Боратынским), тематические и иные переклички с В. Г. Бенедиктовым и даже с третьестепенными авторами вроде М. Вознесенского, П. Ершова и др.

Исследовательская часть

Несмотря на то, что в сборнике «Мечты и звуки» отразилось духовное ученичество Некрасова, юному поэту удалось найти формы оригинального поэтического самовыражения. На фоне современной поэзии книга была заметна. Профессор Петербургского университета П. А. Плетнев в рецензии на сборник написал: «Здесь не только мечты и звуки <…> но и мысли, и чувства, и картины. Книжка, заключающая в себе почти одни лирические стихотворения, исполнена разнообразия. В каждой пьесе чувствуется создание мыслящего ума или воображения».

В самом деле, Некрасов в каждом стихотворении не только следует за церковными установлениями, но и обнаруживает собственные новации. Например, в стихотворении «Смерти» он рассуждает о благоприятном моменте кончины для человека:

Не приходи в часы раздумья,
Когда наводит демон зла,
Вливая в сердце яд безумья,
На нечестивые дела…..

И напротив, поэт призывает смерть прийти в тот час, когда его мысль возносится в молитве или в творческом акте «в обитель к Горнему Царю». Источником для Некрасова послужила известная аграфа, приписывающая Христу слова, известные каждому воцерковленному человеку: «В чем застану, в том и сужу». Возможно, непосредственным поводом обращения к этой аграфе стало то, что в 1837 г. вышло отдельное издание «Гамлета» В. Шекспира (в переводе Н. А. Полевого, с которым Некрасов, несомненно, был знаком). Шекспир также обращается к указанной аграфе в монологе Гамлета, раздумывающего, убить ли ему Клавдия, стоящего на молитве [Шекспир, с. 129]. Гамлет принимает решение убить Клавдия в другой раз, когда он будет не молиться, а пребывать в «нечестивом пиршестве греха» [Мельник, 2022].

В стихотворении «Разговор» Некрасов развивает классическую святоотеческую тему о постоянной борьбе, которую ведут между собою душа и тело. Мысль переложить святоотеческие представления в стихи подало, очевидно, стихотворение М. Воскресенского «Разговор души с телом» (1834), но Некрасов пишет произведение значительно большего объема, так как привносит в спор души и тела более разнообразную аргументацию. Стихотворение показывает, что Некрасов знаком со святоотеческим учением о страстях и борьбе с ними. Прения души тела в стихотворении воспроизводят ситуацию, описанную св. Ефремом Сирином: «Любовью к преходящей жизни связаны между собой тело и душа. Когда приближается день кончины и разлучения их друг с другом, плачут они друг о друге и просят щедрот и помилования» [Батюшков, с. 209].

Мотивы духовной брани, борьбы со страстями, необходимости для человека страданий Некрасов развивает и в автобиографическом, на наш взгляд, стихотворении «Изгнанник».

Наш мир – он место дикой брани,
Где каждый бьется сам с собой:
Кто – веры сын – с крестом во длани,
Кто в сердце с адскою мечтой.

В стихотворении Некрасов отталкивается от 5-го стиха 125 псалма: «Сеющии слезами радостию пожнут» (путь человека в Рай ценой земных страданий и слез). Пережив драму («…рука судьбы жестоко // Меня к земному пригнела»), Юный поэт слышит голос «посланника Провиденья», утешающего его и внушающего, что страдания благотворны, ибо являются средством

«благами земными» «купить на небе жизнь». Теперь страдания свои поэт воспринимает как средство духовного спасения. О страданиях как о средстве спасения много написано Святыми Отцами. Так, блаж. Августин говорил: «Христианам положено страдать более, чем прочим людям; праведникам необходимо страдать еще более; а святым переносить великие страдания. И чем ближе человек к Богу, тем большее количество крестов ему посылается» [Пестов, т. 1, с. 398]. Мысль восходит к Евангелию от Иоанна, согласно которому Христос говорил: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33). Учение о земных страданиях широко вошло в церковный обиход и проповедническую практику, неудивительно, что юный Некрасов хорошо усвоил мысль о благотворности страданий и будущем воздаянии.

Тема борьбы со страстями поднята Некрасовым и в стихотворении «Час молитвы», направленном против скептицизма Боратынского. В комментариях к стихотворению «Час молитвы» в первом томе академического собрания сочинений Некрасова сказано, что оно является подражанием стихотворению Боратынского «Песня» [Некрасов, т. 1, с. 661]. На самом деле мы имеем дело не с подражанием, а с полемикой. Оба стихотворения начинаются строчкой «Когда взойдет денница золотая…» и написаны одним размером. В обоих стихотворениях поэты касаются темы «испытания чувств», отношения к позитивной, радостной стороне жизни. Однако художественные решения темы у Боратынского и Некрасова прямо противоположны. «Песня» Боратынского строится на мысли о том, что среди радости и пира жизни герой страдает, ибо он уже познал обман и разочарование. Для Боратынского утро («когда взойдет денница золотая») – это время ощущения разлада с цветущим миром:

Когда взойдет денница золотая…
Страдаю я! Из-за дубравы дальней
Взойдет заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.

Некрасов спорит с Боратынским, как бы подчеркивая, что в его мире нет Бога, что и является причиной его разлада с миром. Для Некрасова утро – время духовной бодрости и соборной молитвы:

Когда взойдет денница золотая
На небосвод
И, красотой торжественно сияя,
Мрак разнесет,
Когда звонят, к молитве созывая,
И в храм идут,
И в нем стоят, моленье совершая,
И гимн поют, –
Тогда и я, с душою умиленной,
Меж всех стою
И Богу гимн, коленопреклоненный,
Тогда пою.

Если лирический герой Боратынского познает «отраву» обманчивых страстей, то Некрасов акцентирует тему единства мира человека с Богом и природой. Тема утренней молитвы сменяется темой молитвы вечерней:

Когда Царь дня, в волнах купаясь чистых,
Течет к концу
И запоет хор птичек голосистых
Хвалу Творцу, –
И я пою, и я ему молюся,
И в час мольбы
Спокоен я душой и не боюся
Угроз судьбы.

Финал стихотворения Некрасова весьма замечателен по мысли. Хорошо ориентируясь в основных положениях нравственного учения Святых Отцов Церкви, вошедшего в обиходное церковное сознание, Некрасов обращается к весьма важному для Боратынского и всех романтиков вопросу о «страстях» – и дает его чисто христианскую трактовку, как бы давая Боратынскому, на первый взгляд, наивный «духовный совет», каким образом избежать разлада с собой и миром:

Слова мои
Тогда солью я с голосом природы
И, чужд земли,
Пошлю к Творцу усердную молитву,
И – внемля ей,
Он усмирит враждующую битву
Моих страстей…

Более подробно остановимся на одном из типичных для сборника Мечты и звуки» стихотворении «Сомнение». Его пафос состоит в отрицании и опасении сомнения, способного разрушить в человеке теплоту веры:

И скоро грешные мышления тайком
К тебе начнут глубоко прививаться
И созревать на сердце молодом.
И вот плоды несчастных размышлений,

С сомнением томительных бесед:
Ты, раб его неправедных внушений,
Им омрачишь отрадной веры свет.

Как и во многих других стихотворениях сборника Некрасов в «Сомнении» выказывает знание святоотеческого учения о «приражении греховного помысла», что подтверждается не только общей дидактической мыслью, лежащей в основе произведения, но и подробностями ее разработки: всем строем речи, последовательностью развиваемых идей. Некрасов в строгой последовательности перекладывает в стихотворную форму известное учение о проникновении греха в душу человека: помыслы сначала робко («тайком») «прививаются» («приражаются», «прилагаются»), затем, если человек принял помысл («сочетание» с помыслом), «созревает в сердце» и, если человек с ним соглашается («сосложение» с помыслом), то грех овладевает всем существом человека и вытесняет из души благодать веры:

Тлетворный яд губительного чувства
Другие все из сердца изженет.

После этого грех превращает человека в своего раба («ты раб его неправедных внушений»), и он начинает колебаться в вере («омрачишь отрадной веры свет»). Именно в этом порядке подробно этот духовный процесс описан, например, свт. Феофаном Затворником [Феофан Затворник, 1992, с. 261].

Знал Некрасов и совет Святых Отцов решительно отвергать, бороться с помыслом с первым же его «прилогом», когда душа еще может победить помысл самостоятельно. Искушение помыслом подробно описано у многих Святых Отцов. Например, преп. Макарий Оптинский говорит: «Приходит прилог какого помысла скверного; в твоей воле состоит принять оный или отвергнуть; когда сочетаешься с ним и сложишься, то уже пленилась и стала побеждена, а когда отвергла прилог, то победила» [Душеполезные поучения, 2000, т. 2, с. 66]. Поэтому Некрасов пишет:

Но берегись! приюта не давай
В душе своей мятежному сомненью,
Беги его и сердца не вверяй
Его всегда недоброму внушенью…
С ним страшно жить, беседовать грешно,
И если раз его к груди пригреешь —
С тобой навек останется оно.

Содержание стихотворений «Сомнение», «Смерти», «Разговор» и др. показывает, что Некрасов не только имел представление о святоотеческом православном учении, но и пытался вести «духовную брань», насколько это было возможно в совершенно юном возрасте и в его жизненных обстоятельствах.

Стихотворение «Сомнение» обращено не только к самому себе, но и, возможно, к некоему адресату. В этом смысле следует обратить внимание, что оно написано в форме духовного совета. Несмотря на юный возраст автора, в «Мечтах и звуках» встречаются и иные религиозные стихотворения, в которых он выступает в роли духовного если не наставника, то советчика. Возможно, здесь снова обращение к Боратынскому. В частности, в поле поэтической рефлексии Некрасова попадает стихотворение Боратынского «Когда исчезнет омраченье…» (1834). На это указывают лексические переклички. Например, Боратынский пишет:

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
[Боратынский, с. 96].

Некрасов, как и в стихотворении «Час молитвы», словно бы обращается к Боратынскому с позиции христианина, которому ясен простой и надежный выход из душевной смуты, охватившей утонченно рефлектирующего Боратынского:

Везде увидишь ты расставленные сети,
Тебя смутят тревожные мечты…

Или Боратынский вопрошает:
Когда…
Освобожусь воображеньем,
И крылья духа подыму…
[Боратынский, с. 96].

Некрасов как бы отвечает: сомненье «осквернит»… «размах мечты *в полете вольных крыл*».

Боратынский пессимистически кончает стихотворение:

На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.
[Боратынский, с. 97].

Некрасов отталкивается от этого образа: «И окует грудь холодом могил…» (ибо «гробовая насыпь» это и есть могила).

Обычно в «Мечтах и звуках» Некрасов не выходит за рамки святоотеческих рассуждений, следуя каноническому порядку размышлений. Однако в «Сомнении» он идет иным путем, ибо решается показать духовный вред сомнения в контексте тех поэтических мотивов, которые составляют главное содержание поэзии Боратынского. Вообще тема «сомнения» в святоотеческой литературе не слишком богато представлена, поскольку эта литература обращена, прежде всего, к монашествующим, для которых проблема сомнения не столь актуальна, как для мирян. Но ее характерно упоминает, например, преп. Ефрем Сирин: «Сомнение сердца приводит в душу боязнь» [Ефрем Сирин, с. 11]. Именно о боязни говорит и Некрасов: «И даже там, где смело ходят дети, // Остановясь, задумаешься ты». Слово «смело» имеет своей противоположностью именно «боязнь». Некрасов расширяет примеры и обращается к характерному для Боратынского мотиву несчастной любви:

Полюбишь ты – сомненья призрак бледный
Как адский дух, предстанет пред тобой,
Внушит совет и пагубный и вредный
И грудь зальет ревнивою тоской.

Здесь Некрасов адресуется к таким стихотворениям Боратынского, как «Любовь» («Огонь любви, огонь живительный, // Все говорят, но что мы зрим? // Опустошает, разрушительный, // Он душу, объятую им!»), «Приманкой ласковых речей…» и др.

Как и в стихотворении «Час молитвы», автор «Сомнения» касается мотивов «Песни» Боратынского, который изображает роскошь и красоту Божьего мира но ощущает «отраву» в своей душе: «Будь новый день любимцу счастья в сладость! // Душе моей// Противен он! что прежде было в радость, // То в муку ей…». Некрасов касается того же ряда образов: «Велик, хорош, изящен Божий мир, // Обилен всем и полон совершенства… Все осквернит нечистое сомненье».

Тема дружбы у Боратынского – одна из основных, и, надо сказать, что в дружбе поэт не был разочарован. Но Некрасов, затрагивая эту столь важную для Боратынского тему, показывает, что сомнение может осквернить и это прекрасное чувство:

Участье дружества, последняя отрада —
И от нее сомненье отвлечет;
Оно тебе врагом покажет брата
И друга доброго злодеем назовет.

Здесь следует обратить внимание, что когда автор «Сомнения» касается излюбленных тем Боратынского – любовь и дружба, – он отступает от строго духовного понимания сомнения и расширяет его смысл до общежитейского.

К 1839 г., когда Некрасов решил издать свои «Мечты и звуки», Боратынский был в расцвете творческих сил, но скепсис, свойственный его поэзии, со временем еще более усиливался. Очевидно, что строки о дружбе – это предупреждение. Вообще все стихотворение написано в форме некоего императива – и, по сути, является духовным предупреждением и советом юного Некрасова главному представителю скептицизма в русской поэзии. Сам же автор «Сомнения» уже выбрал для себя иной путь, который в «Мечтах и звуках» может показаться наивным, но от которого Некрасов уже не отойдет в своем зрелом творчестве. Скепсису, рефлексии и сомнению он противопоставил уже в своем первом сборнике жизнеутверждающее упование на Бога. Самые показательные в этом плане стихотворения – «Сомнение», «Злой дух», «Изгнанник». Признаваясь, что и его посещает «злой дух» сомнения (в стихотворении очевидны переклички с пушкинским «Демоном»), Некрасов каждый раз выступает в качестве проповедника, предупреждающего о возможной утрате веры:

И, ребенок простодушный,
Ты погиб, когда его
Силой духа своего
Не отвергнешь!..

Отвергнуть сомнение «силой духа» к этому призывают Отцы Церкви, о чем Некрасову, очевидно, известно. Вступая во внутренний спор с Боратынским, он рефлекторному вглядыванию в тончайшие нюансы различных разновидностей «сомнения» противопоставляет силу веры и духа, а в дальнейшем своем творчестве, когда он уже отойдет от прямолинейного выражения истин православной веры, противопоставит бесплодной, на его взгляд, рефлексии – активное действие в христианском духе: защиту слабых и униженных. Обе темы – религии и защиты угнетенных – у него часто неразрывно связаны, что с невероятной поэтической силой выражено в поэме «Тишина».

При такой духовной настроенности рефлекторная поэзия дворянских поэтов, в особенности Боратынского, проникнутого, по выражению В.

Э. Вацуро, «религиозным скептицизмом» [Вацуро, с. 388] должна была вызывать в Некрасове протест и ноты «задирающей», нарочито выпрямленной дидактики.

Выводы

Сборник «Мечты и звуки» показывает, что Некрасов в юные годы сочетал детскость веры с напряженными попытками «духовной брани», представление о которой черпал в писаниях Святых Отцов Церкви. Собрание текстов поучений Святых Отцов впервые было издано в России еще в 1793 году [Добротолюбие]. Многое он мог почерпнуть из книг свт. Тихона Задонского, которые также были достаточно хорошо известны в 1830–1840 гг., и к которым прибегал, например, Ф. М. Достоевский [Карпачева, 2001]. Разумеется, его попытки были весьма далеки от совершенства, страсти захлестывали его молодую душу, но он упорно, хотя в основном «теоретически», пытался постигнуть догматы православия. В Петербурге, общаясь с кругом мыслящих людей и много читая, Некрасов стремительно менялся и мужал духовно. Уже через короткое время он найдет в себе силы прекратить попытки схоластического изложения «теории» христианского учения, но не потеряет своей веры, а привнесет ее оживотворяющий евангельский дух в свою социальную поэзию, наполнит ее духом любви, милосердия и святых порывов.

О связи поэзии раннего Некрасова с позднейшим его творчеством задумывались некоторые исследователи. В самом конце XIX в. С. А. Венгеров выразил мнение, что «Мечты и звуки» «никакой стадии в развитии таланта Некрасова не представляют. Некрасов – автор книжки „Мечты и звуки" и Некрасов позднейший – это два полюса, которых нет никакой возможности слить в одном творческом образе» [Венгеров, 1897, с. 858]. Позже Евгеньев-Максимов попытался найти компромиссное решение, позволяющее соединить религиозного раннего Некрасова с Некрасовым позднего периода, с его социальностью и народностью: «Знакомясь с романтизмом юного Некрасова, мы выделили, в качестве мотивов наиболее характерных для его стихотворений, веру в загробную жизнь и глубокую религиозность. Что же такое, в сущности, эта вера в загробную жизнь молодого поэта и во что она могла вылиться в творчестве печальника народного горя? Здесь, полагаем, не может быть двух мнений. Эта вера – ничто иное, как чистейший идеализм… Поэтому-то между Некрасовым конца 30 гг., восклицавшим „ты осужден ценой страданья купить в стране очарованья рай, недоступный на земле" и Некрасовым 60 г.г., с его страстным желанием „ведреного дня" для родной страны, – принципиального различия нет. И тот и другой одушевлены одним и тем же идеалистическим порывом» [Максимов, 1908, с. 105–106]. Вывод, на наш взгляд, ложный. В наших работах [Мельник, 2001; Мельник, 2008 и др.] уже показано, что идеализм позднего Некрасова зиждется именно на религиозной основе. Одной из важных задач современного некрасововедения как раз и является более детальная проработка этого вопроса.

Библиографический список

1. Баратынский Е. А. Лирика. Москва : «Художественная литература», 1964.

2. Батюшков Ф. Д. Спор души с телом в памятниках Средневековой литературы. Опыт историко-сравнительного исследования. Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1891.

3. Вацуро В. Э. Е. А. Баратынский // История русской литературы: В 4 т. / отв. ред. Н. И. Пруцков. Ленинград : Наука, 1981. Т. 2. С. 388.

4. Венгеров С. А. Некрасов // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXA (40). Санкт-Петербург, 1897.

5. Добротолюбие, или словеса и главизны священнаго трезвения, собранныя [свт. Макарием Коринфским] от Писаний Святых и Богодухновенных Отец, в немже нравственным по деянию, и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает. Преведено с Еллино-греческаго языка преподобным Паисием Величковским. Санкт-Петербург, 1793.

6. Душеполезные поучения преподобных Оптинских старцев. Издание Введенской Оптиной пустыни, 2000. В 2х томах. Т. 2. С. 66.

7. [Ефрем Сирин] Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3е изд. Ч. 2. Москва, 1881.

8. Карпачева Т. С. Отражение образа свт. Тихона Задонского и его сочинений в творчестве и мировоззрении Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Вып. 9. 2011. С. 216–231.

9. Максимов Владислав. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Санкт-Петербург : Типолит. «Энергия», 1908. 220 с.

10. Мельник В. И. Типология житийных сюжетов у Н. А. Некрасова (к постановке вопроса) // Некрасовский сборник. Т. XIII. Санкт-Петербург : Наука, 2001. С. 59–65.

11. Мельник В. И. Христианская святость и христианские подвижники в поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины» // Некрасовский сборник. Т. XIV. Санкт-Петербург : Наука, 2008. С. 68–73.

12. Мельник В. И. Становление религиозности Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3. С. 8–16.

13. Мельник В. И. Аграфа «В чем застану, в том и сужу» у В. Шекспира и раннего Н. А. Некрасова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 134–148.

14. Менцов Ф. Н. [Изящная словесность] // Журнал министерства народного просвещения. 1840. № 3. Отд. VI. С. 118–124.

15. Менцов Н. Ф. Обозрение русских газет и журналов за первые три месяца 1839 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 7. Отд. VI. С. 79–80.

16. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Ленинград : Наука, 1981–2000.

17. Преп. Никодим Святогорец. Невидимая брань. Издательство Почаевской Лавры, 2013. 216 с.

18. Пестов Н. Е. Современная практика православного благочестия. В 2–х т. Т. 1. Санкт-Петербург, Сатис, 2002. С. 398.

19. Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Санкт-Петербург, 1885. Т. II. С. 289.

20. Прозоров Ю. М. Классика. Исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. Санкт-Петербург : Издательство «Пушкинский Дом», 2013. С. 171.

21. Феофан Затворник. О развитии греха и о средствах борьбы с ним // И дух прав обнови во утробе моей. Сб. святоотеческих изречений и поучений. Ч. II. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1992. С. 260–267.

22. [Шекспир В.] Гамлет принц датский. Драматическое представление. Сочинения Виллиама Шекспира / пер. с англ. Николая Полевого. Москва : Тип. Августа Семена, при Имп. Мед.-хирург. акад., 1837.

Reference list

1. Baratynskij E. A. Lirika = Poetry. Moskva : «Hudozhestvennaja literatura», 1964.

2. Batjushkov F. D. Spor dushi s telom v pamjatnikah Srednevekovoj literatury. Opyt istoriko-sravnitel'nogo issledovanija = The soul and body dispute in the monuments of Medieval literature. The experience of historical and comparative research. Sankt-Peterburg : Tip. V. S. Balasheva, 1891.

3. Vacuro V. Je. E. A. Baratynskij = E. A. Baratynsky // Istorija russkoj literatury: V 4 t. / otv. red. N. I. Pruckov. Leningrad : Nauka, 1981. T. 2. S. 388.

4. Vengerov S. A. Nekrasov = Nekrasov // Jenciklopedicheskij slovar'. Izd. F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. T. XXA (40). Sankt-Peterburg, 1897.

5. Dobrotoljubie, ili slovesa i glavizny svjashhennago trezvenija, sobrannyja [svt. Makariem Korinfskim] ot Pisanij Svjatyh i Bogoduhnovennyh Otec, v nemzhe nravstvennym po dejaniju, i umozreniju ljubomudriem um ochishhaetsja, prosveshhaetsja i sovershen byvaet. Prevedeno s Ellino-grecheskago jazyka prepodobnym Paisiem Velichkovskim. Sankt-Peterburg, 1793.

6. Dushepoleznye pouchenija prepodobnyh Optinskih starcev. Izdanie Vvedenskoj Optinoj pustyni = Spiritually beneficial teachings of the venerable Optina elders. Published by the Vvedenskaya Optina Monastery, 2000. V 2h tomah. T. 2. S. 66.

7. [Efrem Sirin] Tvorenija izhe vo svjatyh otca nashego Efrema Sirina = The writings of the holy father Ephrem the Syrian. 3e izd. Ch. 2. M., 1881.

8. Karpacheva T. S. Otrazhenie obraza svt. Tihona Zadonskogo i ego sochinenij v tvorchestve i mirovozzrenii F. M. Dostoevskogo = Reflecting the image of St. Tikhon of Zadonsk and his writings in the work and worldview of F.M. Dostoyevsky // Problemy istoricheskoj pojetiki. Vyp. 9. 2011. S. 216–231.

9. Maksimov Vladislav. Literaturnye debjuty N. A. Nekrasova = N.A. Nekrasov's literary debuts. Sankt-Peterburg : Tipolit. «Jenergija», 1908. 220 s.

10. Mel'nik V. I. Tipologija zhitijnyh sjuzhetov u N. A. Nekrasova (k postanovke voprosa) = The typology of hagiographic plots in N. A. Nekrasov (to raising the issue) // Nekrasovskij sbornik. T. HIII. Sankt-Peterburg : Nauka, 2001. S. 59–65.

11. Mel'nik V. I. Hristianskaja svjatost' i hristianskie podvizhniki v pojeme N. A. Nekrasova «Russkie zhenshhiny» = Christian holiness and Christian ascetics in N. A. Nekrasov's poem «Russian Women» // Nekrasovskij sbornik. T. XIV. Sankt-Peterburg : Nauka, 2008. S. 68–73.

12. Mel'nik V. I. Stanovlenie religioznosti N. A. Nekrasova = The formation of N. A. Nekrasov's religiosity // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 3. S. 8–16.

13. Mel'nik V. I. Agrafa «V chem zastanu, v tom i suzhu» u V. Shekspira i rannego N. A. Nekrasova = Agrapha «In what I catch, in that I judge» in W. Shakespeare and early N. A. Nekrasov // Problemy istoricheskoj pojetiki. 2022. T. 20. № 1. S. 134–148.

14. Mencov F. N. [Izjashhnaja slovesnost'] = [Fine Literature] // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1840. № 3. Otd. VI. S. 118–124.

15. Mencov N. F. Obozrenie russkih gazet i zhurnalov za pervye tri mesjaca 1839 goda = A review of Russian newspapers and magazines over the first three months of 1839 // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1839. № 7. Otd. VI. S. 79–80.

16. Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 15 t. = Complete works and letters. In 15 vols. Leningrad : Nauka, 1981–2000.

17. Prep. Nikodim Svjatogorec. Nevidimaja bran' = Invisible swearing. Izdatel'stvo Pochaevskoj Lavry, 2013. 216 s.

18. Pestov N. E. Sovremennaja praktika pravoslavnogo blagochestija = The contemporary practice of Orthodox piety. V 2–h t. T. 1. Sankt-Peterburg, Satis, 2002. S. 398.

19. Pletnev P. A. Sochinenija i perepiska = Essays and correspondence. Sankt-Peterburg, 1885. T. II. S. 289.

20. Prozorov Ju. M. Klassika. Issledovanija i ocherki po istorii russkoj literatury i filologicheskoj nauki = Clas-

sics. Studies and essays on the history of Russian literature and philological science. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Pushkinskij Dom», 2013. S. 171.

21. Feofan Zatvornik. O razvitii greha i o sredstvah bor'by s nim = On the evolution of sin and the means to fight it // I duh prav obnovi vo utrobe moej. Sb. svjatootecheskih izrechenij i pouchenij. Ch. II. Svjato-Troickij Novo-Golutvin monastyr', 1992. S. 260–267.

22. [Shekspir V.] Gamlet princ datskij. Dramaticheskoe predstavlenie. Sochinenija Villiama Shekspira = Hamlet the Prince of Denmark. A dramatic performance. Works of William Shakespeare / per. s angl. Nikolaja Polevogo. Moskva : Tip. Avgusta Semena, pri Imp. Med.-hirurg. akad., 1837.

Статья поступила в редакцию 13.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 13.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication on 28.04.2022.

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-17-27
EDN: DNBSHY

Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в стихотворении «Я был только тем, чего» И. Бродского

Мария Анатольевна Бурая[1], Ольга Владимировна Богданова[2]✉
[1]Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет». 690922 Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, стр. 10
[2]Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ образовательного регионоведения ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена». 191186 Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
[1]m_buraya@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-2059-6345
[2]olgabogdanova03@mail.ru✉, http://orcid.org/0000-0001-6007-7657

Аннотация. Работа посвящена изучению стихотворения Иосифа Бродского «Я был только тем, чего» (1981), входящего в поэтический сборник «Новые стансы к Августе», составленный непосредственно самим автором в 1983 году.

В статье выдвигается гипотеза о функционировании в поэтическом творчестве И. Бродского особенного нетрадиционного сверхтекстового единства с лирическим метасюжетом инициации и познания посредством любви, творчества лирического персонажа в любви. В ходе анализа рассмотрены основные содержательно-поэтологические особенности избранного текста Бродского как потенциального смыслового центра выделяемого сверхтекстового единства, актуализированы связи выделенных на различных уровнях текста поэтических маркеров, установлены корреляции с другими лирическими произведениями поэта, входящими в потенциальное сверхтекстовое единство.

Показано, что, обращаясь к ведущей для Бродского теме человеческого осуществления и формирования творческих потенций индивида, поэт устойчиво синтезирует три ведущих «частных» текста собственного обширного метатекста: тексты рождественский, топосный (в данном случае итальянский) и любовный. Стихотворение «Я был только тем, чего» рассматривается как смысловой центр обозначенного сверхтекстового единства, в концентрированном виде воплощающий все основные признаки единства и целостности цикла. В работе исследуются содержательно-поэтологические особенности стихотворения: лирический сюжет и система субъектов, образно-мотивный и тематический строй, хронотопическое своеобразие, интертекстуальные уровни и аллюзийные пласты.

В ходе анализа демонстрируется, что перспектива выделения и моделирования сверхтекстового единства оказывается крайне плодотворной, позволяя реконструировать логику художественного мышления автора и воссоздать образ его мифопоэтической картины мира. Так, в стихотворении Бродского «Я был только тем, чего» интерференция претекстуальных пластов, «больших» и «малых», насыщает коннотативные слагаемые подтекста и фокусирует центральную мотивную линию сюжета – творения, дарующего лирическому герою способность обрести зрение, слух, голос, то есть говорить, а в потенциале и творить, в частности – быть поэтом.

Ключевые слова: И. Бродский; сверхтекстовое единство; циклизация; «частный» текст; смысловой центр; сюжет инициации

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01671; https://rscf.ru/project/22-28-01671/; Русская христианская гуманитарная академия

Для цитирования: Бурая М. А., Богданова О. В. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в стихотворении «Я был только тем, чего» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17–27. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-17-27. https://elibrary.ru/DNBSHY

© Бурая М. А., Богданова О. В., 2022

Original article

The supertextual unity of the christmas, italian and love pretexts in the poem «I was only what» by J. Brodsky

Maria A. Buraya[1], Olga V. Bogdanova[2]✉
[1]Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Far Eastern Federal University. 690922 Primorsky Krai, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10
[2]Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Research Institute of Educational Regional Studies of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 191186 St. Petersburg, Moika River Embankment, 48
[1]m_buraya@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-2059-6345
[2]olgabogdanova03@mail.ru✉, http://orcid.org/0000-0001-6007-7657

Abstract. The work is devoted to the study of Joseph Brodsky's poem «I was only what» (1981), part of the poetry collection «New stanzas to Augusta», compiled directly by the author himself in 1983.

The article puts forward a hypothesis about the functioning of J. Brodsky's special unconventional supertext unity with a lyrical meta-plot of initiation and cognition through love, the creative work of a lyrical hero in love. In the course of the analysis the authors consider the main content and poetic features of Brodsky's chosen text as a potential semantic center of the selected supertextual unity, actualize the connections of the poetic markers highlighted at different levels of the text, establish correlations with other lyrical works of the poet that are part of a potential supertextual unity.

It has been shown that in addressing his leading theme of human realization and the formation of the individual's creative potentials, Brodsky steadily synthesizes the three leading «private» texts of his own extensive metatext: Christmas, topos (in this case Italian), and love texts. The poem «I was only what» is considered as the semantic center of the designated supertext unity, embodying in a concentrated form all the main signs of the unity and integrity of the cycle. lyrical plot and the system of characters, imagery, motif and thematic structure, chronotopic originality, intertextual levels and allusive layers.

The analysis demonstrates that the perspective of singling out and modeling the supertextual unity is extremely fruitful, allowing us to reconstruct the logic of the writer's artistic mindset and recreate the image of his mythopoetic world picture. Thus, in Brodsky's poem «I was only what» the interference of the pretextual layers, «large» and «small», saturates the connotative components of the subtext and focuses the central motive line of the plot – the creation, that gives the lyrical hero the ability to gain sight, hearing, voice, that is, to speak, and potentially to create, in particular, to be a poet.

Key words: J. Brodsky; supertext unity; cyclization; «private» text; semantic center; initiation plot

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-01671; https://rscf.ru/project/22-28-01671/; Russian Christian Humanitarian Academy

For citation: Buraya M. A., Bogdanova O. V. The supertextual unity of the christmas, italian and love pretexts in the poem «I was only what» by J. Brodsky. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):17–27. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-17-27. https://elibrary.ru/DNBSHY

Введение

Постановка вопроса и выдвижение гипотезы. Поэтическое наследие Иосифа Бродского [Бродский, 1998–2001] остается предметом постоянного интереса исследователей, предлагая новые аспекты в признанных классическими областях изучения лирики [Ахапкин, 2017, 2018; Богданова, 2021; Богданова, Власова, 2021; Богомолов, 2004; Бурая, 2021; Волков, 2000; Лекманов, 2000; Ранчин, 2001; Чернявская, 2012; и др.]. К последним относится явление поэтической циклизации, значимое для развития русской литературы на протяжении XIX–XXI вв. [Тарановский, 2000; Шерр, 2002; Бурая, 2021; Ахапкин, 2017; Венцлова, 2002; Гудониене, 2000; Савченко, 1993; Паван, 2003; Ishov, 2017; и др.].

Тенденция к созданию сверхтекста проявилась в творчестве Бродского различно: обращение к жанру поэмы и большого стихотворения, формирование первичных и вторичных поэтических сборников, создание текстов в форме диптихов и др. Однако не исключается возможность рассмотрения творчества поэта и в рамках нетрадиционного сверхтекстового явления, свойственного как классической поэтической традиции, так и современной постмодернистской.

Цель статьи – актуализировать гипотезу о возможности формирования в поэтическом творчестве Бродского особенного феномена «нетрадиционного сверхтекстового единства» и исследовать его основные содержательно-поэтологические особенности на примере стихотворения «Я был только тем, чего», входящего в

сборник «Новые стансы к Августе» (1983), составленный самим поэтом [Бродский, 1998, с. 226].

Методы исследования. В работе исследуются основные содержательно-поэтологические особенности текста как потенциального смыслового центра выделяемого сверхтекстового единства, что предполагает прежде всего проведение комплексного филологического анализа стихотворения с точки зрения тематико-мотивного и образного единства, интерпретации хронотопического содержания, описания особенностей субъектной структуры, выделения ведущих интертекстов. Актуализация связи поэтических особенностей, выделенных на различных уровнях избранного текста, с другими произведениями Бродского, входящими в потенциальное сверхтекстовое единство, предполагает обращение к историко-типологическому сопоставлению.

История вопроса. В изучении сверхтекстовых образований в поэзии Бродского преобладают работы, посвященные традиционным формам циклизации, прежде всего – авторскому циклу и поэтическому сборнику, исследуемым в различных аспектах. Так, С. Бройтман в книге «Поэтика русской классической и неклассической лирики» [Бройтман, 2008] посвящает раздел «Авторская позиция в лирике И. Бродского (На материале книги „Часть речи”)» корректировке утвердившихся в науке взглядов об отстранённости субъекта речи поэта и представляет комплексную интерпретацию системы форм лирического высказывания. Е. Семёнова рассматривает сборник «Часть речи» с точки зрения жанрового своеобразия и актуализации поэтической традиции Серебряного века, используя понятие поэма-цикл [Семёнова, 2000]. Среди нетрадиционных сверхтекстовых образований в творчестве Бродского интерес литературоведов вызывают прежде всего топосные или тематические тексты: петербургский текст, античный текст, итальянский текст, рождественский текст (Ранчин, 2001; Богомолов, 2004; Гудониене, 2000; Шерр, 2002; Паван, 2003; Савченко, 1993; Венцлова, 2002; Богданова, 2021; Бурая, 2021; Ishov, 2017; и др.). Однако учёные рассматривают каждое из этих явлений имманентно, не ставя вопроса о возможности включения их в более широкий поэтический контекст.

Наиболее продуктивной идеей для исследования нетрадиционных циклических единств можно считать наблюдение, высказанное К. Тарановским, который предложил на основе повторяющихся в творчестве поэта тем и образов включать стихотворение «в более широкий контекст» [Тарановский, 2000, с. 18]. Учёный не оставил развёрнутого теоретического описания данного метода, но фактически применил его к интерпретации поэтического творчества О. Мандельштама (см. также: Бурая, 2019). Именно этот подход, на наш взгляд, следует считать перспективным для изучения нетрадиционных циклов поэтического наследия других поэтов, в том числе И. Бродского.

Основная часть

Нетрадиционное сверхтекстовое единство в творчестве Бродского. Для наследия Иосифа Бродского, тяготеющего к циклизации в различных её формах, крайне значимо то субстанциональное свойство художественного мира, которое циклизация воплощает на поэтологическом уровне, – стремление к особенной целостности. Восстановление разрушенного или недостижимого в реальности, но необходимого единства в потенциальном состоянии бытия становится одним из основных импульсов творческого акта. При этом формирующаяся целостность не требует обязательного эксплицитного выражения в традиционной циклической форме, последняя – частное по отношению к общему. Принципиально важным оказывается специфический ракурс перцепции, предполагающий активное участие читательского сознания в восстановлении данной целостности в акте чтения, который, таким образом, воспроизводит акт создания (творчества).

В творчестве Бродского циклообразующими единицами являются особые «частные» тексты, представляющие крупные составляющие части единого мифопоэтического пространства. К таким текстам могут быть отнесены топосные (*античный*, *петербургский* и *итальянский* тексты), *рождественский* и *любовный* текст. Соотношение этих текстов в пределах отдельного стихотворного произведения, традиционного цикла или сборника может быть различным, однако идея действия целостности как стимула к формированию сверхтекста предполагает акцентуацию именно вторичных образований, формируемых в рамках творческого со-действующего акта читателя и автора. В результате такого эстетического события должно возникнуть особое сверхтекстовое единство с рядом содержательно-поэтологических признаков, обеспечивающих динамическое равновесие целого и частей. К таким признакам можно отнести общий лирический метасюжет, систему лирических субъектов, хронотопическое свое-

образие, а также сквозной тематико-мотивный, образно-символический, интертекстуальный и мифопоэтический комплекс.

Потенциально в творчестве одного автора могут быть различные сверхтекстовые циклические образования, выстраиваемые в многообразные системы иерархических и равнозначных отношений. Однако можно говорить и о значимом доминировании отдельного сверхтекста по отношению к периферийным. К таковым относится и стихотворение Бродского «Я был только тем, чего» [Бродский, 1998, с. 226]. Лирический сюжет стихотворения воспроизводит основные этапы метасюжета сверхтекстового единства с главными событиями инициации-испытания, приобретения особенных знаний или умений, пересечением границы в пространстве и времени, в результате чего можно говорить о значимом преображении субъекта, осмысление которого происходит в процессе порождения текста (творческом акте). В свою очередь текст, чьё возникновение происходит синхронно процессу чтения-восприятия читателем, представляет динамический процесс воспоминания-воссоздания истории любви. Для «Я был только тем, чего» реализация этого сюжета оказывается возможной в результате объединения трёх основных текстов Бродского: *рождественского*, *итальянского* и *любовного*.

Композиция стихотворения «Я был только тем, чего». С композиционной точки зрения следует прежде всего выделить посвящение *М. Б.*, которое не просто определяет диалогичность как одну из смысловых и поэтологических доминант, но является связующим элементов трёх указанных текстов, а также направляет читательскую интенцию к актуализации не заданных эксплицитно смыслов. Так, непосредственно выраженным и обозначенным в данном стихотворении будет любовный текст, тогда как итальянский и рождественский, представленные в подтексте и в элементах поэтологического оформления, поддерживает предыдущий опыт чтения других стихотворений Бродского. Так, на уровне посвящения можно установить связь данного стихотворения с *рождественским* циклом, в котором представлен текст «25.XII.1993», также обращённый к М.Б. В свою очередь посвящение в «25.XII.1993» делает его частью не только рождественского текста поэта, но и *любовного*.

Сам факт посвящения позволяет определить связь уже выявленных текстов с ещё одним текстом – *итальянским*, который в стихотворении «Я был только тем, чего» функционирует в рамках минус-приёма эксплицитного выражения, однако определяет его содержательные и поэтологические особенности на различных уровнях. О присутствии итальянского текста прежде всего можно говорить на интертекстуальном уровне, где одно из центральных мест занимает имя Данте и его главного творения «Божественной комедии». История любви Данте к Беатриче оказывает влияние на множественные компоненты стихотворения Бродского, среди которых – развитие лирического сюжета, тематическое своеобразие, особенности субъектной структуры и композиция как наиболее значимая в ее тройственном делении.

При акцентированной анафоре и частичном синтаксическом параллелизме конструкций ясно выделяются три группы строф, соответствующие трём композиционным частям стихотворения и тройному же членению системы субъектов. Первая группа – это первая, вторая и седьмые строфы с преобладанием сферы лирического героя; вторая группа – третья и четвёртая строфы, означенные присутствием местоимения «ты» и рядом его активных действий по отношению к герою-объекту «я»; третья группа – шестая и седьмая строфы с отсутствием эксплицитно выраженных местоименных форм и символическим субъектом большого мира / миров. При таком троичном делении возникает вопрос о количестве строф: семь вместо канонических девяти. Однако число строф Бродского оказывается неслучайным с точки зрения символической семантики и парадигматических связей с произведением Данте. С точки зрения семантики числа можно говорить о значимом сопоставлении семёрки и девятки, что будет поддержано смысловым различием композиционно-архитектонической формы стихотворения Бродского как части ненаписанной «Божественной комедии», а потому невозможности воспроизвести её форму.

Не менее значима и архитектоника строф: три строфы первой части говорят о преобладании лирического героя в сюжетном движении, что объясняется характером основных лирических событий инициатической семантики, в которых он участвует. В то же время количественно число местоименных форм первого и второго лица – сфер лирического героя и его собеседника-возлюбленной уравнены: их двенадцать в сумме. При этом строфы, входящие в первую часть, своего рода сферу бытия лирического героя, вбирают в себя вторую часть – мир действия его возлюбленной «ты», а затем смыкаются с частью третьей, вводящей итоговое лирическое событие, –

творение миров. Более того, последний стих последней строфы, принадлежащей сфере лирического героя, за счет синтаксического параллелизма и анафоры может быть рассмотрен как пограничный, имеющий отношение к обеим частям одновременно. Тогда в пятой строфе происходит своеобразная встреча трёх выделенных сфер.

«Я был только тем, чего» как смысловой центр текстового единства. Первая строфа стихотворения открывает первый этап сюжета, с которого начинается абсолютное преобладание в хронотопе прошедшего времени со значением процессуальности и повторяемости. Стоит отметить, что темпоральные смысловые различия глагольных форм как поэтологическая особенность текста устанавливают имплицитную связь с «Божественной комедией» Данте, язык которой представляет эту градацию между простым прошедшим и прошедшим длительным. В первой строфе «Я был только тем, чего» Бродского акцентуацию получает глагол, вводящий состояние лирического героя: «был» [Бродский, 1998, с. 226]. В данном случае одновременно развиваются все семантические компоненты лексемы. Во-первых, сам факт наличия, присутствия, существования, который в абсолютном начале стихотворения еще не знает возможности бытования до данного момента, не связан со сферой прошлого героя, а сразу задан в прямой и даже жёсткой корреляции с бытием-действием героини. Расположение субъектных форм в архитектонике первой строфы обусловливается действием закона и тесноты стихового ряда, в результате чего «я» и «ты» занимаются параллельные позиции абсолютного начала первого и второго стихов, однако их различия выявляются в соотношении глагольных форм, им соответствующих. Так, состояние лирического героя не просто оказывается пассивным и лишенным активности, но сам факт его возможности полностью определяется активностью героини. С первых стихов первой строфы стихотворение намеренно строится как эротическое, а основное лирическое событие дублируется в мотиве сближения героев, в том числе физического. Встреча героев и их знакомство происходит в других частях свертекстового единства, между тем отсылки к этим предшествующим этапам легко восстанавливаются и возникают на протяжении всего стихотворения.

Второй стих первой строфы уже является ретроспекцией лирического героя, творящейся в слове в данный момент настоящего, которое актуализирует в акте чтения каждый воспринимающий. Попытка определения формы бытия лирического героя, которое и служит своего рода материалом для творения, и одновременно ограничивает его в этих пределах происходит в описательно-указательном перифразе «тем, чего» [Бродский, 1998, с. 226], который не получает в первой строфе дальнейшего уточнения. Указание без обозначения и без отнесённости к предмету или явлению может быть связано с мотивом творения из своего рода пустоты, возникновение из небытия.

Мотив творения, результатом которого становится обретение формы, вызывает ассоциации с многочисленными мифами, главный из которых для европейской культуры репрезентирован в истории Пигмалиона и Галатеи. Однако для стихотворения значим акцент трансформации мотива формы, который в мифе ассоциируется с идеально воплощённой материальной скульптурой, тогда как у Бродского это то неопределённое, на которое можно лишь указать при корреляции с созидательным жестом героини.

Мотив касания в контексте поэзии Бродского является одним из наиболее важных в ряду мотивов, обозначающих действия и движения. Немаловажной семой в значении мотива касания оказывается лёгкость, в сочетании с отнесённостью действия к ладони – потенциальная нежность, забота, порождённая стремлением уберечь. Невыраженный эксплицитно мотив отношения возлюбленной к лирическому герою реализуется в подтексте, творение сопровождается защитой и лаской. Однако образ ладони может быть значим и в ином отношении – в связи с системой параллелей между субъектами в развитии лирического события в последующих строфах. Творение ладонью в акте прикосновения-оформления потенциально соотносится со значимостью именно этой части человеческого тела для традиционного изображения пишущего человека, а жест письма как аналогичный прикосновению пера к бумаге.

Вторая часть первой строфы продолжает хронотопическое развитие основного события первой части стихотворения, вводя указание на уточнение времени в процессуальном прошлом и пространственное расположение субъектов. Идея вертикали, движения, охватывающего верх и низ, опоясывающего или вбирающего в себя в подтексте, могла уже возникать в связи с жестом касания-творения женскими руками (ладонями). Однако эксплицитно этот мотив пространства вводится в третьем стихе во втором повторе оборота «тем, чем» с акцентуацией мотива, разделяющего сферы верха и низа предлогом «над».

Помимо возникающего эротического подтекста физического сближения субъектов значимым оказывается мотив разделения пространства на две области, в которой низ принадлежит герою, находящемуся в процессе становления, а верх – творящей героине. Такая атрибуция пространственных сфер представляется оправданной в контексте мифопоэтического сюжета творения, где героиня относится к сфере сакрального верха (неба, вечности), а ее перемещение в пространстве сверху вниз соотносится с мотивом нисхождения, одаривания низа (земли) своими благами.

С *рождественским* текстом стихотворение сближает углубление темпорального развития первой части стихотворения – указание на ночь с двумя характерными эпитетами в составе анжамбемана («в глухую, воронью / ночь» [Бродский, 1998, с. 226]. Ночь сохраняет традиционные амбивалентные значения: с одной стороны, это время действия нечистых сил, связанное с опасностью и отсутствием света, остановкой привычной жизни, с другой – это время ожидания, одиночества, время интимное и сокровенное, магически или волшебно маркированное.

Ночь как время действия лирического сюжета связана с художественным миром «Божественной комедии» Данте. Известно, что путешествие Данте начинается в шесть часов вечера Страстной пятницы и завершается в шесть часов вечера Страстной субботы. При этом особое темпоральное развитие предполагает именно Ад как тотальное преобладание ночи в противопоставлении Раю как царству дня и различное соотношение частей суток в Чистилище. В лирическом сюжете «Я был только тем, чего» первая строфа, открывающая первую из трёх композиционных частей, – это царство ночи, соответствующее первому этапу путешествия Данте. Соответственным оказывается и выбор двух эпитетов у Бродского для характеристики этого времени-состояния («глухая» и «воронья»). Однако в отличие от средневековой культуры эмблематика Бродского не аллегорична, а акцентированно символична: ворон в ряде национальных традиций обретает качества и функции культурного героя, способного добыть важные знания и ценности или выступает в качестве творящего мир демиурга. Последнее соотносится с главным лирическим событием всей первой части, в границах которой происходит создание-становления лирического героя.

Вторая строфа продолжает обозначенное содержательно-поэтологическое своеобразие первой, однако с рядом значимых новых мотивов. Так, первый стих второй строфы, вводя аналогичную первому стиху первой строфы конструкцию «тем, что», представляет иной, ослабленный анжамбеман, который уже не разделяет субъектов, теперь герои занимают пространство одного стиха. При этом действие героини второй строфы уже не физически-активное, а интеллектуально-духовное: различать, то есть узнавать что-то, выделять среди другого.

Начальная стадия трансформации героя – появление смутного облика – представлена как акцентированно длящийся во времени процесс. На данном этапе развития сюжета лирический герой становится произведением (творением) героини, который не сразу обретает свою завершённую и воплощённую форму. В суточном хронотопе стихотворения возможность перехода в восприятии от смутного облика к видимым чертам может предполагать смену глухой вороньей ночи наступающим рассветом, что соответствует динамике путешествия героя Данте в «Божественной комедии».

В первом стихе третьей строфы возникает мотив нового восприятия – тактильного, чувственного, *любовного.* Здесь эпитет *горячий* как признак является одним из наиболее ожидаемых и объяснимых в логике развития эротического сюжета. Однако семантика мотива *горячего* в контексте сверхтекстового единства принципиально амбивалентна. Горячий может быть высшей степенью теплоты, активного и созидательного присутствия жизни, интимной близости и любовного чувства, но может быть и уничтожающим жаром, сжигающей до тла страстью, симптомом болезни и т.п. Хотя в данном случае можно предположить, что касание горячей ладонью возлюбленной лирического героя наделяет его её же способностью-признаком, когда можно говорить о своего рода оживлении, сопровождающемся обретением формы (части тела, ушной раковины).

Актуализация творения ушной раковины как парного органа оказывается значимой. С одной стороны, жест творения ушных раковин героя предполагает близкий интимный контакт, связывающий субъектов в ограниченном пространстве. С другой – идея охвата пространства жестом героини и слева, и справа задает имплицитный мотив всеохватности, расширения пространства, его целостности в единстве разных частей. Здесь уместно вспомнить о мифологической семантике: левое воспринимается как имеющее отношение к инфернальному, тогда как правое – к божественному. Обе сферы тем не менее подвластны лирической героине, которая наделяет этой силой и

героя.

Образ ушной раковины как первое *материализованное воплощение* лирического героя становится особенно важным в развитии сюжета. Возникает оппозиция звука, звучания, слуха их отсутствию, связанного с мотивом глухоты из первой строфы. То есть образ ушной раковины актуализирует два мотива – слуха и формы (ушной раковины), причём второй – не менее значим. До сих пор действия героини не имели предметно обозначенного результата, являясь перифрастическими и абстрактными. Первое же творение оказывается дуальным (две ушные раковины), что мотивировано и женским началом его создателя, и его сущностью. Раковина на мифопоэтическом уровне связывается с целым рядом образно-мотивных комплексов стихотворения и актуализированных в нём *частных* текстов. Так, любовный сюжет помимо очевидного участия во взаимодействии героя и героини (она творит непосредственно его) задаётся ещё и имплицитным контекстом мифа об Афродите, чьи изображения вызывают в памяти читателя контекст итальянской культуры, оставившей самые знаменитые изобразительные воплощения любовного мифа (Боттичелли, Тициан, Тьеполо и др.).

Морская раковина необходимо вызывает и ассоциативную связь с водой, водной стихией (морем). Последний комплекс значений связывается с библейским персонажем, чьим атрибутом выступает раковина, – Иоанном Крестителем. Раковина в символическом смысле оказывается аналогична рыбе и обозначает крещение, а оно в свою очередь предполагает идею перерождения, очищения от греха, начала новой жизни. При этом не менее важно для контекста стихотворения и понимание раковины как символа эротического, чья дуальность в строении непосредственно связывалась с интимным сближением.

Творение ушной раковины сопровождается мотивом звука – точнее шёпота. В рамках мифологической и христианской традиции акт создания, воплощения необходимо требует не только жеста-касания, но и называния словом. Интимный сюжет личной близости вновь осмысляется как сюжет сакральный: очевидно, что божественный статус героини здесь находит свое подтверждение. Шёпот как действующая сила героини, осуществляющая творения ушных раковин лирического героя, напоминает мифологический, *архаический* по происхождению мотив передачи силы, требующий непосредственного взаимодействия субъектов. Шёпот предсказывает и появление голоса у героя в следующей строфе.

Дальнейшее значимое событие в лирическом сюжете – это действие лирической героини в четвёртой строфе, представленное в первых двух стихах. Акцентированная анафора устанавливает связь с третьей строфой, однако далее поэтическая интонация прерывается маркированным анжамбеманом действия и объекта, на который оно направлено (здесь – штора). Это первый неодушевленный конкретно-материальный предмет в окружающем пространстве: из описанного в метафизических категориях первых строф оно становится воплощённым и связывается с противопоставлением мотивов внутреннего пространства – внешнему. Образ штор предполагает пространство дома, суженного до комнаты, в контексте эротического сюжета – вероятно, спальни. Важно участие образа шторы и действия, с ней производимого, в ближайшем текстовом окружении, которое представляет главное событие строфы: ещё один дар возлюбленной герою – обретение голоса. Голос – это и способ выражения метафизического для поэта языка, обретения им формы в звуке, и непосредственная манифестация жизни.

У голоса как передаваемого дара есть и его пространственное определение: «сырая полость рта» [Бродский, 1998, с. 226]. Мотив сырости, с одной стороны, связывается с комплексом значений недостаточной готовности, неполной стадии обработки, недоделанности и т.п., с другой, – со значениями влажности, противопоставления сухости. Как определяющий признак *сырой* в творчестве Бродского может быть отнесён к самым разным реалиям, как субъектным, так и объектным. В контексте стихотворения «Я был только тем, чего» эпитет *сырой* по отношению к полости рта не является столь избыточным и очевидным в виду его противопоставленности состоянию сухости, отсутствия влаги во рту. Сырость полости рта в сюжете любовном и эротическом может объясняться особенным эмоциональным состоянием лирического героя, соотносясь с мотивом *горячего* как характеристики его возлюбленной в предшествующей строфе. Очевидна актуализация мифологической семантики, мотивированной космогоническим сюжетом, когда творение предполагает появление воды, заполнение пустого пространства жидкостью, в ряде случаев преобладание воды – это исходное состояние, необходимое для последующих созидающих актов творения. Образ-мотив полости рта, имеющий, как и ушная раковина, терминологическую точность как анатомическое определе-

ние, связывается с амбивалентным кругом значений. Полость – это и пространство в организме для различных органов, смежное внутренними поверхностями, предполагающее идею заполненности, и одновременно это подчёркнуто пустое пространство, способное потенциально быть хранилищем чего-либо, однако связанное ассоциативно с идеей пустоты, отсутствия.

Очевидно, что символически в этой части стихотворения представлена кульминация эротического сближения героев, одновременно – и центральная часть сюжета творения, дарующего лирическому герою способность говорить (в потенциале – и творить, в частности – быть поэтом, свидетельством чего и является *творение* им данного стихотворения). Однако первым актом и функцией этого дара становится возможность коммуникации, адресатом которой выступает возлюбленная: «*окликавшая* тебя» [Бродский, 1998, с. 226]. Выбор именно данной лексемы обусловлен актуализацией ряда мотивов, прежде всего, мотивом, отсутствующим у синонимичных вариантов, – позвать по имени. Минус-приём, связанный с отсутствием имени героини, при подразумеваемом его использовании с обретением голоса лирическим героем, можно рассмотреть как апофатический мотив. Появление последнего логично вытекает из общей концепции сакрального статуса возлюбленной, её высших сверхъестественных функций и проявлений.

Результатом открывшейся у лирического героя способности к активной деятельности в стихотворении оказывается возможность самостоятельного участия в общении с героиней, своего рода приближение к ней, реальное или потенциальное, что засвидетельствовано первым и единственным появлением объектной формы местоимения, обозначающего героиню. Данная форма неслучайно появляется в связи с возможностью владения голосом и словом, с ней аллюзийно связывается сакральный жанр молений в различных религиозных традициях. Так, христианская культура прежде всего воплощает подобное в Псалтыри, которая и является собранием таких гимнов (молитв, восхвалений) с множественными обращениями. Этим и завершается вторая часть, посвящённая сфере героини-возлюбленной, и открывается финальная часть, включающая в себя и сферу лирического героя, и мировую сферу.

Три первых стиха пятой строфы – продолжение уже привычного сюжета творения первой и второй строфы, однако первый стих пятой строфы отличается от соответствующих в начальных строфах стихотворения. Так, в композиции первых двух стихов отсутствует анжамбеман при маркированном совпадении границ первого стиха и синтаксического предложения, завершающегося точкой. До сих пор в текстовом развитии стихотворения не было другого такого случая совпадения границ стиха и предложения, тогда как позже такое совпадение будет использоваться еще дважды: в последнем стихе пятой строфы и в первом стихе шестой, то есть всего три раза. Взятые вместе они образуют что-то вроде своеобразной градации: «я был попросту слеп» – «так оставляют след» – «так творятся миры» [Бродский, 1998, с. 226].

В пятой строфе происходит завершение сюжета творения-создания лирического героя, причём в контексте стихотворения впервые появляется эксплицитно выраженный мотив дара. Предваряет это первый из трёх стихов, своего рода констатация лирическим героем своего состояния, предшествующего воздействию на него возлюбленной. В данном случае описание бытийного статуса-состояния героя не сопровождается усилением ограничительной частицей, но появляется словоформа «попросту», маркированная как разговорная, отличаясь от нейтральных «только» и «лишь» стилистической коннотацией и дополнительным семантическим комплексом. В своём прямом и основном значении «попросту» означает буквально, элементарно, бесхитростно [Кузнецов, 1998, с. 923]. В таком случае состояние лирического героя до встречи с возлюбленной можно обозначить очень «просто», не нуждаясь в более сложных и более образных выражениях: его статус в прошлом – слеп, глух, пуст. Однако одновременно возникает и мотив простоты, который диктует употребление частицы «просто» и её производных как обозначение представлений о максимально ясной, однозначной и не нуждающейся в дополнениях или вариантах идеи, состояния, действия. Так, известно, что в русской традиционной культуре соединяется осознание простоты как особого состояния чистоты и первозданности. Но одновременно и потенциальной глупости, излишней наивности, которая может помешать или навредить. Для лирического героя Бродского оба эти значения соединяются. Его характеризует и простота как неосведомлённость, невежественность и ограниченность (слепота) до встречи с героиней, и простота как особая мудрость, открывшая ему видение и ясное понимание «простых» истин после встречи.

Мотив слепоты как отсутствия зрения связан и

с мотивом света, причём эта связь задаётся уже на лексическом уровне в производном мотиве ослепительного – высшего проявления – света, способного лишить зрения. Мотивы темноты-света, возникающие с первой строфы, и мотив глухой ночи обретают особенную важность в связи с появлением у героя зрячести. Подобное семантическое соотношение характерно для дантевой «Божественной комедии», где мотивы ночи-дня, тьмы-света играют ключевую роль в ходе путешествия героя. Как известно, свет как метонимическое обозначение Солнца есть след-проявление Божественного присутствия. С учетом сакрализованного статуса возлюбленной дарование именно ею зрения лирическому герою оказывается логически мотивированным.

Третий дар в стихотворении «Я был только тем, чего», связанный со сферой органов чувств лирического героя, трансформирует его, подобно Данту, чей путь от тьмы к свету во многом был ориентирован на сюжет о призвании Павла (Савла). С одной стороны, именно в пятой строфе, после своего рода завершения сюжета творения возлюбленной герои уравниваются в статусе, становятся своего рода полноценными и равнозначными друг другу. В текстовом отношении это засвидетельствовано в стиховой архитектонике строфы, где оба субъекта занимаются одинаковые позиции абсолютного начала, как это было в первой строфе, однако теперь отсутствует их взаимозависимость, предполагающая анжамбеман, графически они уравнены: Я – Ты. В пятой строфе впервые форма обращения героя к возлюбленной представлена в оформлении заглавной буквой, при ранее строчных у героини и прописных у Я-субъекта. Становление героя дает ему возможность увидеть возлюбленную адекватно и осознать не только себя, но и её как субъект, другое-Я.

Если рассматривать главное лирическое событие пятой строфы как обретение зрения и видения лирическим героем возлюбленной, то понятным становится ряд мотивов, характеризующий образ её действия: «возникая, прячась» [Бродский, 1998, с. 226]. Здесь можно говорить о своеобразной эпифании (явлении), которая не сразу открывается созерцающему. Для лирического героя завершением этого процесса оказывается обретение зрения, однако именно с обретением этого дара происходит исчезновение возлюбленной из текста. Сам факт её полноценного явления можно предположить только как потенциальный, так как он в сущности не получает эксплицитного выражения.

Двадцатый стих в композиции стихотворения оказывается сознательно актуализирован двойными смысловыми и логическими отношениями: как итог сюжета творения возлюбленной героя и как начало сюжета космогонии. Возможность для такого соположения масштабов имеет самые разные мотивации: это и концепция тождества микро- и макрокосмоса с представлением о человеке как модели мира, и идея любви как движущей силы, и становление человека творящего, способного направить свои дары на создание миров, прежде всего словесных.

Четырёхчастная схема финальной части стихотворения задается в рамках развёрнутого сравнения первыми двумя частями с сюжетом творения и соответствует основным этапам мифологической сюжетной схемы в её вегетативном варианте (в виду осуществляемого процесса создания лирического героя). Все этапы вместе и есть инициация, которую проходит лирическое «я» при деятельной помощи-соучастии возлюбленной, берущей на себя функции и значение Божества. Так, первому и второму этапу (исчезновение и страдание) у Бродского соответствует слепота, отсутствие формы, возможности перцепции. Там лирический герой ассоциировался с позицией пространственного низа и глухой ночи, что находит параллель с уходом мифологического героя под землю. Третья, центральная стадия, – поиски – в данном случае осуществляется не самим лирическим героем, а его возлюбленной, которая в творении реализует обретение героем самого себя.

Творение связывается Бродским с мотивом полноты и неизбывности, гармонии как динамического баланса всех возможных проявлений, что вызывает перечислительный ряд, вводящий череду стихий-состояний (жар – холод – темень – свет) и наиболее совершенную форму для мировой культуры – шар. Интересно, что дважды в финальной части возникает имплицитный мотив одиночества: «оставляют вращаться», «в мирозданьи потерян» [Бродский, 1998, с. 226]. Однако теперь можно говорить о трансформации этого значимого для поэтического контекста Бродского мотива в иной, лишённый отрицательных коннотаций, связанный с самодостаточностью созданного объекта и его возможности к полноценному автономному существованию. Идея круга, дважды заданная в мотивах вращения и шара, предполагает аллюзию на теорию небесных сфер, связанных в пифагорействе с музыкой. Лирика как изначальное пение усиливает эту аналогию между

творением мира и поэтического текста, вплоть до их абсолютного совпадения: мир как текст (возможен и обратный смысловой ход).

Заключение

Таким образом, перспектива выделения и моделирования сверхтекстового единства оказывается крайне плодотворной, позволяя реконструировать логику художественного мышления автора и воссоздания его мифопоэтической картины мира. Стихотворение, признанное смысловым центром такого единства, помогает читателю реконструировать предполагаемую модель целого лирического сюжета, отдельное произведение выступает метонимической репрезентацией целого, направляя перцепцию других текстов автора. Как было показано в работе, смысловым центром для подобного сверхтекстового единства (текстов рождественского, итальянского, любовного) с сюжетом инициации героя в любви и творчестве становится стихотворение «Я был только тем, чего». Моделью «большого» текста, на который ориентируется Бродский, оказывается «Божественная комедия» Данте, преобладающая в интертексте и определяющая своеобразие стихотворения на всех уровнях художественного целого.

Библиографический список

1. Ахапкин Д. «Источники света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.

2. Ахапкин Д. Цикл Иосифа Бродского «В Англии»: подтекст, многозначность, канон // Australian Slavonic and East European Studies. 2017. Vol. 31. № 1–2. P. 167–195.

3. Богданова О. В. «Петербургский текст» Бродского-эссеиста // Профессия: литератор. Год рождения: 1940. Коллективная монография. Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2021. 221 с. С. 50–58.

4. Богданова О. В., Власова Е. А. «Иногда чувствую себя Шекспиром…» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129–148.

5. Богомолов Н. О двух «рождественских стихотворениях» И. Бродского // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. Москва : НЛО, 2004. С. 478–485.

6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1536 с.

7. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998–2001.

8. Бродский И. «Я был только тем, чего» // Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. III. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. С. 226.

9. Бройтман С. Поэтика русской классической и неклассической лирики. Москва : РГГУ, 2008. 488 с.

10. Бурая М. Развитие темы природы в сверхтекстовом единстве о познании О. Э. Мандельштама // Азиатско-тихоокеанские исследования: социум, культура, политика: сб. материалов / под. ред. А. Л. Лукина. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2019. С. 225–229/

11. Бурая М. Стихотворение «Presepio» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta eruditorum. 2021. Вып. 37. С. 6–16.

12. Венцлова Т. «Кенигсбергский текст» русской литературы и кенигсбергские стихи Иосифа Бродского // Как работает стихотворение Бродского: сб. статей / ред.-сост. Л. Лосев, В. Полухина. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. С. 43–63.

13. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. Москва : Независимая газета, 2000. 325 с.

14. Гудониене В. «Рождественская звезда» в контексте евангельских стихов И. Бродского // Славянские чтения. Даугавпилс, 2000. № 1. С. 195–201.

15. Данте А. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. Москва : Наука, 1967. 655 с.

16. Лекманов О. «Рождественская звезда»: текст и подтекст // Новое литературное обозрение. 2000. № 5. С. 162–165.

17. Паван С. Посещения. Иосиф Бродский во Флоренции // Firenze e San Pietroburgo: Due culture si confrontano e dialogano tra loro: Atti del Convegno (Firenze, 18–19 giugno 2003). Firenze, 2003. P. 159–185.

18. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 462 с.

19. Савченко Т. Субъектная структура рождественских стихотворений Иосифа Бродского // Проблемы поэтики и стиховедения: сб. / отв. ред. Х. А. Адибаев. Алма-Аты : КазПИ, 1993. С. 67–69.

20. Семенова Е. Поэма-цикл в творчестве Иосифа Бродского: Традиции А. Блока, М. Цветаевой, А. Ахматовой в поэме И. Бродского «Часть речи» / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. Москва, 2000. 19 с.

21. Тарановский К. О поэзии и поэтике. Москва : Языки русской культуры, 2000. 432 с.

22. Чернявская Д. С. А. С. Пушкин и И. Бродский как проблема современной литературной герменевтики // Автор – твір – читач: зб. наук. праць / ред. кол. Є. М. Черноіваненко, Н. М. Шляхова, М. В. Пащенко. Одеса : Астропринт, 2012. С. 135–145.

23. Шерр Б. Строфика Бродского: новый взгляд // Как работает стихотворение Бродского: сб. статей / ред.-сост. Л. Лосев, В. Полухина. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. С. 269–299.

24. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. P. 121–163.

Reference list

1. Ahapkin D. «Istochniki sveta» Iosifa Brodskogo = Joseph Brodsky's Sources of Light // Zvezda. 2018. № 5. S. 37–56.

2. Ahapkin D. Cikl Iosifa Brodskogo «V Anglii»: podtekst, mnogoznachnost', kanon = Joseph Brodsky's cycle «In England»: subtext, polysemy, canon // Australian

Slavonic and East European Studies. 2017. Vol. 31. № 1–2. P. 167–195.

3. Bogdanova O. V. «Peterburgskij tekst» Brodskogo-jesseista = «Petersburg text» by Brodsky the essayist // Professija: literator. God rozhdenija: 1940. Kollektivnaja monografija. Elec : Eleckij gos. un-t im. I. A. Bunina, 2021. 221 s. S. 50–58.

4. Bogdanova O. V., Vlasova E. A. «Inogda chuvstvuju sebja Shekspirom…» (intertekstual'nye plasty «Piligrimov» I. Brodskogo) = «Sometimes I feel myself Shakespeare...» (intertextual layers of Brodsky's Pilgrims) // Nauchnyj dialog. 2021. № 8. S. 129–148.

5. Bogomolov N. O dvuh «rozhdestvenskih stihotvorenijah» I. Brodskogo = On the two «Christmas poems» by Brodsky // Bogomolov N. Ot Pushkina do Kibirova. Stat'i o russkoj pojezii. Moskva : NLO, 2004. S. 478–485.

6. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = The big explanatory dictionary of the Russian language / gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg : Norint, 1998. 1536 s.

7. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. = Joseph Brodsky's works in 7 vols. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 1998–2001.

8. Brodskij I. «Ja byl tol'ko tem, chego» = «I was only what» // Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. III. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 1998. S. 226.

9. Brojtman S. Pojetika russkoj klassicheskoj i neklassicheskoj liriki.= Poetics of Russian classical and non-classical lyrics. Moskva : RGGU, 2008. 488 s.

10. Buraja M. Razvitie temy prirody v sverhtekstovom edinstve o poznanii O. Je. Mandel'shtama = Developing the theme of nature in the supertextual unity of O. E. Mandelstam's cognition // Aziatsko-tihookeanskie issledovanija: socium, kul'tura, politika: sb. materialov / pod. red. A. L. Lukina. Vladivostok : Izd-vo DVFU, 2019. S. 225–229/

11. Buraja M. Stihotvorenie «Presepio» v kontekste rozhdestvenskogo cikla I. Brodskogo = The poem «Presepio» in the context of Brodsky's Christmas cycle // Acta eruditorum. 2021. Vyp. 37. S. 6–16.

12. Venclova T. «Kenigsbergskij tekst» russkoj literatury i kenigsbergskie stihi Iosifa Brodskogo // Kak rabotaet stihotvorenie Brodskogo: sb. statej / red.-sost. L. Losev, V. Poluhina. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. S. 43–63.

13. Volkov S. Dialogi s Iosifom Brodskim.= Dialogues with Joseph Brodsky. Moskva : Nezavisimaja gazeta, 2000. 325 s.

14. Gudoniene V. «Rozhdestvenskaja zvezda» v kontekste evangel'skih stihov I. Brodskogo = «The Christmas Star» in the context of J. Brodsky's gospel poems // Slavjanskie chtenija. Daugavpils, 2000. № 1. S. 195–201.

15. Dante A. Bozhestvennaja komedija = The Divine Comedy / per. M. Lozinskogo. Moskva : Nauka, 1967. 655 s.

16. Lekmanov O. «Rozhdestvenskaja zvezda»: tekst i podtekst = «The Christmas Star»: text and subtext // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 5. S. 162–165.

17. Pavan S. Poseshhenija. Iosif Brodskij vo Florencii = Visits. Joseph Brodsky in Florence // Firenze e San Pietroburgo: Due culture si confrontano e dialogano tra loro: Atti del Convegno (Firenze, 18–19 giugno 2003). Firenze, 2003. P. 159–185.

18. Ranchin A. «Na piru Mnemoziny»: interteksty Brodskogo = At the Feast of Mnemosyne: Brodsky's intertexts. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 462 s.

19. Savchenko T. Sub#ektnaja struktura rozhdestvenskih stihotvorenij Iosifa Brodskogo = The subject structure of Joseph Brodsky's Christmas poems // Problemy pojetiki i stihovedenija: sb. / otv. red. H. A. Adibaev. Alma-Aty : KazPI, 1993. S. 67–69.

20. Semenova E. Pojema-cikl v tvorchestve Iosifa Brodskogo: Tradicii A. Bloka, M. Cvetaevoj, A. Ahmatovoj v pojeme I. Brodskogo «Chast' rechi» = Poem-cycle in Joseph Brodsky's work: Traditions of A. Block, M. Tsvetayeva, A. Akhmatova in I. Brodsky's poem «Part of Speech» / IMLI im. A. M. Gor'kogo RAN. Moskva, 2000. 19 s.

21. Taranovskij K. O pojezii i pojetike = On poetry and poetics. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 432 s.

22. Chernjavskaja D. S. A. S. Pushkin i I. Brodskij kak problema sovremennoj literaturnoj germenevtiki = A. S. Pushkin and J. Brodsky as a problem of modern literary hermeneutics // Avtor – tvir – chitach: zb. nauk. prac' / red. kol. Є. M. Chernoivanenko, N. M. Shljahova, M. V. Pashhenko. Odesa : Astroprint, 2012. S. 135–145.

23. Sherr B. Strofika Brodskogo: novyj vzgljad = Brodsky's stanzaic prosody: a new outlook // Kak rabotaet stihotvorenie Brodskogo: sb. statej / red.-sost. L. Losev, V. Poluhina. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. S. 269–299.

24. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. P. 121–163.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 24.03.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 14.03.2022; approved after reviewing 24.03.2022; accepted for publication on 28.04.2022.

Научная статья
УДК 82-6
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-28-38
EDN: EFZZMJ

Формы выражения исповеди-проповеди в письмах В. Г. Белинского к М. А. Бакунину 1837 г.

Марина Дмитриевна Кузьмина
Кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна». Россия, 191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18; д. 48
mdkuzmina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1293-800X

Аннотация. В 1837 г. началась переписка В. Г. Белинского с М. А. Бакуниным, продолжавшаяся около трех лет. Столько же продолжались их сложные отношения «дружбы-вражды», отразившиеся в эпистолярном общении. В традициях эпохи они писали друг другу исповедальные письма. По словам Белинского, полная откровенность – первое условие дружбы и дружеской переписки. В исповедальных признаниях молодой критик и его корреспондент доходили до самобичевания, открывая друг другу, как духовный сын духовному отцу, свои грехи. В роли первого по большей части выступал Белинский, Бакунин же удерживал за собой роль второго. Такой характер исповедального диалога был не в последнюю очередь обусловлен их увлечением немецкой идеалистической философией и под ее влиянием – стремлением к искоренению пороков и самосовершенствованию. Одновременно оба участника переписки и проповедовали друг другу. Чаще это делал Бакунин. Но по мере развертывания эпистолярного общения Белинский все чаще актуализировал интенции проповеди, в которой излагал свои воззрения и старался наставить адресата на правильный образ мыслей. Некоторые письма он весьма точно – и по объему, и по содержанию – назвал «диссертациями». Большая часть его писем 1837 г. несет в себе элементы проповеди-«диссертации». Оба жанра — исповедь и проповедь-«диссертация» – сохраняли актуальность в переписке «друзей-врагов», подпитываемые установкой на искренность эпистолярного общения. Оба жанра по-своему «поддерживались» и «продолжались» целым рядом «смежных», в роли каковых выступали прежде всего дневник, автобиография, биография и литературный портрет.

Ключевые слова: В. Г. Белинский; М. А. Бакунин; переписка; эпистолярный жанр; исповедь; проповедь; дневник; автобиография; биография; литературный портрет

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Формы выражения исповеди-проповеди в письмах В. Г. Белинского к М. А. Бакунину 1837 г. // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 28–38. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-28-38. https://elibrary.ru/EFZZMJ

Original article

Genre forms of expressing confession-preaching in letters from V. G. Belinsky to M. A. Bakunin 1837

Marina D. Kuzmina
Candidate of philological sciences, associate professor, the department of book publishing and book trade, Higher school of printing and media technologies of Saint-Petersburg state university of industrial technology and design. Russia, 191186, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya st., 18, 48.
mdkuzmina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1293-800X

Abstract. In 1837, V. G. Belinsky began correspondence with M. A. Bakunin, which lasted for about three years. Their complicated «friendly-hostile» relationship, reflected in their epistolary communication, lasted just as long. In the traditions of the time, they wrote confessional letters to each other. According to Belinsky, complete frankness is the first requirement for friendship and friendly correspondence. In their confessional letters, the young critic and his correspondent went as far as self-deprecation, revealing their sins to each other as a spiritual son to a spiritual father. For the most part, Belinsky was in the role of the former, while Bakunin played the role of the latter. This nature of their confessional dialogue was not in the least caused by their fascination with German idealist philosophy and, under its influence, with their desire for the eradication of vices and for self-improvement. At the same time both participants in the correspondence were preaching to each other. It was Bakunin who did this more often. But as their epistolary communication

© Кузьмина М. Д., 2022

unfolded, Belinsky also increasingly activated his preaching intentions, where he stated his views and tried to instruct the addressee in the right way of thinking and acting. He very accurately called some of his letters «dissertations», in terms of volume and content. Most of his letters of 1837 contain at least some elements of a «dissertation» sermon. Both genres – confession and preaching «dissertation» – remained relevant in the correspondence of «friends-foes», fueled by the spirit of sincerity in epistolary communication. Both genres were «supported» and «continued» in their own way by a number of «related» genres, primarily the diary, autobiography, biography and literary portrait. The first two, referred to as «ego texts», are centered on the personality of the writer. They complement each other: if the expansion of reflection is presented in the diary, then the narrative plays a decisive role in the autobiography.

Key words: V. G. Belinsky; M. A. Bakunin; correspondence; epistolary genre; confession; preaching; a diary; autobiography; biography; literary portrait

For citation: Kuzmina M. D. Genre forms of expressing confession-preaching in letters from V. G. Belinsky to M. A. Bakunin 1837. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):28–38. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-28-38. https://elibrary.ru/EFZZMJ

Введение

Основным корреспондентом, другом и одновременно «врагом» В. Г. Белинского в 1837–1839 гг. был М. А. Бакунин. Посвятившая их взаимоотношениям специальное исследование В. Г. Березина очень точно охарактеризовала эти взаимоотношения словами «дружба-вражда» [Березина, 1952, с. 44]. Именно так – амбивалентно – видел свои отношения с Бакуниным и сам Белинский: «*Три* года был я *дружен* (здесь и далее курсив авторов цитируемых сочинений. – *М. К.*) с Бакуниным, <…> сходился, расходился с ним. <…> я согрешил в лице М. А. Бакунина, называя насильственную связь дружбою» [Белинский, 1956, с. 354–355].

В первый год эпистолярного общения, 1837, с июня по ноябрь, у Белинского с Бакуниным продолжалась, по характеристике Белинского, «нравственной переписка» [Белинский, 1956, с. 335], включавшая в себя «спор об *аккуратности* и *гривенниках*» [Белинский, 1956, с. 192]. Поводом для него послужил вопрос о действительности, решавшийся друзьями по-разному. В то время как Бакунин стоял на позиции крайнего фихтеанства и развивал концепцию субъективного идеализма, утверждая апофеоз внутренней идеальной жизни, независимой от внешней, – Белинский переживал период безденежья, был вынужден решать множество проблем и опытным путем пришел к убеждению, что внутренняя жизнь связана с внешней и что эта связь естественна. Доверительно-исповедальный эпистолярный диалог двух друзей с этого момента включает в себя все более ярко выраженные элементы полемики, проповеди-«диссертации». Последний термин принадлежит самому Белинскому, назвавшему так некоторые свои письма к Бакунину (ср.: «Я остаюсь при моих убеждениях, выраженных мною в моих *трех длинных диссертациях о действительности*…» [Белинский, 1956, с. 308]). Он весьма удачен – действительно, это объемные письма, нацеленные на аргументированное изложение системы взглядов. Элементы исповеди, как и проповеди-«диссертации», актуализированы в большинстве писем «друзей-врагов», и эти два ведущих жанра их переписки «поддерживаются», «продолжаются» еще целым рядом жанров, выступающих в роли «смежных».

Жанры дневника и автобиографии

Прежде всего в роли «смежных» выступают жанры дневника и автобиографии. На их актуализацию в эпистолярии Белинского указала Е. Ю. Тихонова. По ее наблюдению, письма молодого критика представляют собой «уникальную эпистолярную эпопею» [Тихонова, 2006, с. 35], включающую в себя, с одной стороны, «уникальное автобиографическое повествование» [Тихонова, 2003, с. 227], а с другой – не менее уникальный дневник: «Переписка Белинского, сохранись она полностью, представляла бы собой подробный дневник его жизни и внутреннего развития. Вести дневник для самого себя он счел бы бессмысленным, мало нуждаясь во внутреннем подведении итогов…» [Тихонова, 2006, с. 116]. Это, бесспорно, так. Нужно говорить о своеобразном эпистолярном дневнике и своеобразной эпистолярной автобиографии Белинского. Оба жанра вырастают из исповедально-проповеднической установки автора писем на искренность.

К жанру дневника с полным основанием можно отнести ту характеристику, которую М. С. Уваров в свое время дал исповеди, – «самоотчет души» [Уваров, 1998, с. 26]. Даже более того, если для исповедально-покаянной авторефлексии это лишь исходная точка: за «самоотчетом души» следует покаянное самоосуждение, – то в дневниковой он сам по себе может составлять основное содержание текста (см.: Вьолле, Гречаная, 2006, с. 65–73; Егоров, 2003, с. 134–

165; Михеев, 2007, с. 32–58). Хотя Белинский в первый год переписки с Бакуниным ни одно из своих посланий не помечает несколькими датами, как делали его современники и как впоследствии будет делать он сам, некоторые из них, исходя даже из объема, писались, очевидно, в течение нескольких дней. Да если и в один, – они писались регулярно, часто, и, взятые в совокупности, представляют собой подобие развернутых дневниковых записей. Каждое из них насыщено авторефлексией и несет на себе печать свежести, непосредственности впечатлений, переживаний, мыслей, которые только что родились у автора и сразу поверяются бумаге, то есть обнаруживают характерные жанровые черты дневника. Обе эти черты – авторефлексия и непосредственность – обретают особую экспансию за счет частоты и подробности писем. Как и авторы дневника, Белинский-эпистолограф свободно отбирает события внешней жизни, подчас не самые значимые, и свободно же на них откликается (напр.: «Я познакомился с Левашевыми; в пятницу был у них. <…>. Добрые люди, прекрасные люди, но их мир не наш мир» [Белинский, 1956, с. 203]), однако, в традициях дневникового жанра, эмпирические факты чаще всего влекут за собой его напряженную авторефлексию: «Еду в Петербург, буду там без вас, моих друзей, следовательно, буду один – при этой мысли мне больно, грустно, но и отрадно в то же время. <…>. Хочу страдать, но жить, то есть сознавать себя хотя бы в грустном чувстве добровольного лишения того, что составляло мою жизнь» [Белинский, 1956, с. 203], «Немецкий язык мой идет плохо. <…>. Читать Фихте тоже не хочется, потому что философский язык прост и однообразен…» [Белинский, 1956, с. 204] и т. п. Эта порожденная эмпирическими фактами авторефлексия (интериоризация произошедшего вовне, очень аутентичная для дневникового жанра (см. подр., напр.: Егоров, 2003, с. 146–147), в свою очередь, приводит автора к суждениям философско-афористического плана, имеющим универсальный смысл. «Добрейший Василий Боткин с каждым днем делается добрее, – сообщает, например, Белинский, – хотя, по-видимому, это и невозможно. О себе не хочу ничего говорить, потому что это самая гадкая и до смерти надоевшая мне материя» [Белинский, 1956, с. 203]. Как можно видеть, он от наблюдений о внешней реальности (Василий Боткин) переходит к самоанализу. А от него – к философским обобщениям: «Человек имеет право говорить о себе только в отношении абсолютной жизни, которою он наслаждается, а повторять целую жизнь: я неуч, я дурак, я жалок, я смешон – глупо и пошло» [Белинский, 1956, с. 203], – после чего возвращается к размышлениям о себе: «Буду хорош и дурен молча» [Белинский, 1956, с. 203], – сопрягаемым с эмпирикой: «Петербург разделит мою жизнь…» [Белинский, 1956, с. 203]. Таким образом, органической частью исповедального «самоотчета души» в эпистолярном дневнике Белинского оказываются элементы проповеди-«диссертации». Актуализация черт дневника, с характерной для него синтетичностью и тяготением к слиянию жанровых границ, сама по себе обусловливала их непротиворечивое сочетание. Дневниковая жанровая основа, актуализируя свежесть, непосредственность записей, делаемых автором сию минуту, без предварительного тщательного обдумывания, и делаемых им прежде всего для самого себя (лишь в последнюю очередь, в отдаленной перспективе – для читателя, которого дневник, пусть и в меньшей степени, чем эпистолярный и иные жанры, предполагает), очень работает на действенность и исповеди (примечательно, что исследователи дневникового жанра выделяют такую его разновидность, как покаянный дневник, «строящийся по модели исповеди» [Вьолле, Гречаная, 2006, с. 66]), и проповеди, расширяет их возможности. Размыкает границы первой, а следовательно, позволяет дозировать самообличение, сменить рефлексию о своих недостатках – рефлексией о своих достоинствах, перевести исповедь – в проповедь. Одновременно создает представление о полноте авторского самораскрытия и, конечно же, о предельной доверительности и искренности исповедального монолога. Слово проповеди, помещенное в дневниковый контекст, в свою очередь, тоже облекается в форму чарующей доверительности и искренности. Вместе с тем внешне существенно ослабляется его категоричность, которая могла бы вызвать у адресата неприятие. Так что слово проповеди в дневниковом контексте обретает своеобразную сверхубедительность.

В то время как дневниковый жанр ведет Белинского-эпистолографа по пути углубления рефлексии, автобиографический – эту рефлексию если не отменяет, то ослабляет за счет присущего ему нарратива. Но без нарушения логики текста, ведь и дневник, и автобиография принадлежат к «эго-текстам» (см. о них подр.: Михеев, 2007, с. 5–159; Митина, 2008), центрируемым на личности пишущего, – что, хотя и не в полной

мере, свойственно и письму, в первую очередь дружескому, самому личному и свободному, поэтому на его базе оказался возможным подобный жанровый синтез (см. об элементах письма в дневнике: Симоне-Тенан, 2006, с. 155). В этом отношении уместно вспомнить очень справедливую характеристику, данную Т. П. Зориной письму: «…оно не имеет точно и строго очерченных жанровых рамок» [Зорина, 1970, с. 40]. Н. Н. Кознова в свое время подняла вопрос о взаимосвязи мемуарно-автобиографического, дневникового и эпистолярного жанров, отстаивая позицию, что их синтез осуществляется на основе первого, выступающего, по ее мнению, в роли метажанра [Кознова, 2009]. Не прибегая к этому термину, М. Михеев, в сущности, рассматривал как метажанр дневник: письмо наряду с другими жанрами (такими, как записные книжки, ежедневник, разговор с самим собой, исповедь и пр.) относится, по его мнению, к «*пред*-тексту» дневника [Михеев, 2007, с. 85]. Как показывает наше исследование, связь может быть и обратной: насколько письмо может выступать «*пред*-текстом» дневника, настолько же дневник может выступать «*пред*-текстом» письма. Переписка Белинского дает возможность поставить вопрос и о подобной двойной связи эпистолярного и мемуарно-автобиографического жанра – и, следовательно, о статусе письма как метажанре.

В эпистолярии Белинского – и именно на основе эпистолярного жанра – автобиографический и дневниковый дискурсы тесно взаимосвязаны. Размышляя о себе, молодой критик приводит факты из своей жизни, – с одной стороны, подтверждающие начатую рефлексию, с а другой – становящиеся поводом для ее последующего продолжения.

Автобиографический нарратив выполняет в письмах Белинского целый ряд функций. Прежде всего он углубляет исповедально-покаянную рефлексию. Называя Бакунину грех, Белинский старается не быть голословным и приводит конкретные примеры проявления этого греха. Так, каясь в самолюбии, автор-эпистолограф самоуничижается до того, что выставляет себя на посмешище (тем самым, в общем-то, и борется с греховной страстью: Святые Отцы, как известно, советуют заменять ее противоположной ей добродетелью (см., напр.: Дамаскин, 1873, с. 10), рисует себя героем анекдота – и с самоиронией, и с глубоким сокрушением. Он признается Бакунину: «Я никогда не забуду, как ты в первый раз застал меня у Бееров за фортепьяно; что мне должно было делать? смеяться вместе с тобою над моею неспособностию, своим неумением? Кажется, что на моем месте всякий поступил бы так; но я вспыхнул, вспотел, почти задрожал, как виртуоз, который дает первый концерт свой собранию строгих знатоков» [Белинский, 1956, с. 169]. Однако чаще, всецело поглощенный сокрушением, Белинский делает признания без самоиронии и какой-либо доли юмора, – подобные этому: «Я принялся было за немецкий язык и не успел, потому что, как и во всем, хотел усовершенствовать себя не для себя, а как будто для выставки к известному дню. Гнилое зерно не принесло плода» [Белинский, 1956, с. 175]. В последних словах можно увидеть реминисценции из евангельской притчи о сеятеле (Мф. 13: 3-8) и о бесплодной смоковнице (Лк. 13: 6-9), отчасти о «лукавом рабе и ленивом», который зарыл свой талант в землю (Мф. 25: 24-30), больше же всего – отсылку к словам Христа о древе, которое познается по плодам («…всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. <…>. Итак, по плодам их узнаете их» – Мф. 7: 17-20). За счет актуализации религиозного дискурса это горькое суждение Белинского о самом себе преподносится как искреннее, покаянное. Любопытно, что оба приведенных нами автобиографических фрагмента содержат элементы не только библейской, но и художественной образности (сравнения: «как виртуоз, который дает первый концерт собранию строгих знатоков», «как будто для выставки к известному дню»), столь характерной для автобиографического жанра. Исповедально-покаянной же интенции они несколько чужеродны и даже мешают. Ей вообще в большинстве случаев мешает автобиографический нарратив, поскольку переключает рефлексию в сюжетное, достаточно занимательное повествование, с отвлекающими подробностями, системой персонажей, связанных разными отношениями, и т. п. Обремененный всем этим, автобиографический нарратив ослабляет исповедально-покаянную тональность – и мотивирует логичный переход от нее к другой, не менее важной для Белинского-эпистолографа: позволяет ему рисовать себя и с положительной стороны, а Бакунина – с отрицательной и полемизировать с ним.

Отрицательная роль Бакунина как антигероя просматривалась, хотя и не педалировалась автором-эпистолографом в вышецитированном анекдоте, где сконфуженный Белинский страдал, сидя за фортепиано, а Бакунин смеялся над ним,

не смог или не захотел понять его состояния и проявить сострадание. В письмах молодого критика приводится целый ряд подобных автобиографических фрагментов, где он и его адресат находятся в подобных отношениях. Причем от фрагмента к фрагменту ослабляется напряженность исповедально-покаянной рефлексии, и по мере того, как она ослабляется, пропорционально усиливается интенция обличения в адрес Бакунина: Белинский-автор и главный герой не берет на себя вину, следовательно, вина ложится на антигероя, который во всех сюжетах ведет себя недостойно. Ср.: «…я был весел, был счастлив, – вспоминает эпистолограф один из дней в имении Бакуниных Прямухино. – Как-то подошел к Т<атьяне> А<лександровне> (сестре Бакунина. – *М. К.*) и начал от избытка сердца болтать вздоры, которые были довольно пошлой формою истинного чувства. Подходишь ты <…>. “Что это такое, – говоришь ты, – новый способ делать комплименты, говоря дерзости”. Я чувствовал, что по всему моему телу, от лба до пяток, запрыгали острые иглы, что белье взмокло на мне и прилипло к телу…» [Белинский, 1956, с. 207]; «В другое время, – продолжает автор письма, переходя к следующему сюжету, – меня ужасно срезал за столом, по простоте своей, Илья; он срезал, а ты дорезал…» [Белинский, 1956, с. 207], – и комментирует произошедшее уже совершенно полемично: «И каждый раз, когда ты унижал меня перед всеми ними своими грубыми выходками, я чувствовал к тебе более, нежели досаду, более, нежели негодование, что-то похожее на ненависть» [Белинский, 1956, с. 207]. Таким образом, автобиографическое повествование планомерно переключает исповедь в проповедь-«диссертацию»; любопытно, что исповедь и проповедь – это как раз те жанры, которые генетически связаны с автобиографией: по мнению исследователей, именно в них некогда зарождалось автобиографическое повествование (см. подр.: Бахтин, 1979, с. 128; Михайлова, 1997, с. 9; Пригарина, 2011, с. 149).

Интенция проповеди реализуется под пером Белинского и в тех случаях, когда Бакунин не выступает в роли (анти)героя автобиографических сюжетов. Эти сюжеты просто предлагаются ему как читателю. Но они являются составной частью проповеди-«диссертации» Белинского – ее доказательной частью. На отстаиваемую им концепцию органичной взаимосвязи внешней и внутренней жизни личности работает уже сама ключевая установка автобиографического жанра, которая, по характеристике современного исследователя, состоит в «…устранении противоречия между этими двумя сторонами человеческого существования, что позволяет воспринимать мир и „я” как единое целое» [Калугин, 2015, с. 21]. Упрочивая свои позиции в споре, Белинский пользуется всей полнотой жанровых возможностей. Так, он вводит достаточно развернутый автобиографический нарратив с целью подтвердить свое убеждение, что внутренняя жизнь зависит от внешней: «Я не только потонул в долгах – я живу на чужой счет <…>. Я взял к себе брата, которого от души люблю, который много обещает в будущем, чтобы передать ему все, что есть во мне хорошего, и предохранить его от всего, что есть во мне дурного <…>. Чтобы ему не было скучно, чтобы он с юных лет имел друга, я взял к себе племянника, которого, впрочем, люблю для самого него и для которого хотел сделать по возможности все то же, что и для брата. А сделать все это я мог не иначе, как любовию <…>. И что же? Я не успел ни в чем. Видя их дурно накормленными, еще хуже одетыми, мучимый моими нуждами, сознанием своего падения, я одичал в семействе и, вместо дружбы и откровенности, возбудил в них к себе что-то вроде боязливого уважения. Вместо того, чтобы с любовию и кротостию исправлять недостатки брата, происходящие от его пылкого характера и дурного воспитания, в котором он нисколько не виноват, я ругал его, как пьяный сапожник, доводимый до ожесточения моими неудачами» [Белинский, 1956, с. 171–172] и т. п. Нетрудно заметить, что подобные повествовательные вставки выполняют помимо функции покаянных признаний – функцию оправдания автора-героя и в этом смысле выступают в качестве важной корректировки к его исповедально-покаянной рефлексии. Автобиографический дискурс в эпистолярии Белинского реализует тот свой потенциал, о котором говорил И. Чубаров, отмечавший, что источник каждой автобиографии (да даже и биографии) – «желание признания / власти», «признания другим человеком» [Чубаров, 2001, с. 393], поясняя, что «…это желание признания <…> может быть вполне невинным и сугубо психологичным, как одобрение и поддержка со стороны другого…» [Чубаров, 2001, с. 412], однако «…оно может быть идеологизировано, и как таковое целиком тотализовать дискурс и вообще любой творческий процесс, свести его к точке , пустой идее, голому мимесису и т. п.» [Чубаров, 2001, с. 412]. В эпистолярии

Белинского актуализированы обе означенные интенции. Но ни та, ни другая, ни две в совокупности не получают экспансии, поскольку молодой критик пишет все же письмо, а не автобиографию, автобиографические вкрапления вводятся им дозированно.

Биографический жанр

Автобиографический план под пером Белинского-эпистолографа, в частности, «разбавляется» и ослабляется за счет переключения его в плоскость собственно биографического. Но на поверку тем самым усиливает свои позиции – и интенции добиться «одобрения и поддержки, тотализовать дискурс». Примечателен уже тот факт, что биографический нарратив у Белинского зачастую вырастает из автобиографического. Это хорошо видно на примере приводившихся нами автобиографических фрагментов, где помимо главного героя изображались в одном случае – его брат и племянник, в другом – сестра Бакунина Татьяна Александровна, сам Бакунин в качестве антигероя, в прочих – иные лица. Справедливости ради, нужно отметить, что иногда биографический нарратив обретает относительную самостоятельность – Белинский приводит развернутые сюжетные фрагменты. Их действующим лицом может быть как Бакунин, которому автор письма напоминает те или иные события из его жизни, так и кто-нибудь из общих знакомых, членов кружка. Скажем, Белинский сообщает своему адресату новости, связанные с И. П. Клюшниковым и А. П. Ефремовым. Но чаще он все же предельно редуцирует повествование, актуализируя черты биографического жанра, который может выступать и в анарративном варианте, – литературного портрета, получившего плодотворное развитие в мемуарно-автобиографической литературе и литературной критике, выразившегося также и в других жанрах – например, в проповеди (см.: Дмитриев, 2000). В литературоведении этот жанр понимается неоднозначно – в его поле включают, во-первых, портреты литераторов (под пером Белинского-эпистолографа они представлены достаточно широко – это члены кружка Станкевича), во-вторых, портреты нелитераторов, написанные литераторами (к каковым Белинский и как автор пьесы «Дмитрий Калинин», и как эпистолограф, проявлявший незаурядный литературный талант, несомненно, имеет отношение) (см. также: Елизаветина, 1986, с. 239). Белинский осваивал его параллельно в письмах к Бакунину и в литературно-критических работах.

Указывая на способность литературного портрета к редуцированию нарратива, один из первых крупных исследователей этого жанра В. С. Барахов соотносил его с портретом в живописи. «Основной целью как писателя, автора литературного портрета, так и творца живописного портрета, – отмечал исследователь, – является создание художественного образа…» [Барахов, 1985, с. 29]. Итак, в основе портрета – авторская концепция личности. Она может создаваться и посредством повествования – о жизненном и творческом пути (это прерогатива, например, такой разновидности жанра литературного портрета, как силуэт), и преимущественно анарративно – через характеристику мировоззрения, своеобразия творческих принципов литератора и т. п. (прерогатива, скажем, очерка творчества), а может представлять синтез того и другого (мемуарный очерк). На практике жанровые разновидности зачастую трудноразличимы, портрет предстает синтетичным. Думается, это происходит по двум основным причинам. Во-первых, потому, что рефлексия, авторская концепция героя поглощает элементы повествования. К этому выводу пришел в свое время М. Т. Мезенцев, изучая литературные портреты в работах критиков. «Здесь явно проявляется основная особенность портрета как жанра литературной критики, – заключал он, – автор не стремится к строгой последовательности изложения материала. <…>. Мысль его свободна, ассоциативна, автор охотно переходит к рассуждениям эмоционального плана…» [Мезенцев, 1971, с. 78]. Во-вторых, в литературном портрете размывается грань между словом и поступком, событием в жизни героя. По наблюдению В. И. Конькова, «…в поле зрения автора литературного портрета попадает та часть деяний и поступков портретируемого, которая носит отпечаток его личности, мировоззрения и является результатом его творческого отношения к окружающему миру. Происходит символизация проявлений жизненного начала, и поступок приравнивается к слову. <…>. Закономерен и обратный ход: слово приравнивалось к поступку» [Коньков, 2000, с. 36]. Этим обусловлена непервостепенность во многих литературных портретах собственно повествования и поглощенность его рефлексией.

Под пером Белинского-эпистолографа произошло сочетание двух свободных, открытых, синтетичных жанров – литературного портрета и письма.

В письмах молодого критика представлена целая галерея литературных портретов: Бакунина, Ефремова, Станкевича, Боткина и др. Причем в большинстве случаев их объем тяготеет к минимальному. Это своего рода портреты-миниатюры. Но, что любопытно, многие из них созидаются в целом ряде текстов – от письма к письму. Автор-эпистолограф повторяет и закрепляет ранее обозначенные им портретные характеристики, уточняет их и дополняет. Его «портретная галерея» достаточно разнообразна. Вероятно, сказывался и опыт Белинского-читателя многочисленных мемуарно-автобиографических произведений, и опыт Белинского-критика, и, наконец, сыграла роль жанровая специфика письма.

Обращение Белинского-эпистолографа к жанру литературного портрета и его «минимизация» связана, во-первых, с самой ситуацией эпистолярной коммуникации: то и другое имеет место в случаях, когда сумма знаний автора письма и адресата о главном герое – общем знакомом одинакова, у автора нет новостей. либо он по той или иной причине не хочет их сообщать. Как бы ни обстояло дело, во-вторых, – он нацелен прежде всего на рефлексию. Его литературные портреты-миниатюры аналитичны. Они соотносятся с биографическим повествованием приблизительно так же, как с автобиографическим повествованием соотносятся фрагменты дневникового характера.

Биографический дискурс, и в варианте нарратива, и в варианте рефлексии, с одной стороны, разнообразит эпистолярный текст Белинского (разумеется, прежде всего в том случае, когда речь заходит не о Бакунине, а о третьем лице), ослабляя напряжение исповеди и категоричность проповеди; позволяет сменить тему, свободно-дружески поговорить с адресатом письма о чем-то стороннем и, возможно, сблизиться с ним, сойдясь во мнениях об общем знакомом. С другой же стороны, в сфере биографического дискурса, как в варианте нарратива, так и в варианте рефлексии, Белинский неостановимо продолжает напряженный исповедально-проповеднический монолог. Нетрудно заметить, что он не просто предается воспоминаниям, например, о прошлом Бакунина, а тщательно отбирает факты, включая их в свою концепцию и полемизируя с его концепцией. Ср.: «Ты в долгах по уши; надежных средств к жизни у тебя нет никаких; ты взялся за графа переводить книгу <…> Ты знал, что такого рода труды не твое дело, и взялся за них. Честно ли это? <…>. Если граф подлец, это не дает тебе права быть подлецом <…> уезжая в Прямухино вследствие самой святой потребности своей души (как то особенно было перед Пасхою), ты бросаешься то к тому, то к другому, чтобы достать нужную для поездки сумму <…> займы растут, растут, растут…» [Белинский, 1956, с. 170]. Этот биографический фрагмент очевидно соотносится с тем автобиографическим, в котором Белинский рассказывал о своих материальных трудностях, включив в повествование образы брата и племянника. Тем самым эпистолограф подчеркивает, что он и его адресат оказались в похожих жизненных обстоятельствах. Он подчеркивает и личное сходство между собой и своим адресатом, рисуя его, как и себя, в черно-белых тонах (Бакунин поступил непорядочно, но руководствовался «благородным расчетом»; без зазрения совести живет на чужой счет, но испытывает «святую потребность души»). Таким образом, применяет к нему и к себе единую систему оценок. Тем разительнее на фоне этого сходства – различие позиций: Бакунин преспокойно живет на чужой счет, тогда как для Белинского это больно, трудно; Бакунин настойчиво игнорирует внешнюю жизнь и абсолютизирует внутреннюю, тогда как Белинский не считает возможным их разделять. Приведенный в письме сюжет развенчивает позицию адресата и подтверждает позицию автора. Итак, биографический нарратив выполняет функцию контраргумента в проповеди и полемике автора с адресатом. «Теперь, Мишель, – заключает Белинский, – я прошу тебя быть добросовестным <…>: неужели все это не имеет никакого дурного влияния на твой дух и не мешает нисколько твоей внутренней жизни? Если *нет*, то ты слишком высок для меня, и я не в состоянии понять тебя; если *да*, то ты напрасно увидел признаки конечного падения в моем письме об аккуратности и гривенниках» [Белинский, 1956, с. 170–171].

Ту же функцию выполняют, в большинстве своем, и литературные портреты-миниатюры. Рассыпанные по письмам, продолжающиеся из текста в текст и потому как бы опутывающие эпистолярный монолог Белинского довольно плотной сетью, они выстраивают четкую и устойчивую систему персонажей. Характерно, что система персонажей, наряду с композицией текста, выступает наиболее органичной формой развертывания литературного портрета. К каждому из них в своей «галерее» Белинский, как правило, применяет ту же самую шкалу оценок,

что и к себе и к Бакунину, поэтому их образы, в большинстве своем, получаются также черно-белыми – составленными из отрицательных и положительных черт, и потому живыми, художественно убедительными. Проведенный анализ позволяет автору установить своего рода иерархию. Так, Клюшникова и Ефремова он ставит ниже, чем себя и Бакунина, Станкевича – выше, отказывая Бакунину в праве даже и судить о нем («…он не наш, и его нельзя мерить на нашу мерку» [Белинский, 1956, с. 164]), еще выше ставит Боткина, облик которого даже обрисовывает в агиографических традициях: «После твоих сестер это первый *святой* человек, которого я знаю» [Белинский, 1956, с. 179]), – наконец, на недосягаемую высоту, – сестер Бакуниных, описывая и их в этих традициях («…они давно уже живут в царстве любви, в Царстве Божием…» [Белинский, 1956, с. 161]).

Характерно, что чем выше вознесен герой, тем меньше автор-эпистолограф о нем говорит. Идеализируя, он вместе с тем едва очерчивает образы сестер Бакунина, очевидно, не считая себя и своего адресата достойными касаться такого предмета. Буквально несколько слов сообщает о Боткине и не переключает рефлексию в нарратив – вероятно, опять же, потому, что не хочет давать своему адресату возможности обсуждать, «марать» Боткина, ставить под сомнение его достоинства. О Станкевиче, с которым это уже произошло: Бакунин судил и осудил его, объявив «падшим» [Белинский, 1956, с. 164] (в дружеском кружке оживленно дискутировался вопрос о его неудачном сватовстве к сестре Бакунина Любови Александровне: посватался, но, осознав, что не любит ее, раздумал на ней жениться), – Белинский, напротив, считает нужным объясниться подробно; подробно же он объясняется и о Клюшникове и Ефремове. Размышляя о всех троих, полемизирует со своим корреспондентом: «…я не могу понять этого презрительного сожаления, этого обидного сострадания, с которым ты смотришь на падение Станкевича. Дай Бог, чтобы он восстал скорее, чтобы он скорее вышел из этой ужасной борьбы; но я бы первый презрел его, как подлеца и эгоиста, если бы он не пал, не пал ужасно» [Белинский, 1956], «Теперь об Иване Петровиче (Клюшникове. – *М. К.*); неужели и он записан в твоем поминальнике как усопший? <…> не упрекать, не презирать должен бы падшего друга, а убедить его в любви силою любви, своим примером» [Белинский, 1956, с. 165]. Более того, Белинский настаивает даже, что между Клюшниковым и Бакуниным нет принципиальной «разницы» [Белинский, 1956]. О Ефремове же заключает, что он «…дитя, ребенок, и у него абсолютной жизни нет даже в представлении» [Белинский, 1956, с. 165–166], но, – утверждает Белинский, – «…до тех пор, пока Ефремов не заслужит в *обществе* титла *солидного* и *почтенного* человека, до тех пор я не буду ему чужой…» [Белинский, 1956, с. 166].

Приведенными суждениями, как и всей выстроенной иерархией «персонажей», в которой Бакунину отведено весьма нелестное место (автор, правда, облегчает для него положение тем, что делит это место с ним), Белинский полемизирует с Бакуниным, «трубившим» в письме к нему «с какою-то гордостию и жестокостию» о своем окончательном «восстании» [Белинский, 1956, с. 161] и противопоставлявшим себя другим – безнадежно «падшим». Белинский полемизирует с ним, нарочито отвергая категоричность его оценок и находя для друзей смягчающие обстоятельства, в том числе внешние – прежде всего физическое и материальное неблагополучие: «…какая разница между им и тобою, – эпистолограф предлагает Бакунину сравнить себя с Клюшниковым, – он ревматик, он расслабленный, а ты здоров и крепок <…>, – затем, подавая ему пример, сравнивает с Клюшниковым самого себя, – в моем падении виноват я сам, моя беспорядочная жизнь, <…> в этом отношении между мною и Клюшниковым большая разница. Этот человек всегда болен, теперь он слег от болезни…» [Белинский, 1956, с. 165]; «…Ефремов <…> человек слабый, и обстоятельства на него имеют большое влияние» [Белинский, 1956, с. 199]. По мысли Белинского, насколько с Ефремова и Клюшникова можно частично снять вину за духовно-нравственное недоразвитие, возложив ее на внешние обстоятельства жизни (нездоровье, бедность, дурное воспитание и окружение и т. п.), настолько с Бакунина нужно частично снять заслугу в большем духовно-нравственном преуспеянии. Итак, Белинский и через литературные портреты выходит к основному предмету спора с Бакуниным – и вновь, приводя на этом материале целую систему доказательств, отстаивает свою точку зрения: внутренняя жизнь тесно связана с внешней и испытывает на себе ее влияние, – ту точку зрения, которая сходным образом подтверждалась и на материале автобиографии.

Вообще широко введенные в переписку эмпирические, взятые из внешней жизни биогра-

фические сюжеты, как и автобиографические, сами по себе развенчивали сугубо отвлеченную позицию Бакунина, убеждая, что отграничиться от внешней жизни, сосредоточившись только на внутренней, – невозможно и ошибочно. Таким образом, на новом уровне и достаточно многообразно реализовывалась интенция проповеди. Биографические и автобиографические сюжеты играли в ней роль притчевых, а поскольку традиция включать притчи в проповедь – библейская, они отчасти, на уровне подтекста, сакрализовали учительное слово Белинского, повышая его авторитетность.

Заключение

Итак, в 1837 г. Белинский в переписке с Бакуниным всецело увлечен полемикой. Он надеется быть услышанным, (пере)убедить своего эпистолярного собеседника, сохранить и укрепить дружбу с ним. Этим целям отвечали жанры исповеди и проповеди, ведущие в переписке Белинского с Бакуниным 1837 г., – а также «продолжающие» и «поддерживающие» их многочисленные «смежные» жанры, в числе которых наиболее важную роль играли автобиография, биография, литературный портрет, дневник. Каждый из них давал свои возможности, работая на намеченные автором цели. Представленные в синтезе, эти жанры должны были организовать предельно эффективный эпистолярный диалог. Вместе с тем от 1837 к 1839 г. он все более очевидно заходил в тупик. Каждый из его участников стоял на своем, исповедь планомерно вытеснялась проповедью. Но «смежные» жанры, к числу которых со временем добавилась литературно-критическая статья, не позволили неполучившемуся диалогу переключиться в монолог. Разнообразя и обогащая эпистолярное общение, они открывали ему и его участникам новые, еще не осознававшиеся ими перспективы.

Библиографический список

1. Барахов В. С. Литературный портрет. (Истоки, поэтика, жанр). Ленинград : Наука, 1985. 312 с.

2. Бахтин М. М. Смысловое целое героя // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979. С. 121–161.

3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 11. Письма. 1829–1840. Москва : Изд-во АН СССР, 1956. 718 с.

4. Березина В. Г. Белинский и Бакунин в 1830-е гг. // Ученые записки ЛГУ. 1952. № 158. Сер. Филологические науки. Вып. 17. С. 34–86.

5. Вьолле К., Гречаная Е. П. Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическая практика // Автобиографическая практика в России и во Франции. Сб. ст. / под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной. Москва : ИМЛИ РАН, 2006. С. 57–111.

6. Дамаскин И. Слово о страстях и добродетелях / пер. с еллино-греч. Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Москва, 1873. 16 с.

7. Дмитриев А. П. Портрет в церковной проповеди как литературно-критический жанр (О «поучениях» архиепископа Никанора (Бровковича)) // Русский литературный портрет и рецензия. Концепции и поэтика / ред.-сост. В. В. Перхин. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. С. 5–16.

8. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. Москва : Флинта: Наука, 2003. 279 с.

9. Елизаветина Г. Г. На путях к литературоведческому освоению жанра // Вопросы литературы. 1986. № 9. С. 238–244.

10. Зорина Т. П. К проблеме эпистолярного жанра // Ученые записки Московского гос. пед. ин-та иностранных языков им. Мориса Тореза. Вопросы романо-германской филологии. Москва, 1970. Т. 55. С. 38–44.

11. Калугин Д. Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 260 с.

12. Кознова Н. Н. Дневники, письма, мемуары: к вопросу о взаимодействии жанров // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер. Русская филология. 2009. № 1. С. 137–143.

13. Коньков В. И. Литературный портрет как речевая система («Некрополь» В. Ф. Ходасевича) // Русский литературный портрет и рецензия. Концепции и поэтика / ред.-сост. В. В. Перхин. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. С. 33–37.

14. Мезенцев М. Т. Литературный портрет как жанр критики // Филологические этюды. Сер. Журналистика. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1971. С. 73–80.

15. Митина С. И. Философский эго-текст как репрезентация личности мыслителя // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 10. С. 138–141.

16. Михайлова М. В. Молчание и слово (Таинство Покаяния и литературная исповедь) // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова / отв. ред. М. С. Уваров. Материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 26-27 мая 1997 г.) Санкт-Петербург : Изд-во Ин-та Человека РАН (СПб. Отделение), 1997. С. 9–14.

17. Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). Москва : Водолей Publishers, 2007. 264 с.

18. Пригарина А. С. Религиозная исповедь как прототип общелитературных жанров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5 (11): В 4 ч. Ч. 2. С. 148–152.

19. Симоне-Тенан Ф. Три российских женских дневника // Автобиографическая практика в России и во Франции. Сб. ст. / под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной. Москва : ИМЛИ РАН, 2006. С. 148–160.

20. Тихонова Е. Ю. О некоторых источниковедческих аспектах издания переписки В. Г. Белинского // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Москва : Ин-т росс. истории РАН, 2003. С. 227–243.

21. Тихонова Е. Ю. Человек без маски. В. Г. Белинский: Грани творчества. Москва : Совпадение, 2006. 279 с.

22. Уваров М. С. Архитектоника исповедального слова. Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. 245 с.

23. Чубаров И. С. Операция признания (Anerkennen) в биографии (опыт биографического анализа отрывка «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля о «господстве и рабстве») // Авто-био-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1. / под ред. В. А. Подороги. Сер. «Ecce homo». Москва : Логос, 2001. С. 387–412.

Reference list

1. Barahov V. S. Literaturnyj portret. (Istoki, pojetika, zhanr) = Literary portrait. (Origin, poetics, genre). Leningrad : Nauka, 1985. 312 s.

2. Bahtin M. M. Smyslovoe celoe geroja = The hero's semantic whole // Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. Moskva : Iskusstvo, 1979. S. 121–161.

3. Belinskij V. G. Poln. sobr. soch.: V 13 t. T. 11. Pis'ma. 1829–1840 = Complete works: In 13 vols. V.11. Letters 1829-1840. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1956. 718 s.

4. Berezina V. G. Belinskij i Bakunin v 1830-e gg. = Belinsky and Bakunin in 1830s. // Uchenye zapiski LGU. 1952. № 158. Ser. Filologicheskie nauki. Vyp. 17. S. 34–86.

5. V'olle K., Grechanaja E. P. Dnevnik v Rossii v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. kak avtobiograficheskaja praktika = Diary in Russia in the late XVIII – first half of the XIX century as an autobiographical practice // Avtobiograficheskaja praktika v Rossii i vo Francii. Sb. st. / pod red. K. V'olle i E. Grechanoj. Moskva : IMLI RAN, 2006. S. 57–111.

6. Damaskin I. Slovo o strastjah i dobrodeteljah = Speaking of passions and virtues / per. s ellino-grech. Izdanie Kozel'skoj Vvedenskoj Optinoj pustyni. Moskva, 1873. 16 s.

7. Dmitriev A. P. Portret v cerkovnoj propovedi kak literaturno-kriticheskij zhanr (O «pouchenijah» arhiepiskopa Nikanora (Brovkovicha)) = Portrait in church sermons as a literary and critical genre (On the «preaching» of Archbishop Nicanor (Brovkovich)) // Russkij literaturnyj portret i recenzija. Koncepcii i pojetika / red.-sost. V. V. Perhin. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2000. S. 5–16.

8. Egorov O. G. Russkij literaturnyj dnevnik XIX veka. Istorija i teorija zhanra = Russian literary diary of the 19th century. History and theory of the genre. Moskva : Flinta: Nauka, 2003. 279 s.

9. Elizavetina G. G. Na putjah k literaturovedcheskomu osvoeniju zhanra = Toward the literary study of the genre // Voprosy literatury. 1986. № 9. S. 238–244.

10. Zorina T. P. K probleme jepistoljarnogo zhanra = To the problem of the epistolary genre // Uchenye zapiski Moskovskogo gos. ped. in-ta inostrannyh jazykov im. Morisa Toreza. Voprosy romano-germanskoj filologii. Moskva, 1970. T. 55. S. 38–44.

11. Kalugin D. Ja. Proza zhizni: russkie biografii v XVIII–XIX vv. = Prose of life: Russian biographies in XVIII–XIX centuries. Sankt-Peterburg : Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2015. 260 s.

12. Koznova N. N. Dnevniki, pis'ma, memuary: k voprosu o vzaimodejstvii zhanrov = Diaries, Letters, Memoirs: on the interaction of genres // Vestnik Moskovskogo gos. oblastnogo un-ta. Ser. Russkaja filologija. 2009. № 1. S. 137–143.

13. Kon'kov V. I. Literaturnyj portret kak rechevaja sistema («Nekropol'» V. F. Hodasevicha) = Literary portrait as a speech system («Necropolis» by V. F. Khodasevich) // Russkij literaturnyj portret i recenzija. Koncepcii i pojetika / red.-sost. V. V. Perhin. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2000. S. 33–37.

14. Mezencev M. T. Literaturnyj portret kak zhanr kritiki = Literary portrait as a genre of criticism // Filologicheskie jetjudy. Ser. Zhurnalistika. Vyp. 1. Rostov-na-Donu, 1971. S. 73–80.

15. Mitina S. I. Filosofskij jego-tekst kak reprezentacija lichnosti myslitelja = Philosophical ego-text as a representation of the philosopher's personality // Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta. 2008. № 10. S. 138–141.

16. Mihajlova M. V. Molchanie i slovo (Tainstvo Pokajanija i literaturnaja ispoved') = Silence and words (Sacrament of Penance and literary confession) // Metafizika ispovedi. Prostranstvo i vremja ispovedal'nogo slova / otv. red. M. S. Uvarov. Materialy mezhdunar. konf. (Sankt-Peterburg, 26-27 maja 1997 g.) Sankt-Peterburg : Izd-vo In-ta Cheloveka RAN (SPb. Otdelenie), 1997. S. 9–14.

17. Miheev M. Dnevnik kak jego-tekst (Rossija, XIX–XX) = Diary as eco-text (Russia, XIX-XX). Moskva : Vodolej Publishers, 2007. 264 s.

18. Prigarina A. S. Religioznaja ispoved' kak prototip obshheliteraturnyh zhanrov = Religious confession as a prototype of general literary genres // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2011. № 5 (11): V 4 ch. Ch. 2. S. 148–152.

19. Simone-Tenan F. Tri rossijskih zhenskih dnevnika = Three Russian women's diaries // Avtobiograficheskaja praktika v Rossii i vo Francii. Sb. st. / pod red. K. V'olle i E. Grechanoj. Moskva : IMLI RAN, 2006. S. 148–160.

20. Tihonova E. Ju. O nekotoryh istochnikovedcheskih aspektah izdanija perepiski V. G. Belinskogo = On some source aspects of publishing V. G. Belinsky's

correspondence // Issledovanija po istochnikovedeniju istorii Rossii (do 1917 g.). Moskva : In-t ross. istorii RAN, 2003. S. 227–243.

21. Tihonova E. Ju. Chelovek bez maski. V. G. Belinskij: Grani tvorchestva = Man with no mask. V. G. Belinsky: Facets of creativity. Moskva : Sovpadenie, 2006. 279 s.

22. Uvarov M. S. Arhitektonika ispovedal'nogo slova = Architectonics of confessional speech. Sankt-Peterburg : Aletejja, 1998. 245 s.

23. Chubarov I. S. Operacija priznanija (Anerkennen) v biografii (opyt biograficheskogo analiza otryvka «Fenomenologii duha» G. V. F. Gegelja o «gospodstve i rabstve») = The operation of recognition (Anerkennen) in biography (experience of analyzing G. W. F. Hegel's Phenomenology of Spirit, a passage on «dominance and slavery») // Avto-bio-grafija. K voprosu o metode. Tetradi po analiticheskoj antropologii. № 1. / pod red. V. A. Podorogi. Ser. «Esse homo». Moskva : Logos, 2001. S. 387–412.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 20.03.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 09.03.2022; approved after reviewing 20.03.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-39-45
EDN: ENDOEQ

М. Горький и ярославский текст

Николай Николаевич Иванов
Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
Claus758@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6292-2903

Аннотация. Работа посвящена определению места М. Горького в структуре так называемого ярославского текста. Материал осмыслен в событийно-биографическом, историко-литературном аспектах; представлены результаты исследования. Пожалуй, впервые Горький вписан в структуру локального текста, к типу которого принадлежит и ярославский. Данное научное устремление реализовано через решение ряда задач: дополнить дефиниции *ярославский текст*, *авторский миф*, определить их биографические, авторологические, историко-литературные контуры; соотнести пространство ярославского текста и биографию, творческие поиски Горького. Решение задач осуществлялось через изучение творческих связей, перекличек, параллелей, личных, семейных отношений. Приведены оригинальные находки и сделан ряд заключений. Особый интерес имеют биографические данные о Горьком, сёстрах Волжиных, семье Богдановичей – Адаме Богдановиче и его сыне Максиме, классике белорусской литературы.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Горький включён в пространство ярославского текста. Дневник, документ учтены как полноценное звено в наследии писателя, преодолено отношение к ним как к второстепенному, вспомогательному материалу. Использованные подходы к материалу обусловили новизну трактовок наследия Горького, интерпретации фактов его биографии. В работе даны новые оценки известным произведениям, уточнена авторская позиция, показана её связь с биографией и творчеством. Сделаны наблюдения в области изучения эстетики и поэтики прозы, художественности сочинений Горького.

Ключевые слова: биография и творчество М. Горького; творческая индивидуальность и литературный процесс; локальные тексты литературы; литература Ярославского края; ярославский текст; авторские мифы писателей

Для цитирования: Иванов Н. Н. М. Горький и ярославский текст // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 39–45. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-39-45. https://elibrary.ru/ENDOEQ

Original article

Maxim Gorky and the yaroslavl text

Ivanov Nikolai Nikolaevich
Doctor of philological sciences, professor, department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
Claus758@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6292-2903

Abstract. The work is devoted to determining the place of M. Gorky in the structure of the so-called yaroslavl text. The material is interpreted in the event-biographical, historical and literary aspects; the results of the study are presented. It is probably the first time that Gorky is incorporated into the structure of a local text, the type to which the yaroslavl text belongs. This scientific idea is realized through solving a number of tasks: to complement the definitions of *the yaroslavl text,* and *the author's myth,* to determine their biographical, authorological, historical and literary contours; to correlate the space of the yaroslavl text and the biography and creative pursuits of Gorky. The tasks have been solved through the study of creative connections, cross-references, parallels, personal and family relations. The author of the article presents some original findings and draws a number of conclusions.The biographical data on Gorky, the Volzhin sisters, and the Bogdanovich family – Adam Bogdanovich and his son Maxim, a classic of Belarusian literature – are of particular interest.

© Иванов Н. Н., 2022

The most significant results of the work were the following. Gorky is included in the space of the Yaroslavl text. The diary and the document are taken into account as a valuable element in the writer's heritage, and the attitude toward them as a secondary, auxiliary material is overcome. The approaches to the material used determined the novelty of Gorky's legacy and the interpretation of his biographical data. The article gives new assessments of famous works, clarifies the writer's position, and shows its connection with the writer's biography and his work. Some observations are made in the field of aesthetic and poetics of prose and the artistic nature of Gorky's writings.

Key words: biography and work of M. Gorky; creative individuality and literary process; local literary texts; literature of the Yaroslavl region; yaroslavl text; writer's authorial myths

For citation: Ivanov N. N. Maxim Gorky and the Yaroslavl text. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):39–45. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-39-45. https://elibrary.ru/ENDOEQ

Введение

Постановка вопроса. Интерпретация темы *М. Горький и ярославский текст* позволяет связать биографию, творчество писателя и локальный текст литературы. Имеющиеся источники биографического характера о Горьком тему не отражают: страницы о пребывании Горького на Ярославской земле лаконичны, тема *Ярославль в творчестве Горького*, практически, не звучит (Литературный энциклопедический словарь Ярославского края, 2018). Разрозненные в этом направлении сведения биографического, историко-литературного, краеведческого характера могут быть уравновешены в пространстве ярославского и даже волжского текста, что и предполагается сделать в данной работе.

Актуальность

Изучение биографии, творческой индивидуальности Горького в художественной системе ярославского, волжского текста допускает двоякую интерпретацию: с акцентами на писателе при формулировании темы как *Горький и Ярославль*; при формулировании темы как *Ярославль и Горький* с акцентами на Ярославском тексте. Но оба случая требуют конкретизации биографических реалий в проекциях на творчество, выхода к художественной типологии, семантике и поэтике текстов. Следует также актуализировать не имеющие однозначной научной трактовки дефиниции *локальный текст литературы*, *система мотивов*, *мотив и архетип*, *авторские мифы писателей*.

Научная литература по теме многосторонняя. Одна сторона, относительно разработанная и потенциально применимая к любой авторской персоналии, – это круг теоретико-литературных понятий методологического характера: *локальный текст литературы*, *мотив*, *архетип*, *авторский миф*. Дефиниции *текст*, *текст ярославский* уточнялись. Сложилась и традиция исследования ярославского текста (Ярославский текст в пространстве диалога культур, 2014; 2016; 2018; 2020).

Другая сторона, непосредственно обращённая к теме *Горький и ярославский текст*, имеет биографический, историко-литературный аспекты: Горький на Ярославской земле, ярославская тема в его творчестве. Оба аспекта намечены фрагментарно, представлены трудами локального характера: краеведение, газетные статьи, заметки.

Цель работы – рассмотреть биографию, творческое наследие Горького в художественной системе ярославского, волжского текста. **Задачи работы**. Дополнить дефиниции *ярославский локальный текст литературы*, *авторский миф Горького*, определить их биографические, авторологические, историко-литературные контуры; соотнести пространство ярославского текста и биографию, творческие поиски Горького.

Основная часть статьи

Методология исследования. Системная методология литературоведения, лингвистический, литературоведческий, культурологический подходы к тексту. Изучение локальных текстов литературы, ярославского текста, мотивов, авторского мифа строилось на методах мотивного анализа, структурно-семантическом, семиотическом, метатекстуальном; характеристика творческих индивидуальностей, персоналий – на историко-литературном, сравнительно-историческом, биографическом.

Описание проведённого **анализа**.

Соединить горьковский событийно-биографический, историко-литературный материал с ярославской тематикой в парадигме ярославского текста возможно на следующих теоретических основаниях. Уточняем дефиницию *локальный текст литературы*. По М. Бахтину, это связный знаковый комплекс, по Ю. Лотману, – выразительность, отграниченность, структурность. Ярославский текст – локальный текст литературы, но слово в подобных образованиях оценивается через пространство, и этот лингвистический оксюморон в научном плане продуктивен: локальные тексты, пребывая в лингвисти-

ческой матрице, систематизируют как собственно художественный, так и находящийся вне литературы материал, они хранят опыт литературной рефлексии и саморефлексии.

А. Ф. Лосев понимал миф как сущность, конкретность бытия, как в словах данную личностную историю. Подобное, производное от мифа мифотворчество, глубоко индивидуальное, *авторское,* присущее писательству, писателям, захватило и М. Горького. Горьковский авторский миф имеет ветви, значимые для семиотического пространства ярославского текста. Одна из них – биографические сведения и наша интерпретация их с актуализацией находящегося вне текста содержания.

Алексей Максимович Горький, со дня рождения которого в марте 2022 г. исполнилось 154 года, известен как прозаик, драматург, публицист, издатель, общественный деятель. Горький неоднократно подчёркивал, что он – нижегородец, волгарь. Горький был связан с Ярославлем, однако ярославские страницы его биографии, творчества начинались не в Ярославле и могли таковыми не стать.

Событийно-биографическая составляющая такова. На нижегородской земле Горький встретился с Адамом Богдановичем – белорусом, ставшим позднее ярославцем, и надолго. А. Богданович, педагог и банковский служащий, этнограф и писатель, был переведён по службе в Нижний Новгород в ноябре 1896 и познакомился там с Горьким по рекомендации Е. Чирикова. Богданович приехал в Нижний Новгород отцом семейства, недавно овдовевшим: его первая жена, Мария Афанасьевна, умерла от чахотки в 1896 году. Их второй сын, Максим, впоследствии классик белорусской литературы, родился в 1891 г. в Минске, умер в мае 1917 г. в Ялте от туберкулёза. Ещё раньше, 30 августа 1896 г. Горький, тогда он был ещё Пешковым, обвенчался с Екатериной Павловной Волжиной. Сестра Екатерины Павловны, Александра, стала второй женой Адама Богдановича. Горький и Богданович и подружились, и породнились. Сын Горького Максим родился в 1897, умер 11 мая 1934.

В июне 1908 г. Богдановичи по причине изменения места службы отца переезжают в Ярославль, где Богданович-старший и умер в 1940 году. Он оставил воспоминания о сыне Максиме, Максиме Горьком, Фёдоре Шаляпине.

Переписка Горького и Богдановича не очень обширна, но содержательна, становится понятнее с учётом её контекста. И здесь за событийной стороной просматривается идейная, творческая, писательская. Так, после 1917 Горький разошёлся с большевиками в трактовке целей и методов русской революции; в 1917, не пройдя перерегистрацию членов партии, формально выбыл из неё. В годы красного террора, ГУЛАГа Горький буквально спасал представителей старой интеллигенции от преследований, голода, репрессий. Его жертвенность, самоотверженность, взращённая идеалами разума и знания любовь к людям умственного труда, сыграли не последнюю роль и в судьбе Богдановича-отца.

В советском Ярославле Богданович заведовал научной библиотекой Ярославского исторического музея, и тучи над ним сгущались. В январе 1931 года Богданович писал из Ярославля Горькому о выходе в отставку и желании продолжать работу «вперемежку с воспоминаниями». В 1932 году Ярославское отделение ГПУ всё же добралось до Богдановича, арестовало заведующего библиотекой. Вмешательство, ходатайство Е. П. Пешковой о его освобождении имело положительный результат. В декабре 1934 г. Богданович сообщал Горькому из Ярославля, что работает над книгой «Этнический состав русских народов», благодарил его за моральную и материальную помощь; благодарность за спасение прямо не выражена, и не могла быть выражена, но прочитывается между строк письма.

М. Горький бывал на Ярославской земле, когда приезжал в Переславский уезд Ярославской губернии и, возможно, не раз. Достоверно известно, что в августе 1904 он приехал поездом на станцию Итларь и пришёл на дачу художника К. А. Коровина в пустоши Ратухино вблизи деревни Охотино: немного более двух вёрст от станции, ныне – Ростовский район. Эпизод отражен в воспоминаниях К. Коровина, в двухтомнике «Шаляпин» (Коровин, 1938; Шаляпин, 1957). На даче, купленной Коровиным в начале XX в., гостили Ф. И. Шаляпин, художник В. А. Серов. Коровин вспоминал, что Горький с длинной палкой и в большой чёрной шляпе, белом пальто, чёрной блузе, подпоясанной простым ремнем, появился рано утром.

Горький собирал грибы, любил певчих птиц и, в отличие от страстного охотника Коровина, «не мог убивать» их. Перед нами словно раскрываются трогательные страницы из автобиографической трилогии Горького, в частности, повести «Детство», построенные на воспоминаниях о его детских походах с бабушкой Акулиной Ивановной в лес, о слушании певчих птиц. Юный Алек-

сей Пешков очень искусно ловил их и продавал на рынке в Нижнем Новгороде.

Вероятно, Горький, Шаляпин и Коровин ездили вниз по реке Малая Нерль к селу Пречистое ловить окуней [Иванов К. И., 1961], [Иванов К. И., 1962], [Иванов К. И., 1968 а]. Здесь же, в Ратухино, споря с монархистом архитектором Мазыриным о чудесах, происшедших во время открытия мощей Серафима Саровского, Горький будто бы оценивал истинность утверждений о чудесах святых и свободе жизни русского народа, но отношение его к этой проблематике никогда не было однозначным.Тогда же, развивая тему скрытых в народе творческих сил, он гипотетически высказался о желании построить огромный театр для народа, «где бы пел Фёдор», «театр на двадцать пять тысяч человек. Ведь церквей же настроено на десятки тысяч народу» [Иванов К. И., 1968 б].

Фотографий не сохранилось, но в мемориальной комнате Шаляпина в Переславском музее выставлена мебель с дачи Коровина, корзинка, с которой Шаляпин и Горький ходили по грибы. Экспонируется также принадлежавшая Горькому коллекция огнестрельного и холодного оружия XIX века. В своё время Горький подарил её Шаляпину, а тот подарил её сыну Горького – Максиму. В феврале 1963 Надежда Алексеевна Пешкова (сноха Горького) подарила коллекцию оружия музею. В 1962 скульптор из Липецка Владимир Шанин изваял по заказу музея скульптурную композицию «Максим Горький и Фёдор Шаляпин», изобразив их во время отдыха после сбора грибов.

Вернувшись в Москву в мае 1928, Горький по приглашению советского правительства и лично Сталина в этом году и летом 1929 проехал по стране, посетил Соловки. На основе увиденного создан цикл очерков «По Союзу Советов». В этих очерках, как и в графике частых поездок Горького 1928 и 1929 гг. по стране, по Волге Ярославль отсутствует.

С 1930 по 1933 гг. Горький создал и редактировал газеты, журналы, серийные издания: «История фабрик и заводов», «История гражданской войны», «История молодого человека XIX столетия», «Жизнь замечательных людей», издательство «Academia», журнал «Литературная учёба» и другие. Ярославль в подготовительных наработках к ним фигурирует лишь изредка как проходной материал, лишённый авторской субъективной заинтересованности. В статье «История фабрик и заводов» (1931) Горький отметил «непрерывное обогащение» Союза Советов «новыми культурами» – «кенаф, каучук, соя и пр.», вероятно, имея в виду, но, не конкретизируя, производство каучука в Ярославле, однако, перечисляя строительство новых заводов в разных регионах Союза, ярославские не назвал. И это представляется странным. Ярославль, город на Волге, находящийся относительно недалеко от Москвы, был одним из центров Советской индустриализации, чего не знать Алексей Максимович не мог. Знанием о куда менее значимых, ещё дореволюционных событиях частного характера он хорошо владел. Так, в статье «О работе по «Истории фабрик и заводов»» (1932), дав план этого издания, Горький указал, например, «на значение архивов департамента полиции», на «доклад ярославского губернатора о разгроме рабочих фабрики Карзинкина, нижегородского – о…».

21 сентября 1933 Горький встретился с делегацией ярославских рабочих, приехавших на заседание СНК, а перед тем беседовал с делегацией колхозников из Татарии. В сентябре 1933 был написан очерк «Ярославцам», перепечатанный тогда же газетами «Северный рабочий (28 сент., № 223), «Красный Татарстан» (23 сент., № 218). Дружеский рассказ рабочих о «фабрике синтетического каучука, о замечательной коммуне на бывшей Карзинкинской [фабрике], о промышленном и жилищном строительстве в крае и городе» Горький обобщил, усмотрев в перечисленных фактах изменение самого человека и всей жизни: «Какой умной, красивой становится жизнь, какие отличные люди воспитываются у нас… Ежедневно вижу я молодежь Союза Советов… мощная историческая картина разнообразной работы миллионов». «В ответ на рассказы рабочих о производственных успехах автозавода, резинового комбината, Горький сказал: «Это социализм идёт… Своей работой вы помогаете международному пролетариату двигаться к революции. Это пропаганда фактами» [Завьялов, 1951]. Очерк «Ярославцам» кажется отвлечённым лишь на первый взгляд; его риторика, пафосность соответствуют предложенной Горьким новой для начала XX в. «философии будущего», которая должна «возвратить человека на его место – в центр процесса жизни, должна гармонизировать его» [Неизданная переписка, 2000, с. 40].

Горький был в Ярославле в июле 1934 года. Сопровождаемый Н. А. Пешковой и внучками Дашей и Марфушей, он поднялся на палубу парохода «Клара Цеткин», улыбнулся и сказал:

«Хочу еще раз проехать по Волге». Пароход шёл по маршруту Ярославль – Горький – Камское Устье – Дербешки – Жигули – Горький – Ярославль. Капитан парохода, волгарь И. И. Очелков, в 1934 был назначен на новый пароход – «Максим Горький», на котором Горький в августе 1935 путешествовал по маршруту Горький – Астрахань. В Ярославле не был.

В 1926 режиссёр В. Пудовкин снимал в Ярославле сцены фильма по повести Горького «Мать» (сценарий – Натан Зархи, Максим Горький). Премьера фильма состоялась 15 марта 1927, в 1968 он был восстановлен. В рамках Всемирной выставки в Брюсселе (1958) по опросу критиков он назван восьмым. Это второй фильм в истории отечественного кинематографа и самый старый советский; и первый фильм, эпизод из которого снимали в Ярославле. На берегу Волги снимали сцену ледохода: актёру Николаю Баталову, игравшему Павла Власова, пришлось прыгать по льдинам. В газетах писали, что Волга выглядела устрашающе, но Баталов проявлял большую смелость, пошёл на лед и сыграл там одну из сцен.

Поясняя сюжетные расхождения текста и фильма, Горький говорил, что «некоторые эпизоды романа изменены режиссёром по условиям кинематографической техники» [Г. Чтения, 1964–65], [Летопись, т. 4, с. 447]. Горький смотрел этот фильм также 1 июля 1935 в Горках вместе с Р. Ролланом.

Пьесы Горького ставились на сценах Ярославских театров, в основном, в Ярославле и Рыбинске. Пьеса «Дети солнца» (1905) почти сразу после её премьеры в столичных театрах шла 16 декабря 1905 (второй уже раз) в Рыбинском городском театре. Постановка была неудачной, судя по рецензиям. В этом же театре с большим успехом прошёл спектакль по повести «Трое» (24 окт. 1906), был инсценирован рассказ Горького «Мальва».

На сцене театра им. Ф. Г. Волкова в разное время шли пьесы «На дне», «Варвары», «Мещане», «Старик», «Враги», «Последние», «Васса Железнова», «Чудаки», «Егор Булычёв и другие», «Сомов и другие», «Фальшивая монета», «Трое».

На похоронах Горького, среди других, гроб с его телом несли Сталин и Молотов. В числе обвинений Генриха Ягоды на Третьем Московском процессе 1938 г. было обвинение в отравлении сына Горького: известное «дело врачей». После смерти Горький был кремирован, прах помещён в урне в Кремлёвской стене на Красной площади в Москве. Перед кремацией мозг Горького был извлечён и доставлен в Московский Институт мозга для изучения.

Выводы

В работе были получены следующие научные результаты. Конкретизированы дефиниции *ярославский локальный текст литературы, авторский миф Горького*. Обоснована правомерность рассмотрения материалов биографии, творчества Горького в системе Ярославского текста. Охват разного по жанру, тематике, стилю материала обусловил достоверность суждений, выводов по теме Горький и Ярославский текст. Интерпретированы сведения биографического, историко-литературного характера. Проведённое исследование представляется перспективным, потому что открывает новые исследовательские пути для изучения биографий, творческих поисков русских писателей XX столетия.

Библиографический список

1. Архив А. М. Горького. Т. III. Повести, воспоминания, публицистика, статьи о литературе. Москва : Гослитиздат,1951. 297 с.

2. Архив А. М. Горького. Т. XIV. М. Горький. Неизданная переписка. Москва : Наука, 1976. 532 с.

3. Васильев С. Д. Интересный поиск переславских краеведов // Северный рабочий. 1973. 13 февраля. С. 4.

4. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре // Литературное обозрение. 1989. № 9, 10, 12.

5. Горький М. Собрание сочинений : [в 30 томах]. Москва : ГИХЛ, 1949–1955.

6. Горьковские Чтения, 1964–65: Горький и русская литература начала XX века. Москва : Наука, 1966. 398 с.

7. Завьялов Б. Встреча ярославских рабочих с А. М. Горьким // «Сев. рабочий», 1951, 17 июня, № 118.

8. Запартыко М. М. Жизнь и деятельность А. Е. Богдановича (по документам Литературного музея М. Богдановича) // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы международной научной конференции / отв. ред. О. Н. Скибинская и др. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2014.

9. Иванов К. И. Горький на земле Переславской // Коммунар. 1968. 27 марта. С. 3.

10. Иванов К. И. Максим Горький в нашем крае // Путь к коммунизму. 1962. 30 ноября. С. 4.

11. Иванов К. И. На даче в Ратухине // Северный рабочий. 1968. 28 марта. С. 2.

12. Иванов К. И. Фёдор Иванович Шаляпин в нашем крае // Путь Ленина. 1961. 12 февраля.

13. Иванов Н. Н. Горький А. М. // Литературный энциклопедический словарь Ярославского края / сост. О. Н. Скибинская. Ярославль : Академия 76, 2018. 680 с.

14. Иванов Н. Н. Ремизовский миф в структуре ярославского текста // Верхневолжский филологический вестник : научный журнал. 2021. № 3. С. 17–23.

15. Коровин К. Воспоминания. Париж, 1938.

16. Кузьмичёв И. К. Последние дни М. Горького. Документальная повесть. Нижний Новгород : Издательство «Книги», 2005. 165 с.

17. Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Том 4. 1930–1936. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1960. 733 с.

18. Литературный энциклопедический словарь Ярославского края / сост. О. Н. Скибинская. Ярославль : Академия 76, 2018. 680 с.

19. М. Горький. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. Вып. 5. Москва: 2000 (ИМЛИ).

20. Переписка М. Горького : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1986.

21. Сухотин П. С. Письмо А. М. Горькому. 28 мая 1932г. АГ, КГ – П – 74 – 13 – 4. Интеретресусы;www.hrono.ru/biograf/gorkyi.html

22. Шаляпин : [в 2 томах]. Москва : Искусство. 1957.

Reference list

1. Arhiv A. M. Gor'kogo. T. III. Povesti, vospominanija, publicistika, stat'i o literature = A. M. Gorky's archive. Vol. III. Novels, memoirs, journalism, articles on literature. Moskva : Goslitizdat,1951. 297 s.

2. Arhiv A. M. Gor'kogo. T. XIV. M. Gor'kij. Neizdannaja perepiska = A. M. Gorky's archive. Vol. XIV. M. Gorky. Unpublished correspondence. Moskva : Nauka, 1976. 532 s.

3. Vasil'ev S. D. Interesnyj poisk pereslavskih kraevedov = An interesting quest of Pereslavl local historians // Severnyj rabochij. 1973. 13 fevralja. S. 4.

4. Gor'kij M. Nesvoevremennye mysli. Zametki o revoljucii i kul'ture = Untimely thoughts. Notes on revolution and culture // Literaturnoe obozrenie. 1989. № 9, 10, 12.

5. Gor'kij M. Sobranie sochinenij : [v 30 tomah] = Collected works: [in 30 volumes] Moskva : GIHL, 1949–1955.

6. Gor'kovskie Chtenija, 1964–65: Gor'kij i russkaja literatura nachala XX veka – Gorky Readings, 1964-65: Gorky and Russian Literature of the early XX century. Moskva : Nauka, 1966. 398 s.

7. Zav'jalov B. Vstrecha jaroslavskih rabochih s . A. M. Gor'kim = Yaroslavl workers meet A. M. Gorky // «Sev. rabochij», 1951, 17 ijunja, № 118.

8. Zapartyko M. M. Zhizn' i dejatel'nost' A. E. Bogdanovicha (po dokumentam Literaturnogo muzeja M. Bogdanovicha) = Life and work of A. E. Bogdanovich (based on the documents of the Literary Museum of M. Bogdanovich) // Jaroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / otv. red. O. N. Skibinskaja i dr. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2014.

9. Ivanov K. I. Gor'kij na zemle Pereslavskoj = Gorky on the land of Pereslavl // Kommunar. 1968. 27 marta. S. 3.

10. Ivanov K. I. Maksim Gor'kij v nashem krae = Maxim Gorky in our region // Put' k kommunizmu. 1962. 30 nojabrja. S. 4.

11. Ivanov K. I. Na dache v Ratuhine = At the dacha in Ratukhin // Severnyj rabochij. 1968. 28 marta. S. 2.

12. Ivanov K. I. Fjodor Ivanovich Shaljapin v nashem krae = Fyodor Ivanovich Shalyapin in our region // Put' Lenina. 1961. 12 fevralja.

13. Ivanov N. N. Gor'kij A. M. = Ivanov N.N. Gorky A.M. // Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' Jaroslavskogo kraja / sost. O. N. Skibinskaja. Jaroslavl' : Akademija 76, 2018. 680 s.

14. Ivanov N. N. Remizovskij mif v strukture jaroslavskogo teksta = Remizov's myth in the structure of the Yaroslavl text // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik : nauchnyj zhurnal. 2021. № 3. S. 17–23.

15. Korovin K. Vospominanija = Memories. Parizh, 1938.

16. Kuz'michjov I. K. Poslednie dni M. Gor'kogo. Dokumental'naja povest' = The last days of M. Gorky. Documentary story. Nizhnij Novgorod : Izdatel'stvo «Knigi», 2005. 165 s.

17. Letopis' zhizni i tvorchestva A. M. Gor'kogo. Tom 4. 1930–1936 = Chronicles of A. M. Gorky's life and work. Volume 4. 1930-1936. Moskva : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. 733 s.

18. Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' Jaroslavskogo kraja = Literary encyclopedic dictionary of the Yaroslavl region / sost. O. N. Skibinskaja. Jaroslavl' : Akademija 76, 2018. 680 s.

19. M. Gor'kij. Neizdannaja perepiska s Bogdanovym, Leninym, Stalinym, Zinov'evym, Kamenevym, Korolenko = M. Gorky. Unpublished correspondence with Bogdanov, Lenin, Stalin, Zinoviev, Kamenev, Korolenko. Vyp. 5. Moskva: 2000 (IMLI).

20. Perepiska M. Gor'kogo = M. Gorky's correspondence : [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986.

21. Suhotin P. S. Pis'mo A. M. Gor'komu. 28 maja 1932 g. = A letter to A. M. Gorky. May 28, 1932. AG, KG – P – 74 – 13 – 4. URL: www.hrono.ru/biograf/gorkyi.html

22. Shaljapin = Shalyapin : [v 2 tomah]. Moskva : Iskusstvo. 1957.

Статья поступила в редакцию 05.13.2022; одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 05.13.2022; approved after reviewing 22.03.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-46-52
EDN: ERMILP

Анатомия метафоры в поэзии Константина Кравцова

Елена Викторовна Никкарева
Старший преподаватель кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
enikkareva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0014-1404

Аннотация. В статье предпринята попытка с позиций семантической поэтики рассмотреть особенности текстостроения и образности в лирике Константина Кравцова (р. 1963), обусловленные особой оптикой лирического субъекта. Поэт, творчество которого стало объектом изучения, относится к особой группе поэтов, представляющих, по определению И. Кукулина «новую религиозную поэзию», вместе с тем евангельские образы, особый теологический дискурс, определяя идеостиль К. Кравцова, не дают полного представления о его художественном методе. Оцельняющим началом в стихотворениях К. Кравцова выступает антиномичность авторского сознания, его стремление преодолеть любые формы завершенности (творческого акта, смысла, образа и др.). На примере стихотворения «Ночь» (сборник «Арктический лен»), а также его вариантов, рассматриваемых в синхроническом и диахроническом аспектах, и стихотворения «Успение», в котором представлены те же корреляты «лес – свещница», автором статьи предпринята попытка выявить механизмы создания образа в поэзии К. Кравцова и предлагается определить ее базовое свойство как энантиотропию образа. Автор приходит к выводу, что избираемые К. Кравцовым художественные средства призваны реализовать принцип нераздельности и неслиянности (в том числе в варианте халкидонского догмата): ведущим композиционным принципом поэтики становится герменевтический круг; лиминальные топосы и мотивы (метаморфозы, преодоления / снятия границ, преображения); получившие символическое значение приполярные атрибуты; тропы («метафораотражение» (Н. Черных), двойная аллегория (И. Кукулин)) и даже избираемые автором словообразовательные модели выступают как частные способы преодоления антиномичности бытия.

Ключевые слова: К. Кравцов; энантиотропия образа; индивидуально-авторская картина мира; метафора; антиномия; синкретизм; поэтика

Для цитирования: Никкарева Е. В. Анатомия метафоры в поэзии Константина Кравцова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 46–52. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-46-52. https://elibrary.ru/ERMILP

Original article

Anatomy of metaphor in Konstantin Kravtsov's poetry

Elena V. Nikkareva
Senior lecturer at the department of cultural sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
enikkareva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0014-1404

Abstract. The article attempts to consider the peculiarities of text formation and imagery in Konstantin Kravtsov's (b. 1963) poetry, based on the specific optics of the lyrical character, from the standpoint of semantic poetics. The poet, whose work is the object of the study, belongs to a special group of poets, representing, according to I. Kukulin, «the new religious poetry». At the same time, evangelical images and a special theological discourse, although defining K. Kravtsov's ideostyle, do not give a complete picture of his artistic method. The antinomy of the author's consciousness, his desire to overcome any form of completeness (the creative act, meaning, image, etc.) are an integrating element in K. Kravtsov's poems. The author of the article makes an attempt to identify the mechanisms of image creation in K. Kravtsov's poetry and offers to define its basic property as the enantiotropy of the image. The material for the analysis is the poem «Night» (collection «Arctic Flax»), as well as its variants, considered in the synchronous and diachronic aspects, and the poem «Assumption». The author concludes that Kravtsov's artistic means are intended to realize the principle of inseparability and non-conflation (including a variant of the Chalcedonian dogma): the leading composi-

© Никкарева Е. В., 2022

tional principle of poetics is the hermeneutic circle; liminal topos and motifs (metamorphosis, overcoming/ removing boundaries, transformation); the symbolic meaning of the circumpolar attributes; tropes («metaphor-reflection» (N. Chernykh), double allegory (I. Kukulin)) and even the word-formation models chosen by the poet act as particular ways of overcoming the antinomy of being.

Key words: K. Kravtsov; enantiotropy of the image; individual author's picture of the world; metaphor; antinomy; syncretism; poetics

For citation: Nikkareva E. V. Anatomy of metaphor in Konstantin Kravtsov's poetry. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):46–52. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-46-52. https://elibrary.ru/ERMILP

Введение. Константин Павлович Кравцов родился на Ямале, в г. Салехарде. Первые публикации в региональной прессе и на радио состоялись в 1979 г., однако первый поэтический сборник «Приношение», посвященный памяти отца, вышел в 1998 г. После него у Константина Кравцова вышло еще шесть поэтических книг: «Январь» (2002 г.), «Парастас» (2006 г.), «Аварийное освещение» (2010 г.), «На север от скифов» (2013 г.), «Эхолот» (2013 г.), «Арктический лен» (2017 г.).

Место Константина Кравцова в современной поэзии Е. А. Ермолин определяет как стезю Ивана Жданова или Ольги Седаковой, а М. Степанова пишет: «Место Кравцова в текущей словесности – особое; при внешней вовлеченности он все время остается где-то около, сбоку, в стороне от общего движения» [Степанова, 2013, с. 6]. Во многом это отличие обусловлено художественным методом, который, по замечанию Е. Вежлян, характеризуется сочетанием «приемов семантической поэтики (Мандельштам – один из ближайших истоков поэзии Кравцова) и христианской экзегезы» [Вежлян, 2007], а Е. А. Ермолин определяет его как неосимволизм или мистический инуитивизм [Ермолин, 2011, с. 14]. Наличием повседневного богослужебного опыта, конфессиональной религиозностью художественная практика поэта-священника (К. Кравцов принял священнический сан Русской Православной Церкви в 1999 г.) не ограничивается. Рассматривая религиозность в поэзии К. Кравцова и С. Круглова как проявление «социально-психологического бунтарства, разрыва с традицией, осмысления субъективности», И. Кукулин приходит к выводу, что в 2000-е годы «в русской литературе появился ранее отсутствовавший в ней тип самосознания» [Кукулин, 2019, с. 358]. И, действительно, созданная К. Кравцовым модель художественного мира, восходящая к «первохристианскому опыту Царства как реальности, данной здесь и сейчас» (К. Кравцов о Мандельштаме [Кравцов, 2021, с. 129]), предъявляя читателю устойчивый символический язык, отражает особый тип **лиминального** сознания, для которого антиномия – единственно возможный вариант бытия.

При этом осмысление индивидуальной поэтики К. Кравцова в ее типологических и контекстуальных связях, а также отмеченные исследователями особенности индивидуально-авторской картины мира не дают в полной мере представления о «механике» текстопорождения и функционировании художественного слова (хотя эти задачи частично решают вступительная статья Н. Черных к сборнику «Аварийное освещение» [Черных, 2010], статьи О. Кравцовой о стихотворении «Атлантика» [Кравцова, 2019] и В. Разумова о стихотворении «Олени» [Разумов, 2018] и образе самарянки-поэзии [Разумов, 2020]).

Основная часть. Поэтику К. Кравцова, на наш взгляд, продуктивно рассматривать в русле предлагаемой А. С. Бокаревым методологии, как «опирающуюся на принцип синкретизма и реализованную в субъектной и образной сферах текста» [Бокарев, 2021, с. 12], с той оговоркой, что поэтика метаморфоз у К. Кравцова, направлена на сознательное преодоление любых форм завершенности, в том числе завершенности отдельного текста: «книги стихов Константина Кравцова длятся, перетекают одна в другую, тексты бесконечно плавятся, плывут и кристаллизуются вновь в тигеле авторских редактур» [Круглов, 2010, с. 12]. М. Степанова так характеризует творческий метод К. Кравцова: «…то, что притворяется книгой стихотворений, на самом деле таковой не является – стихотворение здесь не единица, как и сама книга (хотя она пишется, становится буквально на наших глазах), – а часть большого, заведомо большего целого. И поэтому границы между отдельными вещами нет (или она фиктивна, и образы и строчки свободно перебредают туда-сюда, словно все они связаны между собой разветвленной и нежной системой). Собственно говоря, то, что делает Кравцов, – образцовый символистский текст» [Степанова, 2013,

с. 35]. Поэтому, хотя далее мы будем применять термин «вариант» к генетически родственным текстам, отдадим себе отчет, что вариантами в текстологическом понимании они не являются.

Принцип текстопорождения, восходящий к герменевтическому кругу, можно продемонстрировать на примере стихотворения «Ночь» из сборника «Арктический лен»:

Этих **морозных закатов** скрижали,
ягель, арктический лён, ветреница,
след самолета – все канет **в развале**
памяти, мудрой избытком печали,
если не горя. И **ночь** воцарится –
нищенство ночи, как было в начале:
пустошь, вода, неусыпная птица [Кравцов, 2017, с. 35].

«Ночь» – один из целого ряда текстов, в которых мир предстает в переходном состоянии (лирическим субъектом мир воспринимается до момента творения) и кристаллизуется в метафоре «нищенство ночи». Вспомним: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и *пуста,* и *тьма* над бездною, и *Дух Божий носился над водою»* [Книга Бытие 1: 1–2]. При таком прочтении «неусыпная птица» будет восприниматься как метафора Духа Божия, что не противоречит толкованиям Священного Писания. Однако интерпретация поэтического текста может меняться в зависимости от того, в какой культурной парадигме мы его прочитываем, не отменяя предыдущую, но дополняя ее. Можно воспользоваться термином И. Кукулина, который определил подобную оптику как парадоксальную, или двойную, аллегорию [Кукулин, 2019, с. 381]. Слово «птица», выступающее в прямом значении, актуализирует корпус распространенных среди коренных народов Севера мифов о птице-помощнике демиурга и втором творении мира после Всемирного Потопа. Этот миф К. Кравцов воспроизводит и в другом стихотворении: «*…и* ***красноголовый нырок*** *ил приносит со дна / Или грязи комок, чтобы* ***вылепил мир, как в начале***» [Кравцов, 2013, с. 57]. Аллюзия, возникающая в одном тексте, в другом оборачивается парафразом, приобретая сюжетную определенность.

Еще один ключ к финальному стиху «Ночи» дает обращение к другим вариантам стихотворения. Так, в четверостишии «Свещница» образ мира до творения («нищенство ночи») раскрывается через синкретический образ «Тундроводы»:

Луч в ***переполненной свещнице*** леса
Рифма случайная – и воцарится
Нищенство ночи, как было в начале
Тундравода (курсив К. Кравцова) неусыпная птица [Кравцов, 2015].

При этом выбранная поэтом словообразовательная модель – сложение полных основ с помощью соединительных гласных – не случайна, поскольку указывает на отношения неслиянности и нераздельности (ср., например, Богочеловечество, радостопечалие).

Образ тундроводы, обнажая связь с денотатом (в стихотворении «Переходя к Восьмому дню» из сборника «Парастас» К. Кравцов говорит о лесе: «*...выйдя из вод, он уходит под воду*» [Кравцов, 2006, с. 49]), актуализирует не только сигнификативное и коннотативное значения (состояние мира до творения), но особое мифологическое сознание поэта, стягивающее в одну точку пространственные и временные координаты. Так, если в стихотворении «Ночь» в зависимости от интерпретации речь может идти как о творении мира, так и о воссоздании после Потопа, то в «Переходя к Восьмому дню» из сборника «Парастас» образ тундры возникает в связи с Антипасхой – восьмым днем по Пасхе, о котором свт. Григорий Богослов в слове «На Неделю Новую» говорил, что «подобно первому творению (сотворению мира), начавшемуся днем недельным (воскресным), так и новый, обновленный Воскресением Христовым мир начинается днем недельным» [Православная энциклопедия, 2001].

При этом, развертывая «анатомию метафоры» К. Кравцова (как виртуозно это проделал Б. А. Успенский с метафорой О. Мандельштама), мы не можем не заметить, что коррелятам «***нищенство*** ночи» и «пустошь, вода…», появившимся в «Ночи», в «Свещнице», антиномична «***переполненная свещница*** леса», а в «Переходя к Восьмому дню» «свечи, зажженные к крестному ходу», маркируя переход (пасху) мира в качественно новое состояние (от тьмы к свету и наоборот). Возвращение к миру до катастрофы, до грехопадения, это не возвращение к потерянному раю, и даже не возвращение к золотому веку, в прекрасную Аркадию, легендарную Гиперборею, это в поэзии Константина Кравцова – движение по кругу («хоровод», «коловращение», «круговращенье»). Этот принцип поэт опишет в эссе «Цвет мерзлоты» (1999), которое: *«...распадаясь, рассеиваясь, как роящийся сам в себе снег или пух, проваливающийся, плавая неровными кругами, в незримую пустоту, в*

нескончаемое ***коловращение****, при котором* ***память*** *и* ***беспамятство*** *необъяснимо* ***слились, став чем-то третьим*** *– не памятью и не беспамятством или и памятью, и беспамятством...»* [Кравцов, 2013, с. 105]. Это позволяет, возвращаясь к стихотворению «Ночь», выявить еще один коррелят топоса «нищенство ночи» – оксюморонный образ «***канет*** *в развале памяти мудрой* ***избытком*** *печали…*», включающий семы пустоты (кеномы) и наполненности (плеромы) одновременно. Таким образом, по аналогии с химическими процессами мы определяем базовое свойство образности в поэтике К. Кравцова как энантиотропию образа (обратимость перехода одной модификации в другую, антиномичную ей). Так, в посвященном первой жене – Ирине Перуновой – стихотворении-эссе «Ласточкин хвост» К. Кравцов формулирует принцип своей поэтики: «*И "только в восторге* ***разрушения*** */ Приоткрывается смысл божественного* ***творения****, – писал Шлегель, – / Только посреди* ***смерти*** *сияет смысл вечной* ***жизни***"» [Кравцов, 2017а]. Энантиотропные образы свидетельствуют не об апокалиптическом сознании поэта, но об особом зрении, присущем лирическому субъекту К. Кравцова (и, уточним, самому автору. – Е. Н.), воспринимающему мертвых как живых и наоборот [Черных, 2010, с. 9]. Именно это свойство поэтической оптики К. Кравцова позволяет определить «врата ночные» как врата Небесного Града (хотя, согласно «Откровению святого Иоанна Богослова», «…ночи там не будет» [Откровение святого Иоанна Богослова 21.25]), а Дорогу Мертвых, опосредованную образом Млечного пути в шумерской мифологии, – как Дорогу Живых («*…и Дорога Живых – эта млечная тишь*» [Кравцов, 2006, с. 16]).

Катализаторами памяти, опредмечивающими ее, выступают постоянные пространственные образы («дымы зелено-голубые», «бинты» проводов и улиц, «недреманное око» солнца, «след самолета» и др.), неизменно связанные с топосом Север. Как пишет Наталья Черных, «…Константин Кравцов – единственный автор, в поэзии которого ***посткатастрофическое пространство-время*** без постороннего усилия – «свыше» – ***сливается*** с медитативно-угрюмой ***северной географией***» [Черных, 2013, с. 9]. **Открывающая стихотворение «Ночь» кумуляция образов – «*…морозных закатов* *скрижали, ягель, арктический лён,* *ветреница,* *след самолета…»* – при обращении к корпусу стихотворений в целом демонстрирует специфику отношений между статическим означаемым (пространственной реалией, сохраняемой глазом) и динамическим «поэтическим знаком».** Как отмечает Дмитрий Бак: «„Тундра", „ягель" и иные приполярные атрибуты свидетельствуют не только о повседневном и символическом, ментальном опыте поэта-северянина, эти образы сопряжены с лагерным насилием, которое, в свою очередь, опосредованно связано с насилием, описанным в евангелиях...» [Бак, 2015, с. 270–271]. Так, знаменитая Северная транссибирская магистраль «Салехард – Игарка» (а точнее ее участок «Салехард – Старый Надым», строительство которого было начато в 1949 г. силами заключенных Главного управления лагерей НКВД СССР в практически необитаемой приполярной тундре), которая должна была соединить европейскую часть страны с дельтой Енисея, со времен перестройки получившая перифрастические определения «Мертвая дорога», «Сталинская дорога смерти», «Стройка на костях», становится для поэта, как он сам признался на презентации сборника «Арктический лен», состоявшейся 11 ноября 2017 г. в Юношеской библиотеке-филиале № 10 имени Н. А. Некрасова, метафорой родины, истории страны в XX в.

Мотив «движения по кругу» становится текстообразующим в стихотворении «Успение»:

Просто ***Север и смерть***.
Просто солнцестояние вод
В венецианском стекле
Полярного круга:
Ангелы, Силы, Престолы —
Как по воде расходящийся ***круг***

И золотой ***сухостой***
Удлиненных фигур у одра:
Так свечи теснясь на каноне
Гнутся от жара
И видишь сквозь воду
Север и якобы смерть
Облака или белый хитон [Кравцов, 2017, с. 77]

В этом стихотворении анализируемый мотив реализуется на трех уровнях. Так, на уровне референта мы видим описание иконы «Успение Пресвятой Богородицы»: **скорбящих** апостолов, окруживших ее ложе (в более ранних вариантах текста: «*золотой сухостой удлинённых фигур / учеников у одра...*»); на уровне художественного мира Небесная иерархия, по Дионисию Ареопагиту, (*«Ангелы, Силы, Престолы*») сопоставляет-

ся с кругами, расходящимися по воде, а склоненные фигуры апостолов – со свечами на каноне, при этом последнее сравнение, что у ложа Богородицы изображаются одна или несколько горящих свечей, символизирующих молитву ко Господу, как раз и образует синтетический, находящийся на границе референцируемой действительности и художественного мира, образ. Его анатомия раскрывается, если вспомнить уже рассматриваемый нами корпус стихотворений: «переполненная свещница леса» – «золотой сухостой <…> фигур» = «свечи, теснясь на каноне…». Основой выступает обращение Христа к апостолам: «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике (свещнице – Е. Н.), и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» [Св. Евангелие от Матфея 5:14–16].

При этом само стихотворение также организовано по принципу герменевтического круга. Обе строфы распадаются на две части, соотносимые с верхней и нижней частями иконы Успения Пресвятой Богородицы, свидетельствующими ***смерть*** и ***воскресение***, однако происходит своеобразная «мена»: если в первой строфе смерть связана с образом «мертвой» воды – льда, а Ангелы, Силы, Престолы, запечатленные в верхней части иконы, отсылают нас к миру горнему, то во второй строфе о смерти напоминают фигуры скорбящих учеников, а вот вода уже живая, способная отражать облака, небо или белый хитон Богородицы – ее душу на руках у Христа. Смена христианской культурной парадигмы на мифологическую позволяет вновь говорить о двойной аллегории: в картине мира северных народов верх и низ меняются местами, и души по смерти уходят в «перевернутое» пространство.

Заключение. Характеризуя семантическую поэтику Константина Кравцова, предполагающую нечленимость смыслов, возвращение к «слову как таковому» в его первозданности, справедливо, на наш взгляд, говорить о том, что при имперсональности текстов К. Кравцова, в которых присутствие лирического субъекта обнаруживается как особое в***и***дение (например, метод обратной перспективы [Черных, 2010, с. 10]) или как результат бесконечного творческого акта (например, рифма, поэзия) или умственной деятельности (например, память), оцельняющее начало кравцовской лирики следует искать именно в антиномичности авторского сознания. Герменевтический круг как основа творчества, позволяющая преодолеть завершенность творческого акта, становится ведущим композиционным принципом (на уровне отдельного текста, поэтической книги и поэзии в целом), проявляясь и на образном уровне. В топосах, традиционно воспринимаемых как пограничные (дорога, лимб, лес, руина и др.), так же, как в лиминальных состояниях (сон, болезнь, воскресение и др.), поэта интересует их синкретическая природа (небесно-земное начало). Это позволяет нам определить базовое свойство поэтики К. Кравцова как энантиотропию образа. Такие тропы, как «метафораотражение» (Н. Черных), двойная аллегория (И. Кукулин), мотивы (метаморфозы, снятия границ, преображения и др.), а также используемые поэтом словообразовательные модели, приемы языковой компрессии в таком случае выступают как способы преодоления антиномичности бытия, частные проявления выявленной нами особенности.

Библиографический список

1. Бак Д. Константин Кравцов, или «…есть, пойми, узкий путь…» // Бак Д. Сто поэтов начала столетия : пособие по современной русской поэзии. Москва : Время, 2015. С. 269–272. (Диалог).

2. Бокарев А. С. Поэтика русской лирики второй половины XX – начала XXI века: субъектная структура и образный язык. Ярославль, 2021. 425 с. С. 12.

3. Вежлян Е. Книжная полка Евгении Вежлян // Новый мир. 2007. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/1/ve17.html (дата обращения: 11.04.2022).

4. Ермолин Е. А. Трансавангард как парадигма современной литературы // Филологический класс. 2011. № 25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transavangard-kak-paradigma-sovremennoy-literatury (дата обращения: 14.04.2022).

5. Кравцов К. Арктический лен. Москва : Русский Гулливер, 2017. 156 с.

6. Кравцов К. В весельи и тайне // Врата Сибири : литературно-художественный и историко-краеведческий альманах. 2021. № 2 (57). С. 128–130.

7. Кравцов К. Ласточкин хвост // Урал. 2017а. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/ural/2017/3/lastochkin-hvost.html (дата обращения: 11.04.2022).

8. Кравцов К. На север от скифов. Москва : Воймега, 2013. 72 с.

9. Кравцов К. Парастас. Москва : АРГО-РИСК; Тверь: KOLONNA Publications, 2006. 56 с. (Прил. К журналу «Воздух»; вып. 14).

10. Кравцов К. Прожектор теплохода // Знамя. 2015. № 5. URL:

http://znamlit.ru/publication.php?id=5921 (дата обращения: 11.04.2022).

11. Кравцов К. Цвет мерзлоты // Кравцов К. Эхолот. Салехард ; Екатеринбург : Северное издательство, 2013. С. 99–114.

12. Кравцова О. «Атлантика» и другое: о поэтике Константина Кравцова // Балкон : сетевой литературный журнал. 2019. Вып. 6. URL: http://lit-balkon.ru/s_publicism/atlantika-i-drugoe-o-poetike-konstantina-kravtsova.html (дата обращения: 11.04.2022).

13. Круглов С. Травелог Кравцова // Кравцов К. Аварийное освещение. Москва : «Русский Гулливер», 2010. С. 12–14.

14. Кукулин И. Возрождение религиозной образности в русской поэзии начала XXI века // Кукулин И. Прорыв к невозможной связи : статьи о русской поэзии. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. С. 355–387.

15. Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Алексия II : в 47 т. Т. 2. Москва : Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2001. С. 544–548. URL: http://www.pravenc.ru/vol/ii.html (дата обращения: 11.04.2022).

16. Разумов В. А. Образ самарянки в творчестве Константина Кравцова // Художественный текст глазами молодых : материалы IV международной научной конференции, Ярославль, 26 октября 2019 года. Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2020. С. 237–244.

17. Разумов В. А. Особенности поэтики К. Кравцова (Анализ одного стихотворения) // Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, 20–21 апреля 2018 года. Ярославль : Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2018. С. 385–389.

18. Степанова М. По направлению к раю // Кравцов К. На север от скифов. Москва : Воймега, 2013. С. 3–6.

19. Черных Н. Икона отсутствия, или Аварийное освещение // Кравцов К. Аварийное освещение. Москва : «Русский Гулливер», 2010. С. 7–11.

20. Черных Н. Сквозь темное стекло // Кравцов К. Эхолот. Салехард ; Екатеринбург : Северное издательство, 2013. С. 5–11.

Reference list

1. Bak D. Konstantin Kravcov, ili «…est', pojmi, uzkij put'…» = Konstantin Kravtsov, or «...there is, you see, a narrow way…» // Bak D. Sto pojetov nachala stoletija : posobie po sovremennoj russkoj pojezii. Moskva : Vremja, 2015. S. 269–272. (Dialog).

2. Bokarev A. S. Pojetika russkoj liriki vtoroj poloviny XX – nachala XXI veka: sub#ektnaja struktura i obraznyj jazyk = Poetics of Russian poetry in the second half of XX – early XXI centuries: subject structure and figurative language. Jaroslavl', 2021. 425 s. S. 12.

3. Vezhljan E. Knizhnaja polka Evgenii Vezhljan = Eugenia Vezhlyan's Bookshelf // Novyj mir. 2007. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/1/ve17.html (data obrashhenija: 11.04.2022).

4. Ermolin E. A. Transavangard kak paradigma sovremennoj literatury = Transavantgarde as a paradigm for modern literature // Filologicheskij klass. 2011. № 25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transavangard-kak-paradigma-sovremennoy-literatury (data obrashhenija: 14.04.2022).

5. Kravcov K. Arkticheskij len = Arctic flax. Moskva : Russkij Gulliver, 2017. 156 s.

6. Kravcov K. V vesel'i i tajne = In merriment and mystery // Vrata Sibiri : literaturno-hudozhestvennyj i istoriko-kraevedcheskij al'manah. 2021. № 2 (57). S. 128–130.

7. Kravcov K. Lastochkin hvost = Swallowtail // Ural. 2017a. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/ural/2017/3/lastochkin-hvost.html (data obrashhenija: 11.04.2022).

8. Kravcov K. Na sever ot skifov = North of the Scythians. Moskva : Vojmega, 2013. 72 s.

9. Kravcov K. Parastas = Parastas. Moskva : ARGO-RISK; Tver': KOLONNA Publications, 2006. 56 s. (Pril. K zhurnalu «Vozduh»; vyp. 14).

10. Kravcov K. Prozhektor teplohoda = Motor ship spotlight // Znamja. 2015. № 5. URL: http://znamlit.ru/publication.php?id=5921 (data obrashhenija: 11.04.2022).

11. Kravcov K. Cvet merzloty = Permafrost color // Kravcov K. Jeholot. Salehard; Ekaterinburg : Severnoe izdatel'stvo, 2013. S. 99–114.

12. Kravcova O. «Atlantika» i drugoe: o pojetike Konstantina Kravcova = «The Atlantic» and beyond: On Konstantin Kravtsov's poetics // Balkon : setevoj literaturnyj zhurnal. 2019. Vyp. 6. URL: http://lit-balkon.ru/s_publicism/atlantika-i-drugoe-o-poetike-konstantina-kravtsova.html (data obrashhenija: 11.04.2022).

13. Kruglov S. Travelog Kravcova = Kravtsov's travelogue // Kravcov K. Avarijnoe osveshhenie. Moskva : «Russkij Gulliver», 2010. S. 12–14.

14. Kukulin I. Vozrozhdenie religioznoj obraznosti v russkoj pojezii nachala XXI veka = The revival of religious imagery in early XXI century Russian poetry // Kukulin I. Proryv k nevozmozhnoj svjazi : stat'i o russkoj pojezii. Ekaterinburg : Kabinetnyj uchenyj, 2019. S. 355–387.

15. Pravoslavnaja jenciklopedija = Orthodox encyclopedia / pod obshh. red. Patriarha Mosk. i vseja Rusi Aleksija II : v 47 t. T. 2. M. : Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaja Jenciklopedija», 2001. S. 544–548. URL: http://www.pravenc.ru/vol/ii.html (data obrashhenija: 11.04.2022).

16. Razumov V. A. Obraz samarjanki v tvorchestve Konstantina Kravcova = The image of the Samara woman in Konstantin Kravtsov's work // Hudozhestvennyj tekst

glazami molodyh : materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Jaroslavl', 26 oktjabrja 2019 goda. Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D. Ushinskogo, 2020. S. 237–244.

17. Razumov V. A. Osobennosti pojetiki K. Kravcova (Analiz odnogo stihotvorenija) = Specific features of K. Kravtsov's poetics (Analysis of one poem) // Filologicheskie chtenija JarGU im. P.G. Demidova, Jaroslavl', 20–21 aprelja 2018 goda. Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P.G. Demidova, 2018. S. 385–389.

18. Stepanova M. Po napravleniju k raju = On the way to paradise // Kravcov K. Na sever ot skifov. Moskva : Vojmega, 2013. S. 3–6.

19. Chernyh N. Ikona otsutstvija, ili Avarijnoe osveshhenie = An icon of absence, or Emergency lighting // Kravcov K. Avarijnoe osveshhenie. Moskva : «Russkij Gulliver», 2010. S. 7–11.

20. Chernyh N. Skvoz' temnoe steklo = Through the dark glass // Kravcov K. Jeholot. Salehard ; Ekaterinburg : Severnoe izdatel'stvo, 2013. S. 5–11.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022; одобрена после рецензирования 08.03.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 12.02.2022; approved after reviewing 08.03.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Медиакоммуникации и журналистика

Научная статья
УДК 316.77; 070
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-53-60
EDN: ESRBCH

Радикальный феминный и маскулинный медиадискурс в аспекте лингвобезопасности

Геннадий Геннадьевич Слышкин[1], Лидия Евгеньевна Малыгина[2]✉, Екатерина Сергеевна Павлова[3]
[1]Доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». 119571, г. Москва, пр. Вернандского, д. 82
[2]Доктор филологических наук, профессор Высшей школы (факультета) телевидения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». 119991, г. Москва, ул Колмогорова, д. 1, стр. 51
[3]Руководитель блока внутренних коммуникации АО «Русагротранс». 107014, г. Москва, ул. 2-я Боевская, д. 3
[1]admlikbez@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0056-8160
[2]ggsl@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8121-0250
[3]epav1129@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7644-1564

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению влияния радикального гендерного медиадискурса и его субстанциональных ценностных установок на пользователей социальных сетей. Определен главный критерий отнесения данных дискурсов к радикальным такой, как проявления ненависти в качестве основообразующего начала. Обозначены причины радикализации феминного и маскулинного медиадискурса. В каждом медиадискурсе представлена аксиологическая матрица доверия, с помощью которой удерживается аудитория и вовлекаются новые пользователи, проанализированы используемые архитипические модели. Всего было проанализировано методом коммуникативного контент-анализа через моделирование количественных и качественных данных 1700 публикаций в социальной сети Вконтакте в период с 01 января 2020 по 01 января 2022 г. Выделены субдискурсы, охватывающие основные смысловые зоны медиадискурса радикальных феминисток и маскулистов в российском сегменте интернета и предполагающие различное обоснование стратегий сопротивления угнетению женщин и мужчин. В каждом субдискурсе представлены основные тематические доминанты. Отдельно рассмотрены угрозы в радикальном феминном и маскулинном медиадискурсе, направленные на разрушение семьи и родительства как социальных институтов. Обозначены способы, призванные вызвать отторжение и неприязнь к понятию «ребенок» в чайлдхейтерском субдискурсе. По результатам исследования обозначена норма современной мужественности и женственности, формирующаяся в новых медиа, кристаллизовавшаяся в образах «цифрового мужика-тролля» и «новой амазоники», обозначены инструменты лингвобезопасности в социальных сетях.

Ключевые слова: лингвобезопасность; радикальный феминизм; радикальный сексизм; маскулизм; троллинг; медиадискурс

Для цитирования: Слышкин Г. Г., Малыгина Л. Е., Павлова Е. С. Радикальный феминный и маскулинный медиадискурс в аспекте лингвобезопасности // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 53–60. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-53-60. https://elibrary.ru/ESRBCH

© Слышкин Г. Г., Малыгина Л. Е., Павлова Е. С., 2022

Media communications and journalism

Original article

Radical feminine and masculine media discourse in terms of linguistic security

Gennady G. Slyshkin[1], Lydia E. Malygina[2]✉, Ekaterina S. Pavlova[3]
[1]Doctor of philology, professor, head of the research laboratory «Linguistic security and psychology of information impact» of the Institute of law and national security, Russian presidential academy of national economy and public administration. 119571, Moscow, Vernandsky ave., 82
[2]Doctor of philological sciences, professor of the Higher school (faculty) of television, Lomonosov Moscow state university. 119991, Moscow, Kolmogorov st., 1, bld. 51
[3]Head of internal communications unit of Rusagrotrans JSC. 107014, Moscow, 2nd Boevskaya st., 3
[1]admlikbez@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0056-8160
[2]ggsl@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8121-0250
[3]epav1129@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7644-1564

Abstract. This article examines the impact of radical gender media discourse and its substantive value attitudes on social media users. The main criterion is determined for classifying these discourses as being radical, as the manifestation of hatred as an underlying principle. The authors outline the reasons for the radicalization of the feminine and masculine media discourse. Each media discourse contains an axiological trust matrix, with the help of which the audience is captured and new users are involved, the archetypal models being used are analyzed. In total, 1,700 publications on the social network Vkontakte have been analyzed using the method of communicative content analysis through modeling quantitative and qualitative data from January 01, 2020 to January 01, 2022. The article identifies the sub-discourses covering the main semantic zones of radical feminists and masculists' media discourse in the Russian segment of the Internet and assuming a different explanation of the strategies to resist the oppression of women and men. Each subdiscourse presents the main thematic dominants. The threats in the radical feminine and masculine media discourse aimed at the destruction of the family and parenthood as social institutions are considered separately. The ways are outlined designed to cause rejection and hostility to the concept of «child» in the childhate sub-discourse. According to the authors of the study, the norm of modern masculinity and femininity, formed in new media, crystallized in the images of the «digital troll man» and the «new Amazon»; they also describe the tools of linguistic security in social networks.

Key words: linguistic security; radical feminism; radical sexism; masculism; trolling; childhate; media discourse

For citation: Slyshkin G. G., Malygina L. E., Pavlova E. S. Radical feminine and masculine media discourse in terms of linguistic security. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):53–60. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-53-60. https://elibrary.ru/ESRBCH

Введение

В российском сегменте интернета активно исследуются радикальные проявления, угрожающие национальной безопасности. Наибольшее внимание уделяется анализу политических и религиозных форм радикализма, таких как квазиисламский экстремизм, шовинизм, сепаратизм и пр., также подробно рассматриваются радикальные проявления протестных движений. Между тем в последнее время все большую популярность набирают интернет-сообщества, наполненные гендерным радикализмом. Их участники открыто проявляют ненависть к определенным группам людей – она составляет основообразующее начало, стержень и смысл их существования. На первом плане у них интенсивное желание ущемить «противника» в правах и посредством этого самоутвердиться.

Сегодня эссенциалистский взгляд на гендер как характеристику, заложенную природой и не подлежащую изменениям, уступил место теории социального конструирования, где процессы трансформации гендерной сферы оказываются вполне управляемыми. Специфичность понятия «гендер» в общественном сознании связана с подвижностью понятий «мужское» и «женское», которые имеют существенные различия в культурах и эволюционируют вместе с социумом: *тургеневских барышень, дворян-нигилистов, мужика* и *бабу* сменили *товарищ-женщина* и *товарищ-мужчина*. Сейчас российский медиадискурс пополнился новыми социальными статусами, которыми люди маркируют себя: *маскулист* (он же *сексист*) и *феминистка*. Мы рассмотрим именно радикальные проявления в медиадискурсе, в «группах ненависти», объединившихся на основе сильнейшей профильной эмоции против гендерных оппонентов.

В России за последние два-три года сложился

масштабный радикальный феминистский и маскулинный, или как его еще называют, *сексистский*, дискурс в цифровой среде, вовлекающий в коммуникацию все большее число адресатов и социальных акторов. Десятки подобных групп насчитываются в социальной сети «ВКонтакте», а общее число участников достигает полмиллиона. Все коммуникативные стратегии этих дискурсов практико-ориентированные. С учетом стремления адресантов как в радикальном феминном, так и в радикально сексистском медиадискурсе к нагнетанию напряжения базовой стратегией интеракции является раздражение, а коммуникативные акты находятся в точках приказов-должествования, что свидетельствует об агрессивной мобилизации участников сообществ.

В то же время благодаря конструированию искусственных мифологем относительно мужских и женских моделей поведения у современной молодежи формируются новые представления о женственности и мужественности.

Методы исследования

Исследование выполнено в рамках серии работ, посвященных различным аспектам лингвобезопасности [Слышкин, 2022]. Его теоретическую базу составили работы по медиастилистике [Клушина, 2020] и аксиологической проблематике медиатекста [Карасик, 1993]; дискурс-анализу [Т.А. ван Дейка,]; исследования цифровых медиа, связанные с современными российскими практиками социализации и влияния на различные целевые аудитории [Бродовская, 2019; Змазнева, 2018]; труды, рассматривающие отдельные феномены или акции феминизма и маскулизма [Балакришнан, 2008; Вульф, 2020; Зимбардо, 2017; Ермолова, Клец, 2020, Жирнова, 2018; Порошенко, 2014; Тамбиянц, 2021; Шабурова, 2002].

Для исследования радикального феминного и маскулинного медиадискурса нами была выбрана социальная сеть «ВКонтакте» как включающая наибольшее число групп и профилей заданной тематики (27 сообществ). Такие группы были определены нами на основании запросов по ключевым словам «феминизм», «женское движение», «чайлдхейт», «маскулист», «сексист» «альфа», «патриархат» и через выявление «кустов» дружественных найденным сообществам профилей. Для анализа были выбраны те, количество подписчиков которых превышало 10 тысяч. Всего нами было проанализировано методом коммуникативного контент-анализа через моделирование количественных и качественных данных 1 700 публикаций в период с 1 января 2020 г. по 1 января 2022 г. При систематизации результатов использовался общенаучный описательный метод. В корпус анализируемых материалов включены не только сами посты в социальных сетях, но и комментарии к ним.

Результаты исследования

Радикальные феминистки

Нужно различать либеральный и радикальный феминизм. *Либеральный* феминизм заключается в проявлении уважения к человеку независимо от его пола и от того, посвящает он себя работе или семье.

Сторонницы идеологии *радикального* феминизма стремятся не столько разрушить традиционный гендерный порядок, сколько поменять позиции, заняв место мужчин, с сохранением прежней иерархии. «Радфемки» активно внедряют новый женский облик агрессивной альфа-самки, уничтожая образ нежной и дающей жизнь женщины.

Таким образом, организаторы групп в социальных сетях создают определенную матрицу доверия, исключая резкие аксиологические противоречия между вновь создаваемым мифом и этнокультурными архетипами россиянок. Эта «новая амазонка» сформирована по маскулинному типу: она воинственна, самодостаточна и опирается, с одной стороны, на архетип сказочной властительницы «бабы Яги», которая вершит судьбы по своему усмотрению, с другой – на архетип «русской бабы», которая не нуждается в мужчине-помощнике [Шабурова, 2002].

В ходе исследования нам удалось выделить четыре субдискурса, охватывающие основные смысловые зоны медиадискурса радикальных феминисток в российском сегменте Интернета и предполагающие различное обоснование стратегий сопротивления угнетению женщин (расположены по убыванию масштаба и значимости):

- семейный;
- социальный;
- законодательный;
- сексуальный.

Наиболее радикально окрашенным и, соответственно, представляющим наибольшую угрозу является семейный субдискурс: лингвистические практики данной тематической группы обретают откровенно человеконенавистнические, скорее даже мужененавистнические, формы и

вполне сопоставимы в этом отношении с практикой нацизма. Активное использование этого субдискурса, с одной стороны, связано с такой важной для радфемок идеологемой, как борьба с семейным патриархатом; с другой – определяется относительной легкостью и привлекательностью этих стратегий и тактик (не предполагающих включения дополнительных акторов в их реализацию) за пределами виртуального пространства.

Выделим главные темы семейного субдискурса:

– домашнее насилие (бытовое, сексуальное), виктимблейминг, социальный стокгольмский синдром женщин;

– репродуктивная тирания;

– репродуктивный труд по уходу за детьми;

– обслуживающий труд для обеспечения мужчинам физиологического и бытового комфорта;

– принудительные браки, «похищение невест».

В лексиконе радикального феминизма «освобождение женщины» означает частичный или полный отказ от традиционных и стесняющих, по мнению феминисток, ролей «жены», «матери», «хозяйки дома». Вот некоторые из феминистических высказываний: *«Брак – это институт, возникший из практики насилия. Поначалу насилие имело форму похищения, а затем превратилось в брак через пленение. … Семья в привычном понимании этого слова должна быть уничтожена. Семья поддерживает угнетение, разделяя людей на малые изолированные группы, которые не в силах объединиться и отстаивать общие интересы. … Сегодня технически возможно зачатие без помощи самцов… так же, как возможно рожать только самок…. Самец – это ошибка природы. … Свободу для женщин не завоевать, пока существует брак»* [Порошенко, 2014].

Создаваемый в социальных сетях привлекательный новый образ женщины опасен своей самодостаточностью, поскольку, очевидно, может способствовать разрушению семьи как социального института, что представляет опасность как для отдельных граждан, так и для общества в целом.

Обозначим основные тематические блоки трех дополнительных субдискурсов для формирования представления о дискуссионном ландшафте данных сообществ. Здесь важно отметить, что выделенные субдискурсы являются фоновыми для российских социальных сетей и скорее поддерживают общую мировую повестку, нежели выступают проактивными доминантами.

Социальный субдискурс:

– трудовая дискриминация: «стеклянный потолок», разрыв в размере заработной платы мужчин и женщин;

– принудительная красота: навязывание практик украшательства, калечащий дресс-код;

– гетеронормативность (женщина по умолчанию должна быть замужем/в паре);

– «налог на розовое»: неоправданно высокая стоимость товаров для женщин, по сравнению с аналогичными товарами для мужчин.

Законодательный субдискурс:

– репродуктивное насилие: ограничение права на аборт, репродуктивный налог.

Сексуальный субдискурс:

– мэйл гейз (от англ. male gaze – ‘мужской взгляд’): представление о том, как должна выглядеть женщина в обыденной жизни, кино, живописи и т. д.;

– проституирование: прямое привлечение к занятию проституцией; использование услуг проституток; создание экономических условий, в которых женщина вынуждена заниматься проституцией, чтобы выжить, и/или в которых она становится легкой добычей работорговцев;

– педофилия: сексуальная связь и любые эротические действия мужчин по отношению к несовершеннолетним.

Для иллюстрации уровня разжигаемой ненависти и агрессии в сообществах радфемок из фоновых субдискурсов обратимся к законодательному дискурсу. Для легитимизации права женщины на избавление от всего и всех ей неугодных неоднократно обсуждался законопроект, представленный в штате Калифорния (США), который позволит матерям убивать детей в течение первой недели после родов. Законопроект должен защитить мать от преследования за совершение любых действий, имеющих отношение к ее беременности, включая действия, повлекшие «перинатальную смерть» плода (перинатальный период включает весь срок беременности и первую неделю после родов). Эти действия расцениваются радфемками как реализация женщиной ее «репродуктивных прав».

Радикальные маскулисты (сексисты)

Некоторые исследователи отмечают все более отчетливые проявления нетерпимости в западноевропейском дискурсе к такому естественному и знаковому для сильной половины человечества феномену, как мужественность. Если раньше мужественность была эталоном воспитания, то

сегодня она должна реагировать на делегитимацию самой себя, постоянно испытывая нападки, культивируя человечество без мужественности, общество среднего пола. Так, в Великобритании в 2022 году при заполнении официальных документов необходимо выбрать гендерную принадлежность из 78 вариантов.

С одной стороны, жесткие рамки мужской гендерной роли в российских реалиях настолько четко определены, что требуют от мужчины на протяжении чуть ли не всей жизни постоянного подтверждения мужественности, которая основана на проявлении власти, доминировании и отрицании женственности. С другой стороны, компьютеризация, в частности геймерство, сильно ударившая по мужественности, широко распространенная именно в мужской среде, сформировала потребность ощущать себя победителем и героем в цифровой реальности [Зимбардо, 2017]. Неким ответом одновременно на западноевропейскую политкорректность и российский социокультурный запрос и вызовы времени стала невероятная активизация радикальных маскулистов (сексистов) в российской цифровой среде. Так, численность групп в социальной сети «ВКонтакте» в десятки раз превышает количество подписчиков радикальных феминисток. Можно назвать десятки сообществ, деятельность которых включает широкий диапазон негативных проявлений: от троллинга до пропаганды национал-патриархата, травли и угроз в отношении женщин (наиболее массовые и популярные – 1337 const (157 000 подписчиков); Alfa (63 000 подписчиков); «Тыжемужик» (62 000 подписчиков); «Мужское Движение» (37 000 подписчиков) и др.).

Некоторые такие сообщества (например, «Мужское государство») признаны экстремистскими и запрещены в России, но это не мешает им продолжать деятельность в новых группах – с новыми названиями. Архетипически создатели данных групп апеллируют к образу «русского мужика», который соотносится с нормой современной мужественности для российского мужчины, – таким образом, создается современный «цифровой мужик-тролль».

Исследования психологического портрета «тролля» показали, что подобное деструктивное поведение не зависит от возраста и гендерной принадлежности, но чаще интернет-агрессия исходит именно от мужчин молодого возраста. Кроме того, доказана связь антисоциального поведения с чертами личности, входящими в «темную триаду»: нарциссизмом (страстная фиксация на себе), макиавеллизмом (получение удовольствия от манипулирования чьим-либо поведением) и психопатией (отсутствие эмпатии). Однако самым значимым предиктором проявления троллинга является садизм. Как и садисты, тролли беспощадны, эмоционально жестоки и получают удовольствие, причиняя боль другим людям, заставляя их испытывать дискомфорт [March, 2019].

Можно выделить единственный субдискурс радикальных маскулистов – семейно-правовой. Не приемля для себя гражданские формы отношений, такие как официальный брак, маскулисты, в отличие от радикальных феминисток, хотят оставаться в отношениях с женщинами, сохраняя абьюзивную власть над ними. Главными темами борьбы на этом информационном поле стали следующие:

– *Финансовая тирания женщин.*

– *Насилие в семье.* Один из авторов группы «Национал Патриархат» пишет: *«Легкий лещ Хитрине* («Хитриня» – женщина, помогающая супругу лишь ради собственной выгоды. – примеч. автора), *а можно пендель, эффективнее и полезнее 10 000 часов переговоров» [Попова, 2019].*

– *Сексуальная распущенность женщин.* Один из идеологов радикального маскулизма в России Олег Новоселов так характеризует разведенную женщину с ребенком, называемую в сообществах маскулистов «РСП» («разведенка с прицепом»): *«Раз ее семья разрушена, то либо она ее разрушила сама, лишив детей отца по собственной неадекватности и безответственности, либо создала ее с неадекватным мужчиной. А значит она западает на неадекватов, то есть вы – не из тех мужчин, которых она любит. А значит будет изменять. В любом случае – дефектная неадекватная самка» [Новоселов, 2020].*

– *Семейная гегемония.* В сообществе «Подслушано патриархат» социальной сети «ВКонтакте» пользователь Саня Поехавший пишет: *«Настоящему мужику дети не нужны. Дети нужны баборабам и аленям* («Алень» – плохой, неправильный мужчина, подкаблучник. Возможно, обладатель развесистых рогов. Думает не о мужском братстве и борьбе за мужские права со злыми бабами, а о чувствах и желаниях своей женщины. Позорит гордое звание мужчины. Способен опуститься до жертвенности и рыцарственности. Из-за своих постыдных слабостей готов на все, даже на брак с многодетной разве-

денной женщиной. Позволяет женщине паразитировать на себе и своих ресурсах. Объект насмешек и сожалений. – прим. автора [Атискова, 2022]). *Если мужчина захочет ребенка, то сделает это через искусственную матку, которая, уверен, скоро будет доступна всем».*

В контексте всего сказанного выше интересен нередко употребляемый в радфемовском и маскулинных дискурсах термин «чайлдхейт» (от англ. childhate – ‘ненавидящие детей’). Важно разделять понятия «чайлдфри» (от англ. childfree – ‘свободный от детей’) и «чайлдхэйт». Чайлдфри – это люди, добровольно отказывающиеся от деторождения в силу социальных или медицинских причин; в большинстве своем последователи чайлдфри в медиапространстве не разделяют взглядов чайлдхэйтеров.

В когнитивной научной парадигме метафоры, используемые в исследуемых сообществах, представляют языковую информацию о картине мира ее пользователей. Зооморфные метафоры в чайлдхейтерском субдискурсе («личинка», «личинус») призваны вызвать отторжение и неприязнь к понятию (концепту?) «ребенок» через соотношение с личинкой насекомого.

Пользователь Юля (36 лет, Москва) пишет: *«Дети – гадость, у меня был ребенок, знаю, что это такое. Я родила дочь в 20 лет и быстренько отдала ее знакомым. Лет пять назад я начала общаться с дочерью по ее инициативе. Сейчас ей 16 лет, и мне даже интересно иногда поговорить с этой личинкой. … Я сделала много абортов, стерилизация, конечно, была бы выгоднее, но в итоге не срослось. Сейчас операция уже не имеет смысла – я старая» [«Ребенок не принесет мне радость», 2017].*

Радикальный маскулист с ироничным ником «Наивный Олень» так характеризует свое отношение к детям (пунктуация и орфография автора сохраняются): «*Как же я ненавижу гребаных молчунов, сейчас поведаю о чем это я. Еду значит в автобусе…, ко мне подходит мамаша со своим личинусом лет таки 6-8. “Молодой человек уберите рюкзак, что бы мой сынулькин сел” – молвила мамка. Ну, ок. Убрал. Потом этот личинус говорит: “Мама я хочу у окошка сесть”. Мамаша ему в ответ: “Пусть тогда мальчик тебе уступит”. Личинус смотрит на меня, я игнорю…»*

Заключение

Анализ ценностей исследуемых сообществ показывает, что они завоевывают доверие молодого поколения, их основного «электората», предлагая освободиться от ряда обязательств, накладываемых обществом, «перекроить» в свою пользу соотношение разрешений и запретов. Истинная цель таких борцов с тиранией противоположного пола – установить собственный агрессивный контроль. В то же время разрушение укорененных стереотипов гендерного поведения чревато потерей этнокультурной самоидентификации человека и разбалансировкой его психосоциальных констант, что в итоге создает скрытую угрозу для национальной безопасности страны. Проводя работу в парадигме лингвистической безопасности для сохранения и воспроизводства «классических» социально значимых институтов («семья») и форм поведения («половые роли»), обеспечивающих их (данных институтов) существование, важно обучать «грамматике пола» в цифровое среде.

Библиографический список

1. Атискова З. «Бабораб», «спермоприемник» и «отродье»: словарь мужских пабликов о женщинах // Cosmo. 2022. URL: https://www.cosmo.ru/lifestyle/society/baborab-spermopriemnik-i-otrode-slovar-muzhskih-pablikov-o-zhenshchinah/ (дата обращения: 01.05.2022).

2. Балакришнан Г. Роль насилия в истории // Прогнозис. 2008. № 1 (13). С. 92–123.

3. Бродовская Е. В. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1 С. 228–251.

4. Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. Москва : Альпина нон-фикшн, 2020. 576 с.

5. Ермолова А. К. Медиаотражение темы феминизма в отечественных общественно-политических интернет-СМИ / А. К. Ермолова, Ю. А. Клец // Медиасреда. 2020. № 17. С. 135–140.

6. Жирнова Э. Н. Феминизм как часть медиакультуры // Медиа. Информация. Коммуникация. 2018. № 27. С. 9–16.

7. Зимбардо Ф. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности / Ф. Зимбардо, Н. Коломбе. Москва : Альпина Паблишер, 2017. 344 с.

8. Змазнева О. А. Коммуникативное пространство соцсетей начала XXI в.: файлы образов и потоки сознания // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3(27). С. 16–22.

9. Карасик В. И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. Санкт-Петербург : Экополис и культура, 1993. С. 30–38.

10. Клушина Н. И. Введение в интернет-стилистику / Н. И. Клушина, А. В. Николаева. Москва : Флинта, 2020. 240 с.

11. Клушина Н. И. Медиастилистика. Москва : Флинта, 2021. 184 с.

12. Новоселов О. Разведенка с прицепом, мать одиночка. Не связывайтесь с ними, крупные проблемы гарантированы // Олег Новоселов. Прикладная этология человека. 2019. URL: https://humans-ethology.com/forum/?PAGE_NAME=read&FID=18&TID=100&TITLE_SEO=100-razvedenka-s-pritsepom_-mat-odinochka.-ne-svyazyvaytes-s-nimi (дата обращения: 10.04.2022).

13. Попова Е. Путь к Берегине: современный патриархат глазами мужчин // Cosmo. 2019. URL: https://www.cosmo.ru/sex-love/mens_mind/put-k-beregine-sovremennyy-patriarhat-glazami-muzhchin/ (дата обращения: 10.04.2022).

14. Порошенко О. Ю. Ускользающая женственность, или Eat your make-up: критика радикального феминизма / О. Ю. Порошенко, Т. А. Харисова // Глобализация и национальная самобытность. Форум языков. Казань, 2014. URL: http://globkazan.narod.ru/2004/a15.htm (дата обращения: 10.04.2022).

15. «Ребенок не принесет мне радости – только проблемы». Чайлдфри о своем выборе / Редакция // Сноб. 2017. URL: https://snob.ru/entry/121209/ (дата обращения: 01.05.2022).

16. Слышкин Г. Г. Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений / Г. Г. Слышкин, Л. Е. Малыгина, Е. С. Павлова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 64–69.

17. Тамбиянц Ю. Г., Шалин В. В., Олифир И. А. Третья волна феминизма: источники, практические перспективы // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. С. 42–49.

18. Шабурова О. Мужик не суетится, или Пиво с характером // О мужественности. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. С. 532–555.

19. Dijk. T.A. van Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. №17 (2). P. 359–383.

20. Dijk T. A. van Discourse, ideology and context. // Folia Linguistica, 2001. № 35 (1-2). P. 11–40.

21. March E. Psychopathy, Sadism, Empathy, and the Motivation to Cause Harm: New Evidence Confirms Malevolent Nature of the Internet Troll // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 141. P. 133–137.

Reference list

1. Atiskova Z. «Baborab», «spermopriemnik» i «otrod'e»: slovar' muzhskih pablikov o zhenshhinah = «Baborab», «spermopriemnik» and «otrodie»: vocabulary from men's public pages about women // Cosmo. 2022. URL: https://www.cosmo.ru/lifestyle/society/baborab-spermopriemnik-i-otrode-slovar-muzhskih-pablikov-o-zhenshchinah/ (data obrashhenija: 01.05.2022).

2. Balakrishnan G. Rol' nasilija v istorii = The role of violence in history // Prognozis. 2008. № 1 (13). S. 92–123.

3. Brodovskaja E. V. Vlijanie cifrovyh kommunikacij na formirovanie professional'noj kul'tury rossijskoj molodezhi: rezul'taty kompleksnogo prikladnogo issledovanija = The influence of digital communications on Russian youth's professional culture: results of a comprehensive applied research // Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2019. № 1 S. 228–251.

4. Vul'f N. Mif o krasote. Stereotipy protiv zhenshhin = A myth about beauty. Stereotypes about women. Moskva : Al'pina non-fikshn, 2020. 576 s.

5. Ermolova A. K. Mediaotrazhenie temy feminizma v otechestvennyh obshhestvenno-politicheskih internet-SMI = Media reflection of feminism in Russian public political online media / A. K. Ermolova, Ju. A. Klec // Mediasreda. 2020. № 17. S. 135–140.

6. Zhirnova Je. N. Feminizm kak chast' mediakul'tury = Feminism as part of media culture // Media. Informacija. Kommunikacija. 2018. № 27. S. 9–16.

7. Zimbardo F. Muzhchina v otryve: igry, porno i poterja identichnosti = Man on the loose: gaming, porn, and loss of identity/ F. Zimbardo, N. Kolombe. Moskva : Al'pina Pablisher, 2017. 344 s.

8. Zmazneva O. A. Kommunikativnoe prostranstvo socsetej nachala XXI v.: fajly obrazov i potoki soznanija = Communicative space of social networks in the early XXI century: image files and streams of consciousness // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2018. № 3(27). S. 16–22.

9. Karasik V. I. Psevdoargumentacija: nekotorye vidy rechevyh manipuljacij = Pseudo-argumentation: certain types of speech manipulation // Rechevoe obshhenie i argumentacija. Sankt-Peterburg : Jekopolis i kul'tura, 1993. C. 30–38.

10. Klushina N. I. Vvedenie v internet-stilistiku = Introduction to the internet stylistics / N. I. Klushina, A. V. Nikolaeva. Moskva : Flinta, 2020. 240 s.

11. Klushina N. I. Mediastilistika = Mediastylistics. Moskva : Flinta, 2021. 184 s.

12. Novoselov O. Razvedenka s pricepom, mat' odinochka. Ne svjazyvajtes' s nimi, krupnye problemy garantirovany = A divorcee with a child, a single mother. Don't mess with them, big problems are guaranteed // Oleg Novoselov. Prikladnaja jetologija cheloveka. 2019. URL: https://humans-etholo-gy.com/forum/?PAGE_NAME=read&FID=18&TID=100&TITLE_SEO=100-razvedenka-s-pritsepom_-mat-odinochka.-ne-svyazyvaytes-s-nimi (data obrashhenija: 10.04.2022).

13. Popova E. Put' k Beregine: sovremennyj patriarhat glazami muzhchin = The way to Bereginya: modern patriarchy through men's eyes// Cosmo. 2019. URL: https://www.cosmo.ru/sex-love/mens_mind/put-k-

beregine-sovremennyy-patriarhat-glazami-muzhchin/ (data obrashhenija: 10.04.2022).

14. Poroshenko O. Ju. Uskol'zajushhaja zhenstvennost', ili Eat your make-up: kritika radikal'nogo feminizma = Slipping away femininity, or Eat your make-up: criticism of radical feminism / O. Ju. Poroshenko, T. A. Harisova // Globalizacija i nacional'naja samobytnost'. Forum jazykov. Kazan', 2014. URL: http://globkazan.narod.ru/2004/a15.htm (data obrashhenija: 10.04.2022).

15. «Rebenok ne prineset mne radosti – tol'ko problemy». Chajldfri o svoem vybore = «A baby won't bring me joy, only trouble». A childfree about her choice / Redakcija // Snob. 2017. URL: https://snob.ru/entry/121209/ (data obrashhenija: 01.05.2022).

16. Slyshkin G. G. Lingvobezopasnost' v aspekte cennostnyh, ideologicheskih i social'nyh izmenenij = Linguistic security in the aspect of value, ideological and social change / G. G. Slyshkin, L. E. Malygina, E. S. Pavlova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 1 (28). S. 64–69.

17. Tambijanc Ju. G., Shalin V. V., Olifir I. A. Tret'ja volna feminizma: istochniki, prakticheskie perspektivy = The third wave of feminism: sources, practical prospects // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2021. № 12. S. 42–49.

18. Shaburova O. Muzhik ne suetitsja, ili Pivo s harakterom = A man doesn't make a fuss, or a beer with character // O muzhestvennosti. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. S. 532–555.

19. Dijk. T.A. van Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. №17 (2). P. 359–383.

20. Dijk T. A. van Discourse, ideology and context. // Folia Linguistica, 2001. № 35 (1-2). R. 11–40.

21. March E. Psychopathy, Sadism, Empathy, and the Motivation to Cause Harm: New Evidence Confirms Malevolent Nature of the Internet Troll // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 141. P. 133–137.

Статья поступила в редакцию 23.02.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 28.01.2022.
The article was submitted on 23.02.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication on 28.01.2022

Научная статья
УДК 81-09
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-61-70
EDN: ESXRIW

Позиционирование в PR-дискурсе: позиция и точка зрения

Лариса Васильевна Селезнева[1]✉, Арина Геннадьевна Жукова[2]
[1]Доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина». 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
[2]Кандидат филологических наук, доцент; заведующая кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина». 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
[1]lvselesneva@pushkin.institute✉, http://orcid.org/0000-0002-8546-6496
[2]agzhukova@pushkin.institute, http://orcid.org/0000-0002-0222-082X

Аннотация. Статья посвящена исследованию дискурсивной обусловленности категории позиционирования. В центре внимания авторов находится позиционирование в такой разновидности институционального дискурса, как PR-дискурс. Позиционирование рассматривается как двоякая процедура, которая, с одной стороны, предшествует формированию дискурса, с другой – проявляется в дискурсе, актуализируя позицию и точку зрения субъекта и адресата и формируя необходимый субъекту образ, как процесс гармонизации отношений между субъектом и адресатом. Целью исследования является изучение специфики составляющих процесса позиционирования в данном типе дискурса – позиции субъекта и точки зрения (point of view), которые в статье разграничиваются как статическая и динамическая категории. Позиция субъекта определяется интеракцией инстанций дискурса, т.е. тем, как субъект соотносит себя с другими субъектами, а также стремлением к формированию позитивной коммуникативной среды между креатором и адресатом. Для формирования позиции субъекта важным является моделирование адресата, в том числе с точки зрения характера его связи с корпорацией, учет и формирование пресуппозиции целевой аудитории. Выявлены семантические механизмы формирования позиции субъекта как лидера, пропонента и оппонента, в том числе использование различных типов речевых актов. Точка зрения рассматривается как аксиологическая дискурсивная категория, которая на основе отбора и оценки фактов действительности актуализирует позицию субъекта в дискурсе. Доказано, что данная категория тесно связана, во-первых, с категорией «мнения», во-вторых, с категорий авторитетности (унифицированность «мнения», основанная на дискурсе корпоративного истеблишмента), в-третьих – с оппозицией «свой – чужой».

Ключевые слова: позиционирование; PR-дискурс; позиция субъекта; креатор; пропонент; оппонент; позитивная коммуникативная среда; негативная коммуникативная среда; пресуппозиция адресата; точка зрения

Для цитирования: Селезнева Л. В., Жукова А. Г. Позиционирование в PR-дискурсе: позиция и точка зрения // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 61–70. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-61-70. https://elibrary.ru/ESXRIW

Original article

Positioning in PR discourse: position and point of view

Larisa V. Selezneva, Arina G. Zhukova
[1]Doctor of philology, associate professor, professor at the department of russian literature and intercultural communication, The Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, Academician Volgin st., 6
[2]Candidate of philological sciences, associate professor; head of the department of russian literature and intercultural communication, The Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, Academician Volgin St., 6.
[1]lvselesneva@pushkin.institute✉, http://orcid.org/0000-0002-8546-6496
[2]agzhukova@pushkin.institute, http://orcid.org/0000-0002-0222-082X

Abstract. The article investigates the discursive conditioning of the positioning category. The authors focus on positioning in such a type of institutional discourse as PR discourse. Positioning is considered as a twofold procedure that,

© Селезнева Л. В., Жукова А. Г., 2022

on the one hand, precedes the formation of discourse, on the other hand, it manifests itself in discourse, actualizing the position and point of view of the subject and the addressee and forming the image necessary for the subject, as a process of harmonizing relations between the subject and the addressee. The aim of the study is to examine the features of the positioning process in this type of discourse – the position of the subject and the point of view, which are differentiated in the article as static and dynamic categories. The position of the subject is determined by the interaction of the discourse instances, i.e. how the subject relates themselves to other subjects, as well as by the desire to form a positive communicative environment between the creator and the addressee. To form the position of the subject, it is important to model the addressee, particularly in terms of the nature of its connection with the corporation, taking into account and forming the presupposition of the target audience. The semantic mechanisms of forming the subject's position as leader, proponent and opponent are described, including the use of different types of speech acts. The point of view is seen as an axiological discursive category which actualizes the position of the subject in the discourse by selecting and evaluating the facts of reality. It has been proved that this category is closely connected, firstly, with the category of «opinion», secondly, with the categories of authority (the uniformity of «opinion» based on the discourse of the corporate establishment), and thirdly, with the opposition «friend or foe».

Key words: positioning; PR-discourse; position of the subject; creator; proponent; opponent; positive communicative environment; negative communicative environment; presupposition of the addressee; point of view

For citation: Selezneva L. V., Zhukova A. G. Positioning in PR discourse: position and point of view. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):61–70. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-61-70. https://elibrary.ru/ESXRIW

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования определяется двумя основными факторами: 1) необходимостью изучения стратегий позиционирования в разных типах дискурсов; 2) тем, что для PR как разновидности институционального дискурса позиционирование является базисной, дискурсообразующей категорией.

Рассматривая дискурс как важную часть коммуникации, мы акцентируем внимание на динамическом взаимодействии креатора и реципиента в текстовом пространстве. Такое направление исследования обусловлено научной парадигмой, которая тяготеет к онтологическому разделению сферы создателя (креатора), объекта (референта) и реципиента (адресата) [Борботько 2009, Бурцев 2019, Гийому, Мальдидье 1999, Дейк 2013, Демьянков 2014, Золян, 2020, Карасик 2019, Миловидов 2016, Тюпа 2010, Янпольская 2020, Bhatia 2010, 2012, Phillips, Hardy 2002, Sattarova 2021, Schiffrin 1990] и рассматривает позиционирование как результат интеракции между инстанциями [Bucholtz, Hall 2005, Du Bois 2007, Hermans 2001, Hyland 2005, Jaffe 2009, McKinney 2016].

В своем исследовании мы основываемся на теории позиции Джона Дюбуа , в соответствии с которой процесс позиционирования диалогичен и интерсубъективен, т.е. действия субъекта речи могут быть охарактеризованы следующим образом: «I evaluate something and thereby position myself, and thereby align with you» [Du Bois 2007, 163] (Я оцениваю что-то, и тем самым позиционирую себя, и тем самым согласовываю с Вами» (перевод наш – Л. С., А. Ж.). Процесс позиционирования представлен в виде треугольника (the Stance triangle), или «треугольник Дюбуа», точками которого являются три ключевых элемента: объект – предмет речи, первый субъект, или креатор, – позиционирующий, второй субъект, или реципиент, – благодаря которому позиция оформляется как таковая.

Рассматривая дискурсивные отношения между этими инстанциями, мы отмечаем, что они складываются на основе отношений, которые существуют в реальной сфере, так называемых первичных (реальных) отношений, по терминологии М. Фуко, и вторичных (рефлексивных) отношений как языковых отношений в тексте. Согласно М. Фуко, «дискурсивные отношения не являются внутренними для дискурса: они не связывают между собой понятия или слова…это и не внешние для дискурса отношения…они находятся на границе дискурса: они преподносят ему объекты, о которых он может говорить,…..они детерминируют пучок связей, которые дискурс должен установить, чтобы иметь затем возможность говорить о тех или иных объектах» [Фуко, 2004, с. 106].

В соответствии с этими установками мы рассматриваем позиционирование как двоякую процедуру. С одной стороны, она предшествует формированию дискурса: она сродни прагматической пресуппозиции, которая представляет собой «те условия или контексты, которые должны иметься, для того чтобы предложение было понято в его „преднамеренном" значении (то есть чтобы замысел говорящего по передаче задуманного значения осуществился)» [Демьянков, 1981, с. 131]. И в то же время позициониро-

вание проявляется в дискурсе, актуализируя позицию и точку зрения креатора и реципиента и формируя необходимый креатору образ, или идентичность, в терминологии дискурс-анализа [Филлипс, Йоргенсен, 2004].

В зарубежной социолингвистике термин позиционирование часто используется как синоним понятия «позиция субъекта дискурсивной деятельности» (англ. stance) или точка зрения (point of view, или POV) «adopting a point of view in relation to both the issues discussed in the text and to others who hold points of view on those issues» (Принятие точки зрения как в отношении вопросов, обсуждаемых в тексте, так и в отношении тех, кто придерживается точки зрения по этим вопросам) [Hyland, 2005, с. 175].

С нашей точки зрения, позиция и POV являются взаимосвязанными, но разными составляющими процесса позиционирования. Позиция субъекта – категория статическая, она вырабатывается и остается неизменной длительное время, представляя собой основу для формирования точки зрения, в то время как POV – динамическая категория, которая проявляется в отдельных речевых актах, чаще подвержена изменению и актуализирует в дискурсе позицию субъекта на основе отбора и оценки явлений действительности.

Целью настоящего исследования является выявление семантических механизмов формирования позиции субъекта и POV в PR-дискурсе.

В качестве материала исследования мы использовали различные типы PR-текстов, представленные на сайтах крупных российских компаний, а также международных корпораций, работающих в России.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую базу исследования составляет дискурс-анализ, рассматривающий позиционирование как идентичность, под которой понимает «моменты временного применения субъектных позиций, которые для нас создают дискурсивные практики» [Филипс, Йоргенсен 2004, с. 173], коммуникативно-прагматический анализ, предполагающий выявление дискурсивных стратегий и релевантной речеактовой составляющей, а также прагмасемантический анализ текста.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности процесса позиционирования в PR-дискурсе

Процесс позиционирования в PR-дискурсе имеет свои особенности, обусловленные генерирующей ролью корпорации при формировании дискурса и двойной структурой отношений, которые складываются между инстанциями в процессе формирования дискурса. Именно корпорация, являющаяся одним из основных способов организации деятельности людей, по которому строятся различные политические, социальные общества, объединения, финансовые и бизнес-структуры, предстает в PR-дискурсе в качестве субъекта и объекта [Селезнева 2019].

Помимо этого, PR-дискурс создается двумя типами отношений между объектами: реальными и фикциальными. Подмена реальных отношений фикциальными связана со стремлением корпорации создать свой позицитивный имидж с тем, чтобы у адресата сложилось положительное представление о деятельности корпорации и ее приятие. Это требует интенсифицировать семантику, обозначающую качества и свойства, необходимые для создания позитивного представления о корпорации, и минимизировать семантику, связанную с негативными импликатурами. Например, после закрытия ресторанов компании Макдоналдс разные платформы были заполнены серией объявлений о продаже чизбургеров и гамбургеров, эксплицировавших эмоции грусти, печали, ностальгии. Обороты «*беспрецедентная ностальгия», «вкус американского ушедшего капитализма», «последняя возможность прикоснуться к прекрасному»*; прескрипция: «*подари себе воспоминания*», эмоциональная проекция негативного прогноза: «*только сегодня, а больше уже никогда*» формировали, с одной стороны, образ компании, которая в результате прекращения своей деятельности в России приобретала ценность, а с другой – образ адресата, скорбящего о том, что теряет нечто ценное.

Представляя собой стратегический процесс, позиционирование в PR-дискурсе основано на стратегии формирования доверия, или комплицитности, которая направлена на то, чтобы нивелировать негативное влияние агрессивной среды, чтобы привести к гармонии с адресатом и сформировать «свою» аудиторию. PR-дискурс не только учитывает пресуппозицию адресата, но и формирует или переформировывает ее. Например, приостановка деятельности компании Макдоналдс с 14 марта 2022, безусловно, негативно сказалась на репутации компании. В пресс-релизе «Работа Макдоналдс в сложившейся ситуации» от 11.03.2022 используется стратегия комплицитности для объединения с внутренней

и внешней аудиторией. Моделируется образ компании, которая заботится не только о своих служащих (внутренний адресат): *Забота о сотрудниках – главный приоритет компании, поэтому все работники остаются в компании и продолжат получать полную заработную плату, основанную на среднемесячном годовом доходе,* но и о своих клиентах (внешний адресат), которые позиционируются как гости, высоким требованиях которых компания в данный момент не может соответствовать: *К сожалению, на данный момент Макдоналдс в России не может гарантировать бесперебойную работу основных направлений, поддержание ключевого ассортимента в предприятиях сети и высокие стандарты качества, к которым привыкли гости*. (https://mcdonalds.ru/articles/news/work-mcdonalds-current-situation/).

Семантические механизмы формирования позиций субъекта

Проведенный анализ корпуса PR-текстов крупных компаний позволил выявить три основные позиции субъекта дискурса: «лидер», «пропонент», «оппонент». Эти позиции взаимосвязаны, и один субъект может занимать в дискурсе все три позиции, однако семантические механизмы их различны. В позиция «лидер» креатор играет роль ведущего, руководителя, работодателя; в позиция «пропонент» занимает паритетное положение с реципиентом; позиция «оппонент» свидетельствует о том, что субъекты находятся в положении состязания, соревнования, соперничества.

Ярким проявлением позиции «лидер» являются директивные высказывания, в основе которых, по наблюдениям Я. Н. Еремеева, лежит директивная интенция [Еремеев, 2001, с. 7]. Ожидаемый субъектом результат – выполнение адресатом директив является не возможным, а обязательным действием в сложившейся корпоративной системе. Например, *Работники Общества* ***должны избегать*** *ситуаций, при которых у них возникает конфликт интересов. В случае возникновения конфликта интересов работники* ***должны информировать*** *об этом своего непосредственного руководителя*. (Кодекс корпоративной этики ПАО «Газпром» от 20.08.2019) (выделено нами – Л. С., А. Ж.). Тем самым, позиция «лидер» актуализируется еще и в том случае, когда субъект возлагает обязательства совершить какое-либо действие на адресата.

Помимо директив используются констативы: *ГМК «Норильскийникель»* ***ценит труд*** *своих работников и* ***видит свою обязанность*** *в формировании и сохранении в трудовых коллективах атмосферы доброжелательности, профессионализма, взаимного уважения, сотрудничества и стабильности (Кодекс деловой этики ПАО ГСК «Норильский никель» https://www.nornickel.ru/upload/iblock/4ab/kodeks_delovoj_ehtiki.pdf?ysclid=l308vspjzl)*; *Основная цель компании:* ***Способствовать росту дохода*** *от клиента на протяжении всей истории его взаимоотношения с «МегаФоном» за счет предложения лучших, полезных и охватывающих все аспекты жизни абонента услуг (Мегафон Миссия и стратегия компании – Инвесторам и прессе – Официальный сайт ПАО «МегаФон» (megafon.ru))*; комиссивы: *Общество стремится: –* ***гарантировать соблюдение*** *всех норм, установленных законодательством Российской Федерации и международными правовыми актами в области охраны окружающей среды* (Кодекс корпоративной этики ПАО» Газпром» https://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/2014-02-25-codex-of-corporate-ethics-2019-08-20-edit.pdf*); Компания* ***гарантирует*** *обеспечение и защиту всех прав акционеров, установленных законодательством РФ (Кодекс деловой этики ПАО ГСК «Норильский никель»), Компания продолжит поддерживать волонтерскую деятельность сотрудников, а кроме того, готова поощрять гостей, которые будут принимать участие в волонтерских программах (*Макдоналдс).

Субъект в позиции «лидер» актуализирует такие качества имиджа корпорации, как ответственность и забота. По отношению к работникам корпорации проявляется высокий уровень контактности, уважение со стороны корпорации к членам коллектива, сотрудничество и единство:

Главной ценностью нашей компании являются люди. Год за годом на протяжении многих десятилетий они открывали новые земли, строили рудники и заводы, выплавляли металл, возводили новые города, растили детей. Они видели будущее, они верили в будущее, и они создали будущее. Прошли годы, но сегодня, как и прежде, наши люди остаются главным ресурсом и главной ценностью компании. Они словно вобрали в себя лучшие свойства наших металлов и, невзирая на сложность задач, стали настоящим символом надёжности. (Манифест «Наши ценности» https://www.nornickel.ru/files/ru/corporate_documents/policies/Manifesto-of-our-values.pdf)

Для внешнекорпоративной аудитории позиция «лидер» чаще всего представлена в таких типах текстов, как бэкграундер, миссия, видение. Эти тексты выполняют презентационную функцию, знакомя адресата с компанией.

В позиции «лидер» креатор опирается на пресуппозицию первенства и приоритета перед другими и на рецептивной фазе формирования дискурса у адресата актуализируется значение слова «лидер» – «лицо, идущее первым», «лучший». Языковой механизм проявления позиции «лидер» состоит в наименования позиции субъекта (*лидер, ведущий банк, ведущие позиции и т. п.*) и экспликации, которая включает номинацию ряда сопоставимых субъектов (объектов) или той сферы, в которой субъект играет ведущую роль: *МегаФон – национальный российский оператор цифровых возможностей, занимающий лидирующие позиции на телекоммуникационном рынке в России и мире. (https://corp.megafon.ru/about/megafon/)*. Наименование позиции может вводиться эксплицитно или имплицитно: креатор использует наименование «*лидер*», создавая у адресата на рецептивной фазе формирования дискурса образ компании, которая занимает первое место среди подобных компаний, используются обороты, подразумевающие лидирующую позицию субъекта, оценочные прилагательные (типа, *крупнейший, эффективный, оптимальный*), обороты, создающие «метафорический эффект» (*ведущий банк, опора финансовой системы страны, основа ее роста, кровеносная система российской экономики, треть ее банковской системы*): *«Норникель» является лидером горно-металлургической промышленности России, а также крупнейшим производителем палладия и рафинированного никеля и одним из крупнейших производителей платины и меди.*

Экспликация представлена дескриптивными высказываниями, в которых дается описание, необходимое для подтверждения лидирующего положения субъекта. Описание может быть точным и включать цифровые данные, например: *№1 в мире по производству рафинированного НИКЕЛЯ; «Газпром» располагает самыми богатыми в мире запасами природного газа. Его доля в мировых запасах газа составляет 16 %, в российских – 71 %*. Суггестивность данных высказываний достаточно велика, так как в представлении адресата точность информации подразумевает ее истинность.

Пропозиция в этих высказываниях моделирует внеязыковую ситуацию как существующую реально: *X – лидер.* Данная синтаксическая конструкция выражает таксономические отношения, в основе которых принадлежность единичного субъекта определенному классу: X – *лидер по объему …, лидер по количеству…, лидер среди глобальных компаний.* Такой структурой предложения подчеркивается принадлежность субъекта классу «лидеров», «постоянство приписываемого предикативного признака, качества, свойства» [Герасименко, 2012, с. 27]. Тем самым делается акцент на том, что данная позиция не временная, а постоянная.

При этом фиксируется физическое пространство расположения данных объектов (край, страна, мир), например: *МегаФон прошёл колоссальный путь от небольшого регионального оператора связи* ***до одного из крупнейших в России*** *и абсолютного лидера на сегодняшний день в области мобильной передачи данных. ПАО «Газпром» является* ***одной из крупнейших энергетических компаний в мире***

В высказываниях, формирующих позицию «лидер», объективная модальность, использующая категории изъявительного наклонения, представляет событие как реальное и указывает на совершение действия в настоящем времени. Временная локализация позиции либо фиксирует прикрепленность к настоящему времени, например: *На сегодняшний день компания является лидером в области мобильной передачи данных* (Мегафон), либо отсутствует, что встречается чаще и подчеркивает вневременной характер позиции: *Компании принадлежит крупнейшая в мире газотранспортная система, протяженность которой составляет 175,2 тыс. км на территории России* (Газпром).

Таким образом, можно говорить о том, что позиция «лидер» заключается в обозначении сферы человеческой деятельности, имеет территориальную прикрепленность и (не всегда) временную локализацию. Обязательным элементом позиции является контекстуальная обусловленность, которая осуществляется при помощи таксономического предиката и объективной фактической модальности и создает необходимый семантический эффект реальности данной позиции.

Позиции «пропонент» и «оппонент» формируются на основе декларируемых паритетных отношений между субъектом и адресатом, в роли которого выступает внешнекорпоративная аудитория (акционеры и инвесторы, деловые партне-

ры, государственные органы власти и общественные организации, осуществляющие деятельность на территории присутствия компании, контрагенты). При этом формирование позиций происходит в разных коммуникативных средах, что определяется позитивным или негативным отношением субъекта к адресату и адресата к субъекту: позиция «пропонент» формируется в позитивной коммуникативной среде, позиция «оппонент» – в агрессивной коммуникативной среде.

Позиции «пропонент» и «оппонент» наиболее ярко представлены в предписывающих и новостных текстах, таких, как Кодекс деловой этики, IR-релизы, новостные релизы. При формировании позиции «пропонент» часто используются предикаты качества или свойства. Например,

Видение компании: Выбор № 1 и лучший партнер для жизни (Мегафон); *Сотрудничество неразрывно связано с такими качествами, как открытость и умение учитывать интересы всех сторон (*Норникель)

Для обозначения позиции «партнер» используются глаголы со значением бытия, пребывания в состоянии или перехода в состояние, волеизъявления с существительным в форме тв. п.: *Мы* ***являемся*** *надежным, добросовестным партнером для наших контрагентов и нацелены на долгосрочные доверительные отношения и кооперацию (Мегафон).* Позиция «оппонент» не вводится при помощи таксономического предиката и эксплицитно не обозначается формулой «*Субъект есть конкурент».* Чаще всего она определяется через обозначения позиции другого субъекта, которого называют *конкурентом, контрагентом*: соответственно, субъект и на себя проецирует данную роль:

Роснефть: Компания ***с уважением относится к конкурентам*** *и взаимодействует с ними в соответствии с общепринятыми нормами деловой этики, соблюдая при этом требования антимонопольного законодательства тех стран, где осуществляет свою деятельность. (https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/Kodeks_rus.pdf)*

Газпром: ***Взаимоотношения с контрагентами*** *Общество строит на принципах ответственного партнерства (http://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/2014-02-25-codex-of-corporate-ethics-2016-09-01-edit_ms.pdf – с.7)*

ГМК «Норильский никель»: В отношениях со своими контрагентами Компания выступает как ***надежный и честный партнер****, строго придерживающийся своих обязательств. <…>*

Обладая значительными конкурентными преимуществами в области минерально-сырьевой базы и инфраструктуры, производства, сбыта, ГМК «Норильский никель» считает ***честную конкурентную борьбу*** *единственно возможным способом взаимодействия с конкурентами. Мы считаем недопустимыми какие-либо проявления недобросовестной конкуренции или злоупотребления доминирующим положением на рынке,* ***неукоснительно соблюдаем*** *требования антимонопольного законодательства и законов о конкуренции во всех странах присутствия Компании (https://www.nornickel.ru/files/ru/corporate_documents/policies/kodeks-delovoj-ehtiki.pdf).*

Позиция «оппонент» представлена наименованием позиции другого субъекта (*конкуренты, контрагенты)* и обозначением таких качеств, которые бы вызвали доверие у адресата: *долгосрочное сотрудничество, ответственное партнерство, социальная ответственность, взаимная выгода, уважение и доверие, соблюдение взаимных обязательств и действующего законодательства.* Перечисляя принципы сотрудничества, креатор исходит из пресуппозиции честности и надежности: субъект декларирует соблюдение этики и законодательства.

Таким образом, при помощи экспликации той или иной позиции креатор формирует тот образ, то представление о самом себе, на основе которого и выстраивает имидж в PR-дискурсе.

Семантические механизмы формирования дискурсивной категории Point of view (POV)

Point of view (POV) непосредственно связана с категорией мнения, разработанной в эпистемической логике как понятие, противопоставленное знанию: если знание истинно в возможном мире, совпадающем с реальным миром, то мнение истинно в таком возможном мире, который не обязательно совпадает с реальным миром [Hintikka, 1962]. Основой для формирования POV служат нормы и правила компании. Так, в Кодексе корпоративной этики ОАО «Газпром» в п. 11 «Противодействие коррупции» сформирована POV по отношению к коррупции: *Норникель нетерпимо относится ко всем проявлениям коррупции. Любые действия, которые могут быть расценены как взяточничество, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, вознаграждение за упрощение формальностей, категорически недо-*

пустимы (Кодекс деловой этики ПАО ГСК «Норильский никель»)

POV в данном тексте складывается из перечисления проявлений незаконных действий (*взяточничество, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, вознаграждение за упрощение формальностей*) и выражения отношения к ним: *нетерпимо*. В документе посредством директив (*категорически недопустимы*) даются установки членам корпорации. Все, что не соответствует этим правилам, воспринимается негативно: *Мы не приемлем любые формы взяточничества и коррупции, а также ожидаем, что наши партнеры будут следовать этим же принципам. Сотрудники Компании не должны обещать, разрешать и давать взятки в любой форме, равно как не должны просить, принимать взятки и соглашаться на них. Основные принципы Компании приведены в Политике противодействия взяточничеству и коррупции (*Кодекс этики и корпоративного поведения ПАО «Мегафон» от 15.08.2018).

Способы выражения POV могут быть разными. Так, например, в Кодекс этики и корпоративного поведения ОАО «Мегафон» частотное преобладание *мы* и композиционное выдвижение в сильную позицию высказываний с *мы* создает необходимый эффект единения адресата с компанией:

Мы ценим наших клиентов и считаем, что сервис должен быть превосходным. Чтобы сделать его таким, мы опираемся на следующие принципы:

- *Для нас очень важно поддерживать и своевременно помогать клиентам в решении их проблем.*
- *Претензии клиентов дают нам возможность совершенствовать сервис.*
- *Мы делаем все, чтобы превосходить ожидания наших клиентов.*
- *Если мы даем обещания клиентам, мы держим слово.*

Для PR-дискурса характерна унифицированность POV, то есть единство мнения всех возможных субъектов дискурса. Другими словами, член корпорации, выступая в качестве производителя действия, выражает не свое личное мнение, а общую точку зрения, принятую корпорацией. Она представляет собой одинаковую для всех членов корпорации оценку событий и исключает всякую негативную информацию о корпорации:

Внешние действия и заявления от имени Компании могут осуществлять только уполномоченные сотрудники в соответствии с установленными в Компании процедурами. В случае, если сотрудник планирует сделать заявление от своего имени (например, в социальной сети, блоге, форуме, на публичных мероприятиях) в отношении Компании, ему следует отнестись к такого рода заявлению с должной осмотрительностью, чтобы избежать негативного влияния на Компанию, и согласовать его с функцией по связям с общественностью. (Кодекс этики и корпоративного поведения ПАО «МегаФон» (megafon.ru).

Особую роль при формировании POV играет дискурсивная категория, которую мы назовем *категорией авторитетности,* основанной на «силе авторитета» (Ю. Хабермас). Она строится непререкаемости авторитета первых лиц в корпоративной системе с ее четким распределением коммуникативных статусов производителей речи. Тексты первых лиц корпорации, или дискурс истеблишмента, приобретает особое значение, так как воспринимается как директива, как точка зрения корпорации (POV). «Сила авторитета» часто проявляется в тексте завуалированно, так как используется «мы-подход», при котором субъект пропозиции становится тождественным субъекту речи, то есть личное мнение преподносится как коллективное.

Механизм формирования POV подчинен принципу поляризации, в соответствии с которым точка зрения на действительность складывается на основе оппозиций. Основным противопоставлением в PR-дискурсе является оппозиция «свой-чужой», семантика которой связана с выбором «между ситуациями обладания или пользования своей или чужой собственностью» [Арутюнова, 1988, с. 289]. Эта пара аксиологически полярных понятий основана на оценке, которая дается по принадлежности: «свой» оценивается положительно, «чужой» – отрицательно. «Свой» – это не всегда только внутренняя аудитория, это та часть аудитории, которая принимает компанию, имеет чаще всего высокую степень заинтересованности и у которой сложились о компании позитивные представления; «чужой» – та часть аудитории, которая не принимает компанию и у которой сложились отрицательные представления о корпорации.

Наложение на главное противопоставление вспомогательных характеристик (*эффективно – неэффективно*, *целесообразно – нецелесообразно, удачно – неудачно, результативно – нере-*

зультативно и т.п.) не изменяет главной оценки, а подчиняется принципу поляризации, поэтому как общая оценка, так и частная распределяется между «свой» и «чужой». Так, Кодекс корпоративной этики ПАО «Газпром» формирует образ «своего» работника, для которого характерны *компетентность; инициативность; положительные личностные качества и корпоративное поведение, включающее преданность и лояльность Обществу.* Данные качества создают ту идеализированную модель, с которой сравнивается объект, когда он подвергается оценке. В соответствии с этим ценностями выстраивается оценка, репрезентируемая в PR-текстах, в виде антонимических пар:

компетентный – некомпетентный,
инициативный – безынициативный,
бережливый – расточительный,
ответственный – безответственный,
преданный – предательский

Репрезентируемые качества сотрудника воспринимаются как ценности самой корпорации, к которым обращаются при формировании оценочных высказываний: креатор активизирует восприятие реципиента на готовых смысловых блоках (прототипических конструктах, узнаваемых ситуациях – фреймах), поэтому у реципиента легко складывается положительная или отрицательная оценка тех или иных ситуаций, в которых проявляются свойства сотрудника корпорации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Позиционирование органически присуще корпоративной дискурсивной формации. Анализ семантических механизмов позиционирования позволяет проследить прагмасемантическую основу формирования имиджа: в процессе самообъективации (выбора позиции и формирования точки зрения) креатор отбирает необходимые ему свойства и характеристики объекта, стратегии воздействия на адресата, создает привлекательный/приемлемый для адресата образ корпорации. В создании этого образа задействуются статические (долговременные, относительно стабильные) и динамические (находящиеся под влиянием контекста) дискурсивные категории, к первым из которых принадлежит позиция, а ко вторым – точка зрения субъекта. Каждая из этих категорий реализуется при помощи определенного набора коммуникативных стратегий, речевых актов, предикатов определенной семантики и др. прагматических средств, с учетом целевой аудитории и характеристик коммуникативной среды.

В PR-дискурсе важна не точность проекции, а референтный ракурс, который определяет свойства и черты субъекта. Можно сказать, что дискурсивный процесс здесь не только «предполагает со стороны адресанта *предвосхищение представлений адресата*» [Пеше, 1999, с. 323], и формирует и переформирует пресуппозиции адресата (как внешнего, так и внутреннего) относительно корпоративного субъекта-креатора.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. Москва : Наука, 1988. 341 с.

2. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. Москва : КомКнига, 2006. 288 с.

3. Бурцев В. А. Термины анализа дискурса в системе постулатов французской лингвистической школы // Филologos. 2019. № 4. С. 26–32.

4. Герасименко Н. А. Предложение с таксономическим значением в русском языке// Педагогическое образование и наука. № 11. 2012. С. 27–29.

5. Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. Москва : Прогресс, 1999. С. 124–136.

6. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

7. Демьянков В. З. Зигзаги дискурса и гармонизация текста // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2014. С. 241–247.

8. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 368–377.

9. Еремеев Я. Н. Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса. Воронеж, 2001. 23 с.

10. Золян С. Т. Дискурс, язык, языковая деятельность // Метод. 2020. №.10. С. 212–242.

11. Карасик В. И. Языковые моста понимания. Москва : Дискурс, 2019. 524 с.

12. Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса: монография. Москва : Буки Веди, 2016. 172 с.

13. Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Москва : Прогресс, 1999. С. 302–336.

14. Селезнева Л. В. Параметрическая модель PR-дискурса: прагматика, семантика, аксиология. Москва : Флинта, 2019. 312 с.

15. Тюпа В. И. Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике. Москва : Языки славянской культуры, 2010. 320 с.

16. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков : Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.

17. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

18. Янпольская Я. Г. Дискурс как дискурс: N держит речь// Порядок дискурса в философии и культуре. Алешинские чтения. Москва : Издательство ИП Колмагоров, 2020. С. 6–10.

19. Bhatia V. K. Interdiscursivity in professional communication// Discourse & Communication. Vol. 4. № 1. February 2010. P. 32–50.

20. Bucholtz M., Hall K. Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach // Discourse Studies. London: Sage Publications, 2005. No 7 (4-5). P. 585–614 // URL: // http://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-binaries/40469_13a.pdf

21. Du Bois J. The Stance triangle // Stancetaking in Discourse / Ed. by R. Englebretson. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 139–182.

22. Hermans H. J. M. The dialogical self: towards a theory of personal and cultural positioning // Culture and Psychology. 2001. 7 (3). P. 243–281.

23. Hintikka K. J. Knowledge and belief: An introduction to the logic of the two notions. Ithaca, New York : Cornell University, 1962. 180 p.

24. Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // Discourse Studies. 2005. № 7. P. 173–192.

25. Jaffe A. Stance. Sociolinguistic Perspectives. Oxford : Oxford University Press, 2009. 270 p.

26. McKinney Julia Aging, Discourse, And Ideology. University of South Carolina, 2016. 227 p.

27. Phillips N., Hardy C. What Is Discourse Analysis? // Phillips N., Hardy C. Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. P. 1–18 // URL: http://discourseanalysis.org/ada1/st4.shtml

28. Phillips N., Lawrence T., Hardy C. Discourse and institutions //Academy of Management Review. 2004. Vol. 29. No. 4. P. 635–652.

29. Sattarova R. V. Modality as a category of text and discourse// Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. №.11–10 (79). С. 218–220.

30. Schiffrin D. The language of discource: Connections inside and out // Text. Vol. 10. 1990. P. 97–100.

Reference list

1. Arutjunova N. D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytija. Fakt = Types of linguistic meanings: Evaluation. Events. Fact. Moskva : Nauka, 1988. 341 s.

2. Borbot'ko V. G. Principy formirovanija diskursa: Ot psiholingvistiki k lingvosinergetike = Principles of discourse formation: From psycholinguistics to linguosynergetics. Moskva : KomKniga, 2006. 288 s.

3. Burcev V. A. Terminy analiza diskursa v sisteme postulatov francuzskoj lingvisticheskoj shkoly = Terms of discourse analysis in the postulate system of the French linguistic school // Filologos. 2019. № 4. S. 26–32.

4. Gerasimenko N. A. Predlozhenie s taksonomicheskim znacheniem v russkom jazyke = The sentence with taxonomic meaning in Russian // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. № 11. 2012. C. 27–29.

5. Gijomu Zh., Mal'did'e D. O novyh priemah interpretacii, ili problema smysla s tochki zrenija analiza diskursa = On new interpretation techniques, or the problem of meaning from the point of view of discourse analysis // Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa: per. s fr. i portug. / obshh. red i vstup. st. P. Serio; predisl. Ju. S. Stepanova. Moskva : Progress, 1999. S. 124–136.

6. Dejk van T. A. Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii = Discourse and power: Representations of dominance in language and communication. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. 344 s.

7. Dem'jankov V. Z. Zigzagi diskursa i garmonizacija teksta = Discourse zigzags and text harmonization // Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty: koll. monografija / pod red. G. Ja. Solganika, N. I. Klushinoj, N. V. Smirnovoj. Moskva : FLINTA : Nauka, 2014. S. 241–247.

8. Dem'jankov V. Z. Pragmaticheskie osnovy interpretacii vyskazyvanija = The pragmatic basis of interpreting an utterance // Izv. AN SSSR. Ser. literatury i jazyka. 1981. T. 40. № 4. S. 368–377.

9. Eremeev Ja. N. Direktivnye vyskazyvanija kak komponent kommunikativnogo processa = Directive statements as a component of the communicative process. Voronezh, 2001. 23 s.

10. Zoljan S. T. Diskurs, jazyk, jazykovaja dejatel'nost' = Discourse, language, language activity // Metod. 2020. №.10. S. 212–242.

11. Karasik V. I. Jazykovye mosta ponimanija = Linguistic bridges of understanding. Moskva : Diskurs, 2019. 524 s.

12. Milovidov V. A. Semiotika literaturno-hudozhestvennogo diskursa = Semiotics of literary discourse : monografija. Moskva : Buki Vedi, 2016. 172 s.

13. Peshjo M. Kontent-analiz i teorija diskursa = Content analysis and the theory of discourse // Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa. Moskva : Progress, 1999. S. 302–336.

14. Selezneva L. V. Parametricheskaja model' PR-diskursa: pragmatika, semantika, aksiologija = Parametric model of PR discourse: pragmatics, semantics, axiology. Moskva : Flinta, 2019. 312 s.

15. Tjupa V. I. Diskursivnye formacii. Ocherki po komparativnoj ritorike = Discursive formations. Essays

on comparative rhetoric. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2010. 320 s.

16. Fillips L. Dzh., Jorgensen M. V. Diskurs-analiz. Teorija i metod.= Discourse analysis. Theory and method. Xar'kov : Izd-vo Gumanitarnyj Centr, 2004. 336 s.

17. Fuko M. Arheologija znanija = Archaeology of knowledge / per. s fr. M. B. Rakovoj, A. Ju. Serebrjannikovoj. Sankt-Peterburg : IC «Gumanitarnaja Akademija»; Universitetskaja kniga, 2004. 416 s.

18. Janpol'skaja Ja. G. Diskurs kak diskurs: N derzhit rech' = Discourse as discourse: N is making a speech // Porjadok diskursa v filosofii i kul'ture. Aleshinskie chtenija. Moskva : Izdatel'stvo IP Kolmagorov, 2020. S. 6–10.

19. Bhatia V. K. Interdiscursivity in professional communication // Discourse & Communication. Vol. 4. № 1. February 2010. P. 32–50.

20. Bucholtz M., Hall K. Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach // Discourse Studies. London: Sage Publications, 2005. No 7 (4-5). P. 585–614 // URL: http://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-binaries/40469_13a.pdf

21. Du Bois J. The Stance triangle // Stancetaking in Discourse / Ed. by R. Englebretson. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 139–182.

22. Hermans H. J. M. The dialogical self: towards a theory of personal and cultural positioning // Culture and Psychology. 2001. 7 (3). P. 243–281.

23. Hintikka K. J. Knowledge and belief: An introduction to the logic of the two notions. Ithaca, New York : Sornell University, 1962. 180 r.

24. Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // Discourse Studies. 2005. № 7. P. 173–192.

25. Jaffe A. Stance. Sociolinguistic Perspectives. Oxford : Oxford University Press, 2009. 270 p.

26. McKinney Julia Aging, Discourse, And Ideology. University of South Carolina, 2016. 227 p.

27. Phillips N., Hardy C. What Is Discourse Analysis? // Phillips N., Hardy C. Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. P. 1–18 // URL: http://discourseanalysis.org/ada1/st4.shtml

28. Phillips N., Lawrence T., Hardy C. Discourse and institutions //Academy of Management Review. 2004. Vol. 29. No. 4. P. 635–652.

29. Sattarova R. V. Modality as a category of text and discourse// Aktual'nye nauchnye issledovanija v sovremennom mire. 2021. №.11–10 (79). C. 218–220.

30. Schiffrin D. The language of discourse: Connections inside and out // Text. Vol. 10. 1990. P. 97–100.

Статья поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 13.03.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 070
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-71-79
EDN: ETJYNJ

Автофикшн как медийная стратагема

Евгений Анатольевич Ермолин
Доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой журналистики и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
aisisish@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9249-4551

Аннотация. В статье рассматривается характерный для современной культуры феномен автофикшна как рефлекса ментальных процедур и творческой стратагемы, связанных с ориентацией человека в современном мире, применительно к новейшим медийным практикам и журналистской самореализации. Его присутствие определено принципиальными особенностями культуры, способом самоощущения и самоопределения современного человека в контексте культуры Постмодерна. Автофикшн реализуется как в литературе, так и как медийная практика, явление современной журналистики. Тяга журналистики к сторителлингу, акцент на авторское начало, на персональный журнализм и транспарентный блогинг соотносятся с практиками автофикшна как радикального самопредъявления личности в современном повествовательном дискурсе. При этом автофикшн в такой же степени решение личных проблем и затруднений современного автора, в какой просто их фиксация, свидетельство их неполной, неокончательной разрешимости. Автофикшн обнажает трудности самофиксации личности. Это попытка придать чуть большую значительность тому, что ею обладает в малой дозе. Автофикшн связан с особым пониманием достоверности, он чужд традиционным критериям героики и этической полноценности, которые могут восприниматься как орудия и средства отчуждения, как неприемлемая подмена личной сути заданной нормой, ролью в обществе спектакля. Здесь эмоции, чувства создают тот эффект, который позволяет считать происходящее достоверным. Автофикшн – самопостижение автора в тех пределах, которые он сам для себя определил, отождествив их с пределами подлинности в своем ее понимании, основанном на попытке нащупать неуловимую грань личного присутствия в зыбком, текучем мире. В автофикшне проявляет себя медийная тенденция к признанию законности вымысла – исходя из общей глубинной логики раскрываемой повествованием жизни. Существенный вопрос – значительность автофикшн-сообщения, общественная его значимость, отклик на ожидаемую аудиторией повестку дня.

Ключевые слова: автофикшн; персональный журнализм; самопостижение автора; эмотивность; вымысел; общественный резонанс

Для цитирования: Ермолин Е. А. Автофикшн как медийная стратагема // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 71–79. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-71-79. https://elibrary.ru/ETJYNJ

Original article

Autofiction as a media stratagem

Evgeny A. Ermolin
Doctor of pedagogical sciences, candidate of the arts studies, professor, head of the Department of journalism and media communications, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
aisisish@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9249-4551

Abstract. The article deals with the phenomenon of autofiction, characteristic of modern culture, as a reflex of mental procedures and a creative stratagem related to a person's orientation in the modern world, as applied to the latest media practices and journalistic self-realization. Its presence is determined by the fundamental features of culture, the way of self-perception and self-determination of a modern person in the context of Postmodern culture. Autofiction is implemented both in literature and as a media practice, a phenomenon of modern journalism. Journalistic gravitation toward storytelling, an emphasis on authorship,on personal journalism and transparent blogging correlate with the practices of autofiction as a radical self-presentation of the individual in modern narrative discourse. At the same time,

© Ермолин Е. А., 2022

autofiction is as much a solution to the personal problems and difficulties of the contemporary author as it is a mere fixation of them, an evidence of their incomplete, inconclusive resolution. Autofiction exposes the difficulties of individual self-fixation. This is an attempt to give a little more significance to what it has in a small dose. Autofiction is associated with a special understanding of authenticity, it is alien to the traditional criteria of heroics and ethical integrity, which can be perceived as tools and means of alienation, as an unacceptable substitution of a personal essence for a given norm, a role in the society of a performance. Here emotions and feelings create the effect that enables us to consider what is happening to be credible. Autofiction is the author's self-comprehension within those limits that are defined for him/herself, identifying them with the limits of authenticity as he/she understands it, based on an attempt to find the elusive edge of personal presence in a shaky, fluid world.Autofiction displays a media tendency to recognize the legitimacy of fiction based on the general underlying logic of life revealed by the narrative. An essential question is the significance of the autofiction message, its public relevance, the response to the audience's expected agenda.

Key words: autofiction; personal journalism; author's self-comprehention; emotivity; fiction; public resonance

For citation: Ermolin E. A. Autofiction as a media stratagem. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):71–79. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-71-79. https://elibrary.ru/ETJYNJ

Введение

Одной из самых острых дискуссионных тем последнего года в российском дискурсе, связанном с вербальными (литературными и медийными) практиками, является проблематика автофикшна: его определение, его применимость, явления и эффекты, которые с этим связаны.

Автофикшн обычно определяется как авторское повествование о себе самом. Согласно одной из заданных явлению вписок автофикшн – «кросс-жанровое направление» актуальной литературы [Что такое автофикшн, 2020]. Популярны и другие дефиниции. Многие авторы, в частности, один из главных популяризаторов направления в России, его активный теоретик и практик Арина Бойко [Бойко, 2020; Бойко, 2021], Александр Гриневский определяют данное явление как особый жанр, «у него есть свой канон и свой авангард, постоянно появляется что-то новое» [Хамитов, 2020] [Гриневский, 2022]. Дарья Мызникова говорит о «субжанре» [Мызникова, 2019]. Анна Резниченко предлагает вести речь о виде автобиографической прозы. Разнообразие видовых характеристик в целом отражает неустойчивость современных определений актуальных вербальных инициатив.

При этом дискуссии обычно маркируют свой предмет его принадлежностью к литературе, хотя в большинстве случаев было бы логично (а подчас и более оправданно) связывать его с медийной сферой и журналистским творчеством. Прописавшись в литературе, документирующий явления жизни автофикшн, думается, с неменьшими основаниями может быть интерпретирован как медийная практика, явление современной журналистики. В фокусировке журналистского ракурса обсуждаемой проблематики видится возможность глубже и отчетливее понять феномен автофикшна в его полноте и разнообразии, уяснить смысл автофикшна как медийной стратагемы, алгоритма и литературного, и журналистского творчества.

Методы исследования

Для достижения целей исследования использовались элементы историко-культурного метода, систематизация, медиасофская рефлексия относительно предмета исследования. В работе актуализированы теоретико-методологические подходы к изучению современной культуры Постмодерна, современных медиасреды и словесности; идеи современных исследователей феномена автофикшна.

Результаты исследования

Публикационное пространство и образовательные практики автофикшна

В современной словесной деятельности автофикшн – популярная и модная, отчасти скандальная практика. С ней связывают творчество франкоязычных писателей Эрве Губера, Маргерит Дюрас, Яна Андреа, Гильома Дастана, Катрин Милле, многочисленных англоязычных авторов, в частности Крис Краус, Дэвида Шилдса, Сильвии Плат, Айлин Майлз, Джанет Уинтерсон, Шейлы Хэти, Элиф Батуман, норвежца Карла Уве Кнаусгора. Последний, как известно, особенно нашумел: в романе «Моя борьба» в 2010-х гг. он произвел специфическую ревизию и прустианства, и авторитарно-вождистского дискурса (к которому отсылает название книги). В шестотомном сочинении (тома по 600–750 страниц) Кнаусгор в мельчайших подробностях описал бытовые и драматические ситуации из собственной жизни, из жизни своих близких, не корректируя этот свой опыт правилами приличия или благообразности, и рассказав о походах в туалет или неудачном первом сексе [Воспенников, 2019; Мильчин, 2019].

В России самый громкий текст автофикшна – недавняя книга поэтессы Оксаны Васякиной «Рана». В контекст автофикшна часто вписывается русскоязычное творчество Анны Старобинец, Ва-

лерии Пустовой [Гончуков, 2020], Ольги Брейнингер, Наталии Мещаниновой, Александра Стесина [Бойко, 2021] и др.

С момента своего появления на авансцене автофикшн корреспондировал с журналистскими форматами; он образовался на стыке автобиографии, дневниковых заметок, мемуаров, эссе, публицистики и иной документалистики. Автофикшн предполагает сплетение жанров, форм и форматов: репортажа и эссе, дневниковых записей и эпистолы, потока сознания и «безжанрового» фрагментарного повествования, прозы и стихов. Это смешение производит немалый кавардак. О книге Кнаусгора переводчик Ольга Дробот заметила: это своего рода «ЖЖ-журнал, который ведет очень талантливый человек-нарцисс. Он в буквальном смысле описывает каждый свой день: встал, сделал то, сделал это – естественно, к этому прикручивается много разных рассуждений, аналогий» [Воспенников, 2019].

В наше время журналистика ушла от некоторых своих признаков, которые могли считаться определяющими (регулярность текстопроизводства, связь с редакцией стабильного медиа и вытекающая отсюда ангажированность направлением издания, нейтральность письма и пр.). Журналистика развивается, и нельзя отказывать ей в возможностях развития, среди которых и тяготение к сторителлингу, и акцент на авторское начало, на явное присутствие личности в журналистском произведении (персональный журнализм) [Ермолин, 2017], на транспарентный блогинг с его эмотивностью и экспрессией [Ермолин, 2018], что очевидным образом соотносится с практиками автофикшна как полярного, радикального самопредъявления личности в современном повествовательном дискурсе. Конститутивный признак актуальной медиатизации творческой личности – тяга к уникально-персональному. Лимитируется формат, максимализируется личное присутствие, персональный трепет или надрыв. Актуальный медиапродуцент являет себя как воплощение незавершенного поиска, обнаженных нервов, смятения и страсти, тревожной и взыскательной духовности, как бродильный фермент ищущего духа. Определяющим становится впечатление от личности автора, воспринятой не в качестве социального агента, но как экзистенциальная данность, как иероглиф личностно происходящего бытия. «Что <…> касается меня лично, то я так устроен, что время от времени внутри меня происходит краш-тест – годится ли то, как я живу, стать – быть искусством?» – формулирует мотивацию обращения к автофикшну Александр Иличевский [Соловьева, 2021].

Также в принципе стирается и граница литературы и журналистики. Например, в нынешней актуальной ситуации Евгения Вежлян декларирует, что литература уходит от пророчества к свидетельству, наблюдению [Вежлян, 2022], что, в сущности, радикально сближает ее с традиционными целеполаганиями журналистики. Довольно часто ее приходится определять заново или принимать вербальные явления как феномены с «двойным гражданством», журналистским и литературным.

Новая повествовательная стратегия формирует под себя публичное пространство. Тексты формата автофикшн нередко предназначаются для публикации в блогах, в соцсетях. Они нашли себе дорогу в издательства, в толстые литературные журналы. Есть сообщества, вебзины, журналы и платформы, посвящённые автофикшну, к примеру Autovirus, Литрес: Самиздат. Сетевые издания («Незнание», «Прочтение», «Тетрадь в клетку» и т. п.) время от времени объявляют опен-коллы и принимают к публикации рукописи. Характерно, что появляются и образовательные программы, где учат автофикшну. Так, в 2020 году состоялась мастерская-интенсив «Все события реальны, имена не изменены: пишем автофикшн». Мастерскую вели молодые писатели Наталья Калинникова и Арина Бойко. Наталья Калинникова – преподаватель creative writing, редактор, выпускница магистратуры «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ. Арина Бойко – прозаик и драматург, она окончила магистратуру «Литературное мастерство», училась по обмену в George Mason University (США), ведет телеграм-канал об автофикшне «Go fiction yourself» [Хамитов, 2020].

Философия автофикшна

Инициатором актуализации этого подхода был французский писатель Серж Дубровский; хотя, может быть, было бы точнее сказать, что он в 1970-х гг. наиболее эффективно упаковал и продал идею, которая тогда блуждала в воздухе, а с другой стороны – совсем не нова в глобальном историческом контексте, где отдаленные аналоги автофикшну можно искать еще в античности, или в Японии эпохи Хэйан (Сэй Сёнагон и др.), в ренесссансной и постренессансной Европе. В авторской аннотации к своему роману «Сын» Дубровский во французском игровом стиле определил автофикшн по логике парадокса: как вымысел абсолютно достоверных событий и фактов.

Нужно заметить, что этот подход радикально ревизовал представления об автобиографичности,

требовавшей, по классическому пониманию, изложенному Филиппом Леженом незадолго перед этой переоценкой, полного совпадения жизненных перипетий и повествования о них в прозе [Lejeune, 1975; Лежен, 2000]. Автофикшн самоопределяется как гремучая «смесь автобиографии и художественной прозы, в которой реальные события и достоверные факты переплетаются с авторским вымыслом» [Что такое автофикшн, 2020].

Автофикшер работает в контексте общества потребления. Он вызывает гул и ропот, его имя полощут в блогах и бульварных медиа. Скандальность его признаний обычно неплохо продается. Однако было бы огромным упрощением считать такого рода творчество просто маркетинговой акцией. Коммерческий эффект далеко не всегда в принципе имеется в виду.

Автор автофикшна стремится к предельной подлинности, он в некотором смысле реалист. Однако этот «новый реализм» разительно отличается от тех ржавых инструментов социальной типизации, которые некогда казались определяющими признаками метода.

Человек в прозе автофикшна существует в мире без правил, в мире пустых величин, с зыбкой, трудноуловимой гранью между фактом и фейком.

Одна из проблем, которые обнажает автофикшн, – это трудности не то что самоопределения – а и просто самофиксации личности. Современный опыт личности открыт в пространство неопределенности. Сама актуальная личность часто амбивалентна, гибридна, протеистична. Как правило, повествование в автофикшне ведётся от первого лица и автор может рассказывать о событиях как о чем-то, что пережито непосредственно им. Он наделяет героя своим собственным именем и некоторыми деталями личной биографии. Однако грань достоверности, по крайней мере в традиционном ее понимании, неуловима. Рассказчик теряет и находит, снова теряет и снова находит себя, присутствует в качестве автора и персонажа, апеллируя и к реальному личному опыту, и к воображению. Факты жизни без оговорок переплетаются с авторским вымыслом. Авторское имя не гарантия соответствия авторскому опыту. По крайней мере, у него нет строгой задачи достоверно описать конкретные факты или места.

О диалектике авторского *я* в автофикшне Алексей Макушинский пишет: «Разумеется, этот „Алексей Макушинский" моих книг не вполне совпадает со мною самим (но кто такой – на самом деле – я сам?), хотя бы уже потому, что „он" встречается, дружит, разговаривает и так далее с людьми, которых „я" никогда не видел в реальности (но что такое реальность?), которых видел только в мечтах и фантазиях, – с другими персонажами этих книг: историком Павлом Двигубским, великим архитектором Александром Воско. Здесь важно то, что они как будто уравниваются в правах и в подлинности. Если „Алексей Макушинский" оказывается более „фикциональным", более „фиктивным", чем „я сам", то и выдуманные мною герои оказываются чуть более реальными, чем это обычно случается с персонажами, сотканными из слов и снов» [Макушинский, 2022].

Автофикшн – прибежище личности, загнанной в хаос постмодерна, роланбартово посмертье, актуальный бобок, хотя обычно и без – рискну сказать – экзистенциального сарказма по Достоевскому как необходимой приправы. Заметим, что это не свойства исключительно автофикшна. Это реальная коллизия поисковой, непрочной идентичности современника. Согласно удачному суждению Юлии Зайцевой, размышлявшей о близком явлении, «я-нарративе», «множественное перерасказывание истории жизни в различных контекстах и в разные периоды, терпимость современного дискурса к несогласованности, многоплановости, текучести границ, фрагментарности повествования требуют признания за „эмпирическим я" современного человека контекстной множественности, динамических трансформаций и текучести, горизонтального развития в сторону опыта полноты проживания полярностей; а за „нарративным Я" рассказчика – потенциала осознания единства и цельности „экзистенциального Я" через снятие оценочной шкалы границ между множественными „Я" во времени и социальном пространстве посредством дискурса достоинства человека» [Зайцева, 2016, с. 131].

Автор автофикшна использует в своем повествовании реальных людей, но произвольно соединяет нескольких «взятых из жизни» людей в одно действующее лицо и наделяет персонажей вымышленными чертами и деталями биографии.

В некоторой степени автофикшн – это и попытка придать чуть большую значительность тому, что ею обладает в до обидного малой дозе. Домысел заново масштабирует фигуру рассказчика и других персонажей, примышленность дополнительно их капитализирует, причем смысл и средства капитализации не подчиняются никакой унификации или стандартизации и связаны прежде всего с представлениями рассказчика о значимости той или иной вещи, а также, в какой-то степени, с ожиданиями сфокусированной аудитории.

Есть, однако, общий вектор в такого рода представлениях. Он связан с особым пониманием достоверности и чужд традиционным критериям героики и этической полноценности, которые могут восприниматься как орудия и средства отчуждения, как неприемлемая подмена личной сути заданной нормой, ролью в обществе спектакля. В центре внимания в автофикшне повседневная жизнь в ее самых непосредственных проявлениях. Автор не пытается преувеличивать значение собственной жизни или наделять свою биографию значимыми событиями. Это часто влечет за собой отсутствие сюжета или логически выстроенного линейного повествования.

Современный опыт сенсуален. В автофикшне именно эмоции, чувства и ощущения создают тот эффект, который позволяет считать происходящее достоверным. Человек в контексте автофикшна погружен в сферу переживаний, в ауру эмотивной искренности – и максимально удален от попыток рационализировать свой опыт, соотнести его с большими смыслами и нарративами, которые воспринимаются как архаические чудовища, уверенно вымирающие, подобно мамонтам.

В том же контексте актуальная журналистика культивирует сегодня эмотивность и очень сильно проблематизирует рационалистический дискурс, который еще недавно считался для нее нормой. Журналистика тяготеет к нарративу, к рассказыванию «историй», уходя от «искусственных», рационалистически опосредованных жанровых форм.

В рекомендациях для начинающих автофикшеров фиксируется: «Эмоциональная правда важнее фактологической достоверности. Люди скорее запомнят чувства, эмоции и ощущения, чем, скажем, точную дату события, курс доллара в тот день или цвет трусов, что были на них надеты. <…> В автофикшне можно подделать факты и даже подогнать их под эмоции, но эмоции всегда должны быть настоящими» [Что такое автофикшн, 2020].

Характерна самооценка Сержа Дубровского, так описывающего свой способ автофиксации: «Автобиография? Нет. Автобиография – привилегия, оставляемая важным деятелям этого мира, сумеркам их жизни и красивому стилю. Перед вами – вымысел абсолютно достоверных событий и фактов; если угодно, автофикшн [autofiction], доверивший язык авантюры авантюре языка, за пределами синтаксиса романа, будь то традиционного или нового. Столкновения, нити слов, аллитерации, ассонансы, диссонансы, письмо до или после литературы, конкретное, как сказали бы о музыке. Или вот еще: автотрение [autofriction], терпеливый онанизм, который надеется заставить теперь других разделить его удовольствие» [Левина-Паркер, 2010].

Можно ли считать такой подход попыткой самопознания? В принципе, как это ни странно звучит с точки зрения традиции самоанализа, рассудочной саморефлексии, перед нами часто действительно признательное самопостижение автора в тех пределах, которые он сам для себя определил, отождествив их с пределами подлинности в своем ее понимании, основанном на попытке нащупать неуловимую грань личного присутствия в зыбком, текучем мире.

Дискуссионные аспекты автофикшна

В России немало экспертов, которые весьма скептически относятся к автофикшну. Скажем, регулярно критиковала такого рода тексты в своем фейсбучном блоге Елена Иваницкая. В ее понимании автофикшн – синоним мелкотемья («Автофикшн – это когда лауреатки разных премий ноют о своих хворях и рассказывают свои сны не бабушке, не подружке, а литкритикам, которые в ответ бьются в восторгах – „абсолютная книга! теперь у нас есть проза!"» [Владимирский, 2022]). Неудачный камингаут, в котором «много вранья», разглядел в автофикшне Павел Басинский [Басинский, 2022]. Критик Константин Мильчин язвительно резюмировал свои впечатления от романа Кнаугора: «У Кнаугора главное – это все же последовательное издевательство над читателем, который все ждет чего-то, но никак не дождется. Это его борьба. И он явно побеждает» [Мильчин, 2019].

Основательные возражения подготовил Борис Куприянов. Он резюмирует: автофикшн лишает нас интеллектуализма и выхода за пределы личного опыта. «Большинство книг в жанре/стиле автофикшн относятся к «литературе утешения». Конечно, терапевтическая функции литературы очень важна – литература лечит и успокаивает. <…> а когда она и автору помогает справиться с собственной травмой, еще лучше! Но достигнет ли современный автофикшн широкого круга читателей, нуждающихся в утешении и поддержке, или так и не выйдет за границы «круга»? Будут ли над ним плакать жители сел и небольших городов? Станут ли им так же близки проблемы автора, как проблемы бесконечно далекой от них Изауры? Оценят ли они призыв разбираться со своей травмой методом чтения о травме чужой? Или они сочтут такую литературу образчиком вымученной эгоцентричности, эксгибиционизмом по-

чти святых, не знающих греха».

«В эпоху всеобщей нервичности и нервозности такое письмо становится максимальной демонстрацией себя. Но, на мой взгляд, отнюдь не всегда откровенной, часто очень самоцензурированной. Авторы хотят демонстрировать не все свои чувства и переживания, а лишь те, которые являются конвенциональными. Не дай бог проскочит что-то токсичное» [Куприянов, 2022].

Стоит учитывать, что взгляды на автофикшн с самого начала по-разному определяли количество и качество вымысла. Определились два полярных вектора, связанных с именами Сержа Дубровского и Венсана Колонна [Colonna, 2004]. По характеристике Маши Левиной-Паркер, одни вслед за Сержем Дубровским подразумевают «под самосочинением литературную переработку (романизирование) достоверного автобиографического материала», а другие вслед за Венсаном Колонна видят «в самосочинении всецело литературное переизобретение автором собственной жизни и ее реалий» [Левина-Паркер, 2010]. Есть принципиальный вопрос (инвариант леженовского вопрошания): как вымысел в автофикшн может ужиться с «истиной факта», на которой настаивала журналистика.

Ситуация отчасти напоминает давние рассуждения теоретиков и практиков жанра очерка о допустимости или недопустимости вымысла (примысла) в очерковом повествовании. Так, апологет авторского своеволия (хотя и в границах идеологической нормы) Владимир Канторович противопоставлял протокольности способность подняться над фактом, имея в виду типизацию, обобщение и образное сгущение эмпирики в очерковом повествовании, продиктованные авторским мировоззрением. «Нет, очеркист не может полагаться на одни только органы чувств («сам слышал», «сам видел»), и если он не додумал того, что видел глазом, то ничего по-писательски и не увидел. И копииста из него не получится! Писатель – борец, он всегда пристрастен, – иначе он вовсе не писатель. Важнейшим качеством подлинно художественного очерка становится авторское, личное отношение к факту, на который опирается автор» [Канторович, 1960].

Более строго отнесясь к предмету, Максим Ким утверждал, что «вымысел в документальном очерке допустим только в том случае, если он полностью подчинен, с одной стороны, реально описываемому событию или процессу, а с другой – факту, из которого порождаются причинно-следственные закономерности. Автор, исходя из этих положений, может домысливать лишь только то, что может, по его предположению, вытекать из логики развития ситуации» [Ким, 2001].

Сопоставляя суждения Канторовича и Кима, мы можем, пожалуй, зафиксировать очевидную тенденцию к признанию вымысла в журналистском очерковом повествовании – исходя из общей глубинной логики раскрываемой этим повествованием жизни. При таком понимании сути вопроса нет непреодолимого препятствия для признания вымысла в автофикшне вполне допустимым приемом рассказывания о жизни.

Не менее существенный вопрос в этом контексте – значительность автофикшн-сообщения, общественная его значимость, отклик на ожидаемую аудиторией повестку дня, злобу момента. Это является основным критерием для удачной журналистской реализации автофикшна. Принципиален вопрос, который задает редактор Татьяна Тимакова: «Меня вот автофикшн изрядно утомил как читателя: почему мне должен быть интересен автор во всех своих проявлениях, а ему я как читатель совсем не интересна и он для меня ничего не делает?» [Тимакова, 2022]

Личностный опыт вполне легитимен в современной журналистике. Иногда он принципиально значим и незаменим для аудитории. К. С. Дивисенко справедливо отсылает по аналогичному поводу к философской проблематике жизненного мира, репрезентирующегося и в автофикшне, в частности к идеям Юргена Хабермаса, чья концепция жизненного мира и теория коммуникативного действия позволяют «по-новому взглянуть на биографическое письмо и интерпретацию биографического текста <…>, рассматривая их как диалогическое взаимодействие автора и читателя <…>, каждый из которых пребывает в собственном жизненном мире. В биографическом нарративе конституируется жизненный мир в двух планах. На уровне содержания он предстает как описание традиционных областей и институтов жизненного мира <…>. На уровне лингвистическом (нарративном) жизненный мир проявляется в разных планах – от архитектоники рассказа в целом до отдельных риторических тропов, используемых в нем. Текст биографии больше того смысла, который в него вкладывает автор» [Дивисенко, 2011, с. 51].

Как бы то ни было, автофикшн основательно укоренен в современной культурной ситуации. Его присутствие определено принципиальными особенностями культуры нашего века, способом самоощущения и самоопределения современного человека в контексте культуры Постмодерна. При этом автофикшн в такой же степени решение

личных проблем и затруднений современного автора, в какой просто их фиксация, свидетельство их неполной, неокончательной разрешимости.

Заключение

Рассмотрев феномен автофикшна в историко-культурном горизонте и определив в этой связи приоритетные направления его понимания и работы с ним, можно сделать следующие выводы:

– Прописавшись в литературе, документирующий явления жизни автофикшн реализуется как медийная практика, явление современной журналистики.

– Автофикшн корреспондирует с разными журналистскими форматами и предполагает сплетение жанров, форм и форматов: репортажа и эссе, дневниковых записей и эпистолы, потока сознания и «безжанрового» фрагментарного повествования.

– Тяготение журналистики к сторителлингу, акцент на авторское начало, на присутствие личности в журналистском произведении (персональный журнализм), на транспарентный блогинг соотносятся с практиками автофикшна как полярного, радикального самопредъявления личности в современном повествовательном дискурсе.

– Новая повествовательная стратегия формирует под себя публичное пространство.

– Одна из проблем, которые обнажает автофикшн, – трудности самофиксации личности.

– Автофикшн – это попытка придать чуть большую значительность тому, что ею обладает в до обидного малой дозе.

– Автофикшн связан с особым пониманием достоверности и чужд традиционным критериям героики и этической полноценности, которые могут восприниматься как орудия и средства отчуждения, как неприемлемая подмена личной сути заданной нормой, ролью в обществе спектакля.

– В автофикшне эмоции, чувства и ощущения создают тот эффект, который позволяет считать происходящее достоверным.

– Автофикшн – самопостижение автора в тех пределах, которые он сам для себя определил, отождествив их с пределами подлинности в своем ее понимании, основанном на попытке нащупать неуловимую грань личного присутствия в зыбком, текучем мире.

– В автофикшне проявляет себя **т**енденция к признанию законности вымысла – исходя из общей глубинной логики раскрываемой повествованием жизни.

– Существенный вопрос – значительность автофикшн-сообщения, общественная его значимость, отклик на ожидаемую аудиторией повестку дня, злобу момента.

Библиографический список

1. Басинский П. Тотальная победа жанра автофикшн будет означать смерть литературы // Российская газета. 20 февраля 2022. URL: https://rg.ru/2022/02/20/basinskij-totalnaia-pobeda-zhanra-avtofikshn-budet-oznachat-smert-literatury.html (Дата обращения: 03.05.2022).

2. Бойко А. Признание, терапия и другие преимущества автофикшна // Цех. 2020. 15 октября. URL: https://zeh.media/praktika/pisatelskoye-masterstvo/1384076-chto-takoye-avtofishkn-i-pochemu-ego-stoit-poprobovat-pisat-kazhdomu (Дата обращения: 03.05.2022).

3. Бойко А. «Новые честные»: Что такое автофикшн и как книги без сюжета захватывают российскую литературу // The Village. 7 апреля 2021. URL: https://www.the-village.ru/weekend/knigi/avtofikshn (Дата обращения: 03.05.2022).

4. Вежлян Е. Литература в эпоху постправды и в**** // Литературa. № 194. Май 2022. URL: https://literratura.org/issue_criticism/4924-evgeniya-vezhlyan-literatura-v-epohu-postpravdy-i-v.html# (Дата обращения: 08.05.2022).

5. Владимирский В. 18 февраля 2022. URL: https://www.facebook.com/vvladimirsky/posts/10216240830653729 (дата обращения: 03.05.2022).

6. Воспенников Р. [Ольга Дробот :] «Моя борьба» : революция в литературе, судебные иски и нарциссизм. Как один норвежец превратил свой дневник в шедевр // Bookmate Journal. 2 июля 2019. URL: https://journal.bookmate.com/moya-borba/ (Дата обращения: 03.05.2022).

7. Гончуков А. Старобинец и Пустовая. Автофикшн скорее мертв? // Литературa. 3 июня 2020. URL: https://literratura.org/non-fiction/3866-arseniy-gonchukov-starobinec-i-pustovaya-avtofikshn-skoree-mertv.html (Дата обращения: 03.05.2022).

8. Гриневский А. Автофикшн или приступы графоманства // LiveLib. 17 февраля 2022. URL: https://www.livelib.ru/author/1400539/post/93841-avtofikshn-ili-pristupy-grafomanstva-vyderzhki-iz-intervyu (Дата обращения: 03.05.2022).

9. Дивисенко К. С. (Авто)биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира // Социологический журнал. 2011. С. 36–52.

10. Ермолин Е. А. Персональный журнализм: спираль форматов (от авторского журнала – к авторскому сайту и блогу в социальной сети) // Современные медиа: процессы и контексты: материалы IV очно-заочной всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 5-летию кафедры и 20-летию журналистского образования в Ярославле, 25-26 ноября 2016 г. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 18–26.

11. Ермолин Е. А. Эмотивный и экспрессивный нарратив в транспарентном блогинге // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №4. С. 51–57.

12. Зайцева Ю. Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. 2016. Вып. 1. С. 118–136.

13. Канторович В. Факт и вымысел в очерке (Заметки писателя) // Вопросы литературы. 1960. № 11. С. 180–194. URL: https://voplit.ru/article/fakt-i-vymysel-v-ocherke/ (дата обращения: 03.05.2022).

14. Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения. Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2001. 319 с. URL: http://evartist.narod.ru/text/79.htm#_top (Дата обращения: 03.05.2022).

15. Куприянов Б. Почему автофикшн не нужен // Горький. 17 февраля 2022. URL: https://gorky.media/context/pochemu-avtofikshn-ne-nuzhen/ (дата обращения: 03.05.2022).

16. Левина-Паркер М. Введение в самосочинение : autofiction // НЛО. 2010. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vvedenie-v-samosochinenie-autofiction.html (дата обращения: 03.05.2022).

17. Лежен Ф. В защиту автобиографии // Иностранная литература. 2000. №4. С. 110–122.

18. Макушинский А. Автофикшн. 16 января 2022. URL: https://www.facebook.com/alexei.makushinsky/posts/10208968377602993 (Дата обращения: 03.05.2022).

19. Мильчин К. Его борьба // Горький. 4 июня 2019. URL: https://gorky.media/reviews/ego-borba/ (Дата обращения: 03.05.2022).

20. Мызникова Д. Вымысел фактов : автофикшн. Приёмы и особенности // ИКСТАТИ. 31 декабря 2019. URL: https://spb.hse.ru/ixtati/news/327726305.html

21. Соловьева Т. [Иличевский Александр] «Для того чтобы изменить мир, нужно быть ненормальным» // АНО. Альпина нон-фикшн. 13 октября 2021. URL: https://nonfiction.ru/stream/dlya-togo-chtobyi-izmenit-mir-nuzhno-byit-nenormalnyim?fbclid=IwAR1W-I5d7Yn8o2XmCa1Gc-BCBlwi1bK1kI1y5-b07a8lhtzVBjNEgNjLAS4 (дата обращения: 03.05.2022).

22. Тимакова Т. 17 февраля 2022. URL: https://www.facebook.com/tatiana.timakova/posts/5687882337973412 (дата обращения: 03.05.2022).

23. Хамитов М. Всё о жанре автофикшн // Пашня. Июнь 2020. URL: https://cws.media/4914-2/ (дата обращения: 03.05.2022).

24. Что такое автофикшн : как его писать и где издаваться // ЛитРес: [2020]. URL: https://blog.selfpub.ru/autofiction (Ддата обращения: 03.05.2022).

25. Colonna V. Autofiction et autres mythomanies littéraires. Auch : Tristram, 2004. 250 p.

26. Lejeune P. Le pacte autobiographique. Paris : Seuil, 1975. 384 p.

Reference list

1. Basinskij P. Total'naja pobeda zhanra avtofikshn budet oznachat' smert' literatury = The total victory of the autofiction genre will mean the death of literature // Rossijskaja gazeta. 20 fevralja 2022. URL: https://rg.ru/2022/02/20/basinskij-totalnaia-pobeda-zhanra-avtofikshn-budet-oznachat-smert-literatury.html (Data obrashhenija: 03.05.2022).

2. Bojko A. Priznanie, terapija i drugie preimushhestva avtofikshna = Recognition, therapy, and other autofiction benefits // Ceh. 2020. 15 oktjabrja. URL: https://zeh.media/praktika/pisatelskoye-masterstvo/1384076-chto-takoye-avtofishkn-i-pochemu-ego-stoit-poprobovat-pisat-kazhdomu (Data obrashhenija: 03.05.2022).

3. Bojko A. «Novye chestnye»: Chto takoe avtofikshn i kak knigi bez sjuzheta zahvatyvajut rossijskuju literaturu = «The new honest»: What is autofiction and how plotless books are taking over Russian literature // The Village. 7 aprelja 2021. URL: https://www.the-village.ru/weekend/knigi/avtofikshn (Data obrashhenija: 03.05.2022).

4. Vezhljan E. Literatura v jepohu postpravdy i v**** = Literature in the age of post-truth and in**** // Literratura. № 194. Maj 2022. URL: https://literratura.org/issue_criticism/4924-evgeniya-vezhlyan-literatura-v-epohu-postpravdy-i-v.html# (Data obrashhenija: 08.05.2022).

5. Vladimirskij V. 18 fevralja 2022 = 18 February 2022. URL: https://www.facebook.com/vvladimirsky/posts/10216240830653729 (data obrashhenija: 03.05.2022).

6. Vospennikov R. [Ol'ga Drobot] «Moja bor'ba» : revoljucija v literature, sudebnye iski i narcissizm. Kak odin norvezhec prevratil svoj dnevnik v shedevr = [Olga Drobot] My struggle : revolution in literature, lawsuits, and narcissism. How a Norwegian turned his diary into a masterpiece // Bookmate Journal. 2 ijulja 2019. URL: https://journal.bookmate.com/moya-borba/ (Data obrashhenija: 03.05.2022).

7. Gonchukov A. Starobinec i Pustovaja. Avtofikshn skoree mertv? = Starobinets and Pustovaya. Is autofiction rather dead? // Literratura. 3 ijunja 2020. URL: https://literratura.org/non-fiction/3866-arseniy-gonchukov-starobinec-i-pustovaya-avtofikshn-skoree-mertv.html (Data obrashhenija: 03.05.2022).

8. Grinevskij A. Avtofikshn ili pristupy grafomanstva = Autofiction or fits of graphomania // LiveLib. 17 fevralja 2022. URL: https://www.livelib.ru/author/1400539/post/93841-avtofikshn-ili-pristupy-grafomanstva-vyderzhki-iz-intervyu (Data obrashhenija: 03.05.2022).

9. Divisenko K. S. (Avto)biograficheskij narrativ kak kommunikativnoe dejstvie i reprezentacija zhiznennogo mira = (Auto) biographical narrative as communicative action and representation of the real world // Sociologicheskij zhurnal. 2011. №. S. 36–52.

10. Ermolin E. A. Personal'nyj zhurnalizm: spiral' formatov (ot avtorskogo zhurnala – k avtorskomu sajtu i

blogu v social'noj seti) = Personal journalism: the spiral of formats (from an auteur magazine to an auteur website and blog in social networks) // Sovremennye media: processy i konteksty: materialy IV ochno-zaochnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 5-letiju kafedry i 20-letiju zhurnalistskogo obrazovanija v Jaroslavle, 25-26 nojabrja 2016 g. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. S. 18–26.

11. Ermolin E. A. Jemotivnyj i jekspressivnyj narrativ v transparentnom bloginge = Emotive and expressive narrative in transparent blogging // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. №4. S. 51–57.

12. Zajceva Ju. E. Ja-narrativ kak instrument konstruirovanija identichnosti: jekzistencial'no-narrativnyj podhod = The I-narrative as an instrument of constructing identity: an existential-narrative approach // Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psihologija. 2016. Vyp. 1. S. 118–136.

13. Kantorovich V. Fakt i vymysel v ocherke (Zametki pisatelja) = Fact and fiction in the essay (the writer's notes) // Voprosy literatury. 1960. №11. C. 180–194. URL: https://voplit.ru/article/fakt-i-vymysel-v-ocherke/ (data obrashhenija: 03.05.2022).

14. Kim M. N. Tehnologija sozdanija zhurnalistskogo proizvedenija = The technology of creating a journalistic work. Sankt-Peterburg : Izd-vo Mihajlova V. A., 2001. 319 s. URL: http://evartist.narod.ru/text/79.htm#_top (Data obrashhenija: 03.05.2022).

15. Kuprijanov B. Pochemu avtofikshn ne nuzhen = Why we don't need autofiction // Gor'kij. 17 fevralja 2022. URL: https://gorky.media/context/pochemu-avtofikshn-ne-nuzhen/ (data obrashhenija: 03.05.2022).

16. Levina-Parker M. Vvedenie v samosochinenie : autofiction = Introduction to self-composition : autofiction // NLO. 2010. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vvedenie-v-samosochinenie-autofiction.html (data obrashhenija: 03.05.2022).

17. Lezhen F. V zashhitu avtobiografii = In defense of autobiography // Inostrannaja literatura. 2000. №4. S. 110-122.

18. Makushinskij A. Avtofikshn. 16 janvarja 2022 = Autofiction. January 16, 2022. URL: https://www.facebook.com/alexei.makushinsky/posts/10208968377602993 (Data obrashhenija: 03.05.2022).

19. Mil'chin K. Ego bor'ba = His struggle // Gor'kij. 4 ijunja 2019. URL: https://gorky.media/reviews/ego-borba/ (Data obrashhenija: 03.05.2022).

20. Myznikova D. Vymysel faktov : avtofikshn. Prijomy i osobennosti = Fabricating facts : autofiction. Techniques and features // IKSTATI. 31 dekabrja 2019. URL: https://spb.hse.ru/ixtati/news/327726305.html

21. Solov'eva T. [Ilichevskij Aleksandr] «Dlja togo chtoby izmenit' mir, nuzhno byt' nenormal'nym» = [Ilichevsky Alexander] «In order to change the world, you have to be insane» // ANO. Al'pina non-fikshn. 13 oktjabrja 2021. URL: https://nonfiction.ru/stream/dlya-togo-chtobyi-izmenit-mir-nuzhno-byit-nenormalnyim?fbclid=IwAR1W-I5d7Yn8o2XmCa1Gc-BCBlwi1bK1kI1y5-b07a8lhtzVBjNEgNjLAS4 (data obrashhenija: 03.05.2022).

22. Timakova T. 17 fevralja 2022 = 17 February 2022. URL: https://www.facebook.com/tatiana.timakova/posts/5687882337973412 (data obrashhenija: 03.05.2022).

23. Hamitov M. Vsjo o zhanre avtofikshn = Everything about autofiction genre // Pashnja. Ijun' 2020. URL: https://cws.media/4914-2/ (data obrashhenija: 03.05.2022).

24. Chto takoe avtofikshn : kak ego pisat' i gde izdavat'sja = What is autofiction : how to write it and where to publish it // LitRes: [2020]. URL: https://blog.selfpub.ru/autofiction (data obrashhenija: 03.05.2022).

25. Colonna V. Autofiction et autres mythomanies littéraires. Auch : Tristram, 2004. 250 r.

26. Lejeune P. Le pacte autobiographique. Paris : Seuil, 1975. 384 r.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 23.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 14.03.2022; approved after reviewing 23.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Русский язык

Научная статья
УДК 81.37
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-80-88
EDN: EWXJXF

Фразеологические единицы как текстообразующие факторы в жанре афоризма

Елена Ивановна Беглова
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД Российской Федерации». 603081, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3
beglova-elena@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3208-0549

Аннотация. В статье предметом изучения явились фразеологические единицы (ФЕ), служащие фактором текстообразования жанра афоризма. Главным образом это ФЕ, являющиеся смысловым ядром афоризма как текста малого речевого жанра. Цель статьи заключается в выявлении особенностей употребления ФЕ в афоризме, приводящих к порождению текста, малого по объему и емкому по содержанию, обладающего экспрессией, эмоциональностью и оценочностью. Прежде всего, определяются особенности афоризма как текста малого речевого жанра, даётся его определение и одна из классификаций афоризмов.

В результате изучения использования ФЕ в афоризмах было установлено, что часто ФЕ выступают текстообразующими языковыми единицами, поэтому жанр афоризма требует от адресанта наличия высокого уровня языковой и коммуникативной компетентности, эрудиции и широкого кругозора. В статье производится семантический анализ афоризмов, содержащих ФЕ, созданных известными философами, писателями, сатириками, извлеченных методом сплошной выборки из книг и специального сборника афоризмов.

Выявлены основные приёмы употребления ФЕ в афоризмах, когда они являются не только главным смысловым компонентом, но и фактором текстообразования: сохранение языковой (словарной) формы как единицы языка и смыслообразующей единицы афоризма; деметафоризация значения ФЕ; расширение компонентного состава ФЕ; усечение (сужение) компонентного состава ФЕ; употребление двух или более ФЕ в пределах одного афоризма; разрыв ФЕ и подача компонентов по частям в пределах одного афоризма; изменение грамматической формы компонента ФЕ, например, частеречной принадлежности и др.

Доказано, что для правильного восприятия смысла некоторых ФЕ, служащих смысловым компонентом афоризмов, необходимо знать их этимологию. Это касается книжных ФЕ, уходящих истоками в мифологию, древнюю философию и историю. Подтверждено, что афоризмы как тексты малого речевого жанра требуют не только от адресанта высокого уровня языковой, культурной, исторической, литературной, коммуникативной компетентности, но и от адресата для правильного понимания его глубокого смысла.

Ключевые слова: афоризм; фразеологическая единица; приёмы употребления фразеологической единицы; языковая форма; текстообразующий фактор; классификация афоризмов

Для цитирования: Беглова Е. И. Фразеологические единицы как текстообразующие факторы в жанре афоризма // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 80–88. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-80-88. https://elibrary.ru/EWXJXF

Russian language

Original article

Phraseological units as text-forming factors in the genre of aphorism

Elena I. Beglova
Doctor of philology, associate professor, professor of the department of foreign language and speech culture, «Nizhny Novgorod academy of the RF ministry of internal affairs». 603081, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3
beglova-elena@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3208-0549

Abstract. The article focuses on studying phraseological units (PUs) that serve as a text formation factor in the genre

© Беглова Е. И., 2022

of aphorism. These are mainly PUs which are the semantic core of the aphorism as a text of a minor speech genre. The aim of the article is to find out the features of using the PUs in the aphorism, which lead to generating a text small in size and deep in content, which is expressive, emotional and evaluative. First of all, the author defines the features of the aphorism as a text of a small speech genre, gives its definition and one of the classifications of aphorisms. As a result of studying the use of PUs in aphorisms, it was found that PUs often act as text-forming language units; therefore, the genre of aphorism requires the addressant to have a high level of linguistic and communicative competence, erudition and a broad outlook. The article provides a semantic analysis of aphorisms containing PUs created by famous philosophers, writers, satirists, selected by continuous sampling method from books and a collection of aphorisms.

The article reveals the main ways of using PUs in aphorisms, when they are not only the main semantic component but also a text-forming factor: preserving the linguistic (dictionary) form as a unit of language and the semantic unit of an aphorism; de-metaphorizing the meaning of PUs; expanding the component structure of PUs; clipping (narrowing) the component structure of PUs; using two or more PUs within one aphorism; breaking a PU and presenting its components part by part within one aphorism; changing the grammatical form of a PU component, for example, changing its part-of-speech, etc. It has been proved that in order to understand the meaning of some PUs serving as a semantic component of aphorisms, it is necessary to know their etymology. It applies to bookish PUs originating in mythology, ancient philosophy and history. It is confirmed that aphorisms as texts of small speech genre require a high level of linguistic, cultural, historical, literary and communicative competence not only from the addressant, but also from the addressee to understand its deep meaning correctly.

Key words: aphorism; phraseological unit; ways of using a phraseological unit; language form; text-forming factor; classification of aphorisms

For citation: Beglova E. I. Phraseological units as text-forming factors in the genre of aphorism. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):80–88. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-80-88. https://elibrary.ru/EWXJXF

Введение

В данной статье предметом изучения явились фразеологические единицы (далее ФЕ), служащие фактором текстообразования афоризма как текста малого речевого жанра. Прежде всего, это ФЕ, служащие смысловым ядром афоризма. Заметим, что в начале 2000-х гг. мы обращались к проблемам афористики, в частности, исследовали жанр «прикола» как малый речевой жанр афористики [Беглова, 2002]. Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей употребления ФЕ в жанре афоризма, приводящих к порождению текста, малого по объему и емкому по содержанию, обладающего экспрессией, эмоциональностью и оценочностью. Мы считаем, что часто ФЕ в афоризме выступают текстообразующими языковыми единицами, поэтому жанр афоризма требует от адресанта наличия высокого уровня языковой и коммуникативной компетентности, эрудиции и широкого кругозора. В данной работе мы остановились на афоризмах, созданных известными философами, писателями, сатириками, извлеченными нами методом сплошной выборки из книг [Шевелев, 1997; Прутков, 2001] и сборника афоризмов [БЭА, 2005].

Понятие афоризма и его изучение

Афоризм (афористичность) – от греческого aphorismos – изречение; лаконичные по форме изречения, выражающие обобщенную мысль [Розенталь, Теленкова, 1985, с. 24]. В словаре О. С. Ахмановой термин *афоризм* не зафиксирован, но дан термин *афористичный*, который толкуется через соотношение с синонимичным термином *гномический*: *гномический (афористический, ахронистический*) – употребляемый в изречениях, пословицах, поговорках и др., представляющих явление как вневременное, как общее правило; сообщающий общую истину [Ахманова, 1969, с. 110]. Известно, что слово *афоризм* принадлежит античному врачевателю Гиппократу, который вкладывал в это понятие сентенцию, «гному», мудрое изречение, а также краткий стиль. В России термин «афоризм» появился в XVIII в. в медицинском и филологическом значениях. С начала XIX в. и до настоящего времени этот термин употребляется в литературном значении, но понимается исследователями поразному. В частности, он имеет синонимы: изречение, апоф(т)егма (от греч. apophthegma), максима, сентенция, гнома (от англ. gnomic, исп. gnomico, нем. gnomisch, фр. gnomique).

Интерес к теории и практике афористики возник в XX в. Афористика и афоризмы активно изучались в XX в., а также изучаются в настоящее время. Так, афористика и афоризмы с точки зрения эволюции и истории развития освещались в работах Л. Т. Федоренко, Л. И. Сокольской [Федоренко, Сокольская, 1990], Е. О. Кузьминой [Кузьмина, 2012, с. 3–6], А. В. Корольковой [Королькова, 2005]. Е. Е. Иванов рассматривал афоризмы как единицы языка [Иванов, 1995, с. 190–

195; Иванов, 2016; Иванов, 2018]; Е. Д. Горячева исследовала афоризм как прецедентный текст в рамках художественного текста, анализируя его прагматику [Горячева, 2018, с. 509–512] и др. Следует заметить, что определенная информация об афоризмах дается в современных лингвистических словарях. Так, в словаре выразительных средств русского языка термин *афоризм* определяет следующее понятие (от греческого aphorismos – краткое изречение, определение, разграничение) – это разновидность универсальных высказываний, содержащая стремящуюся к истине и полученную обобщением глубокую, законченную мысль о каком-либо явлении действительности [СВСРЯ, 2009, с. 75]. Особо отмечается, что необходимым условием афоризма являются лаконичность, отточенность и оригинальная художественная форма. Существуют разные определения *афоризма*, которые строятся на таких признаках, как авторство и парадоксальность смысла. По этим критериям одни ученые к афоризмам относят только авторские высказывания, в том числе и крылатые слова, другие – все виды кратких обобщенных высказываний, включая пословицы и поговорки. С этой точки зрения, интерес вызывает статья И. Г. Ольшанского, О. В. Мельниковой [Ольшанский, Мельникова, 2009, с. 63–81], в которой разграничиваются понятия афоризма, цитаты, крылатого выражения, сентенции, паремии. Определения понятий «афоризм», «жанр афоризма» даны в статьях А. С. Авдеевой и Т. Е. Водоватовой [Авдеева, Водоватова, 2017, с. 127–134], И. А. Наличниковой [Наличникова, 2016, с. 121–123], а также в монографии А. В. Корольковой [Королькова, 2005] и др.

Принимая словарное определение афоризма, зафиксированное в словаре выразительных средств русского языка [СВСРЯ, 2009, с. 75], мы относим афоризм к текстам малого речевого жанра, обладающего краткой формой и глубоким смыслом, создаваемом на основе общих фоновых знаний адресанта и адресата, на языковых, культурных, литературных, исторических, научных, бытовых ассоциативных связях, отражающих общую ментальность. Мы считаем, что к афоризмам можно отнести авторские тексты, а также высказывания, авторство которых не установлено по каким-либо причинам, но они соответствует основным признакам афоризма, названным выше, в том числе имеют двухчастную композицию, характерную для афоризма как жанра. С. Б. Донгак справедливо отмечает, что композиция афоризма своеобразна: она состоит из двух частей: 1) конкретной мысли и 2) итогового заключения (вывода), которые часто не расчленимы [СВСРЯ, с. 75]. Афоризм обладает независимостью от контекста в смысловом отношении, поэтому он не имеет четких границ времени существования, он актуален вне времени.

Результаты исследования

Классификация афоризмов

Следует отметить тот факт, что адресанты афоризмов, стремясь к очерчиванию понятия афоризма, предлагают разные классификации афоризмов. Остановимся на классификации И. Н. Шевелева, одного из авторов афоризмов, которые мы исследуем в данной статье, внесшего большой вклад в развитие теории афористики. В своей книге афоризмов он предложил следующую оригинальную классификацию афоризмов [Шевелев,1997, с. 15–24].

1. Афоризмы – старые мудрые истины, которые в новых социальных условиях приобретают новый смысл, например: *Думать о будущем, помнить о прошлом, но жить настоящим* [Шевелев, 1997, с. 37]. *Ругая другого, даже справедливо, выглядишь не лучшим образом.* [Шевелев, 1997, с. 53]. *Слова имеют свойства бумеранга* [Шевелев, 1997, с. 53].

2. Афоризмы – новые истины, в которых обновляется и форма, и смысл, например: *Жизненные трудности – кузница жизнеспособности* [Шевелев, 1997, с. 39]. *Одежда удивительно меняет выражение лица – либо облагораживает, либо опрощает* [Шевелев, 1997, с. 48].

3. Зеркальные афоризмы – это мысли адресанта, которые адресат воспринимает как собственные, но выразил их адресант, например: *Нет жизни без волнения, но счастлив тот, кто волнуется в меру* [Шевелев, 1997, с. 39]. *В жизни всегда легче опуститься, чем подняться: в молодости – в переносном смысле, в старости – в прямом* [Шевелев, 1997, с. 49].

4. Афоризмы-лингвизмы – изречения, уточняющие какие-либо лингвистические понятия, слова, получающие иные значения, нежели имеющиеся в словарях, например: *Понятие «жалость» имеет два оттенка:* ***жалость*** *к достойному – больше* ***сочувствие****,* ***жалость*** *к недостойному – больше* ***презрение*** [Шевелев, 1997, с. 42]; *жалость* – сочувствие, презрение.

5. Афоризмы-парадоксы, например: *Это счастье – чувствовать себя богатым в нищете*

[Шевелев, 1997, с. 46]. *Самое трудное – радоваться чужим успехам* [Шевелев, 1997, с. 50].

6. Афоризмы-максимы, которые отражают моральную сторону общества и человека, например: *Человек, живущий двойной жизнью, в конце концов расплачивается по двойному счету* [Шевелев, 1997,с. 43]. *Не ценящий преданности рискует быть преданным* [Шевелев, 1997, с. 55].

7. Афоризмы – мнимые банальности, в которых отражается не банальное, а глубокое содержание, например: *Работа утомляет, безделье растлевает* [Шевелев, 1997, с. 39]. *Ссора – это спор глупцов* [Шевелев, 1997, с. 53].

8. Афоризмы-рассуждения, которые отличаются фрагментарностью мысли, в них утрачивается краткость формы, но сохраняется лаконичность выражения мысли, например: *В радости есть что-то от эйфории, но разница здесь очень велика: основа радости – норма, основа эйфории – патология* [Шевелев, 1997, с. 41].

9. Поэтические афоризмы, которые тяготеют к поэзии, принадлежат, как правило, конкретным авторам (писателям, поэтам), например: *Люди держат камень за пазухой, если нет ничего за душой* [Шевелев, 1997, с. 43]. *Молодость прошла звенящею струей, колоколом зрелость отзвучала, в старости родился звк иной – близкого конца печальное начало* [Шевелев, 1997, с. 49].

Данная И. Н. Шевелевым классификация афоризмов касается как формы, так и содержания высказываний. Сам автор породил афоризмы всех названных видов, что мы кратко продемонстрировали. Разумеется, И. Н. Шевелев дал несколько определений афоризма в жанре афоризма, отразив главные признаки высказываний, которые относятся к афоризму. Приведем некоторые из этих афоризмов об афоризме, которые, по нашему мнению, вкупе определяют *афоризм.*

Прежде всего, это определение афоризма, необходимое для его создателя, то есть автора, отражающее признаки лаконичности, глубокого смысла, особенности формы и содержания: Афоризм – скульптура мысли [Шевелев, 1997, с. 25]. Афоризм в идеале – глубина, лаконичность и образность. Но может быть глубина без образности и образность без глубины [Шевелев, 1997, с. 25]. Афоризмы – это либо старые «вечные истины», которые, преломившись через индивидуальность автора, получают новое звучание, либо новые истины, которые могут стать вечными [Шевелев, 1997, с. 26]. Афоризм либо открывает новое, либо высвечивает общеизвестное [Шевелев, 1997, с. 27]. В афоризме не только единство формы и содержания, но и слияние их [Шевелев, 1997, с. 27]. Афоризм нередко имеет два «донышка»: первое – банальное, второе – оригинальное [Шевелев, 1997, с. 28]. Афоризм срабатывает, если он соизмерим с интересами читателя и синхронен его жизненному пульсу [Шевелев, 1997, с. 31]. В идеальном афоризме должно быть что-то общечеловеческое что-то индивидуальное [Шевелев, 1997, с. 255]. Без индивидуального нет в афоризме оригинальности, без общечеловеческого – отсутствует синхронность жизненному пульсу большинства [Шевелев, 1997, с. 255]. В афоризме обнаженная мысль имеет скрытое содержание [Шевелев, 1997, с. 255].

Другая часть определений афоризма ориентирована на уровень интеллекта адресата, так как именно уровень интеллектуального развития важен для правильного восприятия смысла афоризма: *Афоризм – тест на интеллект* [Шевелев, 1997,с. 31]. *Афоризм – это гимнастика ума и для писателя, и для читателя* [Шевелев, 1997, с. 31]. *Познать афоризм – это найти в афоризме себя* [Шевелев, 1997, с. 27]. *Афоризм понятен если не всем, то многим, но лишь интеллектуал ощущает его глубину и красоту* [Шевелев, 1997, с. 31]. *Афоризмы – это крупицы приземленной философии, доступные всем мыслящим и желающим мыслить* [Шевелев, 1997, с. 26]. *Вдумчивость – обязательное условие осмысления афоризмов* [Шевелев, 1997, с. 32].*Читая афоризмы, глупец не поумнеет, но умный станет глубже мыслить* [Шевелев, 1997, с. 32].

В афоризмах адресант находит не только глубокий смысл, но получает удовольствие, радость, эмоционально обогащается, о чем свидетельствуют следующие определения афоризма И. Н. Шевелева: *Оценить афоризм – это не только понять его, но и прочувствовать* [Шевелев, 1997, с. 31]. *Приобщение к афоризмам делает человека умнее, добрее и счастливее* [Шевелев, 1997, с. 32]. *Окунувшись в море афоризмов, человек духовно очищается* [Шевелев, 1997, с. 32].

Таким образом, афоризм как жанр текста имеет свою цель, композицию, языковые особенности. Он направлен на рациональное и эмоциональное восприятие адресата, развитие интеллектуального и эмоционального.

Фразеологические единицы как компоненты афоризма

Следует отметить то, что ФЕ сами по себе являются экспрессивными единицами языка, так

как обладают переносным значением и часто книжной или разговорной окраской, а также выражают эмоции и оценки. Как самостоятельная единица речи ФЕ может служит прецедентной единицей, которая воспринимается адресатом речи на основе общих фоновых знаний разного рода. В афоризме ФЕ выступает как единица языка и прецедентная единица речи, что обусловливает порождение текста, обладающего глубоким смыслом, краткостью формы, ассоциативными связями. С точки зрения порождения текста в жанре афоризма, роль ФЕ заслуживает особого внимания. В данной работе мы постараемся выявить основные приёмы употребления ФЕ в такого рода афоризмах.

1. Сохранение языковой (словарной) формы ФЕ как единицы языка и смыслообразующей единицы афоризма:

Нувориш и парвеню – *два сапога пара*, но каждый по-своему плох [Шевелев, 1997, с. 48]; ФЕ *два сапога пара* – похожи друг на друга обычно по свойству, характеру, поступкам [ФСМ, 1986, с. 407; Михельсон, 1997, с. 85].

Порой нувориш прикрывает звериный оскал *фиговым листком* благотворительности [Шевелев, 1997, с. 47]; ФЕ *фиговый листок* – лицемерная маскировка намерений [ФСМ, 1986, с. 227].

Все знают, как *держать язык за зубами*, но лишь немногие – когда! [Альфред Ньюмен, БЭА, 2005, с. 275]; или: Никто не владеет языком так прекрасно, как тот, кто *держит* его *за зубами* [Сэм Ребёрн, БЭА, 2005, с. 277); *держать язык за зубами* – уметь молчать, не говорить лишнего [ФСМ, 1986, с. 138].

Если и укладывать в *прокрустово ложе*, то не ценой отсечения головы. [Шевелев, 1997, с. 298]; ФЕ *прокрустово ложе* – мерило чего-либо, то, к чему насильственно подгоняют [ФСМ, 1986, с. 231]. Смысл данного афоризма будет до конца понятен в том случае, если адресат знает не только значение, но и этимологию ФЕ. Согласно древнегреческому мифу, разбойник Полипемон, по прозвищу Прокруст (с греческого – «растягивающий»), укладывал схваченных им путников в ложе и вытягивал ноги тем, кому оно было велико, а отрубал ноги тем, кому оно было мало [ФСМ, 1986, с. 231; Михельсон, 1997, с 353].

Легче держать вожжи, чем *бразды правления* [Прутков, 2001, с. 39]; ФЕ *бразды правления* – книжная, высокая или шутливая окраска; о государственной или административной власти [СБМС, 2007, с. 65], держать власть в руках [Михельсон, 1997, с. 23].

Как часто мы живем под *дамокловым мечом* и нередко его подвешиваем сами [Шевелев, 1997, с. 41); *дамоклов меч* – книжная окраска; постоянно угрожающая кому-либо опасность [ФСМ, 1986, с. 247]. Происхождение ФЕ влияет на глубину понимания афоризма адресатом: смысл связан с древнегреческим преданием о Дионисе Старшем (432–367 гг. до н.э.), который, решив проучить одного из своих приближенных по имени Дамокл, завидовавших его положению, посадил его во время пира на свое место, повесив над головой на конском волосе острый меч как символ опасностей, которые постоянно грозят правителю. Только тогда Дамокл понял, как трудно быть тем правителем, который находится под постоянной угрозой, живет в страхе [ФСМ, 1986, с. 247; Михельсон, 1997, с. 83].

Мы сами подчас создаем жизненные сложности, когда не рубим *гордиевы узлы* [Шевелев, 1997, с. 37]; ФЕ *гордиев узел* образована от имени собственного *Гордий;* окраска книжная; значение «запутанное дело» [ФСМ, 1986, с. 491]; *разрубать (рассекать) гордиев узел (узлы)* – разрешать сложный, запутанный вопрос смело, решительно [ФСМ, 1986, с. 383]; или *гордиев узел* (*разрубить*) – решить запутанное дело быстро и насильственно [Михельсон, 1997, с. 79]. Для правильного понимания смысла важно знать этимологию ФЕ: во Фригии в г. Сардахе в храме Зевса была колесница царя Гордия, дышло было привязано узлом, который никто не мог развязать. По преданию, кто развяжет этот узел, будет владеть всей Азией. Александр Македонский, увидев этот узел, рассек его мечом. Во фразеологических словарях имеется как атрибутивное словосочетание *гордиев узел,* так и глагольно-именной оборот *разрубать (рассекать) гордиев узел*.

Не в деньгах *корень зла*, а в средствах их добывания [Рыбников, БЭА, 2005, с. 311]; ФЕ *корень зла* – книжное; основа какого-либо порока, источник зла [ФСБМС, 2007, с. 342].

Поставить точку труднее, чем многоточие – и в жизни, и в науке, и в искусстве [Шевелев, 1997, с. 43]; ФЕ *поставить точку* – закончить что-либо, остановиться на чем-либо [ФСМ, 1986, с. 452].

У человека для того поставлена голова вверху, чтобы он не *ходил вверх ногами* [Прутков, 2001, с. 43]; ФЕ *вверх ногами* многозначная: 1) в перевернутом положении; 2) совершенно противоположно тому, как надо [ФСМ, 1986, с. 56].

Когда не знаете, за что *взяться,* ***беритесь*** *за*

ум [БЭА, 2005, Рыбников, с. 48]; *взяться (браться) за ум* – становиться рассудительным, благоразумным [ФСМ, 1986, с. 48]. Поговорка «Не знаешь, за что взяться (хвататься)» в первой части афоризма дополняется ФЕ *браться за ум*, создавая переносный смысл в целом. По форме и повелительной форме глагола в ФЕ афоризм принимает жанр рекомендации.

Одни – *канули в вечность*, другие – остались навечно [Шевелев, 1997, с. 196]; *кануть в вечность* – исчезнуть навсегда [ФСМ, 1986, с. 193]. Звуковая мимикрия компонента ФЕ *в вечность* и наречия *навечно* усиливает экспрессию, противопоставляя «одних» «другим», то есть усиливается и смысл афоризма с помощью смысловой оппозиции.

Девицы вообще подобны шашкам: не всякой удается, но всякой желается *попасть* ***в дамки*** [Прутков, 2001, с. 29]. Во фразеологических словарях фиксируется ФЕ *в дамках* – просторечная, шутливая окраска; в полном порядке, о том, что заканчивается с полным успехом [ФСФ, 1995, с. 138]. В современных словарях наблюдается синонимичная многозначная ФЕ *раз, два – и в дамках* – шутливая окраска; 1) очень быстро добиться успеха, 2) в полном порядке (о том, что заканчивается успешно) [ФСБМС, 2007, с. 174]. С этимологической точки зрения, это исконно русская ФЕ, связанная с игрой в шашки; *дамка* – это шашка, доведенная до последнего ряда клеток на поле противника, получившая право передвигаться на любое число клеток вперед и назад (имеет преимущество). В современном фразеологическом словаре [ФСБМС, 2007, с. 174]. Фиксируется также ФЕ *проходить/пройти в дамки* со стилистической пометой *новая*, в значении «добиться успеха». В данном афоризме реализуется именно это значение (*попасть/проходить/пройти*).

2. Приём трансформирования значения ФЕ, заключающийся в ***деметафоризации значения:*** сохранение у ФЕ внешней языковой формы, то есть компонентного состава и грамматической формы, но изменение значения, например:

1. Пустая *бочка Диогена* имеет также свой вес в истории человеческой [Прутков К., 2001, с. 37].

ФЕ *бочка Диогена* в настоящее время имеет несколько значений: 1) скромное жилище, 2) укрытие от людей, место уединения кого-либо, 3) аскетизм, отказ от удовольствий жизни, материальных благ в пользу духовных. Ср.: *бочка Диогена* – о чем-либо, символизирующем оторванность от жизни, от общества [ФСБМС, 2007, с. 65]. Важно знать этимологию ФЕ, углубившись в древнюю философию. *Диоген* – это древнегреческий философ-киник IV в. до н.э. (жил в Афинах), который считал, что, увлекаясь материальными благами, человек забывает о душе. Как говорит легенда, он отказался от своего имущества и укрывался в глиняной бочке о посторонних любопытных глаз и непогоды, а домом ему был весь мир. Только зная этимологию, можно правильно понять смысл данного афоризма: образ жизни Диогена – это достойная философия человека, быть духовно богатым; признание приоритета духовных ценностей.

Если уж *метать икру*, так только чёрную [Кроткий Э., БЭА, 2005, с. 28;]; ФЕ *метать икру* – грубо-просторечное; поднимать шум, возмущаться, падать духом [ФСМ, 1986, с. 247]; в афоризме компоненты ФЕ получают прямые значения (рыба мечет икру черную или красную).

Не падай духом – ушибёшься! [БЭА, 2005, Кроткий Э., с. 29]; ФЕ *падать духом* – приходить в уныние, отчаиваться [ФСМ, 1986, с. 307]. Отрицательная частица *не* способствует деметафоризации значения ФЕ, основную смысловую нагрузку получает глагол *падать* в прямом значении.

Факт всегда *голый*, даже если он одет по последней моде [БЭА, 2005, Станислав Ежи Лец, с. 32]; ФЕ *голые факты* имеет значение «отсутствие вымысла в чем-либо». Во ФЕ слово *голый* имеет значение «без прикрас», в афоризме значение слова дематафоризируется, создавая сему «обнаженный», на которую накладывается смысл второй части афоризма с доминирующей семой «одетый». В конечном итоге создается следующий смысл: факты остаются фактами, какими бы они не были, их не оспоришь.

Уму непостижимо, до чего глупость разнообразна! [БЭА, 2005, Рыбников, с. 48]; ФЕ *уму непостижимо* – совершенно не понятно, необъяснимо [ФСМ, 1986, с. 275].

3. Расширение компонентного состава ФЕ:

Что труднее: ***высасывать данные из пальца*** или ***брать их с потолка***? [БЭА, 2005, Рыбников Ю.З., с. 197]; *высасывать (данные) из пальца* – утверждать что-либо без каких-либо оснований, без опоры на факты [ФСМ, 1986, с. 96]; ФЕ *брать (их) с потолка* – придумывать; без достаточных оснований, наобум.

4. Усечение компонентного состава ФЕ:

Не носите *розовых очков*, чтоб они потом не стали *чёрными* [Шевелев И., 1997, с. 299).

В словаре фиксируется ФЕ ***смотреть*** *сквозь розовые очки* – не замечать недостатков в комлибо или в чем-либо, идеализировать кого или что-либо [ФСМ, 1986, с. 440]. Игра цвета от розового до чёрного определяет главный смысл афоризма: наступит разочарование, когда «снимешь очки», то есть увидишь всё без прикрас, узнаешь грубую правду.

5. Употребление двух или более ФЕ, являющихся смысловым ядром афоризма, представляющих игру со словом:

Держи нос по ветру, но не ***бросай слов на ветер*** [БЭА, 2005, Генри О., с. 42;]; ФЕ *держать нос по ветру* имеет словарное значение «применяться к обстоятельствам, беспринципно менять свои убеждения, мнение» [ФСМ, 1986, с. 136]; ФЕ *бросать слова на ветер* используется в словарном значении «говорить что-либо бесполезное, напрасно» [ФСМ, 1986, с. 49].

Что не *по плечу*, то не *по душе* [Шевелев, 1997, с. 295]; ФЕ *не по душе* – не нравится [ФСМ, 1986, с. 151]; ФЕ *по плечу* – соответствовать силам и возможностям кого-либо [ФСМ, 1986, с. 323].

6. Разрыв ФЕ и подача ее компонентов по частям в пределах одного текста:

Известно, что человеческий *нос* никогда не бывает так счастлив, как тогда, когда его *суют в чужие дела*, на основании чего некоторые физиологи приходят к выводу об отсутствии у носа способности ощущать запахи [БЭА, 2005, Амбро Бирс, с. 254–255;]; ФЕ *совать (свой) нос* – просторечная окраска; вмешиваться во что-либо, обычно не в свое дело [ФСМ, 1986, с. 275].

7. Изменение грамматической формы компонента ФЕ, например, частеречной принадлежности:

У *строителей воздушных замков* всегда хватает стройматериала [БЭА, 2005, Кроткий Э., с. 29); во фразеологическом словаре отмечается ФЕ *строить воздушные замки* – предаваться несбыточным мечтам, придумывать неосуществимые планы [ФСМ, 1986, с. 461]. В афоризме действие переносится на субъект действия: *строить – строитель*.

Заключение

Таким образом, часто ФЕ являются не только смысловым, эмоциональным и экспрессивным компонентом афоризма как текста малого речевого жанра, но и его текстообразующим фактором.

ФЕ используются в разных по виду афоризмах (в классификации И.Н. Шевелева): афоризмах-парадоксах, афоризмах-лингвизмах, афоризмах – новых истинах, афоризмах – старых истинах, афоризмах – мнимых банальностях, афоризмах-рассуждениях, афоризмах-максимах, поэтических афоризмах.

Афоризм как текст малого речевого жанра требует не только от адресанта высокого уровня языковой, культурной, исторической, литературной, коммуникативной компетентности, но и от адресата для понимания его глубокого смысла, внешне скрытого. Именно на основе общих фоновых знаний происходит правильное и глубокое понимание смысла афоризма адресатом.

В афоризмах ФЕ используются главным образом с помощью следующих приемов:

– сохранение языковой (словарной) формы как единицы языка и смыслообразующей единицы афоризма;

– деметафоризация значения ФЕ;

– расширение компонентного состава ФЕ;

– усечение (сужение) компонентного состава ФЕ;

– употребление двух или более ФЕ в пределах одного афоризма;

– разрыв ФЕ и подача компонентов по частям в пределах одного афоризма;

– изменение грамматической формы компонента ФЕ, например, частеречной принадлежности и др.

Для правильного восприятия смысла некоторых ФЕ, служащих смысловым компонентом афоризма, необходимо знать их этимологию. Это касается книжных ФЕ, уходящих истоками в мифологию, древнюю философию, историю (*гордиев узел, дамоклов меч, прокрустово ложе, бочка Диогена* и т.п.).

Библиографический список

1. Авдеева А. С., Водоватова Т. Е. Афоризм: понятие, лингвистический статус, структурно-содержательная специфика // Вестник Международного института рынка. Раздел IV. Лингвистика. 2017. № 2. С. 127–134. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30727865 (дата обращения: 31.01.2022).

2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. стер. Москва : Советская энциклопедия, 1969. 607 с.

3. Беглова Е. И. «Прикол» в жанровой палитре русской афористики Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: сб. статей всероссийской (с международным участием) научной конф. (г. Соликамск, 20–22 февраля 2002 г.). В 3 томах. Т. 2. /

ред. Т. С. Еременко. Соликамск: Соликамский гос. пед. институт, 2002. С. 117–123.

4. Большая энциклопедия афоризмов. Законы жизни от великих / сост. и предисл. А. П. Кондрашова. Москва : РИПОЛ классик, 2005. 528 с. (сокращенно БЭА).

5. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Москва : Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с. (в тексте ФСБМС).

6. Горячева Е. Д. Прагматика афоризма в координатах прецедентности художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (90) в 3 ч. Ч. 3. Тамбов : Грамота, 2018. С. 509–512. URL: www.gramota.net/materials/2/2018/12-3/19.html (дата обращения: 29.01.2022)

7. Иванов Е. Е. Афоризм как единица языка // Лингвистика на исходе XX века: тезисы Междунар. конф. Т. 1. Москва, 1995. С. 190–195.

8. Иванов Е. Е. Лингвистика афоризма : учебное пособие. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова. 2016. 156 с.

9. Королькова А. В. Русская афористика: монография. Москва : Флинта, Наука, 2005. 342 с.

10. Кузьмина Е. О. Эволюция афористики как жанра словесного творчества // Актуальные проблемы филологии: материалы I Междунар. конф. (г. Пермь, октябрь 2012). Пермь : Меркурий, 2012. С. 3–6. URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/28/2703/ (дата обращения: 31.01.2022).

11. Лингвистика афоризма. Хрестоматия / сост. Е. Е. Иванов. Минск : Высшая школа, 2018. 303 с.

12. Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Москва : ТЕРРА, 1997. 624 с.

13. Наличникова И. А. Афоризм как жанр, малоформатный текст и универсальное высказывание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4 (58) в 3 ч. Ч. 3. Тамбов: Грамота, 2016. С. 121–123. URL: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/33.html (дата обращения: 31.01.2022).

14. Ольшанский И. Г., Мельникова О. В. Афористика как объект филологических исследований // Вестник Московского гос. лингвистического университета. 2009. С. 63–81. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12888544 (дата обращения: 30.01.2022).

15. Прутков К. Черепослов. Мысли и афоризмы. Санкт-Петербург : Кристалл, 2001.223 с.

16. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Просвещение, 1985. 399 с.

17. Федоренко Л. Т., Сокольская Л. И. Афористика. Москва : Наука, 1990. 419 с.

18. Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А.И. Молоткова. Москва : Русский язык, 1986. 543 с.

19. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. / под ред. А. И. Фёдорова. Москва : Топикал, 1995. 608 с.

20. Шевелев И. Н. Афоризмы, мысли, эмоции. Книга жизни. Москва : ВЛАДОС, 1997. 384 с.

21. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 2-е изд. Москва : Флинта, Наука, 2009. 480 с. (в тексте СВСРЯ).

Reference list

1. Avdeeva A. S., Vodovatova T. E. Aforizm: ponjatie, lingvisticheskij status, strukturno-soderzhatel'naja specifika = Aphorism: concept, linguistic status, structural and content specificity // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka. Razdel IV. Lingvistika. 2017. № 2. S. 127–134. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30727865 (data obrashhenija: 31.01.2022).

2. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov = Dictionary of linguistic terms. 2-e izd. ster. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1969. 607 s.

3. Beglova E. I. «Prikol» v zhanrovoj palitre russkoj aforistiki. Lingvisticheskie i jesteticheskie aspekty analiza teksta i rechi = «Prank» in the genre palette of Russian aphoristics. Linguistic and aesthetic aspects of text and speech analysis : sb. statej vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konf. (g. Solikamsk, 20–22 fevralja 2002 g.). V 3 tomah. T. 2. / red. T. S. Eremenko. Solikamsk : Solikamskij gos. ped. institut, 2002. S. 117–123.

4. Bol'shaja jenciklopedija aforizmov. Zakony zhizni ot velikih = Great encyclopedia of aphorisms. Laws of life from the greats / sost. i predisl. A. P. Kondrashova. Moskva : RIPOL klassik, 2005. 528 s. (sokrashhenno BJeA).

5. Birih A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaja frazeologija. Istoriko-jetimologicheskij slovar'. = Russian phraseology. Historical and etymological dictionary. Moskva : Astrel': AST: Hranitel', 2007. 926 s. (v tekste FSBMS).

6. Gorjacheva E. D. Pragmatika aforizma v koordinatah precedentnosti hudozhestvennogo teksta = Pragmatics of the aphorism in terms of the literary text precedence // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 12 (90) v 3 ch. Ch. 3. Tambov : Gramota, 2018. S. 509–512. URL: www.gramota.net/materials/2/2018/12-3/19.html (data obrashhenija: 29.01.2022)

7. Ivanov E. E. Aforizm kak edinica jazyka = Aphorism as a langage unit // Lingvistika na ishode XX veka: tezisy Mezhdunar. konf. T. 1. Moskva, 1995. S. 190–195.

8. Ivanov E. E. Lingvistika aforizma = The linguistics of aphorism: uchebnoe posobie. Mogilev : MGU im. A. A. Kuleshova. 2016. 156 s.

9. Korol'kova A. V. Russkaja aforistika = Russian aphoristics : monografija. Moskva : Flinta, Nauka, 2005. 342 s.

10. Kuz'mina E. O. Jevoljucija aforistiki kak zhanra slovesnogo tvorchestva = Evolution of aphoristics as a

verbal genre // Aktual'nye problemy filologii: materialy I Mezhdunar. konf. (g. Perm', oktjabr' 2012). Perm' : Merkurij, 2012. S. 3–6. URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/28/2703/ (data obrashhenija: 31.01.2022).

11. Lingvistika aforizma. Hrestomatija = The linguistics of aphorism. Reader / sost. E. E. Ivanov. Minsk : Vysshaja shkola, 2018. 303 s.

12. Mihel'son M. I. Hodjachie i metkie slova: sbornik russkih i inostrannyh citat, poslovic, pogovorok, poslovichnyh vyrazhenij i otdel'nyh slov (inoskazanij) = Common and apt words: a collection of Russian and foreign quotations, proverbs, sayings, proverbial expressions and individual words (allegorical). Moskva : TERRA, 1997. 624 s.

13. Nalichnikova I. A. Aforizm kak zhanr, maloformatnyj tekst i universal'noe vyskazyvanie = Aphorism as a genre, a small-format text, and a universal utterance // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 4 (58) v 3 ch. Ch. 3. Tambov: Gramota, 2016. S. 121–123. URL: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/33.html (data obrashhenija: 31.01.2022).

14. Ol'shanskij I. G., Mel'nikova O. V. Aforistika kak ob#ekt filologicheskih issledovanij = Aphorism as an object of philological research // Vestnik Moskovskogo gos. lingvisticheskogo universiteta. 2009. S. 63–81. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12888544 (data obrashhenija: 30.01.2022).

15. Prutkov K. Chereposlov. Mysli i aforizmy = Brainwords. Thoughts and aphorisms. Sankt-Peterburg : Kristall, 2001.223 s.

16. Rozental' D. Je., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskih terminov = Reference dictionary of linguistic terms. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva : Prosveshhenie, 1985. 399 s.

17. Fedorenko L. T., Sokol'skaja L. I. Aforistika = Aphoristics. Moskva : Nauka, 1990. 419 s.

18. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka = Phraseological dictionary of the Russian langage / pod. red. A.I. Molotkova. Moskva : Russkij jazyk, 1986. 543 s.

19. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka konca XVIII–XX vv. = Phraseological dictionary of the Russian literary langage at the end of XVIII-XX centuries / pod red. A. I. Fjodorova. Moskva : Topikal, 1995. 608 s.

20. Shevelev I. N. Aforizmy, mysli, jemocii. Kniga zhizni = Aphorisms, thoughts, emotions. The book of life. Moskva : VLADOS, 1997. 384 s.

21. Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochety = Encyclopedic reference dictionary. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings / pod red. A. P. Skovorodnikova. 2-e izd. Moskva : Flinta, Nauka, 2009. 480 s. (v tekste SVSRJa).

Статья поступила в редакцию 12.13.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 12.13.2022; approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 81’344.1, 81’372
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-89-98
EDN: FECSSK

Денотативный и сингнификативный компоненты паронимической аттракции

Ольга Игоревна Северская
Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
oseverskaya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6277-9756

Аннотация. Статья посвящена паронимической аттракции (ПА), которую одни ученые рассматривают как феномен лексико-семантической системы языка, другие как стилистическую фигуру, третьи – как механизм, превращающий одно в другое. Автор видит в ПА семантическое отношение между словами, имеющими фоно-морфологическое сходство, потенциально представленное в языке и проявляющееся в речи как результат индивидуальной рефлексии. Поскольку ПА можно назвать номинацией «нестандартного» денотата, представленного входящими в аттракцию паронимами, паронимическая корреляция рассматривается как выразительный знак, имеющий специфические денотативные и сигнификативные характеристики. Проведя исследование на корпусе русской поэзии XX–XXI вв., автор приходит к следующим выводам. Знаком при ПА становится сама звукосмысловая корреляция, употребляющаяся автонимно, являясь и знаком, и вещью. При этом сигнификат опорного наименования предопределяет сферу денотации переосмысляемого имени. Чаще всего в аттракцию вступают конкретные и абстрактные существительные, имена собственные и «признаковые» слова – прилагательные и наречия; для всех классов слов характерна тенденция к повышению номинативной ценности и расширению денотативной способности знаков (по сравнению с общеязыковой) и формирование единого ее типа по модели общих имен (отнесение к объекту, к классу объектов, к признакам класса, к типичной денотативной ситуации). В результате формируется подвижная структура значения денотативно-сигнификативного типа; при этом смысл знака передает такой набор признаков обозначаемого объекта, который позволяет уточнить его инвариантные характеристики, релевантные в каждой конкретной ситуации. Паронимическое сочетание воспринимается как абстрактный знак, характеризующийся референтной многозначностью.

Ключевые слова: паронимическая аттракция; знакообразование; денотат и сигнификат; ресемантизация; номинация; поэтический мир; семиология и семасиология

Для цитирования: Северская О. И. Денотативный и сингнификативный компоненты паронимической аттракции // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 89–98. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-89-98. https://elibrary.ru/FECSSK

Original article

Denotative and significative components of paronymic attraction

Olga I. Severskaya
Candidate of philological sciences, leading researcher, The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 119019, Moscow, Volkhonka St., 18/2
oseverskaya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6277-9756

Abstract. The article is devoted to paronymic attraction (PA), which some scientists consider as a phenomenon of the lexical-semantic system of the language, others as a stylistic figure, and still others as a mechanism that turns one into the other. The author sees in PA semantic relationship between words that have a phono-morphological similarity, potentially represented in the language and manifested in speech as a result of individual reflection. Since PA can be called a nomination of a «non-standard» denotation represented by paronyms included in the attraction, paronymic correlation is considered as an expressive sign that has specific denotative and significative characteristics. After conducting a study on the corpus of russian poetry of the XX–XXI centuries, the author comes to the following conclusions. In PA, the sound-semantic correlation itself becomes a sign, which is used autonomously, being both a sign and a thing. At the same time, the significatum of the reference name predetermines the scope of denotation of the reinterpreted name.

© Северская О. И., 2022

Most often, concrete and abstract nouns, proper names and «attribute» words – adjectives and adverbs – come into attraction; for all classes of words, there is a tendency to increase the nominative value and expand the denotative ability of signs (compared to the general language) and the formation of its single type according to the model of common names (reference to an object, to a class of objects, to class features, to a typical denotative situation). As a result, a mobile structure of meaning of the denotative-significative type is formed; at the same time, the meaning of the sign conveys a set of features of the designated object that allows clarifying its invariant characteristics relevant in each specific situation. The paronymic combination is perceived as an abstract sign characterized by referential polysemy.

Key words: paronymic attraction; sign formation; denotation and signification; resemantization; nomination; poetic world; semiology and semasiology

For citation: Severskaya O. I. Denotative and significative components of paronymic attraction. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):89–98. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-89-98. https://elibrary.ru/FECSSK

Вступление. Изучение паронимической аттракции (далее – ПА) имеет давнюю и увлекательную историю, которая сама по себе составляет предмет научных исследований [Кадимов 2014]. Особенностью современного этапа можно назвать переход от исследования ПА в художественной литературе к рассмотрению ее особенностей, проявляющихся в обыденной речи и массмедиа. Несмотря на это, не утихают споры о природе этого явления: одни ученые видят в нем феномен лексико-семантической системы языка [Быстрова, Левицкий, 1973; Григорьев, 1979; Векшин, 2006, 2008; Иванов, 2010; Конева, 2016; Северская, 2015; Gauthier, 1973; Guiraud 1967; Lord 1970; Valesio, 1974; Meul, 2013a,b], другие – стилистический прием или способ создания языковой игры [Лаврова, 2012; Минаева, 2017; Мощева, 2013; Priestly, 2013]. Нет единства и в определениях ПА, поэтому их стоит рассмотреть подробнее.

Н. А. Лаврова фактически приравнивает ПА к контаминации, видя в ней «случайное или ошибочное соединение, смешение сходнозвучащих слов» [Лаврова, 2012, с. 95]. Похожее определение дает Т. Пристли, в чьей концепции ПА – это «on-the-spot suggestions ‘спонтанные суггестии’» [Priestly, 2013, p. 219], что говорит о случайном, с точки зрения этого исследователя, характере паронимических корреляций. Л. В. Минаева различает «случайную» и «сознательную (продуманную)» аттракцию [Минаева, 2017, с. 80], отмечая, что «кажущаяся/случайная близость двух слов создает их взаимное притяжение и стилистический эффект» [Минаева, 2017, с. 75], проявляющийся чаще всего в малапропизмах, народной этимологии и каламбурах [Минаева, 2017, с. 76–77]. Особым выразительным средством, заключающимся в «нарочитом/преднамеренном соположении звучания или графического образа лексем», называет ПА С. В. Мощева [Мощева, 2013, с. 77]. Однако такой взгляд на обсуждаемое явление лишь фиксирует речевые проявления ПА, не отражая ее сути.

Ближе к ней те исследователи, которые, как С. С. Иванов, разграничивают речевые и языковые явления и видят в ПА «механизм семантизации созвучий на синтагматическом уровне и механизм „сроднения” случайных слов, подставленных в определенную модель на парадигматическом и парасинтагматическом уровнях» [Иванов, 2010, с. 6], обнаруживая источник этих процессов в языковом «бессознательном» [Иванов, 2010, с. 6]. Разделяя этот взгляд, Е. А. Конева подчеркивает мотивированность ПА конкретной речевой ситуацией и ассоциациями и мысленными представлениями, характерными для индивидуального языкового сознания, и видит в ней механизм, переводящий паронимию как многоаспектное языковое явление в речевой стилистический план [Конева, 2016, с. 42].

Основой же механизма смыслового взаимодействия этимологически не связанных слов становится «морфо-просодическое сближение» [Meul, 2013a, 213, 224, 289; ср.: Минаева, 2017, с. 81; Lord, 1970, p. 433], поддержанное морфонологическими процессами, аналогичными общеязыковым [Северская, 2015]. «Отслаиваясь» от морфемы, созвучие, по выражению Г. В. Векшина, семантически намагничивается и морфологизируется, при этом одна часть звуковой цепи уже не просто «вторит» другой, ища лишь отзвуков: «одно слово „вживляет” своих агентов в другое, инверсивно „ввинчивает” элементы собственной формы в другие или, наоборот, извлекает „в преображенном виде” свое из чужого» [Векшин, 2008, с. 244; ср.: Быстрова, Левицкий, 1973, с. 596–597; Gauthier, 1973, p. 598; Valesio, p. 1014–1015].

Таким образом, ПА можно определить как процесс «паронимизации», приводящий к образованию новых смыслов и связей слов, близких в фоно-морфологическом отношении, который имплицируется языковой системой и проявляется в речи как факт индивидуальной рефлексии. Результатом так понятой ПА становится (на что обращает внимание и Е. Г. Лукашанец [Lukashanec, 2018, p. 185]) индивидуальная номинация одного и того же «нестандартного» денотата с помощью нескольких формально соотнесенных слов стандартного языка. Приняв такую точку зрения, постараемся показать свойственную ПА специфику денотата и сигнификата формируемого ею выразительного знака, выявить которую позволило исследование, проведенное на корпусе паронимических сближений в русской поэзии XX–XXI вв. с помощью методов корпусного, текстового, семантико-синтаксического и компонентного анализа.

Результаты исследования. Группу паронимов можно представить как: 1) парадигму единиц, связанных особыми семантическими отношениями; 2) цепочку знаков, обнаруживающих согласование как по выражению, так и по содержанию; 3) такое соединение знаков, сам факт которого вносит в сообщение дополнительную информацию, исходящую от нарекающего субъекта. Таким образом, ПА охватывает все три измерения знакового пространства языка: семантику, синтактику и прагматику, а основной ее функцией можно назвать знакопреобразование, служащее формированию денотативного пространства текста.

Устойчивые общеязыковые паронимические связи мотивируются отношениями, наблюдаемыми в реальной действительности, – как в синтагматике: ***багровая кровь, облака клубятся, лист шелестит,*** так и в парадигматике: ***оклик – окрик, плач – печаль, дар – радость*** (Syn), ***боль – благо*** (Ant). Семантическое сходство объективируется включением компонентов соответствия в одно тематическое поле и одну конситуацию. То же наблюдается и в поэтическом языке: ***Иглы*** *сосен* ***густо и колко Устилают*** *низкие пни* (Ахматова), – в этом случае ПА мотивирована реальностью; но и «индивидуальная» ПА строится по общеязыковой модели и осознается как семантическое отношение именно на фоне объективно присущих системе паронимических соответствий: ***Повар пробует, Обер требует. Все как следует, Все как следует*** (Цветаева).

Знаком при ПА становится сама звукосмысловая корреляция, и этот знак может быть назван автонимным, так как предстает сам в качестве и знака, и вещи (в звуковой материи текста), и сам обозначает себя, взятого как в качестве знака, так и вещи. Внеположенным, несобственным содержанием знака в его поэтическом употреблении становится форма другого знака, в результате слово выступает уже как иконический знак уподобленных ему языковых же форм; с этой стадии начинается ресемантизация слова, а функцию имени получает звукоряд. Смысл словесного знака при автонимном его употреблении способен переходить на место денотата. Этим свойством обусловливается возможность осмысления фонетической связи как связи семантической и шире – денотативной связи между обозначаемыми.

Конструкт, сочетающий в себе свойства, общие для сопоставляемых знаков, назовем знаковым «архитипом», которому соответствует денотативный «архитип», функция от передаваемых уподобленными знаками смыслов (вслед за С. Р. Вартазаряном, который различает *архитип* ‘сверхобраз’ и *архетип* ‘первообраз’ [Вартазарян, 1973, с. 155]).

Способность аттрактантов идентифицировать и характеризовать моделируемые в пространстве текста объекты определяется соотношением денотативного и сигнификативного компонентов в их семантической структуре.

Большинство аттрактантов принадлежит к разряду предметных имен с денотативно-сигнификативным значением (это конкретные существительные), способных выступать как в идентифицирующей, так и в характеризующей функции, ср.: *Я* ***волхв****, ты* ***волк****, мы где-то рядом В текучем словаре земли* (Тарковский); *А если этот* ***мальчик – моль****, зачем глаза его намокли?* (Кушнер).

Основной массив в этом разряде составляют общие имена, способные обозначать как индивидуальный объект, так и класс объектов и совокупность свойств, присущих классу: ***Лисы*** *в* ***лесах*** *родных…* (Цветаева); *На* ***рингах*** *и на* ***рынках*** *у нас в глазах темно* (Вознесенский); *Гонит в глазницы стеклам – разбиться наверняка – / встревоженная и мокрая* ***зебра березняка*** (Парщиков) и т. п. Особую группу составляют имена-мифологемы, символическое

значение которых осознается носителями языка как устойчивое: *Пусть возьмет их* ***ворон*** *или* ***ворог!*** *(Кульчицкий); А над Петром* ***воронеж****ским –* ***вороны...*** (Ахматова), здесь: ***ворон, ворона*** – символ зловещего рока, гибели; *Почему молчит* ***сверчок****? Свежей песней не* ***сверкает****? Страхи не* ***свергает****?* (Соснора), здесь: ***сверчок –*** символ домашнего очага, благополучия в доме и т. д.

Инвариантные признаки класса денотатов общих имен проявляются и актуализируются в их синтагматических связях: 1) с абстрактными именами: ***мощь*** *– конского сердца* ***мышца*** (Цветаева), общий признак ‘сила’; *подрагиванье век и* ***сердца содроганье*** (Кушнер), общий признак ‘дрожь от боли, ужаса’; 2) с предикатными словами: *Под* ***прорешливой*** *сенью* ***орехов*** *<…> Колесило и рдело шоссе* (Пастернак); *Смутно* ***брезжит*** *сквозь* ***березу*** *ветка ели* (Матвеева), общий признак в обоих случаях ‘проницаемость’; 3) с отглагольными именами, которые выступают в роли предиката: *Слушай-ка,* ***Ворона****, а почему тебя зовут –* ***Ворона****? Ты не* ***воровка****? <…> Ты –* ***врунья****…* (Соснора); 4) с конкретными именами на основе семантических инвариантов: ***Скулы****, как* ***скалы*** (Матвеева), общий признак ‘крутизна’; Ни ***слова*** о любви! Но я о ней ***ни слова***, / не водятся давно в гортани ***соловьи*** (Ахмадулина), общий признак ‘певучесть’; 5) в предикативном их употреблении в качестве однородных членов предложения: *Ты, гражданственность,* ***флаг****, а не* ***флюгер*** (Евтушенко), противопоставляются признаки ‘устойчивость’ и ‘переменчивость’.

Особый интерес представляет функционирование в тексте «сигнификативно бедных» имен натуральных классов.

Один из разрядов составляют имена природных явлений, уникальных предметов физического мира, денотат которых – скорее, феномен, а не нечто предметное, – как бы накладывается на сигнификат: *Разделены невидимой стеной,* ***Вода*** *и* ***воздух*** *смотрят друг на друга* (Кушнер). Повышению номинативной ценности таких имен способствуют ассоциативные связи с приписываемыми им семантическими предикатами: *Бабка* ***радостною*** *была, бабка* ***радугою*** *цвела* (Асеев); ***Волны*** *все-таки* ***ленивы*** (Мартынов); *Кто ищет* ***гармонию*** *в* ***громе****?* (Соснора). Особую значимость приобретает тот компонент сигнификативного значения, который образован суммой знаний об объекте; он открывает смысловые валентности, которые и заполняются при ПА: ***Молния молча****, в тучах* ***мелькая****, к окнам* ***манила****, к себе звала* (Асеев).

Аналогично себя ведут имена физических, механических свойств конкретных предметов: *Есть* ***запахи*** *– как* ***заповедь*** (Цветаева).

Таким образом, при ПА налицо тенденция к приглушению у конкретных существительных денотативного компонента за счет повышения веса компонента сигнификативного, что позволяет представить именуемый объект сквозь призму присущих ему в различных ситуациях признаков.

Предметные имена с сигнификативным значением (абстрактные существительные), напротив, обнаруживают тенденцию к компенсации «денотативной недостаточности» смысловой структуры.

«Денотативное прочтение» абстрактного имени чаще всего определяется соответствующим предикатом: *Разве можно* ***тоской истекать*** *из-за каждого пустяка*? (Асеев); *У* ***ангела ангина****. Он, не жалея сил, Берег чьего-то сына, Инфекцию схватил* (Шефнер). «Овеществление» семантики достигается также соотнесением с конкретным существительными: *У* ***синевы*** *– налет* ***сливы*** (Цветаева); *Это – волк завывает во тьме, /* ***под кошмою кошмара*** *завидя / по снегам зашагавшую смерть* (Асеев). Сочетание с абстрактным именем со значением структуры служит уточнению представления о денотате – мыслимом объекте, об его устройстве: *Летим в* ***безмерии бессмертья*** (Асеев); *Бродить, постигая* ***устройство Пространства****, души, ремесла* (Самойлов).

Другая тенденция выражается в приобретении именами определенных групп абстрактной лексики пропозитивного значения: *Что такое* ***счастье****?* ***Соучастье*** *в добрых человеческих делах* (Асеев); ***Зрелость*** *– это вид* ***расстрела*** (Евтушенко); сюда же примыкают «имена ситуаций»: *На пространство и время ладони Мы наложим еще с высоты, Но поймем, что в державной короне Драгоценней звезда <…>* ***нищеты****, и* ***тщеты****, и заботы о нерадостном хлебе своем…* (Тарковский).

Безусловно, абстрактные имена встречаются и в «сигнификативном прочтении»: *Ты и* ***радость****, ты и* ***страданье****, И любовь моя – малый Петр* (Самойлов); ***Доблести, подлости,*** *горе, семья, Зимы и дружбы…* (Кушнер); ***Амнезия, амнистия*** *души* (Шефнер) и т. п. При таком употреблении имя может определить круг объектов, к которым оно приложимо в качестве предиката:

белизна – библейские белила (Тарковский)*, больница* (Ахмадулина).

Таким образом, мир абстрактных сущностей, внутренний мир моделируется по образу внешнего, материального мира, восприятию абстрактных признаков, свойств, состояний сопутствует представление об их предметности, осязаемости, определенности в пространстве и времени. Денотативная способность абстрактных имен расширяется: имена с сигнификативным значением способны отсылать к мыслимым объектам, к свойствам классов предметов, подводимых под передаваемое ими понятие, а также – к типичной ситуации внеязыковой реальности.

Имена собственные относятся к разряду индивидуализирующих знаков. В языке они не имеют значения (концепта); содержание имени собственного целиком обусловлено признаками денотата.

В ПА чаще вступают те имена собственные, которые характеризуются устойчивыми коннотациями: 1) личные имена исторических деятелей, писателей, художников и т. п., воспринимаемые как обозначение некоторого явления истории и культуры в единстве личности и всего ею созданного: *Разве* ***горький Игорь****, смертью смерть поправ, Твой не красил кровью бебряный рукав?* (Тарковский); ***Росли*** *у порога* ***Растрелли*** *и* ***Росси****…* (Кушнер); ***Россия росла*** *под* ***Руслановy*** (Евтушенко); 2) имена мифологических героев: ***Каину*** *дай* ***раскаянье****…* (Окуджава); имена литературных героев: *Как он даст Звезде превысить досяганье, Когда он –* ***Фауст****, когда* ***фантаст***? (Пастернак); имена собственные с литературными событийными коннотациями: *Перестань, не* ***шамань****: не* ***заманишь*** *парня в* ***Тамань****…* (Окуджава); 3) топонимы-мифологемы: *В* ***Америке****, пропахшей* ***мраком****, камелией и аммиаком. Пыхтя, как будто тягачи, За мною ходят стукачи…* (Вознесенский); 4) имена собственные со значением пропозитивного типа: ***Не до ордена****. Была бы* ***Родина*** *с ежедневными* ***Бородино*** (Кулчицкий), здесь *Бородино* ‘сражение под Бородино, решившее судьбу России’. К этому же классу знаков могут быть отнесены и «квазисобственные имена» – названия периодов истории, эпох в развитии культуры: ***Сороковые****,* ***роковые****, Военные и фронтовые* (Самойлов); *Нам виделось* ***кватроченто****, и как он, искусник, смел… А было –* ***кровотеченье*** *из горла, когда он пел* (Вознесенский).

Как видно из приведенных примеров, для имен собственных, вступающих в ПА, характерно преимущественно нереферентное или синкретическое употребление. Стоящий за именем собственным синкретический смысл (предметные, признаковые, событийные коннотации) восстанавливается либо в силу знания о мире: *Лик святого суров: тень* ***Рублева*** *и* ***Врубель*** *впридачу* (Мартынов); *На блокноте моем капли крови и* ***Кинга****, и* ***Кеннеди*** (Евтушенко); либо из контекста – сочетания с предикатом или именем нарицательным в предикативном употреблении, указывающими на особенности денотата и детализирующими сигнификативное содержание имени собственного: ***Ипполит! Ипполит! Болит! Опаляет****…* (Цветаева); *Люблю* ***пожар Парижа****…* (Вознесенский); *Возникает <…>* ***каруселью*** *–* ***Кюрасао*** (Евтушенко).

Денотативная способность имен собственных, встречающихся в паронимическом контексте, расширяется по сравнению с общеязыковой: паронимизированное имя собственное способно быть именем класса – с ним может быть отождествлен любой объект, удовлетворяющий свойствам, приписанным имени. Иначе, наблюдается тенденция к переходу имен собственных в разряд общих имен. Одновременно, как заместители пропозиций, несущих информацию о связанных с объектом событиях, имена собственные могут выступать как обозначения определенных ситуаций.

Тенденция к гармонизации характеристик аттрактантов наблюдается и при взаимодействии предикатных слов, выступающих в функции сообщения о мире.

Среди прилагательных в ПА чаще вступают относительные 1) со значением притяжательности: ***Азбучный арбуз*** (Парщиков), здесь прилагательное *азбучный* ‘общеизвестный, простой’ указывает на сферу, в которой встречается определяемый объект: изображение *арбуза* – непременный атрибут *азбуки*, иллюстрация к букве «А»; 2) со значением классифицирующего признака класса объектов в сочетании с прилагательным, уточняющим сущностное свойство выделенного объекта: ***Раковинный сокровенный*** *свод…* (Цветаева); ***Зимний изумленный*** *воздух* (Пастернак); 3) в функции указания на особый предмет/явление: *Глядит* ***осенняя оса*** *В оконное стекло – Ее иссякли чудеса И время истекло; Нет жалче и страшней* ***осенних ос*** (оба примера – Мориц); в этом случае прилагательное характеризует предмет не через отношение к какой-либо предметной области, а называет его самостоятельный признак, т. е. приобретает от-

тенок «качественности».

Качественные прилагательные, как правило, характеризуют предмет с разных сторон, обозначая его сущностные признаки и признаки внешние, служащие отражением первых. При этом прилагательное может употребляться в «синкретическом» значении: *Последний луч, и* ***желтый****, и* ***тяжелый*** (‘имеющий большой вес’ и ‘тягостный, мрачный, гнетущий’– О. С.)*, застыл в букете ярких георгин* (Ахматова); *Ветер* ***чистый*** (‘незагрязненный, без примесей’ и ‘нравственно безупречный’– О. С.)*, ветер* ***честный*** (Мориц).

Наречия – один и наименее используемых в ПА семантических подклассов. В сферу паронимического влияния попадают наречия, уточняющие: 1) признаки предиката: *Хан Гирей* ***коварно*** *и* ***кроваво*** *правил* (Соснора); 2) признаки субъекта: *Все детство мое,* ***по-блаженному жалкое****…* (Тарковский); 3) признаки предмета через его действие: *И* ***круто****, и* ***крупно****, светя вдалеке, Скатилась «преступно» слеза по щеке* (Евтушенко), либо, 4) в сочетании с прилагательным, указывающие на единство состояния предмета и вызвавшей это состояние причины: *Под низким небом, тяжелей свинца,* ***усталая*** *вода сияет* ***тускло*** (Самойлов). Особую группу составляют наречия с семантикой пространственной и временной ориентации, которые выполняют скорее функцию указания в языковом пространстве текста.

Во взаимодействии глагольных лексем обращает на себя внимание тенденция к употреблению глаголов одной смысловой модели. Так, в паронимическом контексте сочетаются: 1) субъектные глаголы: *Я столько раз* ***мерцал*** *и* ***умирал****…* (Кушнер); ***Ты мечешься, ты мучишься****, грустишь…* (Евтушенко); 2) объектные и субъектно-объектные глаголы: ***Забывают, забывают*** *– Будто сваи* ***забивают****, чтобы строить новый дом* (Шефнер); *В далекие веки* ***привеялся*** *к ней И крепко* ***привился*** *мой корень* (Мориц); 3) объектно-субъектные и субъектные глаголы, значения которых связаны отношениями импликации: *Редели их ряды и* ***убывали****. Их* ***убивали****, их позабывали* (Окуджава); *И степь ворочалась, как пчела без крыльев,* ***Бежала*** *– пчелой* ***ужаленное*** *дитя!* (Парщиков).

В большинстве случаев в ПА вступают предикаты одного семантического типа: 1) обозначающие ситуации: *Утро* ***брезжит****, а дождик* ***брызжет*** (Слуцкий); 2) процессы: *Так значит, и впрямь Всю жизнь* ***удаляется****, а не* ***длится*** *Любовь, удивленья мгновенная дань?* (Пастернак); 3) события: *Все слова* ***выстроить*** *– нелегкий срок, Как зиму* ***выстоять****, хоть и знакома… И почве* ***выстрелить*** *свой стебелек…* (Окуджава). Кроме того, предикаты могут обозначать взаимосвязанные «положения дел», например, процесс и событие, его завершающее: *Свет* ***брюзжал*** *до зари, И* ***забрезжившим*** *утром потух* (Пастернак); *Как* ***раздаривались*** *листья, Чтоб* ***порадовался*** *глаз!* (Окуджава).

Наименее пригодными для установления паронимических отношений оказываются глаголы с семантикой конкретного действия; вступая в ПА, они обретают новое, скорее символическое значение, тем самым переходя в иной семантический разряд: *Здесь каждый что-то строил,* ***пел, лепил****…* (Матвеева).

Что касается дейктических знаков, то при ПА отчетливо прослеживаются две тенденции: во-первых, в ПА вступают дейктики, обнаруживающие, при отсутствии речевой ситуации «антецедент-субститут», способность к «автосемантическому» обозначению объекта в речевом пространстве; во-вторых, приоритет принадлежит дейктикам субъективной ориентации, фиксирующим образ восприятия мира. Наиболее предрасположены к ПА дейктические слова, моделирующие отношения во внутреннем/внешнем мире «я» (соответствующие «я» глубинному/образу «я»), либо отношения «я» в составе «мы»: семантически сложные формы личного дейксиса, обозначающие некоторое множество, допускающее разные варианты внутренней структурации – *мы, они, другие* и т. п.; к этому же разряду могут быть отнесены слова релятивной семантики, способные указывать на «я» как личность (*тело, тень*), либо на связи, которые «я» считает для себя неоотторжимыми (*друг*). Например, у М. Цветаевой: *Хотеть – это дело* ***тел****, А мы друг для друга – души Отныне… <…> Хотеть – это дело* ***тех****, А мы друг для друга –* ***тени*** *Отныне..*, в ПА задействовано противопоставление *те, тела* vs. *тени* (*души* = *мы*). Можно привести и другой пример – прозрачный, не требующий комментария: *Сегодня вспомнил я, что* ***друга*** *позабыл, Который мне* ***других дороже*** *был* (Шефнер); *Она* (жизнь – О. С.) *теперь с* ***другими дружбу*** *водит И улыбается* ***другим****. <…> И льнет не к нам, а к ним* (Кушнер).

К дейктическим средствам в широком смысле могут быть отнесены и полнозначные слова, способные указывать на некоторые пространство или промежуток времени, которые определяют основные хронотопические координаты мира, создаваемого текстом: ***Вечер*** *ее* ***вековечно*** *про-*

длится (Пастернак); *И от* ***встречи*** *нашей за* ***версту****…* (Васильев). Чаще всего в ПА вступают наречия с семантикой пространственно-временной ориентации: ***Поздно*** *и* ***порознь*** *– вот наш брак!* (Цветаева); *А я иду – за мной беда, Не прямо и не косо, А* ***в никуда*** *и* ***в никогда****, Как поезда с откоса* (Ахматова); *Едва пером дотронусь я До трепетных страниц, Как* ***вниз*** *летят мои мечты На крыльях птичий чучел, Когда хотели бы лететь* ***В зенит*** *– на крыльях птиц* (Матвеева). Тенденция к привлечению в сферу дейксиса полнозначной лексики свидетельствует от расширении денотативной способности знаков этого типа, стремлении ее к многомерности.

Связочные знаки, в силу своей семантической ненаполненности, в ПА практически не участвуют. Исключение составляют предлоги с яркой «внутренней формой», имеющие достаточно определенное значение и способные вызывать представление о вполне определенной ситуации: *Струенье… Сквоженье… Сквозь трепетов мелкую* ***вязь****…* (Цветаева); *И себя не пожалеют* ***Ради Родины*** *в бою* (Самойлов).

Итак, во всех семантических классах наблюдается тенденция к повышению номинативной ценности и расширению денотативной способности знаков (по сравнению с общеязыковой) и формирование единого ее типа по модели общих имен (отнесение к объекту, к классу объектов, к признакам класса, к типичной денотативной ситуации). В результате у паронимов формируется подвижная структура значения денотативно-сигнификативного типа; при этом смысл знака передает такой набор признаков обозначаемого объекта, который позволяет уточнить его инвариантные характеристики, релевантные в каждой конкретной ситуации. Иными словами, паронимическое сочетание воспринимается как абстрактный знак (знаковый архитип), характеризующийся референтной многозначностью.

Обратим теперь внимание на семантическую структуру слов, вступающих в ПА, и на роль тех или иных ее компонентов.

Под значением слова обычно понимается информация о классе денотатов. В самом значении выделяются область интенсионала – структурированной совокупности семантических признаков, обязательных для класса денотатов, и область импликационала – периферии семантических признаков, имплицируемых интенсиональными характеристиками.

Основным компонентом, определяющим возможность осуществления ПА, становятся входящие в область импликационала значения ассоциативные репрезентативные семантические признаки, соотносящиеся с потенциальными, не обязательно релевантными, свойствами объекта и предопределяющие возможность необычных сочетаний слов, сдвигов значений и т. п. Основу этого компонента семантической структуры слова составляют представления о функциональном поле обозначаемого объекта.

Покажем это на примерах.

1. *Мир накренился, Мир накалился.* ***Порохом споров*** *он полон, как гильза* (Евтушенко)*; Я изобрел пылинку,* ***порох, прах****, Ничтожный* ***порошочек*** *для забавы* (Самойлов).

В первом случае возможность семантического сближения определяется согласованием классифицирующего признака ‘взрывчатое’ в значении слова *порох* с потенциальными семами, присутствующими в значении слова *спор*. Последние перемещаются в поле интенсиональных признаков.

Во втором случае значительно больший вес приобретают репрезентативные признаки: в основе корреляции *порох – порошок* лежит представление о консистенции вещества, а корреляции *порох – прах* (ср.: *порох – пылинка*) – представление о кажущейся ничтожности. Происходит перегруппировка семантических компонентов, потенциальные семы переходят в разряд классифицирующих, а сема ‘взрывчатое’ становится потенциальной (*порох* ‘потенциальный очаг войны, причина смерти’).

2. *Я в опыте, как будто бы в броне, И* ***пуля****, корча из себя* ***пилюлю****, Наткнется, как на медальон, на* ***пулю****, Давно уже сидящую во мне* (Евтушенко).

Семантическое сближение обеспечивает совпадение классифицирующих сем в значениях слов *пуля* ‘небольшой снаряд в виде шарика’ и *пилюля* ‘медикамент в форме шарика’. Однако гораздо важней противопоставление потенциальных сем, связанных с представлением об основной функции предмета: *пуля* существует, чтобы убивать, *пилюля* – чтобы лечить, сохранять жизнь.

3. *Белый крест на обрыве торчит. За него зацепился случайно* ***Бездомный*** *геологов* ***дым*** (Шкляревский); *О, сколько* ***мудрости*** *у басен, – Веками скоплен ум, как* ***мед!*** (Винокуров); *Под ногой* ***пресмыкался песок*** (Парщиков).

В этих примерах повышение ранга потенциальных сем обусловлено «ситуативным видением» предмета: *дым* – атрибут *дома*, символ домашнего очага; *мед* собирается пчелами по каплям, с трудом, и процесс этот составляет «смысл жизни» пчелы (ср. *мудрость* ‘глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт’); *песок* сыпуч, способен перемещаться, напоминая движения *пресмыкающегося*, здесь важен мотивирующий зрительный образ (но одновременно акцентируются семы, связанные с представлением о *песке* как о чем-то ничтожном, *пресмыканием* как самоуничижением).

Таким образом, содержание знака – понятие и информация о денотате – оказывается расчлененным; отношение между компонентами расчлененного содержания предстает как процесс перехода от одного к другому – «внутренней предикации» [Вартазарян, 1973, с. 69–70]. Свойство «внутренней предицированности» знака основывается на склонности значений слов в первичной номинативной функции (а именно они составляют основной массив аттрактантов) к обогащению признаками денотативного класса, которые и мотивируют возможные сдвиги значения.

Заключение. Приведенный анализ позволяет определить условия, стимулирующие ПА и связанные с ней номинативные процессы.

Одним из существенных моментов является согласование семиологических характеристик аттрактантов (повышение номинативной ценности уподобленных знаков, ориентация их смысловой структуры на денотативно-сигнификативный тип значения, формирование единого типа денотативной способности знаков по модели общих имен).

За счет привлечения к ПА полнозначной лексики достигается семантическое насыщение номинативного контекста, то есть создается поле устойчивых семантических признаков, предопределяющих возможные переосмысления значений.

Повышение номинативной ценности коррелирующих знаков за счет введения в ядро значения репрезентативных семантических признаков способствует формированию подвижной структуры значения денотативно-сигнификативного типа. Таким образом облегчается процесс «внутренней предикации» знака – перехода от понятия к информации о денотате, реальном или мыслимом; тем самым становится возможным выделение некой предметной области интенсионального мира и понятийной, смысловой области, определяемой представлением о ней. Кроме того, значение, характеризующееся подвижной структурой, может выступать как «внутренняя форма» отрезков текста, в которых предицированность знаков еще не распределена в субъектно-предикатную форму.

Другим следствием согласования семиологических характеристик является формирование «референтной многозначности» аттрактантов: знаки, вступающие в ПА, оказываются способными представить конкретный объект сквозь призму совокупности его инвариантных характеристик, выступая как в идентифицирующей, так и в характеризующей функции, что в значительной мере расширяет возможности их семантического согласования.

В семантико-синтаксическом контексте выявляется пересечение/согласование семантических комплексов паронимов, а следовательно, определяется та область сигнификата, которая задает ракурс переосмысления структуры отношения именования и обусловливает согласование десигнатов коррелирующих слов. В результате становится возможным выделить семантический компонент, объединяющий паронимическое сочетание и составляющий смысловое содержание соответствующего знакового архитипа.

Библиографический список

1. Быстрова Л. В., Левицкий В. В. Фонетическое сходство семантически связанных слов // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 26. Hft. 6. Berlin : Akademie-Verlag, 1973. S. 501–601.

2. Вартазарян С. Р. От знака к образу. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1973. 199 с.

3. Векшин Г. В. Очерк фоностилистики текста. Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. Москва : Изд-во МГУП, 2006. 461 с.

4. Векшин Г. В. Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 229–250.

5. Григорьев В. П. Поэтика слова. Москва : Наука, 1979. 343 с.

6. Иванов С. С. Лингвистический статус и функциональныевозможности паронимии в системе современного английского языка. Нижний Новгород, 2010. 21 с.

7. Кадимов Р. Г. Об историографии паронимической аттракции // Евразийский Союз Ученых. 2014. № 7-8. С. 46–48.

8. Конева Е. А. Паронимия – парономазия – паронимическая аттракция: к трактовке понятий // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 39–43.

9. Лаврова Н. А. Контаминация и паронимическая аттракция // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 93–99.

10. Минаева Л. В. Лексикология и лексикография английского языка. English lexicology and lexicography : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2017. 225 с.

11. Мощева С. В. Паронимическая аттракция как средство графической экспрессии (на материале текстов масс-медиа) // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 1. С. 76–78.

12. Северская О. И. Паронимическая аттракция как феномен межуровневого взаимодействия в языке и тексте // Основные тенденции развития поэтического языка в XX–XXI вв. / отв. ред. Н. А. Фатеева. Москва : ИЦ «Азбуковник», 2015. С. 20–107.

13. Gauthier M. Les équations du langage poétique / Thèse du Docteur d'Etat. Lille: Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.

14. Guiraud P. Structures étymologiqyes du lexique français. Langue et langage. Paris, Larousse, 1967. 211 p.

15. Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme. Actes du X-e Congrès International des Linguistes. Bucarest, 1970, vol. II, pp. 433–441.

16. Lukashanec A. G. The Explicit and Implicit in the Sociolectal Nomination // Liashchova L. (ed.). The Explicit and the Implicit in Language and Speech. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 327 p. P. 179–189.

17. Meul C. The Romance Reflexes of the Latin Infixes -I/ESC- and -IDI-: Restructuring and Remodeling Processes. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2013a. 327 p.

18. Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism // Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.).The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2013b. P. 68–94.

19. Priestly T. S. M. One idiosyncratic strategy in the acquisition of phonology // Vihman M., Keren-Portnoy T. (eds.). The Emergence of Phonology: Whole-word Approaches and Cross-linguistic Evidence. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 217–237.

20. Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules // Proceedings of the XI Int. congress of linguists. Bologna: II Milano, 1974. P. 1006–1016.

Reference list

1. Bystrova L. V., Levickij V. V. Foneticheskoe shodstvo semanticheski svjazannyh slov = Phonetic similarity of semantically related words // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 26. Hft. 6. Berlin : Akademie-Verlag, 1973. S. 501–601.

2. Vartazarjan S. R. Ot znaka k obrazu = From sign to image. Erevan : Izd-vo AN ArmSSR, 1973. 199 s.

3. Vekshin G. V. Ocherk fonostilistiki teksta. Zvukovoj povtor v perspektive smysloobrazovanija = An outline of text phonostylistics. Sound repetition in terms of meaning-making. Moskva : Izd-vo MGUP, 2006. 461 s.

4. Vekshin G. V. Metafonija v zvukovom povtore (k pojeticheskoj morfologii slova) = Metaphony in sound repetition (to poetic word morphology) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 90. S. 229–250.

5. Grigor'ev V. P. Pojetika slova = Word poetics. Moskva : Nauka, 1979. 343 s.

6. Ivanov S. S. Lingvisticheskij status i funkcional'nyevozmozhnosti paronimii v sisteme sovremennogo anglijskogo jazyka = The linguistic status and functional potential of paronymy in the system of modern English. Nizhnij Novgorod, 2010. 21 s.

7. Kadimov R. G. Ob istoriografii paronimicheskoj attrakcii = On historiography of paronymic attraction // Evrazijskij Sojuz Uchenyh. 2014. № 7-8. S. 46–48.

8. Koneva E. A. Paronimija – paronomazija – paronimicheskaja attrakcija: k traktovke ponjatij = Paronymy – paronomasia – paronymic attraction: on the interpretation of the concepts // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2016. № 2. S. 39–43.

9. Lavrova N. A. Kontaminacija i paronimicheskaja attrakcija = Contamination and paronymic attraction // Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. 2012. № 3. S. 93–99.

10. Minaeva L. V. Leksikologija i leksikografija anglijskogo jazyka. English lexicology and lexicography : uchebnoe posobie dlja bakalavriata i magistratury. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Jurajt, 2017. 225 s.

11. Moshheva S. V. Paronimicheskaja attrakcija kak sredstvo graficheskoj jekspressii (na materiale tekstov mass-media) = Paronymic attraction as a means of graphic expression (on the material of mass media texts) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1. S. 76–78.

12. Severskaja O. I. Paronimicheskaja attrakcija kak fenomen mezhurovnevogo vzaimodejstvija v jazyke i tekste = Paronymic attraction as a phenomenon of interlevel interaction in language and text // Osnovnye tendencii razvitija pojeticheskogo jazyka v XX–XXI vv. / otv. red. N. A. Fateeva. Moskva : IC «Azbukovnik», 2015. S. 20–107.

13. Gauthier M. Les équations du langage poétique / Thèse du Docteur d'Etat. Lille: Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.

14. Guiraud P. Structures étymologiqyes du lexique français. Langue et langage. Paris, Larousse, 1967. 211 p.

15. Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme. Actes du X-e Congrès International des Linguistes. Bucarest, 1970, vol. II, pp. 433–441.

16. Lukashanec A. G. The Explicit and Implicit in the Sociolectal Nomination // Liashchova L. (ed.). The Explicit and the Implicit in Language and Speech. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 327 p. P. 179–189.

17. Meul C. The Romance Reflexes of the Latin Infixes -I/ESC- and -IDI-: Restructuring and Remodeling Processes. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2013a. 327 p.

18. Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism // Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.).The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2013b. P. 68–94.

19. Priestly T. S. M. One idiosyncratic strategy in the acquisition of phonology // Vihman M., Keren-Portnoy T. (eds.). The Emergence of Phonology: Whole-word Approaches and Cross-linguistic Evidence. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 217–237.

20. Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules // Proceedings of the XI Int. congress of linguists. Bologna: II Milano, 1974. P. 1006–1016.

Статья поступила в редакцию 24.13.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 24.13.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 811.161.1’373.2 + 659.1.007
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-99-106
EDN: FGEBXP

Наименования жилых комплексов как особый тип рекламного имени

Татьяна Павловна Романова
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева». 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34
romanovatp@mail.ru, http://orcid. org/0000-0002-6951-1111

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, целью которого является определение типологических характеристик номинаций жилых комплексов города Самары как специфического разряда рекламных собственных имен в сопоставлении с результатами изучения подобных наименований в других российских регионах. В задачи исследования входит сбор и систематизация массива номинаций жилых комплексов города Самары; сопоставление результатов комплексного изучения корпуса самарских онимов с выводами исследователей подобных названий, собранных в Екатеринбурге, Ярославле и Рыбинске. На основании проведенного исследования выявлена основная особенность разряда ойкодомонимов, которая заключается в том, что они одновременно выполняют функции урбанонимов, маркирующих место расположения объекта в городском пространстве, и как рекламные имена служат для коммерческого продвижения объектов недвижимости целевой аудитории. Модели наименований жилых комплексов располагаются между двумя полюсами: описательные наименования ближе к урбанонимам, символические и условно-символические имена сближаются с рекламными именами, а метонимические субстантивы занимают промежуточные позиции. Ойкодомонимы как рекламные имена, представленные в городском пространстве, обладают значимым потенциалом брендирования территории. Комплексная тематическая номинация жилых комплексов Самары реализуется в составе двух основных линий: «Самара – город-курорт» и «Самара космическая». На основании совмещения этих двух линий брендирования формируется уникальный образ самарской идентичности.

Ключевые слова: ономастика; наименования жилых комплексов; ойкодомоним; рекламное имя; урбаноним; брендирование территории; имидж города

Для цитирования: Романова Т. П. Наименования жилых комплексов как особый тип рекламного имени // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 99–106. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-99-106. https://elibrary.ru/FGEBXP

Original article

Names of residential complexes as a special type of advertising names

Tatiana P. Romanova
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the Russian language and mass communication, Samara National Research University named after academician S. P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoe sh., 34
romanovatp@mail.ru, http://orcid. org/0000-0002-6951-1111

Abstract. The article presents the results of the study, whose aim is to determine the typological characteristics of residential complexes nominations in the city of Samara as a specific category of advertising proper names in comparison with the results of studying similar names in other russian regions. The research objectives include collecting and classifying the nominations of residential complexes in Samara, and comparing the results of the comprehensive study of Samara's onyms with the conclusions of similar researches on nominations collected in Yekaterinburg, Yaroslavl, and Rybinsk. According to the study, the main feature of oikodomonyms is that they simultaneously perform the functions of urbanonyms, marking the location of the object in the urban space, and as advertising names they promote real estate objects to the target audience. Models of naming residential complexes are located between two poles: descriptive names are closer to urbanonyms, symbolic and conditionally symbolic names are closer to advertising names, and metonymic substantives occupy intermediate positions. Oykodomonyms as advertising names presented in the urban space

© Романова Т. П., 2022

have a significant potential for branding the territory. The comprehensive thematic nomination of residential complexes in Samara is implemented as part of two main lines: «Samara as a resort city» and «Samara as a Space city». Based on the combination of these two branding lines, a unique image of the Samara identity is formed.

Key words: onomastics; names of residential complexes; oykodomonym; advertising name; urbanonym; branding of the territory; image of the city

For citation: Romanova T. P. Names of residential complexes as a special type of advertising names. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):99–106. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-99-106. https://elibrary.ru/FGEBXP

Введение

Собственные наименования жилых комплексов (ойкодомонимы) представляют особый вид собственных имен, который можно отнести к числу рекламных урбанонимов, так как они служат для индивидуализации городских объектов с целью престижной презентации их на рынке недвижимости.

Массовое образование коммерческих именований жилых комплексов в России начала XXI в. привлекло внимание многих отечественных исследователей. Для их обозначения отечественные ономатологи первоначально использовали разные термины с неодинаковым объемом значений. Наиболее востребованными из всех вариантов оказались термины «названия / наименования ЖК» или «собственные имена ЖК», а также «ойкодомонимы». Преимущества последнего термина убедительно обоснованы в работах Р. В. Разумова и С. О. Горяева [Разумов, Горяев, 2019]. Коммерческие ойкодомонимы рассматриваются этими авторами, прежде всего, как элементы городского урбанонимического пространства, позволяющие адресату привязать обозначаемый объект к ментальной карте города.

Термин «ойкодомоним» предложен Н. В. Подольской во 2-м издании «Словаря русской ономастической терминологии»: «Имя собственное здания. Происх.: греч. οἰχοδομή ‘здание, строение’ + оним» [Подольская, 1988, с. 88]. В современной отечественной науке этот термин используется в более широком значении. Он обозначает собственные имена не только отдельных зданий как топографических объектов, но также и любых архитектурных сооружений, в том числе наименования жилых комплексов, коттеджных поселков, дачных кооперативов. Эргонимические номинации организаций также могут использоваться в качестве имен зданий, в которых они располагаются, однако к разряду ойкодомонимов они не относятся.

Термин «ойкодомоним» получил официальное признание в работах современных ученых [Мадиева, Супрун, 2017, с. 117–118; Разумов, 2018, с. 212], его лингвистическая трактовка приобрела однозначность и точность формулировок. Этот термин завоевал международное признание, например, в материалах для турецкого «Словаря топонимических терминов», авторы предлагают своему научному сообществу в два варианта термина: турецкий bina adı ‘имя здания’ и интернациональный oykodomonim [Yavuz, Şenel, 2013, 2249].

Интерес академической ономастической науки к рекламным коммерческим наименованиям, к числу которых относятся и ойкодомонимы, отразился в серии международных конференций «Имена в экономике». Подробные обзоры тематики докладов этих конференций регулярно публикуются в журнале «Вопросы ономастики» [Горяев, Бугешу, 2018; Bugheșiu, Goryaev, 2020].

Целью нашего исследование является определение основных характеристик ойкодомонимов как специфического типа рекламных собственных имен, обозначающих объекты урбанонимического пространства. В число основных задач входит первичный сбор и систематизация массива номинаций ЖК города Самары; сопоставление результатов комплексного изучения корпуса самарских онимов с выводами исследователей подобных названий, собранных в Екатеринбурге, Ярославле и Рыбинске.

Методология и база исследования

Для решения поставленных задач обратимся к использованию комплекса научных методов, в число которых входят метод полевых наблюдений, картографический, ономасиологический, структурно-семиотический, словообразовательный, статистический, сравнительно-сопоставительный.

Материалом исследования является массив самарских наименований ЖК (188 единиц), собранный в 2021–2022 гг. методом полевых наблюдений, а также посредством анализа ресурсов сайтов, предлагающих квартиры в новостройках на сервисе Яндекс. Недвижимость [Купить квартиру в новостройке в Самаре] и раздел «Новостройки» в базе данных ЦИАН

[ЦИАН. Квартиры в новостройках].

Анализ результатов исследования

С точки зрения структуры, названия ЖК представляют собой многокомпонентные единицы, апеллятивно-онимические комплексы, что является «проявлением топонимической универсалии, заключающейся в обязательной связи онима с денотатом именуемого объекта» [Широков, 2002]. Как правило, в состав номинации входит дескриптор и индивидуализирующий компонент: ЖК *«Видный», «Дом на Троицкой».* Дескриптор представляет собой термин, обозначающий разновидность пространственного объекта.

Состав терминов очень разнообразен и постоянно расширяется и обновляется, поскольку играет также немаловажную роль в рекламной номинации объектов недвижимости.

В начальный период формирования данного класса собственных имен в России Т. П. Соколова зафиксировала на территории Москвы следующие термины: *ЖК (жилой комплекс), город, городок, поселок, коттеджный поселок, парк (park), посад, усадьба, резиденция, плаза (plaza), особняк, элитный особняк, палаты, квартал, дом, новый дом, клубный дом, элитный дом, зал закрытого типа, башня, высотка, квартиры, элитные квартиры, палас, клаб, хаус, таунхаус, пентхаус, экофлэт* [Соколова, 2010, с. 364].

В современной самарской ойкодомонимии используются практически все перечисленные термины, при этом самыми продуктивными являются «жилой комплекс» / «ЖК» и «дом», а также их англоязычные варианты «house», «хаус» (*«Степ Грин Хаус», «River House»*). Используются и менее распространенные термины: «*Артхолл», Александровский двор, Европейский квартал, Ильинская Плаза; Олимпия-парк,* «*АМГРАД», «Город чемпионов».*

Коммерческое имя Е. С. Кара-Мурза рассматривает в одном ряду со слоганом и текстом, считая их функциональными типами рекламных произведений, в которых коммуникативное предназначение соотнесено с синтаксической структурой и объемом [Кара-Мурза, 2007]. Таким образом, собственные наименования ЖК представляют собой рекламные микротексты, несущие в себе коммерческие послания, в которых отражается взаимодействие основных компонентов рекламной коммуникации. Коммерческое послание (КП) – наиболее актуальная для потребителя информация, которую он «вычитывает» из названия в соответствии с объектом номинации [Романова, 2008, с. 7].

Коммерческое послание рекламного имени может формироваться вокруг трех семантических доминант, соответствующих трем основным компонентам маркетинговой коммуникации: субъект, объект и адресат. В соответствии с этим И. В. Крюкова предлагает выделять три типа рекламных имен: отобъектные, отсубъектные и отадресатные [Крюкова, 2004, с. 108]. Так, среди ойкодомонимов можно выделить отобъектные номинации, которые сосредоточены на значимых для потребителя особенностях ЖК, отсубъектные имена, которые говорят о субъекте рекламной коммуникации (строительной фирме), и отадресатные, которые отражают ценности и характеристики потребителя.

Исследование массива самарских ойкодомонимов в аспекте типологии их коммерческого послания показало, что количественно доминируют **отобъектные номинации**. Среди них преобладают КП, отражающие локальную ориентацию объектов недвижимости на карте города (53,7 %). Такие номинации мотивированы характеристиками объекта номинации по отношению к топографическому ориентиру: *«Аврора»* (на ул. Авроры), *«Аквариум»* (у ТЦ «Аквариум»), *«Дом у Самолета»* (у монумента Самолёт), *«На Разина»* (на ул. Степана Разина), *АМГРАД* (у ТРЦ «Амбар»). Это не случайно, так как определенная геолокализация ЖК в пространстве города представляет собой его основное потребительское преимущество как объекта коммерческого продвижения. Значительно реже используются номинации, мотивированные другими характеристиками объекта (внешний вид, размер, стиль, цвет) (8,5 %): *«Твинс-Самара», «Красная звезда», «Преображенский Двор»,* «*Радужный-люкс», «Панорама».*

Отадресатные КП несут в себе ценностные ориентиры и символы, значимые для потребителя (37,3 %): *«Гранд Империалъ», «Камелот», «Куйбышев», «Капитал», «Новая Самара», «Пушкинский», «Семейный», «Статус», «Уютный».* Некоторые типы КП объединяют в себе объект и адресата рекламы: *«Аристократ», «Жизнь на высоте», «Новая высота», «Олимп», «Седьмое небо», «Фаворит», «Чемпион».*

Отсубъектные номинации, транслирующие собственные имена застройщиков, оказываются в абсолютном меньшинстве (1,5 %): *«Древо», «Пик», «Радамира».*

Р. В. Разумов отмечает основные характеристики ойкодомонимов, «объединяющие названия жилых комплексов с другими типами рекламных имен: название жилого комплекса может быть запатентовано или иным образом защищено законом, подобно другим разрядам рекламных имен; такое название создается и существует, прежде всего, в рекламных текстах, то есть рекламная функция является первичной; при создании этих ойкодомонимов используются приемы, характерные для рекламных имен [Разумов, 2006, с. 162].

Все рекламные номинации ЖК создаются исключительно в верхнем стилистическом регистре. Они монологичны, стилистически сдержанны или, по крайней мере, нейтральны. Для их создания используется стилистически приподнятая лексика русского языка, а также топонимы, в основном локального уровня идентичности, реже регионального, национального и международного уровня (см. типологию уровней идентичности в работе Р. В. Разумова, С. О. Горяева «Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов») [Разумов, Горяев, 2020].

Графическое оформление самарских ойкодоминимов преимущественно кириллическое. Латинский алфавит используется в основном при написании англоязычных названий, которые в Самаре единичны: *«New Life на Корабельной», «River House»,* – или же с целью языковой игры: ЖК *«Voznesensky»* (Вознесенский).

Словообразовательная типология самарской ойкодонимии образует следующие основные группы наименований:

1. Дескриптивные прямые номинации представляют собой словосочетания, соответствующие адресам называемых объектов. Их можно считать ситуативными собственными наименованиями, которые служат для индивидуализации объектов только в определенных контекстах: *ЖК «в переулке Саратовский»; ЖК «в границах улиц Антонова-Овсеенко, Блюхера и Советской Армии».*

2. **Дескриптивные эллиптические модели** используются преимущественно для создания топоориентированных именований. Здесь представлены следующие модели:

1) развернутые описательные структуры, эксплицитно включающие термин «дом» с импликацией термина топоориентира: дом на + (улице) годоним: *«Дом на Энтузиастов», «Дом на Тухачевского»;* дом у + (парка): *«Дом у Загородного»;*

2) модели, имплицитно включающие термины «дом» / «ЖК»: а) (дом) годоним + номер дома: *«Антонова-Овсеенко 3», «Димитрова 74 А», «Фестивальная 5 А»;* б) (дом) + предлог на + термин + годоним: *«На Проспекте Карла Маркса», «На Проспекте Кирова», «На Пятой просеке», «На ул. Волжская/Кольцевая»;* в) (дом) + предлог на + (термин) годоним: *«На Владимирской», «На Волгина», «На Запорожской», «На Корабельной», «На Московском» «На Фадеева»;* г) (дом) предлог у + название ориентира: *«У парка».*

Однако мотив пространственной ориентации не реализуют эллиптические номинации, образованные по модели: определение + (дом): *«Академический», «Видный», «Родной», «Студенческий», «Центральный», «Ялтинский».*

3. Эллиптические метонимические номинации образуются в результате различных преобразований названий пространственных ориентиров.

Описательное собственное имя может буквально повторять наименование улицы, микрорайона или номер квартала: *«Ботанический»* (пер. Ботанический), *«Вилоновская / Садовая»* (угол улиц Вилоновской и Садовой), *«Октябрьский»* (район Октябрьский), *«Победа»* (ул. Победы), *«Просека 5», «9 просека»*; «*Крутые ключи»* (микрорайон); «*21 квартал», «311», «120 квартал».*

В результате трансформации названия пространственного ориентира также образуются локально закрепленные имена: *«Арена Парк»* (стадион «Самара-Арена»), *«Верхняя Полевая»* (ул. Полевая), «*Гастелло.РФ»* (ул. Гастелло), *«Желябово.РФ»* (ул. Новожелябовская), «*Госуниверситет»* (Самарский университет), «*Ленинский»* (ул. Ленинская), *«Москва»* (на Московском шоссе), «*Новый металлург»* (завод «Металлург»), «*Печёра»* (ул. Печерская), *«Рассвет-Ракита»* (Ракитовское шоссе), *«3 авеню»* (обыгран термин «просека»). Некоторые ойкодомонимы сохраняют названия утраченных ориентиров *«Ипподром»* (рядом со снесенным ипподромом), *«Сокол»* (завод «Сокол»).

4. Условно-символические номинации демонстрируют статусность ЖК, соответствующую амбициям адресата (*«Император»),* символизируют особое место (*«Аркадия», «Зазеркалье»),* соотносятся с престижными европейскими топонимами

(*«Ливерпуль», «Париж», «Рим»),* отражают историко-культурные ценности адресата (*«Боярский двор», «Империалъ»),* подчеркивают новизну объектов недвижимости (*«Новая Тверская», «Новая Заря», «Премьера»).*

В составе собственных имен ЖК нередко встречаются абстрактные символы, положительно оцениваемых понятий, традиционно используемые в ономастике: *«Весна», «Восход», «Кристалл», «Логика», «Надежда», «Радуга», «Рекорд», «Старт», «Унисон».*

5. Отантропонимические мемоpативные номинации – редкий в Самаре тип имен-посвящений: ЖК *«Королёв», «Королёв Звездный», «Voznesensky».* К перечисленным можно добавить названия с двойной мотивировкой: *«Маркс»* (пр. Карла Маркса) и *«Маяковский»* (ул. Маяковского).

Современные исследователи отмечают, что тематическая зональная номинация городских объектов может использоваться как инструмент формирования имиджа города. М. В. Голомидова пишет, что «урбанонимы работают на разные аспекты восприятия места и выполняют работу ключевых знаков, которые помогают развертыванию пространственного дискурса» [Голомидова, 2019, с. 13].

Аналогичное наблюдение находим в исследовании номинаций домов Стамбула: «Как своеобычный элемент языкового быта турецкого города, имена домов наряду с архитектурными памятниками, босфорскими панорамами и культурно-историческим переплетением цивилизаций определяют тот неповторимый колорит, который делает Стамбул для его обитателей и путешественников атмосферным, обладающим «лица необщим выраженьем». [Климкина, 2020, с. 164].

Особую роль пространственных ориентиров в процессе формирования имиджа места впервые показал К. Линч в работе «Образ города» [Lynch 1960; Линч, 1982]. Отражение в имени дома характеристик пространственного ориентира, значимого для формирования имиджа места, отмечают также отечественные исследователи. Так, Т. Г. Федотовских на примере анализа номинаций Екатеринбурга показывает, что коммерческие наименования объектов недвижимости могут успешно использоваться как инструмент формирования имиджа города [Федотовских 2015а]. Роль нейминга в процессе целенаправленного формирования оригинального имиджа города подробно рассмотрена в ее работе [Федотовских, 2015б].

В Самаре, как и в некоторых российских городах, номинация ЖК осуществляется по тематическому зональному принципу. Репрезентация в названиях ЖК главных тематических линий локальной идентичности способствует формированию оригинального образа города. Так, в Самаре реализуются две основные тематические линии потенциального брендирования города: «Самара – город-курорт» и «Самара космическая».

Линия «города-курорта» представлена, прежде всего, номинациями, семантически связанными с Волгой. Их получают ЖК, расположенные в непосредственной близости к реке: *«Волга», «Волжские паруса», «Волжские высоты», «Волжские огни», «Адмирал», «Волна»,* «*Ладья»*, *«Парус».* Водная тема репрезентирована также и в других самарских номинациях ЖК: *«Приволжский», «Волжский»* (пос. Волжский), *«Волгарь»* и *«ЭкоГрад Волгарь»* (пос. Волгарь), *«Две реки», «Остров», «Островок», «Арго», «Бриг», «Бриг-3», «Фрегат».*

«Город-курорт» продолжается также в экологической тематике: *«Березовая аллея», «Времена года», «Город солнца», «Жигулевская долина», «Журавли», «Зеленый квартал», «Изумрудный», «Изумрудный город», «Лесная поляна», «Арена-парк», «Панова-парк», «Пять бульваров», «Сокольи горы», «Солнечная долина», «Сосны», «9 озер».*

Номинации домов, расположенных вокруг музея «Самара космическая», отражают космическую тематику: *«Ракета», «Спутник», «Звезда», «Галактика»*, в некотором отдалении строятся ЖК *«Королёв»* и *«Королёв Звездный»*. В районе ТРК *«Космопорт»* расположены ЖК *«Космолёт»* и *«Дом у Космопорта».* Кроме того, в городе есть другие ЖК с «космическими» названиями: *«Атмосфера», «Горизонт», «Зодиак», «Орбита», «Пять звезд», «Созвездие».*

Проведенное нами исследование состава номинаций, словообразовательных моделей и принципов номинации ЖК Самары в сравнении с Екатеринбургом, Ярославлем и Рыбинском [Разумов, Горяев, 2018] позволяет говорить о том, что в современном ойкодомонимиконе словообразовательные параметры определяются на уровне языковых стереотипов. Интересно, что даже процентное соотношение продуктивности этих моделей почти полностью совпадают в пространстве этих российских городов.

На основании сопоставления массива собственных наименований ЖК Самары с ойкодомонимами Ярославля и Екатеринбурга выявлен список из 29 (15,4 %) повторяющихся номинаций. Название *«Времена года»* представлено во всех трех корпусах. С Ярославлем у Самары отмечено 15 полных или частичных совпадений: *«Адмирал»,* «*Волжский», «Престиж», «Панорама», «Победа», «Зеленый квартал», «Радуга», «Радужный», «Центральный», «Звездный»* (ср. в Самаре *«Королёв Звездный»*), *«Молодая семья»* и *«Дружная семья»* (ср. *«Семейный»*), *«Европейский»* (ср. *«Европейский квартал»*), *«Империал»* (ср. *«Империалъ», «Гранд ИмпериалЪ»*), *«Маяковский парк»* (ср. *«Маяковский»*), *«Южный»* (ср. *«Южный город»*).

С названиями екатеринбургских ЖК в Самаре совпадает 14 номинаций: «*Восход», «Современник», «Березовая роща», «Изумрудный», «Олимп», «Седьмое небо», «Аврора», «Академия», «Акварель», «Бриз», «Восход», «Рассветный»* (ср. в Самаре *«Рассвет», «Рассвет-Ракита»*), *«Родной», «Уютный».*

Разработанная Р. В. Разумовым и С. О. Горяевым типология ойкодомонимов основана на противопоставлении двух типов номинаций, различающихся «включенностью / невключенностью» в существующее городское онимическое пространство. Соотношение наименований, «включенных» и «не включенных» в карту города для Екатеринбурга составляет 43 % и 57 %, соответственно, для Ярославля – 58 % и 42 %. Интересно отметить, что в Самаре мы обнаружили близкое соотношение – 53,7 % и 47,3 %. «Если считать, что включенные названия ближе к традиционным урбанонимам, а невключенные – к рекламным именам, можно констатировать, что система ойкодомонимов «зависает» в неопределенности по отношению к их ономастическому статусу» [Разумов, Горяев, 2018, с. 93].

Рассматривая вопрос о «пограничном» состоянии названий ЖК в ономастическом пространстве на основании сопоставительного анализа ойкодомонимов Ярославля и Екатеринбурга, Р. В. Разумов и С. О. Горяев убедительно обосновывают идею двойственности их природы: «С одной стороны, названия жилых комплексов являются частью урбанонимии, а с другой стороны, это ярко выраженные «рекламные имена», связанные с экономической деятельностью и экономическими общественными отношениями» [Разумов, Горяев, 2018, с. 78].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что самарские ойкодомонимы представляют собой рекламные микротексты, несущие в себе коммерческие послания, в которых отражается взаимодействие основных компонентов рекламной коммуникации: объекта, субъекта и адресата. Количественно доминируют отобъектные номинации (62,2 %), среди которых преобладают топомотивированные именования (53,7 %). Локальная ориентация объектов на ментальной карте города представляет собой основное потребительское преимущество ЖК как объекта коммерческого продвижения. Внешний вид, размер, стиль, цвет объекта номинации значительно реже становятся мотивами номинации (8,5 %). Отадресатные имена несут в себе ценностные ориентиры, значимые для потребителя (37,3 %). Отсубъектные номинации, транслирующие собственные имена застройщиков, среди самарских ойкодомонимов оказываются в абсолютном меньшинстве (1,5 %).

Основная особенность разряда ойкодомонимов заключается в том, что они являются одновременно и урбанонимами, маркирующими место расположения объекта в городском пространстве, и рекламными именами, которые служат для коммерческого продвижения объектов недвижимости целевой аудитории, отличающейся определенными социально-экономическими и психо-графическими характеристиками. Различные модели ойкодомонимов располагаются между двумя полюсами: описательные номинации ближе к урбанонимам, символические и условно-символические имена ближе к рекламным именам, а между ними занимают позиции метонимические субстантивы.

Собственные наименования ЖК обладают значимым геобрендинговым потенциалом. Комплексная тематическая номинация ЖК Самары реализуется в составе двух основных линий брендирования: «Самара – город-курорт» и «Самара космическая». На основании совмещения этих двух линий формируется уникальный образ самарской идентичности.

Условные сокращения

ЖК – жилой комплекс;

КП – коммерческое послание, наиболее актуальная для потребителя информация, которую он «вычитывает» из названия в соответствии с объектом номинации;

ТЦ – торговый центр;

ТРК – торгово-развлекательный комплекс;
ТРЦ – торгово-развлекательный центр.

Библиографический список

1. Голомидова М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 11–30.

2. Горяев С. О., Бугешу А. Коммерческое имя в мировой ономастике: современное состояние // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 276–290.

3. Кара-Мурза Е. С. Язык русской печатной рекламы // Язык массовой и межличностной коммуникации. Москва : Медиа-Мир: Фак. журналистики МГУ, 2007. С. 479–552.

4. Климкина О. И. Дом как объект именования в турецком городском ономастиконе // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 150–167.

5. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : монография. Волгоград : Перемена, 2004. 288 с.

6. Купить квартиру в новостройке в Самаре. URL: https://realty.yandex.ru/samara/kupit/novostrojka/?nosplash=1&utm_content=title&from=wizard.newbuilding&utm_source=wizard&utm_campaign=newbuilding (дата обращения: 21.01.2022).

7. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. Москва : Стройиздат, 1982. 328 с.

8. Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 115–125.

9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Наука, 1988. 192 с.

10. Разумов Р. В. Названия жилых комплексов новая разновидность урбанонимов // Ономастика Поволжья: материалы X Международной конференции. Уфа : Изд-во БГПУ, 2006. С. 160–163.

11. Разумов Р. В., Горяев С. О. Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами // Научный диалог. 2018. № 9. С. 76–97.

12. Разумов Р. В., Горяев С. О. Новые ойкодомонимы как отражение ментальной карты города // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 93–111.

13. Разумов Р. В., Горяев С. О. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. №2. С. 201–219.

14. Романова Т. П. Теория и методика создания коммерческих наименований и рекламных текстов : учебное пособие для слушателей образовательной программы «Рекламная и издательская деятельность». Самара : Универс групп, 2008. 156 с.

15. Соколова Т. П. Тенденции эргонимической номинации // Ономастика Поволжья: сборник материалов XII Международной научной конференции. Казань: [б. и.], 2010. С. 364–367.

16. Федотовских Т. Г. Коммерческая номинация объектов недвижимости как инструмент формирования имиджа Екатеринбурга // Коммуникативные исследования. 2015а. № 3. С. 116–126.

17. Федотовских Т. Г. Роль нейминга городских объектов в поликультурном развитии современного общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2015б. № 15 (370). Филология. Искусствоведение. Вып. 96. С. 99–103.

18. ЦИАН. Квартиры в новостройках (ЖК) в Самаре. URL: https://samara.cian.ru/novostroyki/ (дата обращения: 21.01.2022).

19. Широков А. Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы. Волгоград : Волгоград. гос. пед. ун-т., 2002.

20. Bugheiu A., Goryaev S. The 5th International Conference Name and Naming (ICONN 5) // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 337–344.

21. Lynch K. (1960), The Image of the City. Cambridge MA: MIT Press.

22. Yavuz S., Şenel M. Yer Adları (Toponim) Terimleri Sözlüğü. // Turkish Studies – International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Summer, 2013. Vol. 8/8. P. 2239–2254.

Reference list

1. Golomidova M. V. Urbanonimy kak resurs upravlenija vosprijatiem gorodskogo prostranstva = Urbanonyms as a resource for managing the perception of urban space // Kommunikativnye issledovanija. 2019. T. 6. № 1. S. 11–30.

2. Gorjaev S. O., Bugeshu A. Kommercheskoe imja v mirovoj onomastike: sovremennoe sostojanie = Commercial name in world onomastics: current status // Kommunikativnye issledovanija. 2018. № 3 (17). S. 276–290.

3. Kara-Murza E. S. Jazyk russkoj pechatnoj reklamy = The language of Russian printed advertising // Jazyk massovoj i mezhlichnostnoj kommunikacii. Moskva : Media-Mir: Fak. zhurnalistiki MGU, 2007. S. 479–552.

4. Klimkina O. I. Dom kak ob#ekt imenovanija v tureckom gorodskom onomastikone = House as an object of naming in the Turkish urban onomasticon // Voprosy onomastiki. 2020. T. 17. № 1. S. 150–167.

5. Krjukova I. V. Reklamnoe imja: ot izobretenija do precedentnosti = Advertising name: from invention to precedence: monografija. Volgograd : Peremena, 2004. 288 s.

6. Kupit' kvartiru v novostrojke v Samare = Buy a new apartment in Samara. URL: https://realty.yandex.ru/samara/kupit/novostrojka/?nosplash=1&utm_content=title&from=wizard.newbuilding&utm_source=wizard&utm_campaign=newbuilding (data obrashhenija: 21.01.2022).

7. Linch K. Obraz goroda = City image / per. s angl. V. L. Glazycheva. Moskva : Strojizdat, 1982. 328 s.

8. Madieva G. B., Suprun V. I. Sistema sovremennoj russkoj urbanonimicheskoj terminologii = The system of modern Russian urbanonymic terminology // Voprosy onomastiki. 2017. T. 14. № 2. S. 115–125.

9. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii = Dictionary of Russian onomastic terminology. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Nauka, 1988. 192 s.

10. Razumov R. V. Nazvanija zhilyh kompleksov novaja raznovidnost' urbanonimov = Names of residential complexes as a new variety of urbanonyms // Onomastika Povolzh'ja: materialy H Mezhdunarodnoj konferencii. Ufa : Izd-vo BGPU, 2006. S. 160–163.

11. Razumov R. V., Gorjaev S. O. Nazvanija zhilyh kompleksov: mezhdu urbanonimami i reklamnymi imenami = Names of residential complexes: between urbanonyms and advertising names // Nauchnyj dialog. 2018. № 9. S. 76–97.

12. Razumov R. V., Gorjaev S. O. Novye ojkodomonimy kak otrazhenie mental'noj karty goroda = New oikodomonyms as a reflection of the mental map of the city // Kommunikativnye issledovanija. 2019. T. 6. № 1. S. 93–111.

13. Razumov R. V., Gorjaev S. O. Transljacija regional'noj identichnosti v urbanonimii rossijskih gorodov: sovremennoe sostojanie = Transmitting regional identity in the urbanonymy of Russian cities: current status // Voprosy onomastiki. 2020. T. 17. №2. S. 201–219.

14. Romanova T. P. Teorija i metodika sozdanija kommercheskih naimenovanij i reklamnyh tekstov = Theory and methodology of commercial naming and advertising texts : uchebnoe posobie dlja slushatelej obrazovatel'noj programmy «Reklamnaja i izdatel'skaja dejatel'nost'». Samara : Univers grupp, 2008. 156 s.

15. Sokolova T. P. Tendencii jergonimicheskoj nominacii = Trends in ergonymic nomination // Onomastika Povolzh'ja: sbornik materialov HII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kazan': [b. i.], 2010. S. 364–367.

16. Fedotovskih T. G. Kommercheskaja nominacija ob#ektov nedvizhimosti kak instrument formirovanija imidzha Ekaterinburga = Business nomination of real estate objects as a tool to form Ekaterinburg's image // Kommunikativnye issledovanija. 2015a. № 3. S. 116–126.

17. Fedotovskih T. G. Rol' nejminga gorodskih ob#ektov v polikul'turnom razvitii sovremennogo obshhestva = The role of urban naming in the multicultural development of modern society // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015b. № 15 (370). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 96. S. 99–103.

18. CIAN. Kvartiry v novostrojkah (ZhK) v Samare = CIAN. Apartments in new residential complexes in Samara. URL: https://samara.cian.ru/novostroyki/ (data obrashhenija: 21.01.2022).

19. Shirokov A. G. Russkaja urbanonimija v diahronicheskom osveshhenii: apelljativno-onimicheskie kompleksy = Russian urbanonymy in diachronic aspect: appellative-onymic complexes. Volgograd : Volgograd. gos. ped. un-t., 2002.

20. Bugheiu A., Goryaev S. The 5th International Conference Name and Naming (ICONN 5) // Voprosy onomastiki. 2020. T. 17. № 2. S. 337–344.

21. Lynch K. (1960), The Image of the City. Cambridge MA: MIT Press.

22. Yavuz S., Şenel M. Yer Adları (Toponim) Terimleri Sözlüğü. // Turkish Studies – International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Summer, 2013. Vol. 8/8. P. 2239–2254.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; одобрена после рецензирования 20.03.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 03.03.2022; approved after reviewing 20.03.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 81:39
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-107-116
EDN: DXYICC

Производные с корнем грамот- в русском языке: историко-лексикологический аспект

Жанна Константиновна Гапонова
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, декан факультета русской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
jangap1@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9248-226X

Аннотация. В статье рассматривается функционирование бесприставочных лексем с корнем *грамот-* в русском языке в синхронии и диахронии, а также отмечаются изменения, которые происходили в словарном составе языка. Работа базируется на исследованиях лингвистов, постулирующих языковую семантику в качестве средства постижения и понимания культуры. Корень *грамот-* обладает достаточным семантическим и деривационным потенциалом в русском языке, поэтому дает возможность проследить, каким образом менялось смысловое пространство членов корневого гнезда. Словообразовательные дериваты с корнем *грамот-* рассматриваются как факт значимости лексико-словообразовательного гнезда с доминантой *грамота* в языковой картине мира русского человека. Особое отношение к грамотным людям в Древней Руси стало основой мировоззрения русского человека и формирования его культуры, определило нормы поведения и отношения к другим, что нашло отражение в языке. В данной статье предпринят историко-лексикологический анализ слова *грамота* и его производных: развитие корневого гнезда с вершиной *грамот-* рассмотрено на разных хронологических срезах. Рассмотрение лексики на разных этапах развития языка показало, что жизнеспособность корня *грамот-* не утрачивалась: появлялись новые единицы, фиксирующие в слове реалии того или иного временного периода. Выявлены тенденции, характерные для современного русского языка: уменьшение круга производных единиц с исследуемым корнем и расширение сочетаемостных особенностей большинства производных, сужение значения некоторых лексических единиц, включение слово *грамота* и его дериватов в процессы нейминга. Примеры употребления рассматриваемых лексем приводятся из национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: семантика; полисемант; дериват; словообразовательное гнездо; языковая картина мира; корень *грамот-;* нейминг

Работа подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ на НИР «Механизм научно-методического сопровождения педагогов по вопросам формирования функциональной грамотности школьников: трансфер образовательных технологий» (073-00109-22-02)

Для цитирования: Гапонова Ж. К. Производные с корнем грамот- в русском языке: историко-лексикологический аспект // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 107–116. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-107-116. https://elibrary.ru/DXYICC

Original article

Derivatives with the root 'gramot-' in russian: historical and lexicological aspect

Zhanna K. Gaponova
Candidate of philological sciences, associate professor of the russian language department, dean of the faculty of Russian philology and culture, Yaroslavl state pedagogical university. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
jangap1@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9248-226X

Abstract. The article examines the functioning of prefixless lexemes with the root 'gramot-' in the russian language in synchrony and diachrony, and also the changes in the vocabulary of the language. The work is based on the research of linguists postulating linguistic semantics as a means of comprehending and understanding culture. The root 'gramot-' has sufficient semantic and derivational potential in russian, so it enables us to trace how the semantic space of the members of the root nest has been changing. Word-formation derivatives with the root 'gramot-' are considered as a significant fact of the lexical word family with the dominant 'gramota' (literacy) in the linguistic world picture of a russian

© Гапонова Ж. К., 2022

person. The special attitude towards literate people in ancient Russia was the basis for the worldview of the Russian people and the formation of their culture, and determined the norms of behavior and the attitude towards others, which is reflected in the language. This article undertakes a historical and lexicological analysis of the word 'gramota' and its derivatives: the development of the root family with the apex gramot- is examined at different chronological periods. The examination of the vocabulary at different stages of language development has shown that the viability of the root gramot- has not been lost: new units have appeared, fixing realities of a certain time period in the word. The author shows some trends characteristic of modern russian: fewer derivatives with the root under study and wider combinability of most derivatives, narrowed meaning of some lexical units, the word 'gramota' and its derivatives are included in the processes of naming. Examples of using the lexemes in question are taken from the national corpus of the russian language.

Key words: semantics; polysemant; derivative; word family; linguistic world picture; the root '*грамот-*' (gramot-); naming

The work was prepared within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation for the research work «Mechanism of scientific and methodological support for teachers on the formation of functional literacy of schoolchildren: transfer of educational technologies» (073-00109-22-02)

For citation: Gaponova Zh. K. Derivatives with the root 'gramot-' in russian: historical and lexicological aspect. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):107–116. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-107-116. https://elibrary.ru/DXYICC

Введение

Языковая семантика является одним из источников постижения и осмысления культуры, репрезентации знаний [Алефиренко, 2009, с. 84]. Вслед за лингвистами, занимающимися изучением исторических корневых гнезд как комплексных единиц языка, мы неоднократно отмечали, что с точки зрения диахронии особенно показательны словообразовательные гнезда, имеющие достаточно большое количество производных единиц (многие из них являются полисемантами) и известные уже на ранних стадиях развития языка [Гапонова, 2019, с. 78–85; Гапонова, 2019, с. 91–96]. Обилие производных с одним и тем же корнем может свидетельствовать о вариативности и трансформации лексического значения. Рассмотрение дериватов позволяет выявить закономерности формирования основного и периферийного значений у производных слов, обусловленных эпохой, культурными традициями и появляющимися или исчезающими реалиями. «Феномен „слова” предстает перед нами как подвижный элемент культуры, как тончайший ее индикатор, способный улавливать изменения в смыслообразующем основании ее языка» [Вендина, 2007, с. 307]. Историческое словообразовательное гнездо является «сложной системой, состоящей из диахронных ярусов, по которым распределяются лексемы в соответствии с определенными периодами истории» [Яцкевич Л. Г. «Словарь исторических корневых гнезд»: опыт составления].

«Развитие значения слова или его корня может проявляться в языке трояким образом: 1) в новых значениях самого слова; 2) в образовании производных слов; 3) в формировании фразеологических единиц, в состав которых входит данное слово <…> Нередко в дериватах и фразеологизмах символизируются такие аспекты объекта, которые не фиксируются особо в значениях исходного слова» [Гак, 1998, с. 694]. Рассматривая комплексно выделенные лингвистом аспекты, мы можем получить объективную картину связи языка и культуры, а также ее осмысления.

Говорить об активных процессах в языке необходимо с учетом диахронического и синхронного состояния языка, поскольку они «неразрывно связаны между собой, и эта связь отражает соотношение процесса и результата, воспринимаемого на определенном этапе дальнейшего развития процесса» [Дмитриева].

Слово *грамота* и его производные в диахронии и синхронии

Корень *грамот-* обладает достаточно весомым деривационным и семантическим потенциалом в русском языке, поэтому дает возможность проследить, каким образом менялось смысловое пространство членов корневого гнезда. Кроме того, слово фиксируется в ранних памятниках письменности, что свидетельствует о его древнейшем происхождении.

Кратко охарактеризуем развитие корневого гнезда с вершиной *грамот-* на разных хронологических срезах. При этом сразу отметим, что развитие данного корневого гнезда связано не с увеличением количества производных лексем, а скорее с их некоторым сокращением и полным исчезновением некоторых номинаций из языка. При этом перераспределяются для некоторых дериватов базовые и периферийные значения,

меняются сочетаемостные особенности.

К рассмотрению лексемы *грамота* уже обращались исследователи, ставя, как правило, перед собой задачу проследить эволюцию его значений. Рассматривая историю слова *грамота*, О. В. Никитина отмечает, что «на момент своего заимствования, как отмечают греческие словари, слово γράμμα (грамота) было полисемантичным и имело более 15 значений, которые частично прижились и на русской почве» [Никитина, 2013, с. 148].

Хочется сразу отметить, что, несмотря на общее происхождение, мы в рамках настоящей статьи не будем рассматривать в составе членов словообразовательного гнезда с доминантой *грамота* номинации, связанные с грамматикой как наукой о языке.

Существительное *грамота* в древнерусском языке являлось полисемантом: 1) ‘письменность, письмо, азбука’; 2) ‘то, что написано: книга, послание, надпись и т.д.’; 3) ‘грамота, уменье читать и писать’; 4) ‘деловой документ, акт’ [СРЯ XI–XVII вв., т. 4, с. 119]. Как видим, основные значения слова были связаны метонимическими отношениями. Следует отметить, что Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. разделяет значения ‘письменный знак, буква’, ‘начертание букв’, ‘письменность’ [СРЯ XI–XIVI вв., т. 2, с. 381–383].

Можно обнаружить, что некоторые производные слова с анализируемым корнем связаны прежде всего с представлениями об образованности человека. В другую группу дериватов включаем слова, в значении которых актуализируется сема ‘относящийся к правовым отношениям’. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» насчитывается около 20 слов с основой *грамот-*. Среди них преобладают существительные, сохраняющие исходные словообразовательные значения, в частности называющие грамотного, образованного человека: *грамотикъ/грамматикъ, грамотикия, грамотей, грамотникъ, грамотчик* – и лексемы, являющиеся словообразовательными синонимами к слову *грамота* в значении ‘книга, письмо, документ’: *грамотица, грамотка, грамоточка* и др. [СРЯ XI–XVII вв. 4, с. 119–122], при этом последние представляют собой уменьшительные формы. Все номинации являются суффиксальными производными, при этом в качестве словообразовательных средств выступают регулярные продуктивные морфемы, активно используемые в языке до сих пор: *-ик-* (ср. *историк, кадровик, академик*), *-ник-* (ср. *затейник, путник, цементник, проводник, шутник*), *-чик-* (*обидчик, буфетчик, водопроводчик, разносчик, летчик*), нерегулярная морфема *-ей-* (ср. *богатей, ворожей*). Среди производных с корнем *грамот-* зафиксированы сложные слова с прозрачной внутренней формой, образованные путем сложения и по отношению к современному языку являющиеся архаичными: *грамотолюбец, грамотоносец*. Среди приставок отмечается префикс *не-* (на более поздних этапах развития языка *без-*), образующий словообразовательные антонимы: *грамотьный – неграмотьнъ* (ср. *грамотность – безграмотность*), связанные с отсутствием того, что названо производящей лексемой, поэтому в своей работе мы не будем на них акцентировать внимание.

Сама лексема *грамота* концептуально значима для русского человека, поскольку тесно связана с его взаимоотношениями в обществе, с дихотомичными представлениями об интеллектуальных качествах человека, способности к обучению (грамотный/неграмотный), о чем свидетельствуют устойчивые выражения: *Грамоте учиться – вперед пригодится; Кто грамоте горазд – тому не пропасть; Грамота пить-есть не просит, а сама кормит*. Как видим, пословицы актуализируют положительные представления о грамотном человеке, который нигде не пропадет. Фразеологизмы, содержащие лексему *грамота,* появившиеся в языке в разные эпохи, напротив, фиксируют в значении что-то непонятное, бессмысленное: *тарабарская грамота (XII–XIII вв.), филькина грамота (XVI в.), китайская грамота (XX в.).*

В древнерусском языке существовало много выражений, связанных с разными видами грамот и определяемых, как правило, в качестве юридических терминов (*беглая, бережельная, духовная, владельная, жалобная, грамота с прочетомъ, подати грамоту на грамоту* и т.п.), в современном языке большинство данных выражений не сохранилось.

О. В. Никитина делает несколько принципиальных выводов, отмечая вехи функционирования слова *грамота* и его сочетаемостные особенности: в значении «письменный документ» (в период XIII–XIV вв.) часто употребляется в сочетании с отыменными прилагательными и местоимениями, указывающими на предназначение того или иного письменного нормативного документа или на его принадлежность к определенному лицу или субъекту [Никитина, 2013,

с. 150].

В XVIII веке у слова *грамота* фиксируется весь спектр значений, который был характерен для языка прошлых периодов. Говоря о продуктивном употреблении слова *грамота* в XVIII веке, О. В. Никитина справедливо обобщает, что «расширив свои синтагматические сочетания, оно конкретизирует отдельные факты юридического характера в сочетаниях с атрибутивами» [Никитина, 2013, с. 153]. Сохраняется большое количество названий официальных документов, в которых содержится лексема *грамота*: *безопасная, бессудная, жалованная, зазывная, крепостная, мировая, объявительная, опасная, подорожная, послушная, проезжая, разрешительная, ставленая* и др. [СРЯ XVIII вв. 5, с. 217–219] – характеризуют официально-правовые отношения указанного периода.

Проанализировав основные лексикологические источники, О. В. Никитина отмечает, что «основное и наиболее употребительное значение слова грамота – „письменный деловой документ, бумага" – остается актуальным вплоть до XVII века. В XIX веке количество значений слова уменьшается: „умение читать и писать" и „письменный деловой документ, всякое царское письмо, писание владетельной особы, рескрипт", причем из последнего значения развивается более конкретизированное – „свидетельство на пожалование лицу или общине прав, владений, наград или отличий"» [Никитина, 2013, с. 153].

В XIX в. в словаре В. И. Даля фиксируется базовое значение слова *грамота* – 'умение читать и писать, а иногда только умение читать'. В качестве периферийных отмечаются 'царское письмо, послание владетельной особы', 'свидетельство на пожалование лицу или общине прав, владений, наград', 'всякое письмо, записка, клок бумаги'. Грамотность – одно из главных качеств человека как члена общества, чем объясняется довольно большое количество генерируемых народом фразеологических оборотов и выражений. В. И. Даль приводит такие поговорки, фразеологизмы, присказки и т. д., содержащие лексемы с корнем *грамот-*: *Живи в тиши, а к нам граматки пиши; Пишет граматки, да просит памятки; Грамота тверда, да язык шепеляв*; *По грамоте осекся, цифирь не далась; И сам тому не рад, что грамоте горазд; Грамота не соха; Ныне много грамотных, да мало сытых; Люди неграмотны, а пряники едим писаные*. При этом приведенные контексты показывают уже двойственное отношение к грамотным людям: подчеркивается явное противопоставление физического и умственного труда, нивелируется однозначно почтительное отношение к человеку, обученному грамоте. Кроме того, в словаре В. И. Даля наблюдается отчетливое противопоставление форм мужского и женского рода, чего не было в древнерусском языке: *грамотник – грамотница; грамотчик – грамотчица, грамотей* (в том числе учитель грамоте) – *грамотейка, грамотея, грамотуха* – общего рода. Появляются атрибутивные характеристики слова *грамотный*, связанные с указанием на степень владения грамотой: *мало-, полу-, скудограмотный, безграмотный, грамотоватый*. Впервые фиксируются глаголы *грамотить – грамотеть*, которые до сих пор встречаются в русских говорах [Даль, 2003, т. 1, с. 640–641]. Примечательным является факт большого количества дериватов, обозначающих грамотного человека, что будет утрачено в последующие этапы развития языка. Это может быть обусловлено ситуацией распространения грамотности среди большего количества населения, поскольку в Древней Руси грамотный человек часто ассоциировался с писцом/писарем [Черных, 1994, т. 1, с. 212], каковых было немного, ср. одно из значений слова *грамотник* – 'заведующий архивом' [Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): в 10 т., 1988, с. 385].

Количество бесприставочных производных слов, зафиксированных в словаре, значительно сократилось: *грамотей, грамотный, грамотка/ грамоточка, грамотник / грамотница, грамотописец*.

В XIX веке к семантическим архаизмам стало относиться слово *грамота* в значении 'письмо, послание'.

В XIX веке начинает употребляться новое производное *грамотность*, которое отсутствовало в предыдущие периоды истории языка: «*Эти затеи прививали дворне некоторое просвещение, по крайней мере грамотность; если не любовь к искусствам, то по крайней мере ознакомление с ними*» [П. А. Вяземский. Старая записная книжка (1830–1870)] [НКРЯ].

В постреволюционное время в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова фиксируется всего несколько слов с основой *грамот-*: *грамота, грамотей, грамотка, грамотность, грамотный, грамотно*. У слова *грамота* выделяется всего 2 значения 'умение читать и писать' и 'официальный документ', причем второе значение сопровождается пометами *офиц.* и *ист.* У прилагательного *грамотный*

выделяется три значения: 1) ‘умеющий читать и писать’ (восходит к раннему периоду развития языка); 2) ‘умеющий грамматически правильно писать’ (как видим, наблюдается сужение значения, актуализируется сема ‘без ошибок’); 3) ‘умелый, осведомленный в чем-либо’. Мы неслучайно акцентируем внимание на прилагательном, потому что именно оно отражает тенденции перераспределения базового и периферийных значений в дериватах с анализируемым корнем. Кроме того, приметой советской эпохи становятся сложные слова *ликбез* (буквально – ликвидировать безграмотность), *политграмота* – ‘краткий курс основных, первоначальных политических знаний’, при этом многочисленные учебники по политграмоте свидетельствуют о приоритете политических знаний над какими-либо другими. Можно отметить, что в этот период значения дериватов с корнем *грамот-* перераспределяются, становится меньше употреблений, связанных с нормативно-правовой сферой (некоторые и вовсе исчезают из языка).

В современном русском языке слово *грамота* остается полисемантом, у него выделяются следующие значения: 1) ‘начальные правила чтения и письма’; 2) ‘элементарные начальные сведения из какой-либо области знания’; 3) ‘официальный письменный акт, устанавливающий или удостоверяющий что-либо’; 4) ‘документ, выдаваемый в награду за успехи в каком-либо деле’; 5) ‘письменный акт официального или частного происхождения’ (устар) [Комментарий к Федеральному закону …, 2012. с. 449; БАСРЯ, 2006, т. 4, с. 375–376]. На актуализацию определенных значений у слова *грамота* в речи указывают данные ассоциативных опросов носителей русского языка. Ассоциативное поле к слову *грамота*, согласно данным интернет-источников, эксплицирует следующие составляющие, связанные: 1) с получением награды (*награда, диплом, победа, заслуга, награждение, почетная, соревнование, спорт, выгрыш* и т. п.); 2) с обучением (*школа, письмо, буквы, учитель, учеба, ученик, читать, аттестат* и т. п.); 3) с правописанием, отсутствием ошибок (*правильно, грамматика, язык, грамотей, знание, грамотность*); 4) с характеристикой интеллектуальных способностей человека (*умный, олимпиада, молодец, наука*) [https://kartaslov.ru]. Как видим, приведенные данные демонстрируют наметившиеся тенденции перераспределения базового и периферийных значений у слова *грамота* в современной речи (постепенный отход от базового значения – ‘начальные правила чтения и письма’), что подтверждается и количеством употреблений слов с определенной семантикой в Национальном корпусе русского языка.

Такие производные, как *грамотник, грамотка, грамотница, грамотей, грамотейка*, уже продолжительное время (на протяжении столетия) считаются устаревшими.

У прилагательного *грамотный* основными семами в значении являются ‘умеющий читать и писать’, ‘обладающий необходимыми знаниями в какой-либо области’, ‘соответствующий нормам литературного языка’. Употребления слова *грамотный* в XX–XXI вв. показывают, что расширяется лексическая сочетаемость прилагательного, и слово, на наш взгляд, начинает приобретать дополнительные оттенки в семантике: ‘качественный’, ‘умелый’, ‘сильный (как указание на степень проявления признака)’ и т. п., о чем, наряду со словооупотреблениями, свидетельствуют и данные словарей синонимов: *грамотный подход, грамотная подготовка, грамотное вмешательство* и т. п. Словари отражают следующие значения слова *грамотный*: ‘умеющий читать и писать’; ‘обладающий необходимыми знаниями в какой-либо области’; ‘обладающий жизненным опытом’ (разг.) [ССРЛЯ, 1992, т. 3, с. 308].

С начала 2000-х годов стало особо популярно слово *грамотность*. Наметилась четко выраженная тенденция увеличения количества употребления производного *грамотность* по сравнению со словом *грамота* (ср. на 2017-2018 гг. по числу словоупотреблений слова *грамота* – 195355, слова *грамотность* – 367890) [НКРЯ].

Кроме того, наряду с активным употреблением слова *грамотность* в современном обществе, наметилась явная тенденция расширения его сочетаемостных возможностей, в том числе с атрибутивами: *функциональная, языковая, математическая, финансовая, читательская, медицинская, сексуальная* и многими другими («*Вот чему надо учить, а не, прости Господи, <u>сексуальной грамотности</u>*» [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012]; «*Немаловажное значение для предупреждения укусов заражённых клещей имеет повышение <u>санитарной грамотности</u> населения ...*» [Владимир Злобин. Таежные клещи приближаются к городам // «Наука и жизнь», 2009]; «*Потому как надень она очки и высмотри буковки, она прочла бы «Франц Шеклер» – до такой степени <u>немецкой грамотности</u> она была обучена*» [Галина Щербакова. Восхождение на

холм царя Соломона с коляской и велосипедом (2000)]) [НКРЯ]. Мы намеренно рассматриваем сочетаемостные особенности слова с атрибутивами, потому что в древнерусском языке сочетания существительных и прилагательных были самыми распространенными, однако в Древней Руси выражения со словом *грамота* регламентировали, как правило, отношения людей в области нормативно-правовой сферы, в современном обществе – во всех сферах жизни человека.

В свою очередь подобный сочетаемостный «взрыв» предопределил употребление отвлеченного существительного *грамотность* во множественном числе: «*Применяемая на олимпиаде система формирующей оценки направлена на измерение метапредметных и компетентностных образовательных результатов детей, в том числе новых грамотностей, навыков XXI века и soft skills* [Российская компетентностная олимпиада // http://nios.ru/news/27949]; «*Экосистемный взгляд на новые грамотности*» [23.04.2021 https://ino.mgpu.ru/articles/ekosistemnyj-vzglyad-na-novye-gramotnosti-2/]; «*Новые грамотности. Очевидно, что новая культура учебной деятельности требует от ее носителей знания новой грамоты. Западные коллеги считают, что в пору говорить уже не об одной грамоте, а о нескольких грамотностях, которые постепенно развиваются из ключевых навыков 21 века*» [Коннективизм и равногогика // http://www.connectedlearning.ru/resources/colearn12]. Абстрактное существительное стало «вести себя» как вещественное, когда у последнего при образовании множественного числа в семантике начинает проявляться сема ‘вид, сорт’, о чем свидетельствует следующий пример употребления: «*Некоторое время назад стало очевидно, что грамотностей стало слишком много*» [Сметанникова, 2004, с. 42].

Следующий пример употребления слова *грамотность* вводит новый дериват – *мета-грамотность*: «*Грамотность относительно будущего – это важная составляющая образования, одна из мета-грамотностей, которую специалисты объясняют как способность принять сложность и неизвестность, чтобы оставаться динамичным участником будущего, каким бы оно ни было»* [Грамотность относительно будущего: масштабное мероприятие ЮНЕСКО //https://ru.osvita.ua/vnz/77793/]. С точки зрения логики смысла и словообразования, окказиональная лексема представляется странной: значение словообразовательного элемента – ‘обозначающий абстрагированность, обобщенность, переход к чему-либо другому, переход состояния’ – противоречит его присоединению к существительному, которое является абстрактным.

Кроме того, в приведенных выше контекстах несколько раз встречается выражение *новая грамотность* (например: «*Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра…*» [И. Д. Фрумин, М. С. Добрякова…, 2018], что противоречит логике правил сочетания лексем: *грамотность* – это свойство по значению прилагательного *грамотный*, базовым значением которого словарями фиксируется – ‘умение читать и писать’ [Комментарий к Федеральному закону …, 2012. с. 449; БАСРЯ, 2006, т. 4, с. 375-376]. Следовательно, в настоящее время будет переосмысливаться понимание того, что такое грамотность и какого человека можно называть грамотным. Так, Н. Н. Сметанникова, анализируя отечественные и зарубежные подходы к понятию «грамотность» и его определению, задается вопросом о числе слова «грамотность», но не с лингвистической точки зрения, а понятийно-смысловой: «В настоящее время существуют два подхода к толкованию понятия грамотности – унитарный и плюралистический. Первый (Sh.B Heath 1983, E.Millard 1997) предполагает, что грамотность (единственное число), соединяющая в себе общее и частное, аналогична музыке, языку и имеет большое разнообразие форм…» [Сметанникова, 2004, с. 44].

Возникает ощущение, что какие-либо ограничения, обусловленные лексической сочетаемостью слова *грамотность,* перестают существовать в современном русском языке. Название учебника О. В. Узоровой, Е. А. Нефедовой «Абсолютная грамотность за 15 минут. Шпаргалка для родителей. 3 класс» расширяет наши представления о критериях измерения грамотности. Абстрактное понятие стало сочетаться с атрибутивом, характеризующим психическое состояние человека: «*Душевной грамотности стало не хватать вам, опытному педагогу…*» [Атаров Н. С. Повесть о первой любви, 1955, с. 121] [НКРЯ].

В конце XX – начале XXI вв. наблюдаются тенденция использования слова *грамота* и его производных в названиях: всем известный справочно-информационный портал «Грамота.ру», раздел «Грамотность» на Мел.ру, сообщество «Грамотный русский» во Вконтакте, просвети-

тельская акция «Грамотный троллейбус», – в которых, на наш взгляд, реализуются такие семы, как ‘правильный’, ‘основанный на опыте’. Кроме того, включение слова и его производных в процессы нейминга, может свидетельствовать об актуализации в сознании русского человека важности быть грамотным: ср. *грамотным быть модно*! Название «ГрамотаДел» (https://gramotadel.ru/) – бесплатный редактор грамот и дипломов – подчеркивает широкое употребление в русском языке слова *грамота* в значении ‘документ, выдаваемый в награду за успехи в каком-либо деле’.

Особенно интересным, на наш взгляд, является актуализация в названиях устаревшего слова *грамотей*, обозначающего грамотного человека и известного еще в древнерусском языке, при этом в словаре оно дается с пометой *разговорное* и *ироническое* [БАСРЯ, т. 4, с. 376]. Однако в названии издательства «Грамотей», специализирующемся на выпуске учебной и развивающей литературы по русскому языку, литературе, развитию речи, математике, каллиграфии для дошкольного образования, начальной и средней школы, явно актуализируется сема ‘обладающий необходимыми знаниями в какой-либо области’. Лексема активно задействована в нейминге разных проектов (мероприятий) в значении ‘человек, знающий русский язык’: «*Мы – грамотеи*» – интеллектуально-развлекательная программа, в которой две команды старшеклассников в игровой форме соревнуются в знании русского языка; просветительский проект «*Арзамасский грамотей*» (скорая филологическая помощь для учителей-словесников); конкурс «*Грамотеи.ру*», проект «*Грамотей. Русский язык для взрослых*»; познавательный тест «*Какой из вас грамотей? Вспоминаем русский язык*».

Семы ‘владеющий грамотой’, ‘обучающий других’ актуализируются в слове *грамотей* в названии мультсериала «Супер Том и грамотеи» (англ. *Super Why*!). Главная направленность – обучение основам чтения на английском языке (английский алфавит, произношение, грамматика и правильное использование слов). В данном случае грамотей воспринимается как супергерой, следовательно, слово имеет явно положительную коннотацию.

В современном обществе переосмысливаются выражения со словом *грамота – китайская грамота, филькина грамота,* – которые в предыдущие периоды существования языка употреблялись, как правило, с неодобрительной коннотацией: «*Но дела так мне чужды, как китайская грамота* [Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)]» [НКРЯ]. Действительно, китайские иероглифы всегда казались русскому народу странными и непонятными, а обучение грамоте трудозатратным процессом, отсюда и стали называть что-либо сложное и запутанное китайской грамотой. В данном предложении рассматриваемый фразеологизм употребляется в сравнении, присоединяясь к прилагательному *чуждый*, которое и указывает на наличие отрицательной коннотации у выражения. Фразеологизм *китайская грамота* используется и в современной речи: «*…но начислять ее (пенсию) будут по такой мудреной таблице, по сравнению с которой китайская грамота образец доходчивости* [«Немецкой сказке» приходит конец? // Труд-7, 2007.07.06]» [НКРЯ]. Автор сравнивает мудреную таблицу для начисления пенсий с китайской грамотой. Называя ее «образцом доходчивости», журналист выражает свое ироничное отношение к предмету речи. Ирония и указывает на наличие отрицательного оттенка значения у фразеологизма.

В некоторых городах России стали известны рестораны «Китайская грамота», название которых заставляет переосмыслить устойчивое выражение: «– Александр, поздравляем с открытием „Китайской грамоты”. Кстати, название както характеризует ресторан?

– Мне нравится, когда есть вторичный, скрытый смысл. „Китайская грамота” – это, с одной стороны, идиома, которая на слуху, с другой – ассоциация с чем-то не совсем понятным, но легкодоступным. Приблизительно такое же впечатление складывается у людей о китайской кухне. С одной стороны, когда мы говорим „китайская кухня”, всем кажется, что они понимают, о чем идет речь; однако никто не знает понастоящему, что это такое…» [Александр Раппопорт].

Другой пример, наоборот, демонстрирует процесс буквализации устойчивого выражения: Издательство «ВКН», Серия «Китайская грамота». Отрицательная коннотация выражения пропадает, поскольку речь идет о серии книг о китайском языке, соответственно, реализуется прямое значение слов в словосочетании.

Игра смыслов возникает при восприятии названия «Филькина Грамота – подарки и сувениры оптом и в розницу» (https://f-gramota.ru/): с одной стороны, учитывая отрицательные коннотации в значении фразеологизма, покупатель

может подумать о бесполезности или о низком качестве продаваемого, с другой стороны, фирма принадлежит Ширяеву Филиппу Владимировичу, и, соответственно, название может быть напрямую связано с именем директора, а использование известного фразеологизма в качестве названия решает задачи привлечения потребителей. Кроме того, среди сувениров в магазине есть и фальшивые деньги, и шуточные предметы, то есть можно говорить и о реализации исконного значения выражения – ‘документ, не имеющий юридической силы’.

Многие лингвисты, исследующие активные процессы в языке, отмечают появление окказиональных образований в устной речи. Подобного рода пример мы встретили в Интернете с глаголом, образованным от прилагательного *грамотный*: «*Министр сельского хозяйства Красноярского края Леонид Шорохов заявил о неграмотности россиян в вопросе грантов и в связи с этим призвал „ограмотнять” население»* [Российский министр призвал «ограмотнять» население]. Глаголы с корнем *грамот-* известны только в русских говорах. Окказиональное образование свидетельствует о словообразовательном потенциале основы *грамот-*.

Выводы

Таким образом, на современном этапе развития языка зафиксировано меньше бесприставочных производных слов с корнем *грамот-*, чем в древнерусском языке, однако жизнеспособность слов с рассматриваемым корнем доказывается изменением семантики некоторых лексем, известных в ранние периоды существования языка, образованием новых дериватов, свидетельствующих о востребованности древнего корня в современном русском языке, при этом само слово *грамота* и его производные активно включаются в процессы нейминга.

Библиографический список

1. Александр Раппопорт о своем новом ресторане «Китайская грамота». URL: https://www.buro247.ru/lifestyle/eda/restoran-nedeli-kitayskaya-gramota-aleksandra-rapp.html (дата обращения: 3.05.2022).

2. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии : монография. Москва : Флинта : Наука, 2009. 344 с.

3. Большой академический словарь русского языка: В 30 т. Т. 4 / под ред. К. С. Горбачевича. Санкт-Петербург : Изд-во «Наука», 2006. С. 375–377.

4. Вендина Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. Москва : Институт славяноведения РАН, 2007. 336 с.

5. Гак В. Г. Языковые преобразования. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

6. Гапонова Ж. К. Семантика слов с префиксоидом полу- в русском языке (историко-лексикологический аспект) // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2 (17). С. 91–96.

7. Гапонова Ж. К. Слова с корнем *правд-* в русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16). С. 78–85.

8. Грамота. URL: https://kartaslov.ru.

9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. Москва : Русский язык, 1978.

10. Дмитриева О. И. Диахрония, синхрония, динамика: проблема синхронно-диахронного исследования словообразовательных подсистем // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. №2 (16). С. 42–46. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/diahroniya-sinhroniya-dinamika-problema-sinhronno-diahronnogo-issledovaniya-slovoobrazovatelnyh-podsistem (дата обращения: 21.04.2022).

11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. Т. 1. Москва : Русский язык, 2000. 1209 с.

12. Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Часть 2: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка). Кн. 1: А-М / под общ. ред. Г. Н. Скляревской, Е. Ю. Ваулиной. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 449.

13. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-main.html.

14. Никитина О. В. Слово «грамота» и его история в русском языке // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2013. № 1 (77). Ч. 1. С. 147–155.

15. Российский министр призвал «ограмотнять» население. URL: https://lenta.ru/news/2022/02/10/gramotnost/ (дата обращения: 29.04.2022).

16. Словарь древнерусского языка : в 10 т. Т. 2 / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Москва : Рус. яз., 1989. 494 с.

17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г–Д) / сост. Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Г. П. Смолицкая. Москва : Наука, 1977. 403 с.

18. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 5 (Выпить – Грызть) / АН СССР ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Ленинград : Наука, Ленинград. отд-ние, 1989. 256 с.

19. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. 3: Г. Москва : Рус. яз., 1992. С. 307–309.

20. Сметанникова Н. Н. Грамотность, единственное или множественное число? (К вопросу о функциональной неграмотности) // Школьная библиотека. 2004. № 3. С. 40–46. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=77& (дата обращения: 29.04.2022).

21. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1 / под ред. Д.Н. Ушакова. Москва : «Терра», 1996.

22. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / И. Д. Фрумин, М. С. Добрякова, К. А. Баранников, И. М. Реморенко. Москва : НИУ ВШЭ, 2018. URL: https://ioe.hse.ru/data/2018/07/25/1152380855/%D0%A1%D0%90%D0%9E_2(19)_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F.pdf

23. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. 8-е изд. Москва : Русский язык-Медиа, 2007. 622 с.

24. Яцкевич Л. Г. «Словарь исторических корневых гнезд»: опыт составления // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. №3. С. 97–101. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/slovar-istoricheskih-kornevyh-gnezd-opyt-sostavleniya (дата обращения: 29.04.2022).

Reference list

1. Aleksandr Rappoport o svoem novom restorane «Kitajskaja gramota» = Alexander Rappoport about his new Chinese restaurant. URL: https://www.buro247.ru/lifestyle/eda/restoran-nedeli-kitayskaya-gramota-aleksandra-rapp.html (data obrashhenija: 3.05.2022).

2. Alefirenko N. F. «Zhivoe» slovo: problemy funkcional'noj leksikologii = «The Living» Word: problems of functional lexicology : monografija. Moskva : Flinta : Nauka, 2009. 344 s.

3. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka: V 30 t. T. 4 = Great Academic Dictionary of the Russian Language: In 30 vols. Vol. 4/ pod red. K. S. Gorbachevicha. Sankt-Peterburg : Izd-vo «Nauka», 2006. S. 375–377.

4. Vendina T. I. Iz kirillo-mefodievskogo nasledija v jazyke russkoj kul'tury = From Cyril and Methodius heritage in the language of Russian culture. Moskva : Institut slavjanovedenija RAN, 2007. 336 s.

5. Gak V. G. Jazykovye preobrazovanija = Language transformations. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1998. 768 s.

6. Gaponova Zh. K. Semantika slov s prefiksoidom polu- v russkom jazyke (istoriko-leksikologicheskij aspekt) = Semantics of words with the prefix semi- in Russian (historical and lexicological aspect) // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 2 (17). S. 91–96.

7. Gaponova Zh. K. Slova s kornem pravd- v russkom jazyke = Words with the root pravd- in Russian // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 1 (16). S. 78–85.

8. Gramota = Literacy. URL: https://kartaslov.ru.

9. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: T. 1 = The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: Vol. 1. Moskva : Russkij jazyk, 1978.

10. Dmitrieva O. I. Diahronija, sinhronija, dinamika: problema sinhronno-diahronnogo issledovanija slovoobrazovatel'nyh podsistem = Diachrony, synchrony, dynamics: the problem of synchronic and diachronic study of word-building subsystems // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. №2 (16). S. 42–46. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/diahroniya-sinhroniya-dinamika-problema-sinhronno-diahronnogo-issledovaniya-slovoobrazovatelnyh-podsistem (data obrashhenija: 21.04.2022).

11. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: V 2 t. T. 1 = The New Dictionary of the Russian Language: Explanatory and word-formation: In 2 vols. Vol. 1. Moskva : Russkij jazyk, 2000. 1209 s.

12. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «O gosudarstvennom jazyke Rossijskoj Federacii». Chast' 2: Normy sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka kak gosudarstvennogo (Kompleksnyj normativnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka). Kn. 1: A-M = Commentary to the Federal law "On the state language of the Russian Federation". Part 2: Norms of the modern Russian literary language as the state language (Comprehensive normative dictionary of the modern Russian language). Book 1: A-M. / pod obshh. red. G. N. Skljarevskoj, E. Ju. Vaulinoj. Sankt-Peterburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2012. S. 449.

13. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National corpus of the Russian language. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-main.html.

14. Nikitina O. V. Slovo «gramota» i ego istorija v russkom jazyke = The word «literacy» and its history in the Russian language // Vestnik ChGPU im. I. Ja. Jakovleva. 2013. № 1 (77). Ch. 1. S. 147–155.

15. Rossijskij ministr prizval «ogramotnjat'» naselenie = Russian minister called for «educating» the population. URL: https://lenta.ru/news/2022/02/10/gramotnost/ (data obrashhenija: 29.04.2022).

16. Slovar' drevnerusskogo jazyka : v 10 t. T. 2 = Dictionary of the Old Russian language : in 10 vol. Vol. 2 / In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova ; gl. red. R. I. Avanesov. Moskva : Rus. jaz., 1989. 494 c.

17. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. Vyp. 4 (G–D) = Dictionary of the Russian language XI-XVII centuries. Issue 4 (G-D) / sost. N. B. Bahilina, G. A. Bogatova, G. P. Smolickaja. Moskva : Nauka, 1977. 403 c.

18. Slovar' russkogo jazyka XVIII v. Vyp. 5 (Vypit' – Gryzt') = Dictionary of the Russian language XVIII century. Issue 5 (Vypit' – Gryzt') / AN SSSR ; In-t rus. jaz.

im. V. V. Vinogradova. Leningrad : Nauka, Leningrad. otd-nie, 1989. 256 c.

19. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 20 t. T. 3: G. = Dictionary of the modern Russian literary language: In 20 vols. Vol. 3: G. Moskva : Rus. jaz.,1992. S. 307–309.

20. Smetannikova N. N. Gramotnost', edinstvennoe ili mnozhestvennoe chislo? (K voprosu o funkcional'noj negramotnosti) = Literacy, singular or plural? (To the question of functional illiteracy) // Shkol'naja biblioteka. 2004. №3. S. 40–46. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=77& (data obrashhenija: 29.04.2022).

21. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. T. 1 = Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols. Vol.1 / pod red. D.N. Ushakova. Moskva : «Terra», 1996.

22. Universal'nye kompetentnosti i novaja gramotnost': chemu uchit' segodnja dlja uspeha zavtra. Predvaritel'nye vyvody mezhdunarodnogo doklada o tendencijah transformacii shkol'nogo obrazovanija = Universal competencies and new literacy: what to teach today to succeed tomorrow. Preliminary conclusions of an international report on trends in school education transformation / I. D. Frumin, M. S. Dobrjakova, K. A. Barannikov, I. M. Remorenko. Moskva : NIU VShJe, 2018. URL: https://ioe.hse.ru/data/2018/07/25/1152380855/%D0%A1%D0%90%D0%9E_2(19)_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F.pdf

23. Chernyh P. Ja. Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka = History and etymology dictionary of the modern Russian language : v 2 t. T. 1. 8-e izd. Moskva : Russkij jazyk-Media, 2007. 622 s.

24. Jackevich L. G. «Slovar' istoricheskih kornevyh gnezd»: opyt sostavlenija = «The Dictionary of historical root families»: compilation experience // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. №3. S. 97–101. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/slovar-istoricheskih-kornevyh-gnezd-opyt-sostavleniya (data obrashhenija: 29.04.2022).

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 23.03.2022; approved after reviewing 21.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-117-125
EDN: EAOGTA

Средства репрезентации концепта «дом» в современной подростковой литературе

Наталия Васильевна Аниськина
Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
nvaniskina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4642-1893

Аннотация. Статья посвящена универсальному лингвокультурному концепту «Дом», входящему в ядро языкового сознания русских и являющемуся организующим центром мира в русской культуре. Средства репрезентации этого концепта анализируются на примере двух произведений для подростков: романа Дины Сабитовой «Где нет зимы» и повести Ирины Мышковой «Мальчики не плачут». Цель статьи – выявить структурно-семантические особенности концепта *дом* в указанных произведениях на основе сопоставления с традиционной языковой картиной мира. Для проведения анализа использован лингвокогнитивный подход. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу основное наполнение концепта *дом* в романе Д. Сабитовой связано с обретением подростком себя, осознанием своего места (дома) в этом мире. Для репрезентации этого содержания в романе использованы многочисленные оппозиции: уют (душевный покой родного дома) – приют (видимость уюта), двери (новые возможности) – окна (защита от внешнего мира), близкие люди – одиночество, тепло – холод, старое – новое, любовь к дому – формальные родственные связи. Повесть «Мальчики не плачут» построена на иных оппозициях: коридор как место изменений – комнаты как место, где можно спрятаться от окружающих; подмышка отца – свалка в районе Подмышки; дом (семья) – благоустроенная квартира, где живут чужие друг другу люди; искренность – показное благополучие. Обе повести объединяет мысль о том, что путь к дому, к семье – это путь взросления, осознания своей ответственности перед близкими, и пройти этот путь должны все члены семьи.

Ключевые слова: концепт «дом»; стереотип; литература для подростков; язык художественной литературы; языковое сознание; языковая картина мира

Работа подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ на НИР «Механизм научно-методического сопровождения педагогов по вопросам формирования функциональной грамотности школьников: трансфер образовательных технологий» (073-00109-22-02)

Для цитирования: Аниськина Н. В. Средства репрезентации концепта «дом» в современной подростковой литературе // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 117–125. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-117-125. https://elibrary.ru/EAOGTA

Original article

The means of representing the concept «home» in modern teenage literature

Natalia V. Aniskina
Candidate of philological sciences, associate professor, the department of journalism and media communication, Yaroslavl state pedagogical university. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
nvaniskina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4642-1893

Abstract. The article focuses on the universal linguocultural concept «home», which is at the core of the Russian linguistic consciousness and is the organizing center of the world in Russian culture. The author analyzes the means of representing this concept in two works for teenagers: Dina Sabitova's novel Where There Is No Winter and Irina Myshkova's story Boys Don't Cry. The article aims to identify the structural and semantic features of the concept «home» in these works through their comparison with the traditional linguistic picture of the world. The analysis is based on the linguistic cognitive approach. The author concludes that the main meaning of the concept «home» in D. Sabitova's novel is associated with the teenager's discovery of his identity, finding his place (home) in this world. To represent this content, the novel uses numerous oppositions: comfort (peace of mind at home) – shelter (the appearance

© Аниськина Н. В., 2022

of comfort), doors (new opportunities) – windows (protection from the outside world), close people – solitude, warmth – cold, old – new, love of home – formal family ties. The story Boys Don't Cry is built on different oppositions: corridor as a place of change – rooms as a place to hide from others; father's armpit – a landfill near Podmyshka; home (family) – comfortable apartment where strangers live; sincerity – pretentious well-being. Both stories are united by the idea that the way to your home and family is the way of growing up, realizing your responsibility to your close people, and that all members of the family must go this way.

Key words: the concept «home»; stereotype; literature for teenagers; the language of fiction; linguistic consciousness; linguistic picture of the world

The work was prepared within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation for the research work «Mechanism of scientific and methodological support for teachers on the formation of functional literacy of schoolchildren: transfer of educational technologies» (073-00109-22-02)

For citation: Aniskina N. V. The means of representing the concept «home» in modern teenage literature. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):117–125. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-117-125. https://elibrary.ru/EAOGTA

Введение

Концепт *дом* относится к числу ключевых культурных констант и играет важнейшую роль в формировании ценностной картины миры человека. Обращение к этому концепту в данной статье обусловлено несколькими причинами. Во-первых, для когнитивной лингвистики особое значение, по мнению исследователей, имеют именно концепты, отражающие восприятие повседневной жизни [Anderson, 2014, с. 34], в том числе и концепт *дом*. Во-вторых, современная подростковая литература, на материале которой проводилось исследование, стремится отразить прежде всего проблемы и «болевые точки», которые наиболее значимы для тех, кого в аннотациях к книгам принято называть «сред. и ст. шк. возрастом».

Материалом для анализа стали роман Дины Сабитовой «Где нет зимы» (2011) и повесть Ирины Мышковой «Мальчики не плачут» (2021). Цель статьи – проанализировать средства репрезентации концепта *дом* в этих произведениях и выявить его структурно-семантические особенности по сравнению с концептом *дом* в традиционной языковой картине мира.

Теоретические основания исследования

В когнитивной лингвистике под концептом традиционно понимается «вербализованный культурный смысл», «условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Антология, 2005, с. 11, 13]. Важной характеристикой концепта является его ценность: «центром концепта всегда является ценность» [Антология, 2005, с. 14]. Несмотря на то что существует несколько десятков определений понятия «концепт», наиболее востребованным в лингвокогнитивных исследованиях является определение, предложенное представителями воронежской школы З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, которые понимают концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Стернин, Попова, 2007, с. 553].

Концепт *дом* часто становится предметом исследования: его исследуют на материале фразеологии и паремий [Тимощенко, 2007], рекламных текстов [Аниськина, 2016], результатов ассоциативных экспериментов [Зимина, Байкова, 2021] и художественных произведений [Демченко, 2019; Валеева, 2019; Клюшенкова, 2017; Матвеева, 2021]. Нередко проводят сопоставительное изучение концепта *дом* в языковом сознании представителей различных лингвокультур [Базылова, 2009; Бобровник, 2018; Зимина, 2021]. Однако работ, посвященных репрезентации этого концепта в подростковой литературе, крайне мало [Вахитов, 2021], хотя сами книги для детей и юношества уже давно стали предметом пристального внимания ученых. В частности, анализу подвергаются актуальные читательские практики и издательские стратегии, формирующиеся под влиянием медиасреды [Никкарева, 2017; Ухова, 2017а; Ухова, 2017б]; способы создания исторической эпохи в детской литературе [Гапонова, 2021; Никкарева, 2020]; ценностные ориентиры в книгах для детей и подростков [Аниськина, 2017; Гапонова, Никкарева, 2020].

Необходимость изучения концепта *дом* в подростковой литературе обусловлена его значимо-

стью для становления личности. Именно с домом и семьей связаны не только светлые воспоминания любого человека, но и первые обиды, разочарования, потери.

Концепт *дом*, в отличие от понятия *дом*, «охватывает не только ряд обобщенных существенных признаков данного предмета действительности, но и чувственно-наглядные образы, мыслительные картинки, абстрактные сущности, индивидуальные, ментальные представления о нем, а слова и лексемы способствуют представлению исследуемого концепта в языке» [Базылова, 2009, с. 214].

Содержание концепта *дом* в традиционной языковой картине мира носителей русского языка, описанное на основе анализа фразеологических единиц и паремий, включает следующие концептуальные признаки: 1) дом – пространство, населенное людьми (ограниченное, но свободное); 2) дом – личное пространство (закрытое, сокровенное, дающее силы); 3) дом – защищенное, укромное пространство (уютное); 4) дом – обжитое пространство (родное, близкое); 5) дом – существо (живое, изменчивое); 6) дом – духовное пространство (семейный очаг, средоточие традиций)» [Тимощенко, 2007, с. 276–277]. Очевидно, что все эти компоненты выражают положительную оценку.

Сопоставительные исследования концепта *дом* в разных лингвокультурах позволяют выделить несколько иные ключевые компоненты (микрополя): 1) дом как жилое строение, место проживания; 2) дом как семья; 3) дом как средоточие чувств; 4) дом как убежище; 5) дом как окружающая среда [Зимина, 2021, с. 92]. Однако и в этом случае можно говорить о преобладании компонентов с выраженной позитивной оценкой.

В то же время исследователи нередко подчеркивают двойственность, характерную для этого концепта: дом нередко осознается через противопоставление материального и духовного, своего и чужого, мужского и женского и т. д. [Бобровник, 2018, с. 587].

Рассмотрим, какие новыми компонентами обогащают содержание концепта *дом* книги для подростков.

Методы исследования

В когнитивной лингвистике обосновано изучение концепта через метафоры, репрезентирующие его [The Contemporary Theory…], и ассоциативные ряды, поскольку такой подход позволяет выявить более глубинные смыслы и связи в структуре концепта [Barsalou, 1992, с. 155]. В данной статье использован лингвокогнитивный подход: анализ осуществляется на основе 1) выделения языковых единиц (лексем, образов, метафор, синонимических рядов, высказываний и т. д.), репрезентирующих исследуемый концепт; 2) выявления структуры концепта, в том числе семантических оппозиций, определяющих смысловые отношения между компонентами концепта.

Результаты исследования

Выбранные для анализа произведения написаны с разницей в 10 лет, однако оба стали событием в детско-юношеской литературе: роман Д. Сабитовой (2011) уже успели поставить на сцене нескольких театров, несколько раз переиздали, а дебютная повесть И. Мышковой (2021) вошла в шорт-лист литературного конкурса «Книгуру».

Жанр произведения Дины Сабитовой критики нередко определяют, используя оксюморон «реалистичная сказка». Сталкивание противоположностей, эффект обманутых ожиданий, ломка стереотипов становятся важными характеристиками не только стилистики романа, но и структуры исследуемого концепта.

В начале романа дети, Павел и Гуля (главные герои), относятся к дому так, как и положено относиться в их возрасте ко всему старому:

В нашем доме всегда так, ведь он очень старый, ему уже сто лет. Развалюха, если честно. У нас даже газ не проведен, мы печку топим дровами [Цит. по: Сабитова, 2018].

В их отношении есть и теплота, и определенное высокомерие, но Павел осознает связь поколений: дом объединяет три поколения семьи, точнее пока три поколения, потому что мальчик знает только о них:

Я тут живу всю жизнь, мама тут жила всю жизнь и бабушка тоже.

Дом, в котором живут герои, действительно, необычный. Исследователи концепта *дом* в русской языковой картине мира говорят о значимости таких его элементов, как крыша/ потолок (ср.: *крыша дома*) и стены (*как за каменной стеной*). Но в доме из книги Сабитовой гораздо важнее двери и пол. Дверей здесь очень много. И первая, о которой мы узнаем, находится … в шкафу. Дело в том, что, как и положено старому дому, в нем есть шкаф. Тот самый «многоуважаемый», существование которого «вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости»:

У нас в проходной комнате стоит старый шкаф с секретером. Дверца секретера откидывается, превращается в столик, и становится виден встроенный шкафчик для бумаг и книг. А дальняя стенка этого шкафчика – зеркало. Чтобы взрослому заглянуть в него, надо или наклониться, или сесть за откидной столик. А когда я, маленький, подходил и заглядывал туда – сразу видел свое отражение.

И мне всегда казалось, что там просто отверстие в другой мир. В котором живет другой Паша, в котором стоит очень похожая на нашу, но другая мебель. Я знал: чтобы туда попасть, надо залезть в секретер и закрыть за собой дверцу. Если постараться и закрыть дверцу поплотнее, чтобы не проникал ни один луч света, то в полной темноте можно незаметно провалиться сквозь зеркало в тот мир.

Читатель уже может решить, что его ждет очередное путешествие в Нарнию или Зазеркалье, но герой так и не воспользовался этой дверью в другой мир, хотя реальный ему и не очень нравился: сначала не решался, а потом вырос и перестал помещаться в секретере.

Но это не единственная дверь из старого дома, еще одной «дверью», точнее окном, в другой мир, становится для Павла чистый холст:

Когда я вырос, то однажды поймал себя на мысли, что теперь окном в другой мир мне кажется готовый к работе холст.

И это «окно» на самом деле открывает проход не просто в другой мир – это ход к матери, пусть герой пока и не осознает этого, а мать Павла, художница, так и не успеет узнать, что сын тайком от нее рисует и прячет рисунки на чердаке, думая о том, что когда-нибудь снимет их оттуда. И надо сказать, в один из сложных моментов жизни Павла именно эти рисунки помогут ему найти выход (снова возникает тема дверей) из сложной ситуации.

Несмотря на то что дети не воспользовались дверью в Зазеркалье, сказка окружает их постоянно: кукла Лялька, которую бабушка сшила для Гули, умеет разговаривать. И все положительные герои в книге так или иначе вступают с ней в диалог. Лялька – своего рода лакмусовая бумажка, позволяющая увидеть истинную сущность человека, но полноценно с ней общаются только два человека: сначала бабушка Шура, а потом Гуля. У Павла есть свой «собеседник» – Аристарх Модестович, домовой, в темно-синем сюртуке, с профессорской бородкой. Он не часто появляется в книге осязаемо, но регулярно помогает Паше: подкладывает подсказки, нужные вещи и даже спасает жизнь Гули, покинув ради этого (впервые за сто лет!) свой дом и отправившись в большой мир, чтобы позвать помощь. Именно домовой рассказывает Паше историю дома, историю семьи. Кроме того, именно он придает этому дому уют, то есть добавляет ему то, что в соответствии с традиционной языковой картиной мира и делает дом домом. До прихода домового первой хозяйке это никак не удавалось:

Дом, говорит, хороший, а жена молодая жалуется, что уюта нет. Мол, и занавесочки повесила в розовых цветочках, и кушетку в гостиной поставила, а все не то.

Как и двери, окна тоже подчеркивают границы «своего» пространства, отделяют его от внешнего мира, однако если двери изображаются как источник возможностей, то окна репрезентуют идею защиты: оппозиция ‘опасность – защищенность’ коррелирует с оппозицией ‘холод – тепло’. Холод, зима – это не только время года, они приходят, когда уходят близкие. В частности, на похоронах бабушки именно холод заставляет Павла осознать потерю:

Я закрываю глаза, и на меня надвигается что-то очень ***холодное****, мне кажется, что с той стороны дует тонкий ледяной ветер – зимой так* ***дует от окон****. У бабушки не может быть* ***такого холодного*** *лба.*

Исчезновение мамы герои тоже осознают через призму этой оппозиции:

А вдруг маму придется долго-долго искать, ***до зимы****, например, да?*

Уход близких воспринимается Павлом как проникновение холода в дом, при этом мальчик понимает, что холоду надо сопротивляться, ведь он способен погубить и сам дом:

И ведь впереди зима. Если зимой дом не топить, ***ему плохо будет****, он у нас и так старый уже.*

Еще одна пространственная характеристика дома – потолок – появится в книге только после того, как дети попадут в приют:

Я просыпаюсь каждое утро и думаю, что сейчас открою глаза и увижу наш темный дощатый потолок … Но потолок надо мной белый. Мы с Гуль живем в приюте. … Приют. Идиотская ситуация. Мы не нуждаемся в том, чтоб нас кто-то приютил. У нас есть свой дом.

Так происходит переосмысление ценности старого дома: на смену снисходительно-пренебрежительному отношению приходит тоска по дому и понимание того, насколько он дорог

героям. Противопоставление «темный дощатый потолок» родного дома – белый, безликий потолок детского дома актуализирует еще одну важную оппозицию в структуре концепта дом: ‘уют – приют’.

Возвращение домой становится главной мечтой Паши и Гули. Ни стены, ни окна, ни потолок Центра временного содержания не способны детям дать ощущения защищенности, которое давал им их дом. Здесь они чужие, несмотря на то что в Центре, казалось бы, сделано все, чтобы воспитанникам было уютно:

Этот ЦВС, он – как тюрьма. Нет, конечно, тут решеток нет и стены расписаны весело: винни-пухами, смешариками, Лукоморьем…

Больше всего на свете я хочу жить дома. Моя главная цель в жизни – вернуться домой.

И именно в этот момент читатель получает возможность взглянуть на дом глазами объективного посетителя – дальней родственницы, приехавшей в поисках возможной «добычи», но разочарованной состоянием дома:

Слава богу, своими глазами посмотрела. Развалюха, не приведи господи. Полы ходуном ходят, из окон дует. Нашли тоже дуру: воду на горбу таскать, печку топить… Я-то думала – правда дом, а тут без удобств, без ничего.

Таким образом, становится очевидно, что дом для Паши и Гули – это не столько жилище, здание, сколько близкое существо, семья. Неустроенность, плачевное состояние давно не ремонтированной постройки компенсируются в сознании Павла ощущением связи старого дома с ушедшими близкими и теми чувствами и эмоциями, которые мальчику дарит родной дом: душевный покой и надежда на создание новой семьи. Когда Гуля тяжело заболевает, Павел обращается за помощью к дому, и тот не подводит: мальчик обнаруживает новые двери для проникновения в дом и укрывается в нем от преследователей:

Дом за спиной тихо ***прислушивался*** *ко мне. Ему явно не хотелось, чтоб я бил окна.*

Подобно тому как в начале романа духовные качества героя можно было однозначно понять по его отношению к тряпичной кукле Ляльке, так теперь по отношению к старому дому Павел находит тех, кто может стать для него и Гули новой семьей. И таким по-настоящему близким для дома и ребят человеком оказываются не родные отцы героев и не их дальняя родственница, а совершенно чужая женщина, мать-одиночка, решившаяся не только усыновить брата и сестру, но и взять на себя ответственность за старый дом. Ее не пугают бытовые трудности, и она решается на переезд из только что отремонтированной квартиры в дом, в котором нет ни центрального отопления, ни канализации.

Возникающие оппозиции ‘благоустроенная современная квартира – старый разваливающийся дом’, ‘родные по крови люди, оказавшиеся духовно чуждыми, – родные по духу люди’, ‘физический комфорт – духовный комфорт, домашний уют’ актуализируют новые компоненты в структуре концепта *дом*: дом – место душевного покоя, защита от одиночества.

Возрождение дома показано через обращение к оппозиции ‘холод – тепло’, а также через описание звуков и запахов, которые возвращаются в дом, подчеркивая, что он снова ожил:

Дом, пока нас не было, как-то отсырел, в нем стало пахнуть мышами и пустотой. Только я еще видел, что в доме все по-прежнему, все на местах. Так что я первым делом притащил дрова и начал топить – чтобы стало сухо и тепло;

В нашем доме на чердаке лежат связки журналов чуть ли не за пятьдесят лет. В нашем доме пахнет масляной краской в комнате мамы, черносливом и медом в комнате бабушки, леденцами в комнате Гули, сушеным укропом на кухне, а когда топишь печи, пахнет дымком и осенними листьями. В нашем доме скрипят половицы, особенно в коридоре и бабушкиной комнате, и все время что-то шуршит: то ли это мыши шныряют, то ли старое дерево вздыхает, то ли Аристарх Модестович свои таинственные дела делает…

Символом тепла становятся и оранжевые занавески на окнах обновленного дома:

На одном окне – уже висит новая штора – цвета густого прозрачного меда и апельсиновых корок, цвета старого кирпича и огня в печи.

Важно, что именно такие занавески выбрала в свое время и первая хозяйка этого дома, пытаясь создать атмосферу уюта. Этот пример не только воплощает идею цикличности времени, но и подчеркивает значимость сохранения традиций для дома и семьи. Финал текста – заблудившийся герой выбирается из снежного плена и возвращается домой – актуализирует связь дома и дороги: инициация героя завершена, он повзрослел, и символом этого взросления становится обретенная дорога к дому.

Таким образом, основное наполнение концепта *дом* в романе Д.Сабитовой связано с обретением подростком себя, осознанием своего места (дома) в этом мире. Для репрезентации этого со-

держания в романе использованы многочисленные оппозиции: уют (душевный покой родного дома) – приют (видимость уюта), двери (новые возможности) – окна (защита от внешнего мира), близкие люди – одиночество, тепло – холод, старое – новое, любовь к дому – формальные родственные связи.

Совсем иначе раскрывается концепт *дом* в повести Ирины Мышковой «Мальчики не плачут». Координаты дома здесь изначально гораздо шире, чем в романе Д.Сабитовой: это не только собственно дом, точнее квартира, где живет главный герой, но и весь его родной район. В отличие от Павла Леша и сам не может сказать, как он относится к этому месту:

Я живу в Подмышке. Это район такой, на окраине города. Знаю, знаю, дурацкое название. Но ведь не я его придумал. И жить тут, уж конечно, тоже не я решил. Где родился, там и живу. Хотя вот спроси меня: в каком районе хотел бы жить? Да фиг знает. Ни в каком. Ну или в Подмышке, привык уже.

Использование стилистически сниженной лексики – не только способ создания речевого портрета главного героя, но и выражение ключевой идеи концепта *дом* в повести И. Мышковой – несовпадение внешнего и внутреннего содержания, все оказывается обманчивым, ненастоящим: доскональное знание окрестностей дома дарит герою не чувство защищенности, а тоску от постоянного лицезрения одних и тех же объектов, ему все здесь надоело. Дворец творчества, где мальчик занимается в разных кружках и студиях, оказывается дворцом только по названию:

На дворец он, конечно, мало похож. Может, он раньше настоящим дворцом был, а потом с него все украшения сняли, краску отколупали и вазы на колоннах побили? <…> Теперь ничего нет. Даже травы. Земля по бокам от дорожки – как пюре с комками в школьной столовой, и мусора полно.

Такими же неуютными являются и школа, и родной дом мальчика. Но герой не стремится что-то изменить, он пассивно соглашается с решениями родителей и бабушки, его все устраивает, он ко всему привык и продолжает ходить в школу, которая находится через дорогу от дома. Таким образом, уже в самом начале повести устанавливается связь концептов *дом* и *дорога*.

Образ дома создается, как и в романе «Где нет зимы», на основе оппозиции ‘холод – тепло’, но в повести И. Мышковой холод – это характеристика дома, а не внешней среды:

Так мне вдруг холодно стало – до костей пробрало. И не потому, что мокрый насквозь, а на улице мороз. А просто представил, что меня дома ждет. Аж руки затряслись.

Дом для Леши – место, куда не хочется идти, причем настолько сильно не хочется, что он нередко думает:

Вот если бы что-нибудь случилось срочно, что меня по-настоящему бы убило. И домой не надо было бы идти!

Дом Леши наполнен громкими и неприятными звуками: криками, оскорблениями, руганью и ссорами.

Двери дома – источник опасности: из-за двери подъезда неожиданно появляется мама мальчика в тот момент, когда он еще не успел придумать, как объяснить свое опоздание, открытые двери в комнату мальчика – отражение тотального родительского контроля и отказа ему в праве на личное пространство, и, напротив, двери в его комнату закрывают в тот момент, когда ему очень нужна поддержка близких, словно подчеркивая его одиночество, отрезанность от остальных членов семьи:

И дверью – хлобысть! От этого удара слезы моментально закончились. Как будто мама дверь не в комнату, а в меня захлопнула.

Из всех пространственных координат дома единственно приятным местом для мальчика является папина подмышка, но он лишь однажды смог там оказаться:

До сих пор помню. Папа на диване лежал, я рядом с ним. Он меня обнял одной рукой, и я весь у него под мышкой поместился. Пахло от него неприятно. Кислятиной какой-то. Но я просто старался в другую сторону дышать и не уходил. Потому что когда еще можно у папы в подмышке полежать, чтобы он не орал. И чтобы никто вообще не орал.

После очередного скандала из-за того, что Лешу впервые позвали играть в снежки и он вернулся из школы позднее обычного, мальчик решает уйти из дома, вернее не возвращаться туда: герой слишком пассивен, чтобы выражать явное неповиновение, его уход – это не подростковый бунт, а попытка спрятаться от всех и отодвинуть момент наказания.

В результате герой оказывается на свалке, и читатель обнаруживает значительное сходство этого места с той самой папиной подмышкой, о которой так мечтал Леша: здесь тоже тихо, нет никаких звуков, тоже пахнет чем-то кислым (*Не воняет особо, так, попахивает неприятно*), но

на первый взгляд это сходство видимое: рядом с папой мальчик был спокоен и счастлив, он был в безопасности, а в яме на свалке он может погибнуть. Однако дальнейшее развитие событий показывает, что именно эта ситуация заставила всех взрослых членов семьи пересмотреть свои отношения и друг с другом, и с самим Лешей. Родные наконец осознали, как сильно они любят мальчика, не за оценки в школе, не за экзамен в музыкалке, а просто за то, что он есть. Символом происходящих изменений становится длинный коридор в квартире: герои по очереди проходят путь от входной двери до кухни, и этот путь является путем от одиночества и отстраненности к семье и душевному покою. В этом случае кухня отражает традиционные для нашей культуры представления о домашнем очаге, объединяющем всех членов семьи. Изменения происходят далеко не сразу: поначалу герои пытаются удержаться в рамках своего обычного поведения:

Из коридора послышался хруст подминаемых тапочек и приближающееся ворчание. Оно нарастало, нарастало, как звук подходящего поезда, и наконец ворвалось на кухню целым градом упреков.

Квартира наполняется грохотом падающих предметов: рушится на пол вешалка, с грохотом падает табуретка, разбивается чашка, «звонко ударив о паркет маленьким колокольчиком». Материальный мир квартиры рушится, подчеркивая духовную разруху, царящую в ней.

И в тот момент, когда кажется, что дом уже не спасти, герои находят свои «двери», ведущие к тому, что по-настоящему важно: мама «ныряет» в воспоминания через фотографию маленького сына:

А Таня внезапно погналась за белым кроликом. Кролик был самым настоящим. То есть не фантазией, а рамочкой для фотографии. Беленький такой, с розовым носиком, он держал в лапках воздушный шарик, а внутри шарика за стеклом годовалый Лешка сидел в коляске и обнимал пластикового Карлсона. Таня смотрела, смотрела на этого кролика, да и провалилась в нору, точно Алиса, перестав видеть и слышать все, что происходило на кухне.

Отец мальчика тоже проваливается в прошлое и вспоминает о «единственной передышке в злости» – о той ситуации, когда сын лежал у него под мышкой и они вместе смотрели кино, однако это счастье было очень недолгим и больше никогда не повторилось:

Облачко повисело-повисело, зацепившись за хрустальные капельки на люстре, да и растаяло без остатка в районе окна.

Окно не удержало облачко счастья, а позволило ему исчезнуть, подчинившись царящим в квартире злости и равнодушию к близким. И только отлупив сына ремнем, отец впервые испугался по-настоящему:

<…> Олег увидел себя в коридоре с ремнем в руках перед дрожащим плачущим сыном. И тут вдруг эти слезы р-р-р-раз – расколдовали его!

Отец осознал свою ответственность за семью, за жену и сына, но изменить что-либо не успел, отложив по привычке все на потом. Неслучайно это ключевое событие происходит в коридоре: герой делает первый шаг на пути к изменению.

В финале повести нет изображения счастливой семьи, есть лишь надежда, что герои смогут пройти свой путь к дому и обрести наконец счастье. И такой финал подчеркивает: путь к дому, к семье – это путь взросления, осознания своей ответственности перед близкими, и пройти этот путь должны все члены семьи. Только тогда квартира станет домом.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в произведениях для подростков традиционное наполнение концепта *дом* дополняется новыми смыслами: дом – это не что-то застывшее, единожды созданное и вечно существующее, его надо создавать, хранить, но, что особенно важно, его нужно обрести, найти свой путь к дому. Для репрезентации этого содержания концепт *дом* обогащается новыми оппозициями, не свойственными традиционной картине мира: истинное, искреннее – ложное, показное; внешнее – внутреннее. Инициация подростка проходит через осознание своего дома, но инициацию должны пройти и родители: им тоже необходимо измениться, чтобы сохранить дом и семью.

Библиографический список

1. Аниськина Н. В. Лексическая экспликация концепта «красота» в современной рекламе // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 2. С. 87–92.

2. Аниськина Н. В. Языковые средства выражения оппозиции «свой – чужой» в современной литературе для подростков // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2017. С. 3–8.

3. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.

4. Базылова Л. А. Лексема «дом» и ее дериваты как репрезентанты концепта «Дом» в русском и немецком языках // Вестник Тамбовского университе-

та. Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 11(79). С. 214–218.

5. Бобровник Л. А. Концепт «дом» в языковом сознании представителей различных лингвокультур // Вестник современных исследований. 2018. № 6.1 (21). С. 586–588.

6. Валеева Д. Р. Языковые реализации концепта «дом» в произведениях Л. Улицкой // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 1. С. 50–57.

7. Вахитов И. Р. Концепт «дом» в романе М. Петросян «Дом, в котором…» как индивидуально-авторский способ категоризации мира// Цифровая наука. 2021. № 5. С. 30–44.

8. Гапонова Ж. К. Репрезентация образа «девяностых» в современной подростковой прозе // Филология и культура. 2021. № 3 (65). С. 76–83.

9. Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В. «Прививка» от беспамятства: репрезентация образа бабушки в литературе для детей и подростков // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют…»: семейный дискурс русской и мировой литературы. Ярославль, 2020. С. 58–69.

10. Демченко Л. Н. Концепт «дом» в художественном произведении и особенности его интерпретации // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 52-3. С. 73–76.

11. Зимина М. В., Байкова А. С. Специфика ассоциативной составляющей концептов «home» и «дом» (на материале английского и русского языков) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2021. №2. С. 90–95.

12. Клюшенкова Т. А. Концепт «дом» в рассказах Эрнеста Хемингуэя и Юрия Казакова: к постановке проблемы // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 24–35.

13. Матвеева Н. Е. Текстовая реализация концепта «дом» на примере текстов художественных произведений В. Распутина и В. Астафьева // Актуальные проблемы филологии. 2021. № 22. С. 360–367.

14. Мышковая И. Мальчики не плачут. Москва : Пять четвертей, 2021. 160 с.

15. Никкарева Е. В. Интернет-жанры в повествовательной организации современной российской прозы для подростков // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации. Сборник научных трудов. В 2-х томах / под общей редакцией Н. В. Аниськиной, Л. В. Уховой. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2017. С. 77–84.

16. Никкарева Е. В. Репрезентация традиции «деревенской прозы» в современной литературе для детей (на материале повести Т. Михеевой «Лёгкие горы») // Творчество Фёдора Абрамова в контексте эпохи. Материалы Международной научной конференции «Братья и сёстры в русском доме: творчество Фёдора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX–XXI веков». Составитель, ответственный редактор Е. Ш. Галимова. Москва, 2020. С. 240–250.

17. Пономарева М. Г. Образы добродетельных и незадачливых родителей в русской литературе XVIII века // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют…»: семейный дискурс русской и мировой литературы. Ярославль, 2020. С. 70–79.

18. Сабитова Д. Где нет зимы. Москва : Самокат, 2018. 240 с.

19. Стернин И. А., Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. Москва : «АСТ: «Восток-Запад»», 2007. 226 с.

20. Тимощенко С. А. Дом // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 6. Волгоград : Парадигма, 2007. С. 269–289.

21. Ухова Л. В. Детская книга в эпоху конвергенции СМИ // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2017а. С. 156–161.

22. Ухова Л. В. Издание литературы для подростков как коммерческий проекта// Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2017б. С. 71–74.

23. Anderson, N. H. A Functional Theory of Cognition. Reprint. NY : Psychology Press, 2014. 512 p.

24. Barsalou L.W. Cognitive psychology: An overview for cognitive scientists. Hillsdale, NJ etc.: Lawrence Erlbaum, 1992.

25. The Contemporary Theory of Metaphor. URL: https://terpconnect.umd.edu/~israel/lakoff-ConTheorMetaphor.pdf (дата обращения: 23.11.2021).

Reference list

1. Anis'kina N. V. Leksicheskaja jeksplikacija koncepta «krasota» v sovremennoj reklame = Lexical explication of the concept «beauty» in modern advertising // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 2. S. 87–92.

2. Anis'kina N. V. Jazykovye sredstva vyrazhenija oppozicii «svoj – chuzhoj» v sovremennoj literature dlja podrostkov = Linguistic means of expressing the opposition « friend – foe» in modern teenage literature // Kul'tura. Literatura. Jazyk: materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavl': Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D. Ushinskogo, 2017. S. 3–8.

3. Antologija konceptov = Anthology of concepts / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. T. 1. Volgograd: Paradigma, 2005. 352 c.

4. Bazylova L. A. Leksema «dom» i ee derivaty kak reprezentanty koncepta «Dom» v russkom i nemeckom jazykah = The lexeme «home» and its derivatives as representatives of the concept «Home» in Russian and German // Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Tambov, 2009. Vyp. 11(79). S. 214–218.

5. Bobrovnik L. A. Koncept «dom» v jazykovom soznanii predstavitelej razlichnyh lingvokul'tur = The concept «home» in the linguistic consciousness of different linguistic cultures // Vestnik sovremennyh issledovanij. 2018. № 6.1 (21). S. 586–588.

6. Valeeva D. R. Jazykovye realizacii koncepta «dom» v proizvedenijah L. Ulickoj = Linguistic realization of the concept «home» in Ulitskaya's works // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2019. № 1. S. 50–57.

7. Vahitov I. R. Koncept «dom» v romane M. Petrosjan «Dom, v kotorom…» kak individual'no-avtorskij sposob kategorizacii mira = The concept «home» in M. Petrosyan's novel The House in Which... as an individual author's way of categorizing the world // Cifrovaja nauka. 2021. № 5. S. 30–44.

8. Gaponova Zh. K. Reprezentacija obraza «devjanostyh» v sovremennoj podrostkovoj proze = Representing the image of «the nineties» in modern teenage prose // Filologija i kul'tura. 2021. № 3 (65). S. 76–83.

9. Gaponova Zh. K., Nikkareva E. V. «Privivka» ot bespamjatstva: reprezentacija obraza babushki v literature dlja detej i podrostkov = «The vaccine» for forgetfulness: representing the image of a grandmother in books for children and teenagers // «Nezhdannyj, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnyj i ujut…»: semejnyj diskurs russkoj i mirovoj literatury. Jaroslavl', 2020. S. 58–69.

10. Demchenko L. N. Koncept «dom» v hudozhestvennom proizvedenii i osobennosti ego interpretacii The concept «home» in a literary work and specifics of its interpretation // Tendencii razvitija nauki i obrazovanija. 2019. № 52-3. S. 73–76.

11. Zimina M. V., Bajkova A. S. Specifika associativnoj sostavljajushhej konceptov «home» i «dom» (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov) = Specifics of the associative component in the concepts «home» and «dom» in the English and Russian langages // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek v sovremennom mire. 2021. №2. S. 90–95.

12. Kljushenkova T. A. Koncept «dom» v rasskazah Jernesta Hemingujeja i Jurija Kazakova: k postanovke problemy = The concept «home» in the stories by Ernest Hemingway and Yury Kazakov: formulating the problem // Imagologija i komparativistika. 2017. № 8. S. 24–35.

13. Matveeva N. E. Tekstovaja realizacija koncepta «dom» na primere tekstov hudozhestvennyh proizvedenij V. Rasputina i V. Astaf'eva = Textual realization of the concept «home» in the texts of Rasputin and V. Astafyev's works // Aktual'nye problemy filologii. 2021. № 22. S. 360–367.

14. Myshkovaja I. Mal'chiki ne plachut. = Boys do not cry. Moskva : Pjat' chetvertej, 2021. 160 s.

15. Nikkareva E. V. Internet-zhanry v povestvovatel'noj organizacii sovremennoj rossijskoj prozy dlja podrostkov = Internet genres in the narrative structure of contemporary Russian prose for teenagers // Chelovek v informacionnom prostranstve: ponimanie v kommunikacii. Sbornik nauchnyh trudov. V 2-h tomah / pod obshhej redakciej N. V. Anis'kinoj, L. V. Uhovoj. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2017. S. 77–84.

16. Nikkareva E. V. Reprezentacija tradicii «derevenskoj prozy» v sovremennoj literature dlja detej (na materiale povesti T. Miheevoj «Ljogkie gory») = Presenting the tradition of the « village prose» in modern literature for children (based on T. Mikheeva's story «Easy Mountains») // Tvorchestvo Fjodora Abramova v kontekste jepohi. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Brat'ja i sjostry v russkom dome: tvorchestvo Fjodora Abramova v kontekste literaturnoj i obshhestvennoj zhizni HH–HHI vekov». Sostavitel', otvetstvennyj redaktor E. Sh. Galimova. Moskva, 2020. S. 240–250.

17. Ponomareva M. G. Obrazy dobrodetel'nyh i nezadachlivyh roditelej v russkoj literature XVIII veka = Images of virtuous and hapless parents in XVIII century Russian literature // «Nezhdannyj, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnyj i ujut…»: semejnyj diskurs russkoj i mirovoj literatury. Jaroslavl', 2020. S. 70–79.

18. Sabitova D. Gde net zimy.= Where there is no winter. Moskva : Samokat, 2018. 240 s.

19. Sternin I. A., Popova Z. D. Kognitivnaja lingvistika = Cognitive linguistics. Moskva : «AST: «Vostok-Zapad»», 2007. 226 s.

20. Timoshhenko S. A. Dom = Home // Antologija konceptov / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. T. 6. Volgograd : Paradigma, 2007. S. 269–289.

21. Uhova L. V. Detskaja kniga v jepohu konvergencii SMI = Children's books at the time of media convergence // Kul'tura. Literatura. Jazyk: materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D. Ushinskogo. Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2017a. S. 156–161.

22. Uhova L. V. Izdanie literatury dlja podrostkov kak kommercheskij proekta = Publishing teenage literature as a commercial project // Brending kak kommunikativnaja tehnologija XXI veka: materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva, 2017b. S. 71–74.

23. Anderson N. H. A Functional Theory of Cognition. Reprint. NY : Psychology Press, 2014. 512 p.

24. Barsalou L.W. Cognitive psychology: An overview for cognitive scientists. Hillsdale, NJ etc.: Lawrence Erlbaum, 1992.

25. The Contemporary Theory of Metaphor. URL: https://terpconnect.umd.edu/~israel/lakoff-ConTheorMetaphor.pdf (data obrashhenija: 23.11.2021).

Статья поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 13.03.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья
УДК 81’316.772.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-126-132
EDN: FPNNIA

Способы реализации коммуникативного воздействия в медиадискурсе

Владимир Николаевич Бабаян[1]✉, Ксения Александровна Мельникова[2]
[1]Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков ФГКВОУ ВО «Ярославское высшее военное училище ПВО». 150001, г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28
[2]Старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». 150023, г. Ярославль, Московский пр., д. 88
[1]vladimirbabayan@rambler.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-7044-3419
[2]ledeja@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1998-7963

Аннотация. Современную жизнь невозможно представить без средств связи и коммуникации между людьми. Возникновение и развитие технических средств осуществления коммуникации (радио, телевидение и, особенно, Интернет) оказало большое влияние на социальные, политические, экономические, культурно-исторические характеристики общества, на массовое сознание людей (участников коммуникации) и, в свою очередь, на дискурс. Иными словами, развитие телекоммуникационных средств связи и информационных технологий привело к появлению особого вида дискурсионного взаимодействия – медиадискурса. Целью данной работы является исследование происхождения понятия «медиадискурс», а также выявление его основных специфических характеристик. Также сделана попытка классифицировать медиадискурс с позиций каналов реализации коммуникативного воздействия на реципиента медиадискурса и определить их по способу коммуникативного воздействия на реципиента. В ходе работы авторами предложено свое рабочее определение данного сложного коммуникативного феномена и выявлено, что медиадискурс по своей структуре является диалогичным и публичным видом дискурса. На сегодняшний день данный вид дискурса является не только самым широкораспространенным ввиду аудитории, которая вовлечена в медиадискурсивный коммуникативный процесс, но и, возможно, самым влиятельным типом дискурса, поскольку именно медиадискурс принимает непосредственное участие в формировании общественного мнения. Поскольку медиадискурсивный контент является продуктом когнитивно-оценочной деятельности человека, реципиенту следует анализировать данный контент, используя критический дискурс – анализ, во избежание трансформации собственного мнения под влиянием средств массовой информации. Таким образом, исследования медиадискурса являются актуальной задачей современного языкознания, а медиадискурс может рассматриваться как форма рационального поведения человека, поддерживающая оптимальный порядок как в микроколлективе, так и в обществе в целом.

Ключевые слова: дискурс; медиадискурс; дискурсивный контент; информация; коммуникация; реципиент; канал реализации; лингвистические и экстралингвистические факторы; дискурсивное взаимодействие

Для цитирования: Бабаян В. Н., Мельникова К. А. Способы реализации коммуникативного воздействия в медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 126–132. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-126-132. https://elibrary.ru/FPNNIA

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

Ways of communicative effect realization in a media discourse

Vladimir N. Babayan[1]✉, Ksenia A. Melnikova[2]
[1]Doctor of philology, associate professor, professor of foreign and Russian languages department at Yaroslavl higher military school of air defense. 150001, Yaroslavl, Moskovsky pr., 28
[2]Senior lecturer, department of foreign languages, Yaroslavl State Technical University. 150023, Yaroslavl, Moskovsky pr., 88
[1]vladimirbabayan@rambler.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-7044-3419
[2]ledeja@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1998-7963

© Бабаян В. Н., Мельникова К. А., 2022

Abstract. Modern life is impossible to imagine without the means of communication and human interaction. Technical means of communication (radio, television, and especially the Internet) has had a great impact on the social, political, economic, cultural and historical characteristics of society, on the mass consciousness of people (participants in communication) and, in turn, on discourse. In other words, the development of telecommunications and information technology has led to the emergence of a special kind of discourse interaction: media discourse. The purpose of this study is to investigate the origin of the concept of «media discourse,» as well as to identify its main specific features. An attempt has also been made to classify media discourse from the perspective of channels of communicative influence on the media-discourse recipient and define them according to the way of communicative influence on the recipient. In the course of the work the authors proposed their own definition of this complex communicative phenomenon and revealed that media discourse is a dialogic and public type of discourse by its structure. Today, this type of discourse is not only the most widespread in terms of the audience that is involved in the media-discursive communicative process, but also perhaps the most influential type of discourse, as it is the media discourse that is directly involved in shaping public opinion. Since media-discursive content is a product of human cognitive and evaluative activity, the recipient should analyze this content using critical discourse-analysis in order to avoid transforming his or her own opinion under the influence of the media. Thus, the study of media discourse is an urgent task for contemporary linguistics and media discourse can be considered as a form of rational human behaviour maintaining optimal order both for micro-collectives and society as a whole.

Key words: discourse; media discourse; discursive content; information; communication; recipient; channel of implementation; linguistic and extra-linguistic factors; discursive interaction

For citation: Babayan V. N., Melnikova K. A. Ways of communicative effect realization in a media discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):126–132. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-126-132. https://elibrary.ru/FPNNIA

Введение

Современная жизнь человека проходит в постоянном, непрекращающемся потоке информации. Появление и развитие средств коммуникации (радио, телевидение, Интернет) обуславливает возникновение нового типа дискурса – **медиадискурса**. Необходимо отметить, что до сих пор не существует единого определения исследуемого понятия. Так, отечественными учеными используются следующие термины: медиадискурс [Добросклонская, 2012; Кожемякин, 2010], язык средств массовой информации [Володина, 2011], массмедийный дискурс [Плотникова, 2002], сетевой дискурс [Карасик, 2021], дискурс массовой коммуникации [Граудина, 2000], медийный дискурс [Кибрик, 2011], масс – медиальный дискурс [Желтухина, 2004] и др. Зарубежные исследователи употребляют такие термины, как: mass media [Bell, 1991], media discourse [Fairclough, 1989], mass media discourse [Dijk van, 1995], language in the news [Fowler, 1991], the media [Montgomery, 1996] и др. Такое значительное количество терминологических определений служит неоспоримым доказательством того, что явление медиадискурса привлекает внимание исследователей во всем мире, является актуальным феноменом современного языкознания и «представляет собой сложное коммуникативное явление, при анализе которого необходимо учитывать как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы, характеризирующие его» [Бабаян, 2020, с. 23]. В настоящей работе придерживаемся терминологии, предложенной Т. Г. Добросклонской, по мнению которой **медиадискурс** – это «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2020, с. 152].

Методы исследования

Возникновение медиадискурса может быть обусловлено появлением средств массовой информации. Иными словами, можно отметить, что с появлением СМИ возник и медиадискурс. Таким образом, медиадискурс явление далеко не новое и «является отражением нашей действительности» [Tyukina, 2021, p. 32]. Но в последние десятилетия его влияние на функционирование социума значительно возросло. Не подлежит сомнению, что с возникновением и распространением сети Интернет, медиадискурс становится «характерной особенностью организации мирового современного информационного пространства» [Добросклонская, 2012, с. 79]. Иначе говоря, медиадискурс становится одним из самых значимых видов дискурса в современном мире.

Основными характеристиками медиадискурса являются «коллективный, коллегиальный характер производства текстов и их направленность на огромную рассредоточенную в пространстве аудиторию» [Добросклонская, 2012, с. 21] и особый связующий механизм – медийный канал, посредством которого информация доставляется адресату (пресса, радио, телевидение, Интернет)

[Добросклонская, 2012, с. 77]. Опираясь на вышесказанное, можем сделать вывод о том, что медиадискурс «диалогичен по своей структуре, поскольку предполагает участие в процессе коммуникации как источника информации (сайты в сети Интернет, СМИ), так и реципиента информации (любой получатель данного контента)» [Мельникова, 2021, с. 173].

Исходя из этого, можно выделить **три типа медиадискурса** по каналам реализации коммуникативного воздействия на реципиента:

1) теледискурс;
2) радиодискурс;
3) интернет- или компьютерный дискурс.

Все эти виды дискурса, в свою очередь, можно классифицировать как *автономные*, *интерактивные* и *интерактивно-автономные* по способу коммуникативного взаимодействия. Медиадискурсивное коммуникативное взаимодействие осуществляется посредством аудио- (радио), визуального и аудиовизуального каналов (теледискурс, интернет-дискурс).

Под *автономным коммуникативным видом дискурсивного взаимоздействия* подразумевается, что первичный контент медиадискурса может быть создан автором или коллективом авторов, размещен в канале реализации и получен реципиентом (реципиентами) посредством аудио-, визуального и аудиовизуального каналов не в режиме реального времени. Получив первичный медиадискурсивный контент, реципиент анализирует информацию, но не может создать ответный контент (оставить отзыв на содержание первичного контента). Иными словами, дискурсивный контент может быть создан автором задолго до получения данного контента реципиентом. Возможны несколько вариантов осуществления данного процесса. Например, автор статьи создает контент (статью), направляет его в издательство, где контент рецензируется специалистами в данной области. Далее контент размещается техническим специалистом в канале вещания. И только после этого реципиент может ознакомиться с контентом и проанализировать его. Либо автор создает контент самостоятельно, и самостоятельно же размещает его в канале вещания (интернет-сайт, блог, интернет-форум и др.). Ни в том, ни в другом случаях реципиент не может отреагировать на контент в данном канале реализации. Таким образом, можно отметить, что *автономный вид медиадискурса* является публичной, неспонтанной формой взаимодействия участников коммуникации.

Интерактивный по способу взаимодействия коммуникантов вид медиадискурса обусловлен режимом произведения коммуникации посредством аудио-, визуального и аудиовизуального каналов в режиме реального времени. Участники коммуникативной ситуации могут осуществлять коммуникацию, обмениваясь контентом. Современные технические средства (смартфоны и др.) и интернет-технологии позволяют производить коммуникацию, используя каналы как одновременно, так и по отдельности. Такой вид медиадискурса является наиболее приближенным к традиционной ситуации речевой коммуникации. Таким образом, можно отметить, что интерактивный вид медиадискурса является ситуативным и спонтанным. Примерами могут служить радиопередачи, телевизионные трансляции, видеотрансляции в интернете, поддерживающие формат синхронного во времени взаимодействия коммуникантов.

Интерактивно-автономный по способу коммуникативного взаимоздействия вид сочетает в себе оба вышеупомянутые виды медиадискурса. Контент может создаваться и размещаться в канале вещания как до непосредственного возникновения коммуникативной ситуации, так во время возникновения коммуникативной ситуации и даже после ее завершения. В отличие от каналов вещания автономного вида, каналы вещания интерактивно-автономного вида медиадискурса имеют функцию обратной связи. В данном случае можно отметить синхронные и асинхронные дискурсивные взаимодействия коммуникантов. Вступив в дискурсивные взаимодействия, реципиент, получив и проанализировав дискурсивный контент, может отреагировать на него как в режиме реального времени, так и в течение неопределенного количества времени. Примером может служить социальная сеть «Вконтакте». Коммуниканты могут обмениваться контентом в режиме реального времени, могут оставлять друг другу сообщения в режиме офлайн. Таким образом, можно отметить, что интерактивно-автономный вид медиадискурса является публичной формой как синхронного, так и асинхронного взаимодействия участников коммуникации.

Результаты исследования

Исходя из вышесказанного, считаем целесообразным представить собственное определение данного коммуникативного явления. Итак, **медиадискурс** – *это публичное, устное или пись-*

менное коммуникативное взаимодействие, которое происходит через некий канал вещания (например, печатные источники информации; телевизионные и радио – каналы, интернет-сайты), дискурс которого ориентирован как на присутствующего (эксплицитного), так и на неприсутствующего (имплицитного/ потенциального) читателя, слушателя или зрителя.

В силу того, что медиадискурс является публичным видом дискурса и его аудитория чрезвычайно велика, он оказывает значительное влияние на различные сферы жизни человека: культурную, социальную, политическую и, конечно, лингвистическую. Лингвисты оценивают медиадискурс довольно критически. Например, Т. А. ван Дейк рассматривает искажение медиадискурсивной информации журналистами при ее отборе и обработке, определяя данные искажения как «нарушение принципа объективности в медийном сообщении» [ван Дейк, 2000, с. 283]. Согласно мнению некоторых зарубежных исследователей, принцип объективности предполагает, что автор медийного сообщения должен "…avoid becoming involved in the event, form no prejudicial friendships with actors in the event, leave your own biases at the foot of the stage, consider yourself the impartial observer for the vast public who cannot personally attend the drama… should make snapshot of reality" [Willis, 1991, p. 7] – «…избегать личной вовлеченности в происходящее, не вступать с участниками событий в отношения, которые могут сформировать предубеждение против других участников, оставлять свои собственные взгляды за «сценой», считать себя беспристрастным наблюдателем на службе у огромного числа людей, которые не могут лично посетить «спектакль» и отражать только реальный ход событий» [*перевод наш. – К. М., В. Б.*]. Р. Фаулер отмечает, что медиадискурсивный контент может быть в равной степени как искаженным, так и объективно отражающим существующую реальность [Fowler, 1991, p. 10–11]. С его точки зрения, на мнение создателей медиадискурсивного контента непосредственное влияние оказывает социально-политическая обстановка в стране. В свою очередь, Т. А. ван Дейк указывает, «что искажение/предвзятость, отсутствие объективности в новостных сообщениях также зависит от пишущего и основано на его личных убеждениях и мнениях, а также сложившихся этнических предубеждениях, существующих в социальной памяти» [ван Дейк, 2000, с. 143]. Иными словами, автор медиадисурсивного контента не способен беспристрастно оценивать и воспроизводить все подробности произошедшего события, если он не являлся его непосредственным участником. Так или иначе, он попытается смоделировать конкретную ситуацию в своем сознании и будет транслировать реципиенту уже, некоторым образом, свое собственное понимание и видение данной ситуации, на которую оказали влияние различные факторы. Именно данное обстоятельство является причиной «искажения/предвзятости» медиадискурсивного контента. [ван Дейк, 2000, с. 143]. Также создателями медиадискурсивного контента используются различные языковые приемы, как: фонологические (*рифма* или *ассонанс*); синтаксические (например, *параллелизмы*); стилистические (*метафоры* или *сравнения*) и др. Для создания эффекта кульминации или контраста используются структуры, выполняющие функции *преуменьшения* или *гиперболы*. Данные структуры служат для компактного представления информации, способствуя тем самым ее лучшему запоминанию. Таким образом, для достижения эффекта объективности необходимо сопровождать медиадискурсивный контент подтверждающими данными (фото, видео, аудио), чтобы реципиент мог самостоятельно сделать выводы о содержании контента [ван Дейк, 2000, с. 133].

Заключение

Таким образом, по мнению Т. А. ван Дейка, медиадискурсивный контент может быть адекватно понят реципиентом только «если мы будем анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации» [ван Дейк, 2000, с. 139].

С точки зрения П. Уайта, ограничивая субъективные межличностные характеристики новостей, журналисты могут с помощью «объективного» языка исказить реальность. Используя объективный язык, они могут претендовать на нейтральность только используя формальный (безличный) язык новостей. Он предполагает, что использование такого безличного языка является "a rhetorical stratagem to aid the obfuscation of a reporter's subjectivity" [White, 1997, p. 130] – «риторической стратагемой, помогающей скрыть субъективность репортера» – [*перевод наш.* –

К. М., В. Б.]. Следует отметить, что в английском языке медиадискурс является одним из четырех основных типов дискурса, наряду с разговорной речью, академическим письмом и художественной литературой.

Зарубежными лингвистами проведено значительное количество исследований медиадискурса. Например, Дж. Родни проводит жанровый анализ медиадискурса, описывая язык СМИ с точки зрения того, что отличает данный язык от других видов дискурса [Rodney, 2021, p. 44], А. Зульфикар оценивает политический медиадискурс [Zulfiqar, 2021, p. 242].

Но авторы разделяют мнение Р. Водак о том, что критический дискурс-анализ является наиболее предпочтительным видом анализа медиадискурсивных тем, как в СМИ, так и в сети Интернет. Только критический дискурс-анализ может обеспечить междисциплинарный подход к критическому анализу медиадискурса, принимая во внимание явные и скрытые социально-политические проблемы, например, такие как расизм, капитализм, национализм, антисемитизм, сексизм и многие другие. Подобные практики помогут расширить возможности маргинализированных, бесправных и угнетенных людей [Wodak, 2009, p. 1–32].

Как отмечает К. О'Холлоран, критический дискурс-анализ призван "to illuminate ways in which the dominant forces in a society construct versions of reality that favour their interests, as well as to unmask such practices to support the victims of such oppression and encourage them to resist and transform their lives" [O'Halloran, 2011, p. 571] – «осветить способы, с помощью которых доминирующие силы в обществе конструируют версии реальности, которая отвечает их интересам, а также разоблачить такие практики, для того чтобы поддержать жертв такого угнетения и побудить их к сопротивлению и преобразованию своей жизни» [*перевод наш. – К. М., В. Б.*].

Таким образом, можем заключить, что в настоящее время медиадискурс является одним из самых значительных типов дискурса, а критический подход к его анализу – одним из основных видов анализа медиадискурса. Медиадискурс может рассматриваться как форма рационального поведения человека, поддерживающая оптимальный порядок как в микроколлективе, так и в обществе в целом и представляет собой сложный коммуникативный феномен, отражающий нашу действительность, при анализе которого необходимо учитывать как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы, присущие только ему и характеризирующие данное явление [Alba-Juez, 2018, p. 15].

Это публичное (устное или письменное) коммуникативное взаимодействие, которое происходит через некий канал вещания, дискурс которого ориентирован как на присутствующего (эксплицитного), так и на неприсутствующего (имплицитного/ потенциального) реципиента (читателя, слушателя или зрителя). Радиодискурс, теледискурс, интернет – дискурс представляют собой виды медиадискурса. Данная классификация медиадискурса проведена по типу канала реализации коммуникативного воздействия на реципиента. Радиодискурс, теледискурс, интернет – дискурс в процессе акта коммуникации в свою очередь могут подразделяться на автономный, интерактивный и интерактивно-автономный по способу коммуникативного взаимодействия на реципиента виды дискурса.

Библиографический список

1. Бабаян В. Н., Тюкина Л. А. К вопросу о единице диалогического дискурса // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы: сб. научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 14–16 мая 2020 года. Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2020. С. 20–23.

2. Бабаян В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль : 2017. № 1. С. 76–81

3. Володина М. Н. Язык массовой коммуникации – особый язык социального взаимодействия: учеб. пособие / под ред. М. Н. Володиной // Язык средств массовой информации. Москва : Академический проспект; Альма Матер, 2008. С. 27–48.

4. Граудина Л. К. Средства массовой информации и культура речи: учеб. пособ. / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева // Культура русской речи. Москва : Норма, 2000. 560 с.

5. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. Москва : Добросвет, КДУ, 2011. 232 с.

6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

7. Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации. Москва : КДУ, 2012. 116 с.

8. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Москва : «КДУ», «Добросвет», 2020. 178 с.

9. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография.

Москва : Ин-т языкознания РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.

10. Карасик В. И. Сетевая языковая личность // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик : Тезисы докладов II Международной конференции, Москва, 25–26 февраля 2021 года. Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2021. С. 58–59.

11. Кибрик А. А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. Москва : Академический проспект, 2011. С. 79–85.

12. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 2 (73). 2010. Вып. 11. С. 13–21.

13. Мельникова К. А., Бабаян В. Н. Политкорректный медиадискурс как способ достижения коммуникативной свободы общения // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития : сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, Пинск, 26 марта 2021 года. Пинск : Полесский государственный университет, 2021. С. 169–175.

14. Плотникова С. Н. Корпоративность при выражении мнения в массмедийных текстах. Политический дискурс в России – 6 : Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 7 ноября 2002 года) / Под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. Москва : МАКС Пресс, 2002. С. 70–72.

15. Alba-Juez L. Language and emotion: discourse-pragmatic perspectives / L. Alba-Juez, T. Larina // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22. No 1. P. 9–37.

16. Bell A. The Language of News Media. Oxford : Blackwell, 1991. 296 p.

17. Dijk T. A. van. Power in the media // In D. Paletz (Ed.), Political Communication and Action. Cresskill. New York : Hampton Press, 1995. P. 9–36.

18. Fairclough N. Language and Power. Longman Group UK Limited, 1989. 253 p.

19. Fowler R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. London : Routledge, 1991. 224 p.

20. O'Halloran K. How to use corpus linguistics in the study of media discourse // in A. O'Keeffe and M. J. McCarthy (Eds.) The Routledge Handbook of Corpus Linguistics. London : Routledge, 2011. P. 563–577.

21. Rodney J. Viral discourse. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 95 p.

22. White P. Death, Disruption and the Moral Order: the Narrative Impulse in Mass-Media Hard news Reporting // F. Christie, and J. R. Martin (Eds.) Genre and Institutions. London : Cassell, 1997. P. 101–133.

23. Willis J. The Shadow World: Life Between the News Media and Reality. New York : Praeger Publishers, 1991. 264 p.

24. Wodak R., Meyer M. Critical discourse analysis: History, agenda, theory, and methodology // R. Wodak, & M. Meyer (Eds.), Methods of critical discourse analysis. Amsterdam : Sage Publications Ltd., 2009. P. 1–32.

25. Zulfiqar A. Critical Discourse Analysis of the Editorial Coverage of Osama Bin Laden Operation by the Pakistani Media / Journal of Peace, Development and Communication, vol. 5, no. Issue 1, 2021. P. 240–254.

Reference list

1. Babajan V. N., Tjukina L. A. K voprosu o edinice dialogicheskogo diskursa = On the subject of the dialogic discourse unit // Lingvodidaktika v nejazykovom vuze: tradicionnye i innovacionnye podhody: sb. nauchnyh statej po materialam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Jaroslavl', 14–16 maja 2020 goda. Jaroslavl' : Izd-vo JaGTU, 2020. S. 20–23.

2. Babajan V. N. Razlichnye podhody k opredeleniju ponjatija «diskurs» i ego osnovnye harakteristiki = Different approaches to defining the concept «discourse» and its main characteristics // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl' : 2017. № 1. S. 76–81

3. Volodina M. N. Jazyk massovoj kommunikacii – osobyj jazyk social'nogo vzaimodejstvija = The language of mass communication as a special social interaction language : ucheb. posobie / pod red. M. N. Volodinoj // Jazyk sredstv massovoj informacii. Moskva : Akademicheskij prospekt; Al'ma Mater, 2008. S. 27–48.

4. Graudina L. K. Sredstva massovoj informacii i kul'tura rechi = Mass media and the culture of speech : ucheb. posob. / pod red. L. K. Graudinoj, E. N. Shirjaeva // Kul'tura russkoj rechi. Moskva : Norma, 2000. 560 s.

5. Danilova A. A. Manipulirovanie slovom v sredstvah massovoj informacii = Linguistic manipulation in mass media. Moskva : Dobrosvet, KDU, 2011. 232 s.

6. Dejk T. A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija = Language. Cognition. Communication. Blagoveshhensk : BGK im. I. A. Bodujena de Kurtenje, 2000. 308 s.

7. Dobrosklonskaja T. G. Jazyk sredstv massovoj informacii = Mass media langage. Moskva : KDU, 2012. 116 s.

8. Dobrosklonskaja T. G. Medialingvistika: teorija, metody, napravlenija = Medialinguistics : theory, methods, directions. Moskva : «KDU», «Dobrosvet», 2020. 178 s.

9. Zheltuhina M. R. Tropologicheskaja suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI = Tropological suggestiveness of mass-media discourse: on the speech impact of tropes in media langage : monografija. Moskva : In-t jazykoznanija RAN; Volgograd : Izd-vo VF MUPK, 2003. 656 s.

10. Karasik V. I. Setevaja jazykovaja lichnost' = Online linguistic personality // Lingvokul'turnye aspekty globalizacionnyh processov: sociokul'turnyj kontekst i dinamika rechevyh praktik : Tezisy dokladov II Mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 25–26 fevralja 2021 goda.

Moskva : Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2021. S. 58–59.

11. Kibrik A. A. Diskursivnaja taksonomija i medijnyj diskurs = Discursive taxonomy and media discourse // Jazyk i diskurs sredstv massovoj informacii v XXI veke / pod red. M. N. Volodinoj. Moskva : Akademicheskij prospekt, 2011. S. 79–85.

12. Kozhemjakin E. A. Massovaja kommunikacija i mediadiskurs: k metodologii issledovanija = Mass communication and media discourse: to research methodology // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. № 2 (73). 2010. Vyp. 11. S. 13–21.

13. Mel'nikova K. A., Babajan V. N. Politkorrektnyj mediadiskurs kak sposob dostizhenija kommunikativnoj svobody obshhenija = Politically correct media discourse as a way to achieve communicative freedom // Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija: sovremennye vektory razvitija : sbornik nauchnyh statej po materialam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Pinsk, 26 marta 2021 goda. Pinsk : Polesskij gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 169–175.

14. Plotnikova S. N. Korporativnost' pri vyrazhenii mnenija v massmedijnyh tekstah. Politicheskij diskurs v Rossii – 6 : Materialy postojanno dejstvujushhego seminara (Moskva, 7 nojabrja 2002 goda) = The corporate aspect of expressing opinions in mass-media texts. Political discourse in Russia – 6 : Materials of the ongoing seminar (Moscow, November 7, 2002) / pod red. V. N. Bazyleva, V. G. Krasil'nikovoj. Moskva : MAKS Press, 2002. S. 70–72.

15. Alba-Juez L. Language and emotion: discourse-pragmatic perspectives / L. Alba-Juez, T. Larina // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22. No 1. P. 9–37.

16. Bell A. The Language of News Media. Oxford : Blackwell, 1991. 296 p.

17. Dijk T. A. van. Power in the media // In D. Paletz (Ed.), Political Communication and Action. Cresskill. New York : Hampton Press, 1995. P. 9–36.

18. Fairclough N. Language and Power. Longman Group UK Limited, 1989. 253 p.

19. Fowler R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. London : Routledge, 1991. 224 p.

20. O'Halloran K. How to use corpus linguistics in the study of media discourse // in A. O'Keeffe and M. J. McCarthy (Eds.) The Routledge Handbook of Corpus Linguistics. London : Routledge, 2011. P. 563–577.

21. Rodney J. Viral discourse. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 95 p.

22. White P. Death, Disruption and the Moral Order: the Narrative Impulse in Mass-Media Hard news Reporting // F. Christie, and J. R. Martin (Eds.) Genre and Institutions. London : Cassell, 1997. P. 101–133.

23. Willis J. The Shadow World: Life Between the News Media and Reality. New York : Praeger Publishers, 1991. 264 p.

24. Wodak R., Meyer M. Critical discourse analysis: History, agenda, theory, and methodology // R. Wodak, & M. Meyer (Eds.), Methods of critical discourse analysis. Amsterdam : Sage Publications Ltd., 2009. P. 1–32.

25. Zulfiqar A. Critical Discourse Analysis of the Editorial Coverage of Osama Bin Laden Operation by the Pakistani Media / Journal of Peace, Development and Communication, vol. 5, no. Issue 1, 2021. P. 240–254.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 22.03.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 81-11
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-133-142
EDN: FYGIPF

Н. И. Греч и власть дискурса

Елена Валерьевна Маркасова
Доктор филологических наук, доцент Пекинского университета иностранных языков. Китай, Пекин. 100089, КНР, Пекин, ул. Сисаньхуаньбэйлу, д. 2
markasovaelena@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9231-1476

Аннотация. Н. И. Греч рано начал педагогическую деятельность и на протяжении всей жизни составлял учебники, учебные и методические пособия, вызывавшие разнообразные реакции. Это разнообразие объясняется не только историей преподавания русского языка или сменой научных парадигм в истории лингвистических учений в России, но и зависимостью массовых представлений об ученом от доминирующего дискурса.

Отказ от грамматик Н. И. Греча в преподавании был связан с развитием сравнительно-исторического языкознания, с новыми тенденциями в восприятии возрастной психологии и с изменениями литературных вкусов в 1850–60 годы. Не менее существенной причиной стало поверхностное прочтение грамматических работ Греча-ученого. Оно было обусловлено идеологическими причинами. До начала 1850-х гг. отношение к учебникам Греча в основном складывалось под влиянием преподавателей, грамматистов, филологов. Но после замены учебных программ в 1856 году интерес к трудам Греча стал падать. В этом процессе особую роль сыграли критические публикации Галахова и стихи Добролюбова. В работе охарактеризовано отношение к учебникам Греча до и после обновления и замены учебных программ в 1856 году, освещена роль демократической журналистики в формировании негативного отношения к Гречу-лингвисту. Восстановление интереса к тем сферам, которыми занимался Греч, как и к самому лингвисту, происходит лишь в середине 1950-х гг.

В статье приводится общий список европейских грамматик, на которые опирался Н.И.Греч, комментируется состав филологического окружения автора.

Ключевые слова: Греч; грамматика; критика; история лингвистических учений; преподавание русского языка; Ф. И. Буслаев; В. А. Галахов; Н. А. Добролюбов

Для цитирования: Маркасова Е. В. Н. И. Греч и власть дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 133–142. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-133-142. https://elibrary.ru/FYGIPF

Original article

Nikolay Gretsch and the power of discourse

Elena V. Markasova
Doctor of philological sciences, associate professor at Beijing university of foreign languages. China, Beijing. 100089, PRC, Beijing, Sisanhuanbeilu st., 2
markasovaelena@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9231-1476

Abstract. Nikolay Ivanovich Gretsch started teaching early. He compiled textbooks, educational and methodological manuals throughout his life that afterwards became objects of various reviews. This diversity is explained not only by the history of the Russian language teaching or by the shift in scientific paradigms in the history of Russian linguistics, but also by the influence of the dominant discourse on public attitude to the scholar.

The rejection of N. I. Gretsch's grammars in teaching was connected with the evolution of comparative historical linguistics, with new trends in developmental psychology, and with changes in literary tastes in the 1850-60s. An equally significant reason was superficial reading of Gretsch's grammatical works. It was due to ideological reasons. Until the early 1850s, the attitude towards Greek textbooks was mainly influenced by teachers, grammarians, philologists. But after the curricula were replaced in 1856, the interest in Gretsch's works began to decline. Galakhov's critical publications and Dobrolyubov's poems played a significant role in this process. This article characterizes the attitude toward Gretsch's textbooks before and after the updating and changing the curricula in 1856, and highlights the

© Маркасова Е. В., 2022

role of democratic journalism in forming a negative attitude toward Gretsch as a linguist. It is not until the mid-1950s that the interest in the fields that Gretsch was studying, as well as in the linguist himself, was restored.

The article provides a complete list of European grammars used by N. I. Gretsch, and comments on the scientist's philological environment.

Key words: N. I. Gretsch; grammar; criticism; history of linguistic studies; teaching of the Russian language; F. I. Buslaev; V. A. Galakhov; N. A.Dobrolyubov

***For citation*:** Markasova E. V. Nikolay Gretsch and the power of discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):133–142. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-133-142. https://elibrary.ru/FYGIPF

Журналист, писатель, филолог, учитель Н. И. Греч (1787–1867) работал в разных областях языкознания: изучал грамматику и орфографию, занимался лексикографией и орфоэпией, оставил немало ценных замечаний о заимствованиях, неологизмах и архаизмах своего времени [Булич, 1904, с. 1010–1013; Виноградов 1958, с. 134–162; Григорьева, 2004, с. 42–45; Никитин, 2017, с. 49–58; Тростенцова, 1997, с. 54–58]. Сейчас Н. И. Греча называют одним из основателей отечественной ономасиологии [Даниленко, 2009, с. 247], представителем функционального и полевого подходов к анализу частей речи [Соколова, 2008; Соколова, 2009]. Наибольший интерес у современных исследователей вызывают рассуждения Греча о виде русского глагола и способе глагольного действия [Клубков, 2011, с. 143–144], описание различий между существительным и прилагательным [Вихрева, 2010, с. 184], его интерпретация разрядов местоимений, описание особенностей склонения числительных, анализ междометий как части речи, противопоставленной как знаменательным, так и служебным частям речи [Добродомов, 1987, с. 58–62]. Заслугой Греча считают учение о главных и второстепенных членах предложения, а также характеристику различий простого и сложного предложения, главного и придаточного [Виноградов, 1958, с. 139–142].

Однако так было не всегда. Возрождение интереса к грамматикам Греча датируется серединой 1950-х годов, причем существенным фактором стало возвращение имени Греча академиком В. В. Виноградовым [Виноградов, 1958]. История Греча – иллюстрация того, насколько выстраивание иерархий в научном мире может зависеть от доминирующих вненаучных дискурсивных практик и как драматично они порой формируют массовые представления о том или ином научном подходе.

***

Грамматики Греча: преподавание и филологическое окружение.

Русский язык как учебный предмет долго не имел устойчивого положения в системе российского образования. Включение русского языка в учебные планы гимназий произошло по инициативе Российской академии наук в 1786 году [Баранов, 1996, с. 48]. «Российская грамматика» (1755) М. В. Ломоносова, первая научная нормативная грамматика русского языка, несмотря на авторитетность, не могла использоваться в качестве учебника для гимназий, поскольку изначально не предназначалась для этого. «Появление специальных „философских грамматик” в начале XIX века означало пробуждение интереса к системе языка, осознание того факта, что грамматика – это не только нормативно-практическое „искусство правильно говорить и писать”» [Клубков, 2011, с. 7]. В России в то время не было специальной методики преподавания родного языка [Владимиров, 1867, с. 35], использовалась вопросно-ответная форма обучения: учитель заучивал вопросы, ученик – ответы, учили наизусть парадигмы и правила.

В 1804 году, то есть спустя неполных 20 лет после введения в преподавание предмета «отечественный язык», был принят новый Устав народных училищ, в соответствии с которым русский язык был исключен из учебных планов средних учебных заведений, а часы были отданы в пользу всеобщей грамматики, логики и риторики. В учебниках того времени отразилась тенденция соединять «общую грамматику» с «русской грамматикой» [Булич, 1904, с. 559]. Благодаря С. С. Уварову в гимназиях предмет «отечественный язык» сохранился (решение принято в конце 1811 года), но с 1818 года часы на русский язык сокращаются, а с 1819 он упраздняется в гимназических программах [Лапатухин, 1963, с. 44]; на первый план выходят латынь, греческий, современные европейские языки.

Преподавательская деятельность Н. И. Греча начинается в период доминирования всеобщих грамматик и разворачивается в связи с введением в систему преподавания «отечественного языка», «классической российской словесности» (А. С. Шишков).

В 1808 году девятнадцатилетний Греч издает «Таблицу русских склонений», соответствующую принципам методики нормативно-грамматического периода в преподавании русского языка. Автора впоследствии критиковали за излишнюю детализацию парадигм в грамматических таблицах, однако Греча оправдывает его увлеченность идеями ланкастерской системы обучения [Греч, 1911]: таблицы должны были служить ускоренному усвоению русской грамматики [Лапатухин, 1963, с. 82–89].

В 1827 году с посвящением «государю-императору Николаю Павловичу, самодержцу всероссийскому» выходит «Пространная русская грамматика» Н. И. Греча, а за нею «Практическая русская грамматика» – с посвящением «Государю великому князю Александру Николаевичу, всероссийского престола наследнику». В связи с публикацией «Пространной грамматики» сорокалетний автор был удостоен звания члена-корреспондента Академии наук.

Во вводной части к «Пространной грамматике» Н. И. Греч благодарит за помощь и советы А. Х. Востокова, В. А. Жуковского, О. И. Сенковского, Ф. Ф. Шармуа, Я. О. Ярцова, И. Ф. Калайдовича, Ф. И. Рейфа, П. Х. Шлейснера, П. П. Острогорского, Б. И. Иваницкого, А. Н. Оленина, М. Н. Цветкова, Г. Л. Делонда (именно в такой последовательности). Этот список распадается на две части. Во-первых, это языковеды и литераторы, с которыми Греча связывают и дружеские отношения, и профессиональные интересы. Греч был другом Востокова и показывал ему свои ранние работы (например, «Опыт о русских спряжениях» 1811 года), а в 1833 году способствовал получению Востоковым Демидовской премии. Греч был знаком с рукописью грамматики В. А. Жуковского. И. Ф. Калайдович (1796–1853) был автором отзывов о грамматиках Н. И. Греча и А. Х. Востокова (Калайдович 1827; Калайдович 1828). Ф. И. Рейф (1792–1872) – швейцарский и российский лингвист, составитель «Русско-французского Словаря», переводил «Пространную грамматику» параллельно процессу ее написания и издал перевод в 1828 году [Greč, 1828]. Французский востоковед Ф. Ф. Шармуа (1793–1868) прибыл в Петербург на кафедру арабского и персидского языков в качестве одного из лучших учеников Сильвестра де Саси, на грамматику которого ссылается Греч.

Во-вторых, это бывшие учителя, которым Греч благодарен как ученик, о чем говорится и в его воспоминаниях. В 1801 году четырнадцатилетний Греч начал изучать правоведение в Юнкерской школе, возглавляемой тогда А. Н. Олениным (1763–1843), которому «был душевно предан» [Греч, 1930, с. 220]. В училище любимыми наставниками подростка были М. Н. Цветков, «человек добрый, умный, ученый и образованный, один из лучших студентов Московского университета, но большой чудак», преподаватель логики и красноречия П. П. Острогорский, «человек неглупый, умевший красно говорить»; преподаватель словесности Б. И. Иваницкий, «воспитанник учительской семинарии, молодой человек лет двадцати пяти, очень хорошо образованный, знающий и одаренный благородным вкусом». «Немецкому языку обучал человек, о котором я до конца моей жизни буду вспоминать с любовью и благодарностью: Павел Христианович Шлейснер» [Греч, 1930, с. 220–223]. Таким образом, благодарности открывают нам сферу личных знакомств Греча и в научном сообществе, и среди «словесников»-практиков.

Упомянутый в списке последним, талантливый педагог Г. Л. Делонд (1779–1830) – исключительная фигура. Хотя круг знакомых Греча среди гувернеров и преподавателей учебных заведений был весьма широк, в «Грамматике» он благодарит именно Лаббе-Делонда, ставшего прототипом «мосье Лаббе» в романе «Евгений Онегин» [Клюшин, Маркасова, 2022].

Работоспособность и энтузиазм автора объяснимы изменением статуса русского языка как учебного предмета: с 1828 года русский язык уже не исключается из учебных планов. Популярность учебников Греча была во многом обусловлена его постоянной методической деятельностью: «пространная» и «практическая» грамматики адаптировались к реальному преподаванию [Греч, ; Греч, 1832; Греч, 1840; Греч, 1843; Греч, 1851; Греч, 1852]. В 1828 году Греч публикует «Начальные правила русской грамматики», с 10-го издания называемые «Краткой русской грамматикой».

Грамматики Греча продержались в системе образования довольно долго не только потому, что они были необходимы системе образования, но и потому, что у Греча были и связи в министерстве народного просвещения, и своя типография, в которой издавались учебники, и – главное – поддержка современников, разделявших его взгляды. Он сам занимался популяризацией грамматики в курсе лекций, в 1840 году изданных под названием «Чтения о русском языке».

Перелом в триумфальном шествии грамматик Греча произошел в 1850-е, на склоне лет автора. «Под влиянием грамматики Греча и по ее предписаниям составлялись другие школьные учебники русского языка (напр., В. Половцева). Но уже в 60-х годах иронически… говорилось о «преданиях старины, завещанных учителями русской грамматики Гречем с братиею» [Виноградов, 1958, с. 139]. Несмотря на это «Русская грамматика первого возраста» с 1859 по 1865 гг. выдержала четыре издания.

Грамматики Греча как объект научной и ненаучной критики.

Постоянным объектом критических высказываний был сам логико-грамматический подход к языку: Греч пытался соединить логические основания с грамматическими характеристиками языковых единиц исходя из того, что элементы содержания (смысла) должны находить выражение в грамматических показателях. Этот подход многим казался искусственным, а критиков особенно задевал тот факт, что для Греча является авторитетом «Грамматика Пор-Рояля» [Галахов, 1856, с. 1490–1500]. Используемый Гречем «принцип подразумевания» воспринимали как доказательство влияния этой грамматики [Виноградов, 1958, с. 159]. Для того времени такое отношение к рациональным грамматикам было объяснимо: «Грамматика Пор-Рояля» будет признана лишь в 1960-е годы, в связи с развитием типологического и логического направлений в языкознании.

Раздражение вызывала и эрудиция автора, которую воспринимали как неприличное увлечение иноземными грамматиками. Гречу даже пришлось доказывать, что он создал самостоятельный труд [Греч 1828]. Исследователи установили, что Н. И. Греч опирался на целый ряд иностранных грамматик. Это, например, труды великого немецкого лингвиста И. К. Аделунга «Deutsche Sprachlehre» (1781) и «Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache» (1782) и грамматика его ученика И.С.Фатера «Praktische Grammatik der russischen Sprache» (1808). Отметим, что Н. И. Греч состоял в переписке с И. С. Фатером. Также Греч был знаком с трудами К. Ф. Бекера «Organism der Sprache als Einleitung zur deutschen Grammatik» (1827) и «Deutsche Grammatik» (1829). Отношение к этой системе преподавания у Греча менялось на протяжении жизни.

Цитата из книги Бернгарди «Sprachlehre» (1801–1803) стала эпиграфом к «Грамматике» Греча, который отмечал, что взгляды этого ученого определили его взгляды на систему синтаксических связей. Кстати, этим обусловлено и обращение Греча к работе Ф. В. Тирша «Griechische Grammatik vorzüglich des Homerischen Dialects» (1818), который, как и Греч, описывал сочинительную и подчинительную связь в синтаксисе на основе подхода Бернгарди. Список источников собран по: [Грунский, 1911; Лапатухин, 1963; Лукин, 2018].

Существенное влияние оказал на Греча Гёрлинг. Его работы «Grundregeln des deutschen Styls» (1827) и «Die Syntax der deutschen Sprache. Theil 2. Grundregeln des deutschen Styls oder der Periodenbau der deutschen Sprache: ein Lehrbuch für den stylistischen Unterricht. Zweite, sehr vermehrte und verbesserte Ausgabe» (1827), вероятно, привели Греча к идее изложить в грамматике теорию периода.

Общеизвестно также влияние на Греча следующих трудов: «Deutsche Grammatik» (1819–1831) Я. Гримма, «Notions élémentaires de linguistique ou Histoire abrégée de la parole et de l'écriture» (1834) Ш. Нодье; «Principes de Grammaire generale» (1803) А. И. С. де Саси, «Elementarbuch der deutschen Sprache, Deutshe Sprachlehre» (1823) Ф. И. Шмиттеннера и мн.др.

В наше время исследователи отмечают, что и труды Греча, знатока европейского языкознания, способствовали сохранению связей между русской и европейской лингвистикой.

Следующий объект критики – строго синхронический подход Греча к преподаванию русского языка. Этот упрек сохраняется и в работе В. В. Виноградова [Виноградов, 1958, с. 162]. Ф. И. Булгарин в предисловии к «Грамматике» обращает внимание читателей на то, что автор «ограничивается изложением правил нынешнего русского языка, с *некоторыми историческими и сравнительными замечаниями.* (курсив автора статьи). <…> историческая и сравнительная грамматика всех языков славянского племени (наподобие Немецкой грамматики Гримма) есть дело иное. Один почтенный филолог (А. Х. Востоков) в течение многих лет занимается изысканиями по сей части. Надеемся, что публика увидит со временем плоды трудов его; тогда и собственная русская грамматика поднимется на высшую степень» [Греч, 1827, с. VII]. То есть в самом предисловии было сказано, что это сознательный выбор автора, однако разграничение диахронического и синхронического аспекта описания языка, традиционное для нашего времени,

было поставлено Гречу в вину, причем ему приписывали даже игнорирование истории языка.

В 1831 году выходит вполне традиционный учебник А. Х. Востокова «Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях», который использовали в преподавании 45 лет. Факт его выхода был воспринят публикой как повод противопоставлять Греча и Востокова: Греч – сухой сторонник нормативистского подхода, Востоков – представитель сравнительно-исторического языкознания. Такое противопоставление было искусственным: Греч никогда не отрицал достоинств сравнительно-исторического метода, просто он не считал нужным и возможным вводить сведения по исторической грамматике в практику преподавания детям. В этом его антиподами были В.А.Галахов и Ф. И. Буслаев, предлагавший ввести письменный перевод с церковнославянского на русский и обратно в качестве упражнений для гимназистов.

На протяжении почти тридцати лет научной и преподавательской деятельности Греча упрекают в тяжеловесности стиля, излишнем академизме, незнании психологии учащихся. Так, Ф. И. Буслаев пишет: «Для учебника мало одной науки: нужна еще педагогическая метода. Здесь-то и выказывается великий недостаток грамматик Востокова и Греча, *несмотря на все их ученые и научные достоинства.* Оба эти филолога смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебную, забывая личность учащегося… Русский с малых лет умеет уж и склонять, и спрягать правильно, не ошибется в согласовании и управлении – за исключением весьма немногих частностей, которые одни и должны быть замечены в учебнике. Детям совершенно бесполезно знать, что есть этимология, синтаксис, правописание, до тех пор, пока не узнают они предложения с частями его, слова и категорий частей речи; до тех пор, пока не умеют правильно писать и отчетливо понимать прочитанное. Самый порядок изложения наших учебников, от частей речи восходящий до синтаксиса, противоречит естественному развитию дара слова» [Буслаев, 1844, с. 7–8]. Упреки были безосновательны: в первой четверти XIX века школьная и научная грамматика еще не размежевались, поэтому и стиль изложения материала в учебниках, естественно, еще не сформировался. Отметим, что и сейчас в российских школах синтаксис систематически изучается после морфологии (как у Греча).

Появляются обвинения Греча в чрезмерной детализации и любви к исключениям из правил. Так, вызывают насмешки многочисленные таблицы с образцами словоизменения (около 90 образцов для глагола).

После выхода в 1834 году нового издания грамматики намечается противостояние Н. И. Греча и А. Д. Галахова. Критика Галахова, историка русской литературы и педагога, касается и частных, и общих вопросов, но изначально она не была агрессивной. К частностям относятся замечания Галахова о термине «собирательное числительное» [Галахов, 1836, с. 358–359], о рассмотрении существительных на -мя, о спорности употребления строчных букв. Однако уже в этих публикациях Галахов ставит под сомнение саму необходимость изучения русской грамматики во всех подробностях, предлагаемых Гречем, на том основании, что дети и так знают, как пользоваться родным языком, а орфография и пунктуация очень условны: «Чем меньше знаков, тем лучше» [Галахов, 1835, с. 262].

В 1856–57 гг. конфликт между Гречем и его противниками по вопросам преподавания грамматики обостряется [Галахов, 1856; Галахов, 1857]. Содержание статей Галахова созвучно с критикой позиции Греча на страницах книги Ф. И. Буслаева, но аргументы, которые он пытается приводить, показывают, что сам он читал грамматики Греча очень невнимательно. Так, он предлагает Гречу ясно и четко сформулировать правила написания буквы «ять», хотя в «Грамматике» это описано. Замечания полны риторических вопросов, задаваемых в ерническом тоне, и иронических высказываний, причем Галахов опускается даже до высказываний об отсутствии у Греча филологического образования. Яркие примеры речевой агрессии – многократное упоминание одной и той же ошибки («Гумбольдт написал своего «Космоса») на протяжении всей статьи [Галахов, 1857, с. 94] и переход на личные качества сторонника Греча К. Полевого [Полевой, 1857].

Галахов совершенно неоправданно обвиняет Греча в невнимании к живому языку и диалектам (а ведь именно Греч с 1832 года поддерживал Даля в его работе, а в 1860-е годы, уже будучи стариком, вычитывал корректуру «Толкового словаря живого великорусского языка»). Не случайно Даль пишет письмо вдове Н. И. Греча: «Благодарная память о Николае Ивановиче живет во мне с 1832 года, когда впервые его увидел. Он первый, если не один, ободрил меня <…> и

сказал с убеждением: „Трудитесь, работайте, не уступайте, направление ваше доведет вас до самостоятельного труда” <…> Не знаю, что сделает Академия для мертвого, а для живого деятеля она сделала немного: Коркуновы сидели в академических креслах, а Греча не было» (Даль В. И. Письмо к Греч Е. И., 9 июля 1867 г. Ф 590. № 221. Архив Н. И. Греча из собр. П. Я. Дашкова. Л. 1 об. Пушкинский дом (ИРЛИ)).

Кроме того, Греч оставил немало наблюдений над варианты адаптации заимствованных слов в зависимости от того, из какого языка слово пришло в русский язык (напрямую или через язык-посредник). В конце 1830-х гг. Н. И. Греч вместе с сыном Алексеем издавал алфавитные списки слов, в правописании которых возможны колебания, и слов с ятем [Греч, 1843]. Эти работы получили высокую оценку специалистов по истории русской орфографии лишь в XXI веке: благодаря описаниям колебаний нормы мы получаем достоверную информацию о живых языковых процессах середины XIX века [Григорьева 2004, с. 123].

В РБС конфликт Н. И. Греча с А. Д. Галаховым и Ф. И. Буслаевым описан так: «Представляя отчет Я. И. Ростовцеву о ходе работ по составлению учебника по истории русской литературы, Галахов должен был выдержать состязание с Н. И. Гречем; еще ранее Галахову и Буслаеву пришлось вести с ним войну путем печати, так как новая реформа сильнее всего задевала Греча, учебники которого неограниченно царили в продолжение нескольких десятилетий и о грамматике которого Галахов выражался не иначе как с прибавлением эпитета „так называемая” или просто выражался так: „Это – не грамматика русского языка, а грамматика языка Греча”. Личное состязание произошло на квартире Ростовцева, куда, кроме Буслаева и Галахова, были приглашены в качестве специалистов Шульгин, Греч и Востоков. Греч был разбит на всех пунктах, и притом поражению в значительной степени способствовала его же собственная грамматика. Греч не брезговал и окольными путями, чтобы натравить кого следует на Галахова, называл его сотрудником „так называемых Отечественных Записок”, будто бы возбуждавших в читателе пристрастие к иноземцам…» [Ельницкий, 1914, с. 134–135]. В словаре история воссоздана по мемуарам Галахова.

Полемика прекращается после утверждения в Министерстве просвещения новых учебных программ, подготовленных Галаховым, а в 1867 году он публикует некролог, где признаёт заслуги Греча [Галахов, 1867, с. 240–247].

Ударом по репутации ученого стал стихотворный пасквиль молодого демократа Н. А. Добролюбова «На пятидесятилетний юбилей его превосходительства Николая Ивановича Греча» (подразумевался праздник в честь пятидесятилетия деятельности Греча). Автор писал: «…представился мне случай отомстить… Гречу. Я написал пасквиль на случай его юбилея, и стишки разошлись по городу весьма быстро» [Добролюбов, 1934, с. 743]. «Праздник Греча» был назван «унижением для Руси». Текст содержал характеристики Греча («генерал подлецов», «преданный раб», «мелкая душонка», даже с националистическим душком: «немец обруселый») и негативную оценку всех сфер его деятельности: создания учебных книг, перевода «Всеобщей истории» и др.

В своих грамматиках без счета
Терзали вы родной язык… <…>

Скажи нам, немец обруселый,
Что́ для России ты свершил?
Когда и в чем ты, в век свой целый,
Любовь свою к ней проявил? [Добролюбов 1934, с. 8]

Так под влиянием журналистики (Добролюбов и Галахов) и пренебрежения к работам Греча сложилось общее негативное мнение о Грече-лингвисте, сформировался дискурс, не предполагающий чтения работ как самого Греча, так и его оппонентов. Дальнейшее развитие в стране классового подхода к прошлому приводит к тому, что характеристика Греча сводится к тому, что он консервативный журналист, связанный с III-м Отделением, друг Булгарина и враг Пушкина. История Греча напоминает историю формирования отношения к Ф. В. Булгарину [Рейтблат, 2016, с. 5–7].

Оценка трудов Греча довольно долго не имела точкой отсчета уровень лингвистических исследований в современной Гречу России, хотя об этом методологическом заблуждении предупреждал ещё Белинский. Критик отказался от анализа Грамматики Греча, потому что авторитетной грамматики, на которую можно было бы опереться, у него не было, а тратить силы на полный разбор сочинения ему не хотелось. По крайней мере, это была честная позиция. Он писал:

«…где у нас основные, оседлые понятия о русской грамматике, на которые бы можно было опереться при разборе чьего бы то ни было грамматического сочинения? <…> Неверностей, сбивчивости, странностей, словом, недостатков в грамматике г. Греча очень много, но *много и достоинств*. Вообще эта книга, как магазин материалов для русской грамматики, есть сочинение драгоценное и, вместе с тем, горький упрек нам, русским, которых даже и нашему-то родному языку учат иностранцы» [Белинский, 1853, с. 335–336].

Из двух возможных подходов (оценка трудов Греча в сравнении с предшествующим уровнем преподавания русского языка или взгляд на Греча как «немца обруселого» и «вытрезвившегося либерала») долгое время была актуальна вторая, основанная на национальной ревности и представлениях о ленинской периодизации революционно-освободительного движения в России.

Хотя отношение к наследию Н. И. Греча на протяжении XX века меняется, и сейчас время от времени воспроизводится тезис о том, что возникновение методики преподавания русского языка датируется 1844 годом – годом выхода в свет книги Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» [Дейкина, 1998, с. 57]. Эта идея как минимум несправедлива по отношению ко всем авторам учебников первой трети XIX века.

Заключение. Итак, отношение к деятельности Греча было порождением доминирующего дискурса. Положительная оценка со стороны его филологического окружения, знакомого как с западной, так и с отечественной грамматической традицией, сменилась политически обусловленным отрицанием его заслуг. В XX веке Греч оказался лишним с точки зрения марксистско-ленинской концепции классовой борьбы (не поддержал декабристов), а в сталинский период это негативное отношение к нему подпитывалась подозрительностью к иностранцам.

Библиографический список

1. Баранов М. Т. Русский язык: к 210-летию включения в учебные планы // Русский язык в школе. 1996. № 4. С. 49–65.

2. Белинский В. Г. Практическая русская грамматика, изданная Н. Гречем // Белинский В. Г. Полн. соб. соч. : в 13-ти т. Москва : Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. С. 335–336.

3. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1904. Т. 1. 1248 с.

4. Бурлак С. А. Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. Москва : Academia, 2004. 432 с.

5. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Ч. 1. Москва : В Университетской типографии, 1844. 286 с.

6. Виноградов В. В. Из истории русского синтаксиса. Москва : Изд-во Моск.ун-та, 1958. 400 с.

7. Вихрева О. В. Грамматики А. А. Барсова, Н. И. Греча и А. Х. Востокова как источники изучения морфологических категорий имени существительного // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Т. 1. С. 183–187.

8. Владимиров В. В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии: В 3 ч. Казань : Унив. тип., 1867. Ч. 1. 162 с.

9. Галахов А. Д. (рец.) Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики полнее изложенная. Издание второе. С.-Петербург, 1835 // Телескоп. 1836. Ч. XXXIV. № 13. С. 108-128; № 15. С. 248–274.

10. Галахов А. Д. Как прежде учили и как еще учат грамматике // Телескоп. 1836. № 11. С. 339–374.

11. Галахов А. Д. Мнение о статье Н. Греча «Заметки о преподавании русского языка и словесности» // Санкт-Петербургские ведомости. 1856. № 266. С. 1490–1500.

12. Галахов А. Д. Дополнительные объяснения г-ну Гречу // Отечественные записки. 1857. № 4. С. 89–119.

13. Галахов А. Д. Николай Иванович Греч // ЖМНП. 1867. № 2. С. 240-247.

14. Греч А. Н. Справочное место русского слова. Четыреста пятьдесят поправок с руководством к употреблению буквы ять / А. Н. Греч . 1843. 140 с.

15. Греч Н. И. Ланкастерские школы: Отрывок из путевых заметок издателя «Сына Отечества» [Н. Греча]. Санкт-Петербург : Тип. Н. Греча, 1818.

16. Греч Н. И. Пространная русская грамматика. Т. 1. Санкт-Петербург : изд. Н. Греча, 1827. 386 с.

17. Греч Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Н. Гречем. Санкт-Петербург : тип. СПб. Воспит. дома, 1827. 578 с.

18. Греч Н. И. [Ответ критикам] // Северная пчела, 1828, № 25. Ответ на статью Ю. «Замечания на грамматику г. Греча» (Атеней, 1828, № 3).

19. Греч Н. И. Практические уроки русской грамматики. Санкт-Петербург : Типография издателя, 1832. 346 с.

20. Греч Н. И. Чтения о русском языке Николая Греча. Ч. 1. Санкт-Петербург : тип. Н. Греча, 1840. 336 с.

21. Греч Н. И. Руководство к изучению русской грамматики, изданное Николаем Гречем. Санкт-Петербург : изд. Н. Греча, 1843. 266 с.

22. Греч Н. И. Учебная русская грамматика Николая Греча. (Для учащихся). Санкт-Петербург : тип. Н. Греча, 1851. 288 с.

23. Греч Н. И. Задачи учебной русской грамматики. Санкт-Петербург : тип. Н. Греча, 1852. 136 с.

24. Греч Н.И. Записки о моей жизни. Москва, Л.енинград : Academia, 1930. 896 с.

25. Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). Москва : Элпис, 2004. 455 с.

26. Грунский Н. К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Т. I. Санкт-Петербург : Сенат. Тип., 1911. 169 с.

27. Даниленко В. П. Общее языкознание и история языкознания. Москва : Флинта; Наука, 2009. 270 с.

28. Дейкина А. Д. Великий учитель Федор Иванович Буслаев (К 180-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1998. № 3. С. 56–60.

29. Добродомов И. Г. Греч – грамматист // Русская речь. 1987. № 6. С. 58–62.

30. Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Москва : Гослитиздат, 1934-1941. Т. 1. 743 с.

31. Ельницкий А. Галахов // Русский биографический словарь в 25-ти т. Т. 4: Гааг–Гербель. Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1914. С. 130–137.

32. Калайдович И. Ф. (рец.) Практическая русская грамматика, изданная Н. Гречем. Спб. 1827, in 16. 578 стр. Московский вестник. 1827. Ч. VI. № XXIV. С. 427–438.

33. Калайдович И. Ф. Ответ г-ну Ю. на замечания о Грамматике г. Греча, помещенные в 3 № “Атенея” / И. Ф. Калайдович. Московский вестник 1828. Ч. VIII. № VII. С. 321-325; № VIII. С. 424–429.

34. Клубков П. А. Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII – начало XIX в.): историко-лингвистические очерки. Санкт-Петербург : Изд-во СПб ун-та, 2011. 160 с.

35. Клюшин П. В. По следам мосье l’Abbé / П. В. Клюшин, Е. В. Маркасова // Сборник статей памяти Е. В. Душечкиной. Санкт-Петербург, 2022. (в печати).

36. Лапатухин М. С. Из истории преподавания русского языка в средних учебных заведениях России: (дорев. период). Калинин, 1963. 203 с.

37. Лукин О. В. Работы С. Г. А. Герлинга в парадигме немецкой рациональной грамматики и лингводидактики XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. Т. 4. 2018. С. 137–143.

38. Никитин О. В. Лингвистические взгляды Н. И. Греча в контексте филологической традиции его времени (К 230-летию со дня рождения учёного) // Изв. РАН. Сер. Лит. и яз. Т. 76. № 6. 2017. С. 59-68.

39. Полевой К. Споры о грамматике и языке. Санкт-Петербург : тип. Греча, 1857. 78 с.

40. Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы. Москва : «НЛО», 2016. 632 с.

41. Русские филологи XIX века: биобиблиографический словарь-справочник. Москва : Совпадение, 2006. С. 155–162.

42. Соколова Т. И. «Пространная русская грамматика» Н. И. Греча // Русская речь. 2008. № 3. С. 92–97.

43. Соколова Т. И. Морфологические концепты и терминологическая система их воплощения в грамматических исследованиях Н. И. Греча. Вологда. 2009. 22 с.

44. Тростенцова Л. А. Николай Иванович Греч (К 210-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1997. № 3. С. 54–58.

45. Чудинов А. Н. История языкознания в связи с историей обучения родному языку. Воронеж : тип. В. А. Гольдштейна, 1872. 260 с.

46. Greč N. I. Grammaire raisonnée de la langue russe, précédée d'une introduction sur l'histoire de cet idiome, de son alphabet et de sa grammaire / par Nik. Gretsch; ouvrage traduit du russe, et arrangé pour la langue française, avec l'accent tonique sur tous les mots cités, par Ch. Ph. Reiff. T. 1. Saint-Pétersbourg : De l'imprimerie de Nicolas Gretsch, 1828. 407 p.

Reference list

1. Baranov M. T. Russkij jazyk: k 210-letiju vkljuchenija v uchebnye plany = The Russian language: on the 210th anniversary of its introduction into the curricula // Russkij jazyk v shkole. 1996. № 4. S. 49–65.

2. Belinskij V. G. Prakticheskaja russkaja grammatika, izdannaja N. Grechem = Practical Russian grammar published by N. Gretsch // Belinskij V. G. Poln. sob. soch. : v 13-ti t. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1953. T. 1. S. 335–336.

3. Bulich S. K. Ocherk istorii jazykoznanija v Rossii = An outline of the history of linguistics in Russia. Sankt-Peterburg : Tip. M. Merkusheva, 1904. T. 1. 1248 c.

4. Burlak S. A., Starostin S. A. Sravnitel'no-istoricheskoe jazykoznanie = Comparative and historical linguistics. Moskva : Academia, 2004. 432 s.

5. Buslaev F. I. O prepodavanii otechestvennogo jazyka = On teaching the native language. Ch. 1. Moskva : V Universitetskoj tipografii, 1844. 286 s.

6. Vinogradov V. V. Iz istorii russkogo sintaksisa = From the history of Russian syntax. Moskva : Izd-vo Mosk.un-ta, 1958. 400 s.

7. Vihreva O. V. Grammatiki A. A. Barsova, N. I. Grecha i A. H. Vostokova kak istochniki izuchenija morfologicheskih kategorij imeni sushhestvitel'nogo = Grammars by A. A. Barsov, N. I. Gretsch, and A. H. Vostokov as sources for studying morphological categories of nouns // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010. № 4. T. 1. S. 183–187.

8. Vladimirov V. V. Istoricheskaja zapiska o 1 j Kazanskoj gimnazii: V 3 ch. = Historical notes on the 1st Kazan Grammar school: In 3 parts. Kazan' : Univ. tip., 1867. Ch. 1. 162 s.

9. Galahov A. D. (rec.) Russkaja grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniju ego zhe Sokrashhennoj grammatiki polnee izlozhennaja. Izdanie vtoroe. S.-Peterburg, 1835 = Russian grammar by Alexander Vostokov, based on his own Abridged grammar, more fully outlined. The second edition. St.-Petersburg, 1835 //

Teleskop. 1836. Ch. XXXIV. № 13. S. 108–128; № 15. S. 248–274.

10. Galahov A. D. Kak prezhde uchili i kak eshhe uchat grammatike = How grammar was taught before and how it is still taught // Teleskop. 1836. № 11. S. 339–374.

11. Galahov A. D. Mnenie o stat'e N. Grecha «Zametki o prepodavanii russkogo jazyka i slovesnosti» = An opinion on N. Gretsch's article «Notes on teaching Russian and literature» // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1856. № 266. S. 1490–1500.

12. Galahov A. D. Dopolnitel'nye ob#jasnenija g-nu Grechu = Further explanations to Mr. Gretsch // Otechestvennye zapiski. 1857. № 4. C. 89–119.

13. Galahov A. D. Nikolaj Ivanovich Grech = Nikolai Ivanovich Gretch // ZhMNP. 1867. № 2. S. 240–247.

14. Grech A. N. Spravochnoe mesto russkogo slova. Chetyresta pjat'desjat popravok s rukovodstvom k upotrebleniju bukvy jat' = A Reference for Russian words. Four hundred and fifty corrections with a guide to using the letter jat'. 1843. 140 s.

15. Grech N. I. Lankasterskie shkoly: Otryvok iz putevyh zametok izdatelja «Syna Otechestva» [N. Grecha] = Lancaster schools: Some travel notes of the publisher of The Son of the Fatherland. [N. Gretsch]. Sankt-Peterburg : Tip. N. Grecha, 1818.

16. Grech N. I. Prostrannaja russkaja grammatika = Extensive Russian Grammar. T. 1. Sankt-Peterburg : izd. N. Grecha, 1827. 386 s.

17. Grech N. I. Prakticheskaja russkaja grammatika, izdannaja N. Grechem = Practical Russian grammar published by N. Gretch. Sankt-Peterburg : tip. SPb. Vospit. doma, 1827. 578 s.

18. Grech N. I. [Otvet kritikam] = [The answer to critics] // Severnaja pchela, 1828, № 25. Otvet na stat'ju Ju. «Zamechanija na grammatiku g. Grecha» (Atenej, 1828, № 3).

19. Grech N. I. Prakticheskie uroki russkoj grammatiki = Practical lessons of Russian grammar. Sankt-Peterburg : Tipografija izdatelja, 1832. 346 c.

20. Grech N. I. Chtenija o russkom jazyke Nikolaja Grecha = Readings on the Russian language by Nikolai Gretch. Ch. 1. Sankt-Peterburg : tip. N. Grecha, 1840. 336 s.

21. Grech N. I. Rukovodstvo k izucheniju russkoj grammatiki, izdannoe Nikolaem Grechem = A Guide to studying Russian grammar, published by Nikolai Gretsch. Sankt-Peterburg : izd. N. Grecha, 1843. 266 s.

22. Grech N. I. Uchebnaja russkaja grammatika Nikolaja Grecha. (Dlja uchashhihsja) = Instructions on Russian grammar by Nikolai Gretsch. (For students). Sankt-Peterburg : tip. N. Grecha, 1851. 288 s.

23. Grech N. I. Zadachi uchebnoj russkoj grammatiki = Russian grammar instruction tasks. Sankt-Peterburg : tip. N. Grecha, 1852. 136 c.

24. Grech N. I. Zapiski o moej zhizni = Notes of my life. Moskva, Leningrad : Academia, 1930. 896 c.

25. Grigor'eva T. M. Tri veka russkoj orfografii (XVIII–XX vv.) = Three centuries of Russian orthography (XVIII–XX centuries). Moskva : Jelpis, 2004. 455 s.

26. Grunskij N. K. Ocherki po istorii razrabotki sintaksisa slavjanskih jazykov = Essays on the history of designing the syntax of Slavic languages. T. I. Sankt-Peterburg : Senat. Tip., 1911. 169 s.

27. Danilenko V. P. Obshhee jazykoznanie i istorija jazykoznanija = General linguistics and the history of linguistics. Moskva : Flinta; Nauka, 2009. 270 s.

28. Dejkina A. D. Velikij uchitel' Fedor Ivanovich Buslaev (K 180-letiju so dnja rozhdenija) = The great teacher Fedor Ivanovich Buslaev (To 180th anniversary) // Russkij jazyk v shkole. 1998. № 3. S. 56–60.

29. Dobrodomov I. G. Grech – grammatist = Gretch, a grammarian // Russkaja rech'. 1987. № 6. S. 58–62.

30. Dobroljubov N. A. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works: V 6 t. Moskva : Goslitizdat, 1934–1941. T.1. 743 s.

31. El'nickij A. Galahov = Galakhov // Russkij biograficheskij slovar' v 25-ti t. T. 4: Gaag–Gerbel'. Sankt-Peterburg : Tip. I. N. Skorohodova, 1914. S. 130–137.

32. Kalajdovich I. F. (rec.) Prakticheskaja russkaja grammatika, izdannaja N. Grechem. Spb. 1827, in 16. 578 str. = Practical Russian grammar published by N. Gretch. Spb. 1827, in 16. 587 pages. Moskovskij vestnik. 1827. Ch. VI. № XXIV. S. 427–438.

33. Kalajdovich I. F. Otvet g-nu Ju. na zamechanija o Grammatike g. Grecha, pomeshhennye v 3 № «Ateneja» = Response to Mr. Yu's remarks on Mr. Gretsch's Grammar, published in No. 3 of the «Athenaeum». Moskovskij vestnik, 1828. Ch. VIII. № VII. S. 321–325; № VIII. S. 424–429.

34. Klubkov P. A. Formirovanie peterburgskoj tradicii lingvisticheskoj rusistiki (XVIII – nachalo XIX v.) = The formation of St. Petersburg's tradition of Russian linguistic studies (XVIII-early XIX centuries) : istoriko-lingvisticheskie ocherki. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPb un-ta, 2011. 160 s.

35. Kljushin P. V. Po sledam mos'e l'Abbé = In the footsteps of Monsieur l'Abbé / P. V. Kljushin, E. V. Markasova // Sbornik statej pamjati E. V. Dushechkinoj. Sankt-Peterburg, 2022. (v pechati).

36. Lapatuhin M. S. Iz istorii prepodavanija russkogo jazyka v srednih uchebnyh zavedenijah Rossii: (dorev. Period) = From the history of teaching the Russian language in Russian secondary schools: (pre-revolutionary period). Kalinin, 1963. 203 s.

37. Lukin O. V. Raboty S. G. A. Gerlinga v paradigme nemeckoj racional'noj grammatiki i lingvodidaktiki XIX v. = The works by S. G. A. Goerling in the paradigm of German rational grammar and linguodidactics of XIX century // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. T. 4. 2018. S. 137–143.

38. Nikitin O. V. Lingvisticheskie vzgljady N. I. Grecha v kontekste filologicheskoj tradicii ego vremeni (K 230-letiju so dnja rozhdenija uchjonogo) = N. I. Gretsch's linguistic views in the context of the contemporary philological tradition (To the 230th anniversary of the scholar's birth) // Izv. RAN. Ser. Lit. i jaz. T. 76. № 6. 2017. S. 59–68.

39. Polevoj K. Spory o grammatike i jazyke = Debate on grammar and language. Sankt-Peterburg : tip. Grecha, 1857. 78 s.

40. Rejtblat A. I. Faddej Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoj policii. Stat'i i materialy = Faddey Venediktovich Bulgarin: ideologist, journalist, and consultant to the secret police. Articles and materials. Moskva : «NLO», 2016. 632 s.

41. Russkie filologi XIX veka = Russian philologists of XIX century : biobibliograficheskij slovar'-spravochnik. Moskva : Sovpadenie, 2006. S. 155–162.

42. Sokolova T. I. «Prostrannaja russkaja grammatika» N. I. Grecha = «Extensive Russian grammar» by N.I. Gretch // Russkaja rech'. 2008. № 3. S. 92–97.

43. Sokolova T. I. Morfologicheskie koncepty i terminologicheskaja sistema ih voploshhenija v grammaticheskih issledovanijah N. I. Grecha = Morphological concepts and their terminological system in the grammatical studies by N. I. Gretsch. Vologda, 2009. 22 s.

44. Trostencova L. A. Nikolaj Ivanovich Grech (K 210-letiju so dnja rozhdenija) = Nikolai Ivanovich Gretch (to 210 anniversary of his birth) // Russkij jazyk v shkole. 1997. № 3. S. 54–58.

45. Chudinov A. N. Istorija jazykoznanija v svjazi s istoriej obuchenija rodnomu jazyku = History of linguistics in relation to the history of native language teaching. Voronezh : tip. V. A. Gol'dshtejna, 1872. 260 s.

46. Greč N. I. Grammaire raisonnée de la langue russe, précédée d'une introduction sur l'histoire de cet idiome, de son alphabet et de sa grammaire / par Nik. Gretsch; ouvrage traduit du russe, et arrangé pour la langue française, avec l'accent tonique sur tous les mots cités, par Ch. Ph. Reiff. T. 1. Saint-Pétersbourg : De l'imprimerie de Nicolas Gretsch, 1828. 407 p.

Статья поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 13.03.2022; approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 81:82-97
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-143-150
EDN: GCQWBT

Современная исповедь как речевой жанр

Светлана Николаевна Воробьева
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет». 170023, Тверь, ул. Маршала Конева, д. 12
vorobeva-66@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0980-8893

Аннотация. В данной статье речь идет о современной исповеди, которая является одним из репрезентативных жанров сакральной коммуникации. Специальное изучение исповеди как речевого жанра представляет несомненный научный интерес, потому что имеет значение в процессе изучения религиозного дискурса, что и определяет актуальность обращения автора к данной проблематике, новизну научной работы. Цель исследования заключается в том, чтобы охарактеризовать функциональные, структурные и содержательные особенности жанра современной исповедь. Материалом анализа являются предлагаемые Церковью следующие образцы для составления покаянных текстов: Исповедь новоначального, Исповедь, составленная в Оптиной пустыни, Образец исповеди для воцерковленных и др.

В ходе исследования показано, что жанрообразующими факторами исповеди выступает предмет отображения – совершенные грехи и целевая установка – раскаяние, отказ от греха и ориентация на оздоровление духовной жизни. Описываемый жанр является частью сложной речевой ситуации «сокровенный разговор», при котором используется монологическая форма речи. Уникальность исповеди определяется наличием коммуникантов, один из которых принадлежит к духовному миру. На особенность исповеди как жанра указывают такие признаки, как интимность, добровольное вскрытие своей внутренней греховной сути перед лицом Бога, духовность, интимность, самоосуждение, искренность, открытость, смирение, благоговение, богобоязненность и др.

В предлагаемых образцах используются стереотипные обращения, включающие положительно-оценочные эпитеты, предложения, слова-маркеры «согрешил», «каюсь» и т. д., прошения, связанные с ожидаемой от Бога духовной помощью. Полученные результаты можно использовать для дальнейшего изучения сакральной коммуникации.

Ключевые слова: жанр; жанрообразующие факторы; признаки; исповедь; сакральная коммуникация; речевая ситуация

Для цитирования: Воробьева С. Н. Современная исповедь как речевой жанр // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 143–150. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-143-150. https://elibrary.ru/GCQWBT

Original article

Modern confession as a speech genre

Svetlana N. Vorobyeva
Candidate of philological sciences, associate professor, the department of the russian language, Tver state technical university. 170023, Tver, Marshal Konev st., 12
vorobeva-66@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0980-8893

Abstract. In this article, the author analyses modern confession, which is one of the representative genres of sacred communication. The special attention to confession as a speech genre is of undoubted scientific interest, because it is important in studying religious discourse, which determines the relevance of this issue, the novelty of the research work. The purpose of the study is to characterize the functional, structural and substantive features of the genre of modern confession. The materials for the analysis are the following samples for writing penitential texts offered by the Church: The Confession of the novice, the Confession compiled in the Optina Monastery, the Model confession for the churched, etc.

The study shows that genre-forming factors of confession are the subject of representation – the committed sins and the target setting – repentance, renunciation of sin and spiritual recovery. The genre under consideration is part of the

© Воробьева С. Н., 2022

complex speech situation «intimate conversation» which uses monologue as a form of speech. The uniqueness of confession is determined by the presence of communicants, one of whom belongs to the spiritual world. Confession as a genre is characterized by such features as intimacy, voluntary revealing of one's inner sinful nature before God, spirituality, self-judgment, sincerity, openness, humility, reverence, fear of God, etc.

The proposed samples use stereotypical appeals that include positive evaluation epithets, sentences, marker words «I have sinned,» «I repent,» etc., and petitions related to God's spiritual help. The results of the study can be used for further research of sacred communication.

Key words: genre; genre-forming factors; signs; confession; sacred communication; speech situation

For citation: Vorobyeva S. N. Modern confession as a speech genre. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):143–150. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-143-150. https://elibrary.ru/GCQWBT

Введение

Современные жанроведческие исследования свидетельствуют о возросшем интересе лингвистов к изучению такого жанра, как исповедь, которая рассматривается, с одной стороны, как особый вид автобиографии, представляющий ретроспективу собственной жизни (литературный жанр), с другой стороны, как «исповедальное слово», часть религиозного таинства. Исследованиями жанра исповеди в литературе занимались такие известные ученые, например, как М. М. Бахтин, М. С. Уваров, В. Л. Рабинович. Интересные наблюдения содержатся в работах М. В. Михайловой, Н. А. Богуна, К. Г. Исупова, А. В. Суховского, Т. В. Садовниковой, А. И. Алмазовой, М. В. Корогодиной, С. П. Суровягина, Г. П. Худякова, Д. Псалтопулу, К. Д. Кочетковой, Н. Казанского, Л. Н. Степиной и др. В сочинениях св. И. Брянчанинова, св. И. Кронштадского, митрополита Илариона (Алфеева) отражается догматическая точка зрения авторов на православную исповедь как составляющую часть таинства исповеди (покаяния). Следует также отметить статьи А. С. Пригариной, в которых исследуются отличительные признаки и основные особенности современной исповеди. Продолжением изучения исповеди как одного из основных жанров сакральной коммуникации является данная работа. В качестве анализируемого материала нами будут использованы предлагаемые Церковью в качестве примера следующие тексты: Исповедь, составленная в Оптиной пустыни, Образец исповеди для воцерковленных, Общий перечень грехов, Кратчайшая исповедь, Исповедание грехов общее, Пространное исповедание грехов по протоиерею о. А. Ветелеву, Исповедь по сочинениям св. прав. Иоанна Кронштадтского, Исповедь старцев Оптиной Пустыни и др. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить структурно-семантические и функциональные особенности текстов этого жанра, типологически значимые, по которым речевое произведение можно идентифицировать как исповедь**.**

Результаты исследования

Исповедь в христианском понимании представляет собой признание верующими своих грехов перед Богом в рамках таинства исповеди (покаяния) [Воробьев, 2005, с. 133]. С точки зрения В. Г. Гольдина, мы имеем дело со сложным запланированным речевым событием. «Строение таких событий имеет общественно закрепленный, институциональный, даже в значительной степени ритуализованный характер (часть из них вообще – ритуалы), имя (имя события) вполне определяет ролевой состав, отношения и поведение участников сложного коллективного речевого события» [Гольдин, 1997, с. 27]. Объективной причиной необходимости исповеди становится несовершенство природы человека, связанное с нарушением им духовных и моральных норм поведения, которые зафиксированы в христианских заповедях. Участниками таинства являются человек, Бог и священник, между которыми четко обозначены ритуальные (коммуникативные) роли. Адресант (верующий) является нарушителем духовно-нравственных законов, адресат (Бог) исполняет роль судьи. Говорящий (творящий исповедь) выходит из сфер социального взаимодействия, потому что адресатом исповеди является Бог, представитель высших потусторонних сил. Этим определяется специфичность исповеди как речевого жанра, ее жанровая особенность.

В процессе общения верующим предполагается наличие обратной связи, поэтому стратегическая цель этого речевого жанра заключается в том, чтобы получить от Бога прощение и надежду на духовное спасение через установленное им таинство, что определяет уникальность исповеди. Коммуникативная цель и прагматический смысл исповеди состоит и в приобщении автора речи к Богу, во включении себя в общее духовное божественное пространство для особого

устроения своего ума и сердца, достижения гармоничного состояния внутреннего мира. И в этой коммуникативной ситуации большое значение отводится роли священника, который выступает как проситель перед Богом, а не как действующее лицо, судья или зритель [Михайлова, 1997, с. 9], потому что, согласно вероучению, имеет данные полномочия, так как через него действует сам Господь: «*Вот, чадо, Христос невидимо стоит, принимая исповедание твое, не устыдись, не убойся ... Я же только свидетель ...*» [Молотков, 2000, с. 131]. Его коммуникативная роль ограничивается свидетельством о совершении покаяния со стороны кающегося и помиловании и прощении со стороны незримо присутствующего Бога, что также указывает на уникальность исповеди. Кроме того, суть исповеди заключается в анализе своих собственных поступков. Н. Казанский обращает внимание на то, что искренняя оценка собственных поступков, совершенных в прошлом, дается перед лицом Вечности. [Казанский, 2009].

Как было сказано ранее, современное исповедание происходит в рамках таинства исповеди (покаяния), важными моментами которого являются вынесение креста и Евангелия к месту исповеди, чтение священником в строгой последовательности покаянного псалма (псалом 50), тропарей, а также молитв о кающемся [Требник]. В Православном учении о церковных Таинствах схематически структура таинства представлена следующим образом: «Раскаяние – Исповедание – Разрешение – Прощение» [Православное учение о церковных Таинствах]. Первая часть таинства (раскаяние) предполагает индивидуальную подготовку верующего. Подразумевается осознание человеком порочности своего образа жизни, видение грехов, внутреннее сожаление и раскаяние в содеянном, которое осуществляется в нравственных категориях событий человеческой жизни. Внешние обстоятельства жизни задают хронологические рамки истории внутреннего духовного оздоровления человека, становятся обстоятельствами, стимулирующими внутренний духовный рост, объясняют истоки и смысл произошедшего. Другими словами, исповедь ситуативно обусловлена, внешние обстоятельства жизни создают определенные условия, при которых включается механизм внутреннего оздоровления через оценку поступков, раскаяние в них. Адресанту необходимо осуществить следующие коммуникативные действия: 1. вспомнить свои грехи и записать на листок. Можно обратиться к образцам и примерам текстов, предложенных Церковью; 2. искренне раскаяться в содеянном, потому что обращаешься к самому Богу, который и так их знает, но хочет твоего покаяния в них; 3. отказаться от оправдания себя какими-либо обстоятельствами, физической немощью и т.д.; 5. ориентироваться на исправление собственного образа жизни. При этом интимная сторона исповеди кающегося не показывается и не выводится на первый план, не дается и логическая оценка происшедшего через анализ, сравнение и сопоставление событий собственной жизни. Вторая часть таинства предполагает произнесение перед священнослужителем ранее записанных грехов, которое сопровождается искренним раскаянием и верой кающегося в прощение и отпущение их по милости Бога. На третьем этапе происходит разрешение кающегося от грехов. Эту миссию через молитвы, произносимые согласно чину исповеди, совершает исповедующий священник. Просьба к Богу содержится в особой разрешительной молитве: «Аз, недостойный иерей, властию Его [то есть Господа и Бога нашего Иисуса Христа. – Авт.], мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь» [Православное учение о церковных Таинствах]. На кающегося таинственным образом снисходит божья благодать, которая исцеляет пораженную грехом природу человека, прощаются грехи, даруется сила для делания добрых дел. Последняя часть таинства – укоренение в добродетели – предполагает уклонение раскаявшегося человека от совершения прежних злых дел, ориентация на совершение добрых поступков. Коммуникативное намерение верующего предполагает полную перемену собственной жизни, кардинальное изменение мировоззрения, обращение человека от греха к Богу, что определяет уникальность исповеди.

Исповедь, как и другие жанры сакральной коммуникации, характеризуется тематической однородностью. Содержание исповеди – перечень грехов, которые в сознании верующих связаны с духовно-моральными нормами поведения и составляют основу как общей, так и частной исповеди [Пригарина, 2011]. Под общей исповедью понимается совместное исповедание грехов во время богослужения, частная исповедь представляет собой индивидуальное исповедование, осуществляемое «либо в храме во время таинства исповеди, либо наедине с самим собой в молитвенном уединении» [Пригарина, 2011]. У каждо-

го из этих типов своя структура, т.е. построение, схема. «Для каждого из упомянутых типов характерна своя единая общая структура, однако, внутри каждого элемента возможны вариации, поскольку исповедь творится людьми, и никому не дано предугадать, как мысль человека повернет в следующий момент» [Пригарина, 2011]. Действительно, личностные особенности и предпочтения верующего оказывают существенное влияние на структуру и содержание исповеди, это нельзя не учитывать. Однако существуют рекомендации и стандарты, предложенные Церковью. Их прагматическая цель состоит в том, чтобы помочь кающемуся рассказать о собственных грехах. На основе предоставленных верующим образцов и примеров можно проследить некоторые закономерности в построении исповедных текстов. В качестве анализируемого материала нами будут использованы: Образец исповеди для впервые приступающих к таинству покаяния, Исповедь, составленная в Оптиной пустыни, Образец исповеди для воцерковленных, Общий перечень грехов, Кратчайшая исповедь, Исповедание грехов общее, Пространное исповедание грехов по протоиерею о. А. Ветелеву, Исповедь по сочинениям св. Прав. Иоанна Кронштадтского, Исповедь старцев Оптиной Пустыни и др.

Представленные варианты составления исповеди имеют четкую структуру: вступление, основная часть, заключение. Для привлечения внимания адресата, вызывания у предполагаемого собеседника определенной реакции на последующее сообщение во вступлении четко определяется коммуникативное намерение адресанта, которое состоит в том, чтобы сообщить адресату о своей готовности к покаянию. Вербальным маркером выступают глаголы «исповедую», «исповедуем»: «*Исповедаю Господу Богу Вседержителю, во Святей Троице славимому и покланяемому Отцу и Сыну, и Святому Духу, о всех моих грехах»* [Исповедь, составленная в Оптиной пустыни], «*Исповедую Господу Богу моему и перед тобой, отче честный, все мои безчисленные прегрешения, которые я сотворил до настоящего дня и часа»* [Образец исповеди для воцерковленных], «*Исповедаю аз многогрешный (имярек) Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и тебе, честный отче, вся согрешения моя и вся злая моя дела, яже содеял во все дни жизни моей, яже помыслил даже до сего дня»* [Общий перечень грехов]. Коммуникативное намерение выступает «регулятором вербального поведения партнеров» (И. А. Зимняя), определяет роль говорящего как участника общения – грешник, и форму взаимодействия – исповедь. В приведенных примерах простые стереотипные формулы составляют основу высказываний. Основным средством адресации, важным вербальным маркером, называющим адресата, служащим сигналом для установления контакта, являются стандартные обращения к Богу, включающие оценочные слова, указывающие на свойства Бога, например, *«Исповедуемся Господу Богу Вседержителю, во Святой Троице славимому и поклоняемому Отцу и Сыну и Святому Духу во всех наших грехах, зле содеянных мыслию, словом, делом и всеми нашими чувствами»* [Исповедь по сочинениям св. прав. Иоанна Кронштадтского], а также восхваляющие и возвеличивающие эпитеты: *«честный, истинный, славимый, поклоняемый».* Яркой особенностью выступает использование формы *«отче»,* выражающей “высшую степень искренней любви, доверенности, покорности” [Библейская энциклопедия, 1990, с. 10].

Основная часть текстов содержит перечень совершенных грехов без каких бы то ни было комментариев. Подробные описания и оценки поступков, мыслей и чувств не предусматриваются в процессе устного проговаривания и остаются за его пределами. В указанных образцах предлагается несколько вариантов составления основной части исповеди. Первый вариант предполагает построение исповеди по принципу перечисления грехов, связанных с нарушением десяти заповедей: 1. Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицем Моим. 2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им. 3. Не произноси имени Господа, Бога твоего напрасно. 4. Помни день субботний, чтобы святить его; Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему. 5. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле. 6. Не убивай. 7. Не прелюбодействуй. 8. Не кради. 9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. 10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего [Исход, 2007, с. 80]. Второй вариант связан с называнием грехов по разделам. 1. Грехи против Господа Бога 2. Грехи против ближнего 3. Грехи против самого себя. 4. Грехи смертные, то есть делающие человека повинным веч-

ной смерти или погибели: 1. Гордость, 2. Сребролюбие 3. Блуд, 4. Зависть, 5. Чревоугодие или плотоугодие, 6. Гнев 7. Леность. В третьем варианте акцент делается на перечислении главных человеческих страстей: 1.Чревообъядение. 2.Любодеяние. 3. Сребролюбие. 4. Гнев. 5. Печаль 6. Уныние. 7. Тщеславие. 8. Гордость. Четвертый вариант предполагает ответы кающегося на предложенные пастырем вопросы. Например, вопросы на исповеди по десяти заповедям закона Божия. Первая заповедь закона Божия: «Я Господь, Бог твой, ...да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» [Исход, 2007, с. 80]. Протоиерей Григорий Дьяченко предлагает в своем пособии для пастырей Церкви следующие вопросы**:** «1. Имеешь ли, сын мой, твердую веру в Слово Божие и учение Св. Церкви? 2. Не страдаешь ли ты, сын мой, от нападения на твою душу частых сомнений в истинах св. веры? 3. Не допустил ли ты когда неверия в Промысл Божий? 4. Не страдаешь ли, сын мой, бесчувствием и окаменением сердца в деле веры? 5. Не был ли ты когда безбожником или не сочувствовал ли пагубному учению несчастных безумцев-безбожников? 6. Не повинен ли ты в грехе ереси? Не сочувствовал ли когда еретическим лжеучениям? 7. Не был ли ты, сын мой, раскольником, не одобрял ли раскольнических самочинных собраний вне единства с Православной Церковью?» и т. д. [Дьяченко]. М. Корогодина считает, что традиция исповеди через вопросники пришла на Русь из Греции через Балканы и получила наибольшее развитие [Корогодина 2006]. Четвертый вариант используется священником при проведении коллективной исповеди. Священнослужитель, например, называет все грехи, а исповедующиеся повторяют за ним и признаются в их совершении. Структура исповеди в этом случае включает: 1. Вступление – зачин, в котором обозначается тема, связанная с каким-либо религиозным событием, как правило, это значимый церковный праздник. 2. Основная часть исповеди. Содержит перечень разного рода грехов, который строится по цепочке. В течение всей исповеди рефреном повторяется просьба о прощении, либо самоуничижительные формулы, например, «Согрешил». Во время больших церковных праздников при наличии огромного количества желающих исповедаться коллективная исповедь может строиться как диалог, состоящий из общих типовых вопросов. Заключительная часть исповеди содержит отпущение грехов, читается разрешительная молитва, после чего кающемуся отпускаются грехи. Указанные варианты составления исповеди используются и для подготовки индивидуальной исповеди. Однако очень многое в построении индивидуальной исповеди зависит от желания человека воспользоваться предложенными вариантами или проявить творческую свободу в представлении собственных грехов не только в содержательном плане, но и композиционном. Если имеет место ориентация на общий образец, структура индивидуальной исповеди мало чем отличается от коллективной. Напомним, что такими текстами для нас являются: Исповедь, составленная в Оптиной пустыни, Образец исповеди для воцерковленных, Общий перечень грехов, Кратчайшая исповедь, Исповедание грехов общее, Пространное исповедание грехов по протоиерею о. А. Ветелеву, Исповедь по сочинениям св. Прав. Иоанна Кронштадтского, Исповедь старцев Оптиной Пустыни.

В основной части указанных текстов обращает на себя внимание стереотипность языковой формы, которая проявляется в однотипном строении предложений, многократном использовании глаголов-маркеров «согрешил», «исповедаю», выступающими рефреном в образцах. Например: *«Исповедаю, во грехах зачатый, во грехах рожденный, во грехах воспитанный и от самого Крещения до сего времени живущий во грехах. <…> Согрешил: порабощением себя страстям: сластолюбию, корыстолюбию, гордости, самолюбию, тщеславию, раболепству духу времени, мирским обычаям против совести, с нарушением заповедей Божиих, любостяжанию, чревоугодию, лакомству, объядению, пьянству»* [Исповедь, составленная в Оптиной пустыни]. Повторы однотипных предложений выступают в качестве речевого приема. Они, судя по всему, являются средством выражения интенсивности, множественности, усиливают воздействие на адресата речи. В некоторых вариантах исповеди вводятся дополнительные смысловые части, в которых перечисляются отсутствующие у верующего добродетели. Маркирование осуществляется глаголами «не имею», «не имеем»: *«Не имею: прямодушия, искренности, простоты, верности, правдивости, уважительности, степенности, осторожности в словах, благоразумной молчаливости, охранения и защищения чести других»*. [Исповедь, составленная в Оптиной пустыни]. Особое место в основной части занимают включения, содержащие обращения верующего к Богу о прощении. Ключевым словом выступает глагол «прости», прямое обраще-

ние: *«Прости мя, честный отче»* [Общий перечень грехов]. *Или: «Прости нас, Милосердный Господи (для народа)». «Прости мя, честны́й отче (для одиноких)»* [Кратчайшая исповедь]. Важное место в исповедальных текстах занимают обращения с извинениями: *прости нас, Господи, помилуй*; реальные просьбы о прощении.

В некоторых образцах прошения о прощении составляют заключительную часть исповеди. Как правило, они предваряются высказываниями о полном раскаянии грешника и его обещании исправить свою жизнь. Например: *«Каюсь перед Господом Богом во всех своих грехах, прошу у Него прощения, искренне о них сожалею и желаю всевозможно воздерживаться от грехов моих и исправляться»* [Образец исповеди для воцерковленных]. Речевые высказывания в основном содержат просьбы о духовной помощи в том, чтобы утвердиться в намерении исправиться, жить по-христиански, воздерживаться от греховной жизни.

Поскольку перед нами жанр разговорной речи, а одна из её важнейших характеристик – монологичность, то с формальной точки зрения жанр исповеди является монологическим. Однако надо признать, что исповедь – часть сложной речевой ситуации «сокровенного разговора, разговора по душам», в процессе которого происходит интимная беседа грешной души **с** создателем. Сокровенный разговор, происходящий глубоко внутри себя, носит интимный характер. Описания духовных переживаний, чувств, ощущение настоящего момента в современной исповеди не ориентированы на публичность. Диалог с Богом, основу которого составляют просьбы и мольбы о прощении грехов, как справедливо замечает В. А. Маслова, имеет «перлокутивный эффект: речевые действия говорящего направлены на достижение конкретного результата – прощение грехов» [Маслова, 2016, с. 94]. Исповедальный текст становится «формой участия в сакральном действии, предполагающей конкретного адресата – Бога. В этом смысле жанр выступает как категория, которая организует коммуникативную деятельность» [Маслова, 2016, с. 94]. В. А. Маслова в связи с этим в качестве жанрообразующих признаков выделяет сакральность, личностность, духовность [Маслова, 2016, с. 94]. Однако, на наш взгляд, список указанных коммуникативных признаков можно продолжить: Анализ материала позволил нам выявить ряд других признаков: 1. Интимность. Исповедь предполагает мучительное погружение человека вглубь своих мыслей, поступков, чувств, которые скрыты от постороннего взгляда. 2. Самоосуждение. На этапе самоосуждения происходит оценка индивидом своего поведения как греховного. 3. Искренность, открытость. Исповедь предполагает сознательное намерение человека рассказать правду о себе, раскрыть собственные греховные чувства и мысли. 4. Добровольность. Все вербальные и невербальные действия совершаются в ходе исповеди добровольно. 5. Реалистичность. 6. Обретение самого себя, которое происходит в ходе постоянного диалога с самим собой, с Богом, что является одним из основных импульсов исповеди. 7. Смиренное обращение к Богу с просьбой о прощении. 8. Духовность. Глубоко личные духовные искания. 9. Оздоровление. Исповедь проговаривается в словах, которые выступают в качестве животворящей силы и дают облегчение, осознание собственной правоты, внутренней чистоты. 10. Реализация. Данное Богу обещание не совершать греховные действия должно быть реализовано. 11. Другой отличительный признак исповеди заключается в том, что она совершается всегда в ситуации благоговения, богобоязненности (в богословии этим термином называют высшую степень богопочитания). 12. Искренняя благодарность за возможность встать на путь исправления.

Проведение таинства исповеди закреплено и определено тысячелетней практикой богослужения. Исповедь осуществляется в храме во время проведения Божественной Литургии (утро) или во время вечерней службы, в случае болезни может осуществляться и вне стен храма.

Заключение

Таким образом, исповедь является жанром сакральной коммуникации, функциональная специфика которого заключается в том, чтобы установить контакт грешного человека с Богом. Лейтмотивом исповеди является покаяние. Жанрообразующими факторами выступает предмет отображения – осознание грехов, целевая установка – раскаяние, отказ от греха и ориентация на оздоровление духовной жизни. Специфика определяется наличием адресата, в качестве которого выступает Бог, сверхъестественное существо, представитель духовного мира. Прагматическая цель рекомендованных Церковью образцов,

стандартных текстов исповеди, состоит в том, чтобы помочь кающемуся рассказать о собственных грехах. Композиция исповеди и лексико-семантическое оформление определяются стратегической целью – получить прощение и надеяться на духовное спасение. В частности, используются ритуальные обращения, положительно-оценочные эпитеты, повторы однотипных синтаксических конструкций, глагольных форм. На особенности исповеди указывают следующие признаки: интимность, самоосуждение, искренность, открытость, добровольность, реалистичность, смирение, духовность, благоговение, богобоязненность и др.

Библиографический список

1. Библейская энциклопедия: [Труд и изд. архимандрита Никифора]. [Репринт. изд.]. Москва : Издательский центр «Терра», 1990. 902 с.

2. Воробьев В. Покаяние, исповедь, духовное руководство // Путь покаяния: Беседы перед исповедью. Москва : Даниловский благовестник, 2005. С. 133–208.

3. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов : Издательство ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 23–34.

4. Дьяченко Григорий. Накануне исповеди. URL: https://azbyka.ru/otechnik (дата обращения: 10 02.2022).

5. Исповедание грехов общее. URL: http://zarytsa.cerkov.ru/obshhaya-ispoved (дата обращения: 12.03.2022).

6. Исповедь, составленная в Оптиной пустыни. URL: https://proza.ru/2018/02/15/1532 (дата обращения: 5.03.2022).

7. Исповедь по сочинениям св. Прав. Иоанна Кронштадтского. URL: https://petkohinov.com/pravoslavie/rus (дата обращения: 24.02.2022).

8. Исповедь старцев Оптиной Пустыни. URL: https://proza.ru (дата обращения: 21.01 2022).

9. Исход // Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. Москва, 2007. 1296 с.

10. Казанский Н. Исповедь как литературный жанр // Вестник истории, литературы, искусства / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин. Москва : Собрание, 2009. Т. 6. С. 73–90.

11. Кратчайшая исповедь. URL: http://pravoslavnik. (дата обращения: 12.03. 2022).

12. Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX веках: Исследования и тексты. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. 579 с.

13. Маслова В. А. Покаяние: жизнь человека, деятельностный концепт или жанр? // Жанры речи. 2016. №1. С. 94–99.

14. Михайлова М. В. Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь) // Метафизика исповеди. Пространство исповедального слова. / Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26-27 мая 1997 года). Санкт-Петербург : Изд-во Института человека РАН, 1997. С. 9–14.

15. Молотков С. Е. Практическая энциклопедия православного христианина. Основы церковной жизни. Санкт-Петербург : Сатис, 2000. 327 с.

16. Общий перечень грехов. URL: https://religion.wikireading.ru (дата обращения: 15.03. 2022).

17. Православное учение о церковных Таинствах. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/pravoslavno (дата обращения: 14.02 2022).

18. Пригарина А. С. Исповедь как жанр и интенция // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград. 2011. № 2 (56). С. 11–15.

19. Пространное исповедание грехов по протоиерею о. А. Ветелеву. URL: https://religion.wikireading.ru (дата обращения: 28.02 2022).

20. Требник. Чин исповеди. URL: https://azbyka.ru/bogosluzhenie/1/trebnik (дата обращения: 18.03. 2022).

Reference list

1. Biblejskaja jenciklopedija: [Trud i izd. arhimandrita Nikifora] = Biblical encyclopedia: [Written and published by Archimandrite Nicephorus]. Moskva : Izdatel'skij centr «Terra», 1990. 902 s.

2. Vorob'ev V. Pokajanie, ispoved', duhovnoe rukovodstvo = Repentance, confession, spiritual guidance // Put' pokajanija: Besedy pered ispoved'ju. Moskva : Danilovskij blagovestnik, 2005. S. 133–208.

3. Gol'din V. E. Imena rechevyh sobytij, postupkov i zhanry russkoj rechi = Names of speech events, actions, and genres of Russian speech // Zhanry rechi. Saratov : Izdatel'stvo GosUNC «Kolledzh», 1997. S. 23–34.

4. D'jachenko Grigorij. Nakanune ispovedi = On the brink of confession. URL: https://azbyka.ru/otechnik (data obrashhenija: 10 02.2022).

5. Ispovedanie grehov obshhee = Common confession of sins. URL: http://zarytsa.cerkov.ru/obshhaya-ispoved (data obrashhenija: 12.03.2022).

6. Ispoved', sostavlennaja v Optinoj pustyni = Confession, written in the Optina Monastery. URL: https://proza.ru/2018/02/15/1532 (data obrashhenija: 5.03.2022).

7. Ispoved' po sochinenijam sv. Prav. Ioanna Kronshtadtskogo = Confession according to the writings of St. John of Kronstadt. URL: https://petkohinov.com/pravoslavie/rus (data obrashhenija: 24.02.2022).

8. Ispoved' starcev Optinoj Pustyni = Confessions of elders of the Optina Monastery. URL: https://proza.ru (data obrashhenija: 21.01 2022).

9. Ishod = Exodus // Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija. Vethogo i Novogo Zaveta. Moskva, 2007. 1296 s.

10. Kazanskij N. Ispoved' kak literaturnyj zhanr = Confession as a literary genre // Vestnik istorii, literatury,

iskusstva / RAN, Otd-nie ist.-filol. nauk; gl. red. G. M. Bongard-Levin. Moskva : Sobranie, 2009. T. 6. S. 73–90.

11. Kratchajshaja ispoved' = The shortest confession. URL: http://pravoslavnik. (data obrashhenija: 12.03. 2022).

12. Korogodina M. V. Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vekah: Issledovanija i teksty = Confession in Russia in XIV-XIX centuries: studies and texts. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2006. 579 s.

13. Maslova V. A. Pokajanie: zhizn' cheloveka, dejatel'nostnyj koncept ili zhanr? = Repentance: a human life, an activity concept, or a genre? // Zhanry rechi. 2016. №1. S. 94–99.

14. Mihajlova M. V. Molchanie i slovo (tainstvo pokajanija i literaturnaja ispoved') = Silence and word (the sacrament of penance and literary confession) // Metafizika ispovedi. Prostranstvo ispovedal'nogo slova. / Materialy mezhdunarodnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 26-27 maja 1997 goda). Sankt-Peterburg : Izd-vo Instituta cheloveka RAN, 1997. S. 9–14.

15. Molotkov S. E. Prakticheskaja jenciklopedija pravoslavnogo hristianina. Osnovy cerkovnoj zhizni = Practical encyclopedia of the Orthodox Christian. Basics of church life. Sankt-Peterburg : Satis, 2000. 327 s.

16. Obshhij perechen' grehov = The general list of sins. URL: https://religion.wikireading.ru (data obrashhenija: 15.03. 2022).

17. Pravoslavnoe uchenie o cerkovnyh Tainstvah = The Orthodox teaching on the Sacraments of the Church. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/pravoslavno (data obrashhenija: 14.02 2022).

18. Prigarina A. S. Ispoved' kak zhanr i intencija = Confession as a genre and intention // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Volgograd. 2011. № 2 (56). S. 11–15.

19. Prostrannoe ispovedanie grehov po protoiereju o. A. Vetelevu = An extensive confession of sins according to Archpriest Fr. A. Vetelev. URL: https://religion.wikireading.ru (data obrashhenija: 28.02 2022).

20. Trebnik. Chin ispovedi = Breviary. The rite of confession. URL: https://azbyka.ru/bogosluzhenie/1/trebnik (data obrashhenija: 18.03. 2022).

Статья поступила в редакцию 07.03.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 07.03.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-151-158
EDN: GIIVAH

Проблемные поля терминов контактной лингвистики

Анетта Валерьевна Бернгардт
Аспирант кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
anettaberngardt@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5982-1717

Аннотация. Билингвизм как многоаспектная проблема исследуется в рамках многих наук. Билингвальные исследования в лингвистике – это, в первую очередь, изучение специфики функционирования языков в тесном контакте. Терминологический аппарат этой области исследования обширен, однако обладает целым рядом несовершенств. Несмотря на долгую историю билингвальных исследований, не существует четкой дефиниции каждого используемого здесь термина. В данной статье анализируются основные термины билингвальных исследований, их дефиниции и подходы к использованию.

К основным терминам билингвальных исследований относятся *билингвизм, интерференция, трансференция, переключение кодов, заимствование* и некоторые другие. Больше всего вопросов вызывают термины «интерференция» и «трансференция», что связано, прежде всего, с различиями в традиции отечественной и зарубежной лингвистики. В то же время на формирование языковой личности влияет не только уровень владения языком, но и культурное и социальное окружение. Для описания совокупности факторов, влияющих на языковую личность билингва, были введены термины «языковая биография» и «семилингвизм».

Проблемными в контактной лингвистике являются и такие термины, как «переключение кодов» и «заимствование как форма взаимодействия языков», однако многие лингвисты относят их к частным случаям лексической интерференции.

По итогам анализа билингвальной терминологии в статье делается вывод о том, что взаимовлияние языков в речевом контакте не является статичным, следовательно, его нельзя уложить в уже существующие традиционные рамки и схемы. Именно поэтому терминологические споры – неизбежное явление, а базовые термины контактной лингвистики представляют собой самостоятельный предмет изучения.

Ключевые слова: билингвизм; билингвальная личность; языковая интерференция; трансференция; межъязыковая идентификация; переключение кодов; заимствования

Для цитирования: Бернгардт А. В. Проблемные поля терминов контактной лингвистики // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 151–158. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-151-158. https://elibrary.ru/GIIVAH

Original article

Problem fields of contact linguistics terms

Anetta V. Berngardt
Post-graduate student, department of language theory and the German language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
anettaberngardt@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5982-1717

Abstract. Bilingualism as a multidimensional problem is studied in many sciences. Bilingual research in linguistics is primarily about studying the specifics of languages functioning in close contact. The terminological apparatus of this field is extensive, but it has a number of imperfections. Despite the long history of bilingual studies, there is no clear definition of each term used here. This article analyzes the basic terms of bilingual studies, their definitions, and approaches to their use. Key terms in bilingual studies include *bilingualism, interference, transference, code-switching, borrowing,* and several others. The terms «interference» and «transference» raise the majority of questions, which is primarily due to the differences in Russian and foreign linguistic traditions. At the same time, the formation of a linguistic personality is influenced not only by the level of language proficiency, but also by the cultural and social environment. The terms «linguistic biography» and «semilingualism» were introduced to describe the totality of factors influ-

© Бернгардт А. В., 2022

encing the linguistic personality of a bilingual.

The terms «code-switching» and «borrowing as a form of language interaction» are also problematic in contact linguistics, but many linguists refer to them as special cases of lexical interference.

After analyzing bilingual terminology, the author concludes that mutual interaction of languages in speech contact is not static; therefore, it cannot be placed in the existing conventional frameworks and schemes. This is why terminology disputes are inevitable, and the basic terms of contact linguistics constitute a special study case.

Key words: bilingualism; bilingual personality; language interference; transference; interlingual identification; code-switching; borrowing

For citation: Berngardt A. V. Problem fields of contact linguistics terms. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):151–158. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-151-158. https://elibrary.ru/GIIVAH

Введение. Изучение языковых контактов явилось основной точкой для формирования понятия билингвизма как многоаспектной проблемы, где исследования проводятся в рамках нескольких смежных научных дисциплин. Билингвальные исследования можно встретить в рамках социологии, психологии, психолингвистики и, конечно же, лингвистики. Столь обширное и многогранное явление, как двуязычие, безусловно, не может быть полностью изучено лишь одной конкретной наукой. Изучение билингвизма в рамках лингвистики – это в большей степени изучение специфики функционирования одного языка в тесном контакте с другим (другими). Многогранность процесса билингвизма породила множество билингвальных теорий и подходов в зависимости от того, какой его конкретный аспект рассматривается (психологический, социологический, лингвистический, педагогический и др.) [Вишневская, 1997, с. 5].

Методы исследования. При рассмотрении вопросов языковых контактов и билингвизма неизбежно возникает необходимость в использовании терминологического аппарата, созданного для этой области исследований. Исследования билингвизма проводятся с конца XIX века, поэтому в контактной лингвистике был выработан целый ряд терминов, позволяющих описывать все разнообразие языковых процессов, наблюдаемых в речи билингвов. Тем не менее, несмотря на долгую историю исследований билингвизма, не существует четкой дефиниции каждого используемого здесь термина. Исследователи билингвальных аспектов, описывая конкретные явления, всегда оговариваются, что они понимают под тем или иным термином. Каждый из них стремится расширить или сузить понимание того или иного термина, исходя из целей и задач своего конкретного исследования.

Основу терминологии билингвальных исследований составляют такие понятия, как *интерференция, трансференция, межъязыковая идентификация, переключение кодов, заимствование*.

Результаты исследования и дискуссия. Исследования языковых контактов долгое время рассматривали билингвизм только на уровне языка, и лишь с появлением работ академика Л. В. Щербы двуязычие стало восприниматься как живой контактный процесс, существующий в речи [Щерба, 1974, с. 341].

Одной из первых работ по билингвизму, где применялся комплексный анализ материала в связи с этой проблемой, стала работа У. Вайнраха «Языковые контакты», изданная в 1953 году [Weinreich, 1953, с. 101]. Безусловно, лингвистический аспект двуязычия представляет наибольший интерес для филологической науки. Однако без учета остальных аспектов невозможно понять механизмы развития и функционирования речи билингвов.

Билингвизм как направление, изучаемое лингвистикой, имеет свой терминологический аппарат. Как и большинство терминов филологических наук, сам билингвизм имеет множество дефиниций. Наиболее распространенные его определения подразумевают свободное владение двумя языками [Ахманова, 1969, с. 53]. Это значит, что билингвы думают в конкретный момент на «нужном» языке.

Другой подход к определению билингвизма связан с различной функциональной нагрузкой каждого из языков [Вайнрайх, 1979; Розенцвейг, 1971; Верещагин, 1967; Протасова, 2005]. Исследования показывают, что, как правило, языки распределяются по сферам употребления (один язык может применяться исключительно для целей общения в семье, а другой активно используется в социуме).

Е. М. Верещагин, определяя понятие билингвизма, большое внимание уделяет его типам – чистому и смешанному [Верещагин, 1967, с. 124]. По мнению исследователя, в практике *чистого* билингвизма ключевые механизмы каждого из языков никак не связаны друг с другом. Другой тип билингвизма он называет *смешанным* – в этом случае языки свободно заменяют друг друга и между речевыми механизмами существует заметная связь.

Как следует из вышеизложенного, в современной научной литературе вопрос типологии билингвизма остается неоднозначным, таким образом, терминологическая неупорядоченность в описании билингвизма нередко ведет к противоречиям в толковании основной терминологии билингвальных исследований.

По характеру соотнесенности языковых механизмов между собой Г. Н. Чиршева выделяет следующую типологию билингвизма: чистый (координативный) и смешанный (субординативный) [Чиршева, 2003, с. 24]). Если речевые механизмы каждого языка функционируют независимо друг от друга, перед нами чистый билингвизм. Если языки взаимодействуют во время речевого акта – это смешанный билингвизм. В случае со смешанным билингвизмом эквивалентные единицы двух языков имеют единую семантическую базу, что является предпосылкой для развития переводческих способностей билингвов.

В процессе становления билингвальной личности можно выделить два взаимосвязанных аспекта. Первый состоит в том, что определенные компетенции формируются несинхронно, то есть с разной скоростью, разными способами и т. д. В связи с этим, говоря о функциональном взаимодействии языков, приходят к необходимости научного описания таких процессов, как интерференция и трансференция [Бернгардт, 2020, с. 227].

Согласно У. Вайнрайху, два или более языков находятся в контакте, когда поочередно используются одним и тем же человеком, который формирует место контакта [Weinreich, 1953, с. 172]. Й. Бехерт и В. Вильдген дополняют это психолингвистическое определение социолингвистической точкой зрения о том, что местом языкового контакта является группа в целом [Bechert, 1991, с. 54]. Таким образом, двуязычие и многоязычие воспринимаются как результат речевого контакта. Следствием языкового контакта является билингвизм, а контакт между народами приводит к *бикультуральности*. У. Вайнрайх называет билингвизмом чередующееся использование языков [Вайнрайх, 1979, с. 37]. «Билингвизм ... начинается с того момента, когда говорящий на одном языке может производить полные, осмысленные высказывания в другом языке» [Haugen, 1953, p. 250]. Хауген подчеркивает, что при этом порой невозможно различить сознательное и спонтанное использованием элементов другого языка (например, у билингвов в разговоре с монолингвами).

Использование элементов другого языка может быть описано с точки зрения таких явлений, как интерференция и трансференция. Термин «интерференция» впервые был употреблен в 1948 году лингвистами пражского лингвистического кружка Б. Гавранеком и Р. Якобсоном, которые предложили его для обозначения процессов взаимовлияния языков. Этот термин активно использовался, а явление изучалось с середины 50-х гг. XX века. Толчком для этого послужила книга У. Вайнраха «Языковые контакты» [Weinreich, 1953; Вайнрайх, 1979]. В ней он описывал интерференцию как результат отклонения от нормы языка в результате контакта языков или их взаимодействия. В его понимании, интерференция всегда связана со структурой языка и возникает как своеобразный отклик языковой структуры одного языка на проникший в нее элемент другого языка.

Ученые, занимающиеся билингвальными исследованиями, выделяют узкое и широкое понимание интерференции. Так, Л. И. Баранникова, Э. М. Ахунзянов и Р. А. Юсупов рассматривают интерференцию в ее широком значении: она представляет собой любые виды и формы взаимовлияния языков, вызванные их структурными характеристиками [Баранникова, 1972, с. 91; Ахунзянов, 1978, с. 68; Юсупов, 1980, с. 25].

Р. Грожан в своей монографии использует термин «интерференция» только в значении «непроизвольное влияние одного языка на другой» [Грожан, 1982, с. 151]. Согласно У. Вайнраху, интерференция возникает под воздействием языковых контактов и является отклонением от нормы языка [Вайнрах, 1979, с. 134]. Как правило, интерференция толкуется в негативном ключе как некая помеха для коммуникации в рамках нормы, как фактор, затрудняющий коммуникацию. В соответствии с теорией Кляйна интерференция проявляется при мнимой для говорящего схожести языков. Однако не все ученые придерживаются мнения, что интерференция – это негативное явление в билингвальной речи. Так, Б. Гавранек определяет ее как сумму общих языковых явлений, возникающих вследствие языковых контактов [Гавранек, 1972, с. 101].

Если ученые-лингвисты в большинстве своем определяют интерференцию как некое объективное свойство билингвизма, то в работах по методике преподавания иностранного языка этот термин имеет отрицательную коннотацию и раскрывается как нежелательный перенос навыков родного языка на иностранный [Александрова,

2004, с. 94]. Г. М. Вишневская, понимая интерференцию как нежелательное явление в освоении языка, выделяет следующие ее виды:

− интерференция, затрудняющая понимание;

− интерференция, нарушающая понимание;

− интерференция, препятствующая пониманию [Вишневская, 1997, с. 59].

Понимание интерференции как отрицательного процесса в языке обусловило выделение слабой, умеренной и сильной интерференции [Абдыгалиев, 1975, с. 8; Вишневская, 1997, с. 51], а также коммуникативно релевантной и коммуникативно нерелевантной [Метлюк, 1986, с. 39].

Согласно Г. Чиршевой, интерференция проявляется лишь в том случае, когда один из языков билингва оказывается доминантным и влияет на второй язык, нарушая его языковые нормы [Чиршева, 2001, с. 26]. Причем эти нарушения проявляются на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, лексико-семантическом, грамматическом и графическом.

Некоторые терминологические сложности с понятием интерференции возникли тогда, когда ее предложили рассматривать как нейтральное явление, обусловленное закономерностями взаимовлияний языков, а факты ошибочного переноса норм одного языка на другой стали именовать трансференцией [Ахунзянов, 1978, с. 70]. В своей работе он рассматривает трансференцию как отрицательное явление, мешающее освоению другого языка.

Таким образом, термины «интерференция» и «трансференция» у разных лингвистов могут иметь диаметрально противоположное толкование, и их использование должно проводиться с изначальным определением во избежание терминологической путаницы.

В противовес интерференции как некой неправильности в речевом контакте исследователи билингвизма предлагают говорить о *трансференции*, считая такое обозначение более нейтральным. Кляйн в своих исследованиях билингвальной речи определяет трансференцию как поглощение элементов, признаков и правил из другого языка [Clyne, 1975, с. 97; Clyne, 1991, с. 114]. Однако этот термин имеет ряд недостатков, и прежде всего он не совершенен в том, что, по-видимому, не фиксирует все эффекты языкового контакта, поскольку они не всегда представляют собой реальные поглощения. Так, по мнению В. Ю. Розенцвейга, у двуязычных людей возникает своего рода третья система, содержащая полный набор признаков, основанный на совпадениях обоих языков [Розенцвейг, 1963, с. 60]. Интерференция, согласно его теории, заключается в создании не существующих в реальности уравнений единиц обоих языков. В свою очередь, Б. Гавранек называет интерференцию суммой общих речевых явлений в результате речевого контакта [Гавранек, 1972, с. 107]. Э. Хауген считает, что использование элементов другого языка, признаков и правил происходит и при межязыковой идентификации, так что к этому явлению может быть применена трансференция термина [Haugen, 1953, с. 545]. Наиболее четкое и всеобъемлющее определение термину «трансференция» было дано Б. Гавранеком. Согласно его определению, трансференция – это передача элементов, признаков, правил или структурных моделей с одного языка на другой, что приводит к изменению структуры языка. При этом поглощение чужеродных элементов подвержено определенным ограничениям, вызванными построением и потребностями воздействующего языка [Гавранек, 1972, с. 101].

Исследования, описывающие становление билингвизма, охватывают широкий спектр исторических, культурных и социальных предпосылок, влияющих на формирование билингвальной личности. В связи с этим К. Менг вводит в научный обиход термин «языковая биография» (нем. Sprachbiografie) [Meng, 2001, с. 115]. Языковую биографию можно определить как совокупность личностных, социальных и исторических факторов, влияющих на языковое и культурное развитие конкретного индивида. Однако, в связи с этим следует помнить, что есть примеры контакта языков исключительно на лексическом уровне – без этнокультурной составляющей. Подобные контакты приводят к *креолизации* языков или возникновению так называемых *пиджинов* как коллективного явления.

Помимо термина «билингвизм», в билингвальной литературе можно встретить термин «семилингвизм». Его можно определить как «неполноценный билингвизм». Такая ситуация формируется в тех случаях, когда отсутствуют социокультурная и когнитивная составляющие в каждом из языков, которая необходимые для формирования двуязычной личности в соответствии с возрастными нормами [Skutnabb-Kangas, 1976, с. 185].

Еще одним проблемным термином контактной лингвистики является переключение кодов, которое, наряду с заимствованием как формой взаимодействия языков, нередко относят к част-

ным случаям лексической интерференции. Частотность употребления слов разных языков в пределах одного предложения характеризует, по мнению Дж. Сондерса, переключение кодов, а не интерференцию, так как до дифференциации лексических систем она обусловлена отсутствием межъязыковых функциональных эквивалентов, а после дифференциации – развитием способности участвовать в билингвальном типе коммуникации без нарушения грамматических правил матричного языка [Saunders, 1988, с. 149].

Отношение к переключению кодов не всегда было однозначным. У. Вайнрайх утверждал, что идеальный билингв переключается с одного языка на другой только при изменении компонентов коммуникативной ситуации (собеседники, тема и т. п.), но не допускает этого при неизменности контекста общения и ни в коем случае не прибегает к переключениям в пределах одного предложения [Weinreich, 1953, с. 183].

Как правило, переключение кодов понимается как попеременное использование говорящим более одного языка в ходе разговора. Переключение используемого кода происходит в рамках автономного языкового взаимодействия (высказывание, разговор, текст). Кодовое переключение может включать отдельные слова, фразы, предложения или целые отрывки [Грожан, 1982, с. 308], причем последовательности обоих языков четко отграничены друг от друга [Клайн, 1975, с. 206]. В связи с этим у многих исследователей возникает вопрос: если переключение кода может включать только одно слово, тогда чем оно отличается от заимствования? Отвечая на вопрос, приводим следующие рассуждения. Во-первых, заимствования, в отличие от переключения кода, уже являются частью лексикона базового языка, поэтому могут возникать и в речи монолингвов. Переключение кода, напротив, происходит только при наличии двуязычия. Однако этого объяснения недостаточно, чтобы различать эти явления в билингвальной речи [Грегор, 2003, с. 157].

В 1984 году Б. МакЛафлин уже признает, что переключение кодов возможно в пределах одного высказывания между предложениями и синтагмами. Переключения в пределах предложения он называет смешением кодов [McLaughlin, 1984, с. 401]. В настоящее время большинство исследователей билингвизма отказались от монолингвального подхода к двуязычной коммуникации, считая, что речь билингвов с переключением кодов на уровне предложения – это явление, естественное для билингвального общения, особенно в двуязычных обществах и коллективах [Чиршева, 2001б].

Билингвы часто спонтанно используют в своей речи термины другого языка, что не может автоматически приравниваться к переключению кодов (codeswitching). Это можно проиллюстрировать с помощью следующих примеров:

Она там в <u>мензе</u> работает.

Он вообще такой <u>шюхтерн</u>.

Для дифференциации обычно используются два критерия.

Во-первых, это степень интеграции чужеродных элементов в базовый язык. Лексические переводы характеризуются тем, что интегрируются в систему языка-получателя по содержанию и/или морфологически [Грожан, 1982, с. 301], или морфосинтактически [Pfaff, 1997, с. 345], в то время как переключение кода представляет собой полный переход на второй язык.

В первом примере существительное *Mensa* (студенческая столовая) интегрируется морфологически и синтаксически в словесную фразу «работать в», обретая соответствующее падежное окончание «е». Кроме того, это существительное (*менза*) находится в положении, которое допускает только гибкую последовательность слов русского языка. Во втором высказывании, на первый взгляд, нет признаков такой интеграции. Прилагательное было вставлено в предложение без изменений и находится в конечном (финишном) положении, как это было бы и в соответствующем немецком предложении *Он вообще такой застенчивый.* Таким образом, при переключении кодов с доминирующего языка на целевой может возникнуть акцент, то есть «нечистое переключение» (англ. ragged switching), которое неотличимо от фонетической адаптации лексического заимствования в языке приемника [Hasselmo, 1970, с. 185].

Второй критерий касается частоты использования в языковом сообществе [Hasselmo, 1970, с. 185; Pfaff, 1997, с. 345; Pütz, 1993, с. 184]. Если выражение употребляется часто и используется несколькими людьми билингвальной группы, то оно является частью лексикона, специфичного для группы, и, таким образом, определяется как трансференция. Проблема состоит в том, что часто лексический перенос (англ. speech-borrowing) [Blankenhorn, 2000, p. 21; Грожан, 1982, p. 301], или специальные заимствования [Pütz, 1993, с. 184] – могут происходить только в индивидуальном языке отдельных членов сообщества.

Чаще всего переключение кодов понимается как чередующееся использование двух языков в билингвальной речи, и это явление следует отличать от явления лексической трансференции. Чередование может происходить между последовательными высказываниями или внутри одного высказывания. Высказывание при этом образует минимальную коммуникативную единицу, с помощью которой может быть совершено речевое действие. Если лексема не интегрирована, следует дополнительно использовать критерий частоты использования: говорящий должен употреблять одно и то же слово несколько раз в различных беседах. Если лексема уже используется в российских СМИ в Германии, следует говорить о явлении трансференции. Если отсутствует соответствие обоим критериям, то есть они проявляются разово, данное явление следует относить к смене кода.

Заключение

Терминологический аппарат билингвальных исследований достаточно обширен и используется всеми лингвистами, работающими в этой области. Термины «билингвизм», «интерференция», «трансференция», «переключение кодов», «заимствования», на первый взгляд, являются устоявшимися, с долгой историей. Однако новые подходы к изучению конкретных областей билингвизма также требуют пересмотра терминологий, её уточнения и дифференциации. Поскольку билингвистические исследования проводятся во многих странах (англоязычных, немецкоязычных и русскоязычных), неизбежно возникают нюансы в толковании терминов. Кроме этого, некоторые лингвисты, используя термины для своих конкретных целей исследования, зачастую расширяют или, наоборот, сужают область их применения, а также предлагают авторское понимание. Ярким примером этого является ситуация с такими терминами «интерференция» и «трансференция». Безусловно, подобные разночтения в терминологии, составляющей основу билингвальных исследований, весьма неудобны для их проведения.

Подводя итог вышеизложенного, следует отметить, что взаимодействие языков в речевом контакте изменчиво. Анализируя конкретные речевые примеры, исследователи билингвальной речи пытаются их классифицировать, уложить в некие уже существующие рамки и схемы. Но живой язык со своей бесконечной вариативностью не всегда позволяет сделать это однозначно. Именно так можно объяснить появление новых авторских терминов и продолжение терминологических споров по поводу уже существующих терминов.

Библиографический список

1. Александрова Н. Ш. Раннее двуязычие и гипотеза созревания мозга // Детская речь как предмет лингвистического исследования : материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2004. С. 45–52.

2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

3. Ахунзянов Э. М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань : Изд-во Каз. ун-та, 1978. 189 с.

4. Баранникова Л. И. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия. Москва : Наука, 1972. С. 88–98.

5. Бернгардт А. В. Русско-немецкий билингвизм: исторический очерк // Язык и общество. Диалог культур и традиций : сборник статей научной конференции «Чтения Ушинского» / под науч. ред. Е. И. Бойчук. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 107–112.

6. Бернгардт А. В. Перекодирование и вторичный текст как результат обучения чтению студентов медицинских вузов / А. В. Бернгардт, Ю. А. Сурьянинова, О. В. Бернгардт // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2020 : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (Чебоксары, 19 авг. 2020 г.) / редкол.: Ж. В. Мурзина [и др.]. Чебоксары : ИД «Среда», 2020. С. 225–230.

7. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / предисл. А. Мартине; пер. с англ. яз. и коммент. Ю. А. Жлуктенко; вступ. статья В. Н. Ярцевой. Киев : Вища школа, 1979. 263 с.

8. Верещагин Е. М. Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов (Обзор литературы) // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 122–133.

9. Вишневская Г. М. Билингвизм и его аспекты : учебное пособие. Иваново : Изд-ИвГУ, 1997. 99 с.

10. Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. Вып. 6 / под. ред. В. Ю. Розенцвейг. Москва : Прогресс, 1972. С. 94–111.

11. Грожан Ф. Жизнь с двумя языками: введение в двуязычие. Кембридж, Массачусетс : Изд-во Гарвардского университета, 1982. 384 с.

12. Метлюк А. А. Взаимодействие просодических систем в речи билингва : учебное пособие. Минск : Вышэйшая школа, 1986. 112 с.

13. Протасова Е. Ю. Многоязычие в детском возрасте / Е. Ю. Протасова, Н. М. Родина. Санкт-Петербург : Златоуст, 2005. 276 с.

14. Розенцвейг В. Ю. О языковых контактах // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 57–66.

15. Чиршева Г. Н. Билингвальная речь // Вестник ОГУ. 2003. № 4. С. 23–29.

16. Щерба Л. В. О взаимоотношениях родного и иностранного языков // Языковая система и речевая деятельность. Ленинград : Наука, 1974. С. 338–343.

17. Юсупов Р. А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань : КГУ, 1980. 255 с.

18. Bechert J. Einfuhrung in die Sprachkontaktforschung / J. Bechert, W. Widgen. Darmstadt : Wiss. Buchges, 1991. 178 s.

19. Blankenhorn R. Zum russisch-deutschen Sprachkontakt. Kontakt-bedingter Wandel und Sprachmischung in russlanddeutschen Dialekten in Sibirien. Bottger, K.; Giger, M.; Wiemer, B. (Hg.): Beitraege der Europaischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 3. Muenchen (Die Welt der Slaven. Sammelbande/Sborniki, Bd.8), 2000. S. 17–28.

20. Clyne M. Community Languages: The Australian Experience. Cambridge University Press, Cambridge, 1991. 294 p.

21. Clyne M. Forschungsbericht Sprachkontakt. Untersuchungen und praktische Probleme. Kronberg/Ts (Monographien Linguistik und Kommunikationswissenschaft, Bd. 18). Scriptor Verlag, 1975. 266 s.

22. Gregor E. Russian-English code-switching in New York City / Esma Gregor. Frankfurt am Main, u. a. (Berliner Slawistische Arbeiten, Bd. 21): Lang, 2003. 195 p.

23. Hasselmo, N. Code-switching and Modes of Speaking. In: Gilbert, G. G. (ed.): Texas Studies in Bilingualism. Berlin (Studia Linguistica Germanica), 1970. S. 179–210.

24. Haugen E. The Norwegian Language in America: The bilingual community. Pennsylvania : University of Pennsylvania Press, 1953. 695 p.

25. McLaughlin B. Second language acquisition in childhood. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1984. 438 p.

26. Meng K. Wir sind ja Deutsche. Zum kulturellen Selbstverständnis einer russlanddeutschen Aussiedlerin // Hartung, Wolfdietrich und Shethar, Alissa (Hg.), Kulturen und ihre Sprachen. Die Wahrnehmung anders Sprechender und ihr Selbstverständnis. Berlin: trafo. (Abhandlungen der Leibniz-Sozietät 7). 2002. S. 107-122.

27. Pfaff C. Contacts and Conflicts: Perspectives from Code-switching Research. In: Piltz, M. (ed.): Language Choices. Conditions, Constraints and Consequences. Amsterdam/Philadelphia (lmpact: studies in language and society, v. 1), 1997. S. 341–360.

28. Puetz M. Bilinguale Sprecherstrategien: Code-switching, Integration und ad-hoc Entlehnungen. In: Eichinger, L.; Raith, J. (Hrsg.): Sprachkontakte. Konstanten und Variablen. Bochum (Bochum-Essener Beitraege zur Sprachwandclforschung, Bd. 20), 1993. S. 181–195.

29. Puetz Martin Bilinguale Sprecherstrategien: Code-switching, Integration und ad-hoc-Entlehnungen // EICHINGER, Ludwig M./RAITH, Joachim (Hrsg.): Sprachkontakte. Konstanten und Variablen. Bochum: Brockmeyer, 1993. S. 181–195.

30. Russian-English code-switching in New York City / Esma Gregor. Frankfurt am Main [etc.] : Lang, cop. 2003. 195 c.

31. Saunders G. Bilingual children: From birth to teens. Clevedon: Multilingual Matters, 1988. Pp. 274.

32. Skutnabb-Kangas T., Toukomaa K. Teaching migrant children's mother tongue and learning the language of the host country in the context of the socio-cultural situation of the migrant family / (UNESCO-Report), University of Tampere, Research Report 1976. Pp. 179–195.

33. Weinreich U. Languages in contact: Findings and problems. N. Y. : Linguistic Circle, 1953. Pp. 267.

Reference list

1. Aleksandrova N. Sh. Rannee dvujazychie i gipoteza sozrevanija mozga = Early bilingualism and the brain maturation hypothesis // Detskaja rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovanija : materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg : Institut lingvisticheskih issledovanij RAN, 2004. S. 45–52.

2. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov = The dictionary of linguistic terms. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1969. 608 s.

3. Ahunzjanov Je. M. Dvujazychie i leksiko-semanticheskaja interferencija = Bilingualism and lexical-semantic interference. Kazan' : Izd-vo Kaz. un-ta, 1978. 189 s.

4. Barannikova L. I. Sushhnost' interferencii i specifika ee projavlenija = The essence of interference and the specifics of its effects // Problemy dvujazychija i mnogojazychija. Moskva : Nauka, 1972. S. 88–98.

5. Berngardt A. V. Russko-nemeckij bilingvizm: istoricheskij ocherk = Russian-German bilingualism: a historical outline // Jazyk i obshhestvo. Dialog kul'tur i tradicij : sbornik statej nauchnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo» / pod nauch. red. E. I. Bojchuk. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. S. 107–112.

6. Berngardt A. V. Perekodirovanie i vtorichnyj tekst kak rezul'tat obuchenija chteniju studentov medicinskih vuzov = Recoding and secondary text as an outcome of teaching reading to medical students / A. V. Berngardt, Ju. A. Sur'janinova, O. V. Berngardt // Tendencii razvitija obrazovanija: pedagog, obrazovatel'naja organizacija, obshhestvo – 2020 : materialy Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 19 avg. 2020 g.) / redkol.: Zh. V. Murzina [i dr.]. Cheboksary : ID «Sreda», 2020. S. 225–230.

7. Vajnrajh U. Jazykovye kontakty: Sostojanie i problemy issledovanija = Language contacts: Research state and problems / predisl. A. Martine; per. s angl. jaz. i komment. Ju. A. Zhluktenko; vstup. stat'ja V. N. Jarcevoj. Kiev : Vishha shkola, 1979. 263 s.

8. Vereshhagin E. M. Psiholingvisticheskaja problematika teorii jazykovyh kontaktov (Obzor literatury) = Psycholinguistic problematics of language contact theory (Literature review) // Voprosy jazykoznanija. 1967. № 6. S. 122–133.

9. Vishnevskaja G. M. Bilingvizm i ego aspekty = Bilingualism and its aspects : uchebnoe posobie. Ivanovo : Izd-IvGU, 1997. 99 s.

10. Gavranek B. K problematike smeshenija jazykov = On language mixing issues // Novoe v lingvistike. Vyp. 6 / pod. red. V. Ju. Rozencvejg. Moskva : Progress, 1972. S. 94–111.

11. Grozhan F. Zhizn' s dvumja jazykami: vvedenie v dvujazychie = Living with two languages: an introduction to bilingualism. Kembridzh, Massachusets : Izd-vo Garvardskogo universiteta, 1982. 384 s.

12. Metljuk A. A. Vzaimodejstvie prosodicheskih sistem v rechi bilingva = Interaction of prosodic systems in bilingual speech : uchebnoe posobie. Minsk : Vyshjejshaja shkola, 1986. 112 s.

13. Protasova E. Ju. Mnogojazychie v detskom vozraste = Multilingualism in childhood / E. Ju. Protasova, N. M. Rodina. Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2005. 276 s.

14. Rozencvejg V. Ju. O jazykovyh kontaktah = On linguistic contacts // Voprosy jazykoznanija. 1963. № 1. S. 57–66.

15. Chirsheva G. N. Bilingval'naja rech' = Bilingual speech // Vestnik OGU. 2003. № 4. S. 23–29.

16. Shherba L. V. O vzaimootnoshenijah rodnogo i inostrannogo jazykov = On interaction of native and foreign langages // Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. Leningrad : Nauka, 1974. S. 338–343.

17. Jusupov R. A. Leksiko-frazeologicheskie sredstva russkogo i tatarskogo jazykov = Lexical-phraseological means of the Russian and Tatar langages. Kazan' : KGU, 1980. 255 s.

18. Bechert J. Einfuhrung in die Sprachkontaktforschung / J. Bechert, W. Widgen. Darmstadt : Wiss. Buchges, 1991. 178 s.

19. Blankenhorn R. Zum russisch-deutschen Sprachkontakt. Kontakt-bedingter Wandel und Sprachmischung in russlanddeutschen Dialekten in Sibirien. Bottger, K.; Giger, M.; Wiemer, B. (Hg.): Beitraege der Europaischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 3. Muenchen (Die Welt der Slaven. Sammelbande/Sborniki, Bd.8), 2000. S. 17–28.

20. Clyne M. Community Languages: The Australian Experience. Cambridge University Press, Cambridge, 1991. 294 p.

21. Clyne M. Forschungsbericht Sprachkontakt. Untersuchungen und praktische Probleme. Kronberg/Ts (Monographien Linguistik und Kommunikationswissenschaft, Bd. 18). Scriptor Verlag, 1975. 266 s.

22. Gregor E. Russian-English code-switching in New York City / Esma Gregor. Frankfurt am Main, u. a. (Berliner Slawistische Arbeiten, Bd. 21): Lang, 2003. 195 p.

23. Hasselmo, N. Code-switching and Modes of Speaking. In: Gilbert, G. G. (ed.): Texas Studies in Bilingualism. Berlin (Studia Linguistica Germanica), 1970. S. 179–210.

24. Haugen E. The Norwegian Language in America: The bilingual community. Pennsylvania : University of Pennsylvania Press, 1953. 695 p.

25. McLaughlin B. Second language acquisition in childhood. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1984. 438 p.

26. Meng K. Wir sind ja Deutsche. Zum kulturellen Selbstverständnis einer russlanddeutschen Aussiedlerin // Hartung, Wolfdietrich und Shethar, Alissa (Hg.), Kulturen und ihre Sprachen. Die Wahrnehmung anders Sprechender und ihr Selbstverständnis. Berlin: trafo. (Abhandlungen der Leibniz-Sozietät 7). 2002. S. 107-122.

27. Pfaff C. Contacts and Conflicts: Perspectives from Code-switching Research. In: Piltz, M. (ed.): Language Choices. Conditions, Constraints and Consequences. Amsterdam/Philadelphia (lmpact: studies in language and society, v. 1), 1997. S. 341–360.

28. Puetz M. Bilinguale Sprecherstrategien: Code-switching, Integration und ad-hoc Entlehnungen. In: Eichinger, L.; Raith, J. (Hrsg.): Sprachkontakte. Konstanten und Variablen. Bochum (Bochum-Essener Beitraege zur Sprachwandclforschung, Bd. 20), 1993. S. 181–195.

29. Puetz Martin Bilinguale Sprecherstrategien: Code-switching, Integration und ad-hoc-Entlehnungen // EICHINGER, Ludwig M./RAITH, Joachim (Hrsg.): Sprachkontakte. Konstanten und Variablen. Bochum: Brockmeyer, 1993. S. 181–195.

30. Russian-English code-switching in New York City / Esma Gregor. Frankfurt am Main [etc.] : Lang, cop. 2003. 195 s.

31. Saunders G. Bilingual children: From birth to teens. Clevedon: Multilingual Matters, 1988. Pp. 274.

32. Skutnabb-Kangas T., Toukomaa K. Teaching migrant children’s mother tongue and learning the language of the host country in the context of the socio-cultural situation of the migrant family / (UNESCO-Report), University of Tampere, Research Report 1976. Pp. 179–195.

33. Weinreich U. Languages in contact: Findings and problems. N. Y. : Linguistic Circle, 1953. Pp. 267.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 16.03.2022; approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 811.1/.8
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-159-165
EDN: GKFCRQ

Проблема определения оценочной доминанты смешанной эмоции

Алексей Андреевич Штеба
Кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». 400005, Волгоград, пр. имени В.И. Ленина, д. 27
alexchteba@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0067-8204

Аннотация. В статье рассматривается проблема языковой категоризации смешанных эмоций, под которыми предложено понимать, такие случаи вербализации эмоционального переживания, когда в единое линейное целое объединяются две и более номинации как моно-, так и поли-, амбиоценочных эмоциональных состояний/переживаний. Смешанные эмоции рассматриваются как новый предмет исследования эмотивной лингвистики, поскольку по своим формальным и содержательным признакам языковая категоризация смешанных эмоций отличается от устоявшейся в современной лингвистике парадигмы эмотивности и средств ее экспликации. Проблема смешанных эмоций не становилась объектом самостоятельных исследований в лингвистике или психологии. Однако положение о двойственности и амбивалентности любой эмоции является базовым в психологии. В литературоведении также уделяется внимание проблеме экспликации смешанных чувств/эмоций, но отдельный анализ структурных, композиционных, функциональных и пр. особенностей смешанных эмоции не проводится. Следует также указать на то, что терминологический подход к проблеме смешанных эмоций, их языкового воплощения затруднен по причине узуального и интуитивно понятного характера самого определения. В аспекте анализа доминанты смешанной эмоции лежит принцип Поллианны, объясняющий причину асимметрии отрицательной и положительной оценки в языке и речи. Формулируется предположение о том, что ситуативной доминантой смешанной эмоции, несмотря на ее суммативную природу, является постпозитивный элемент. Препозитивный элемент смешанной эмоции соответствует позиции темы, а постпозитивный – ремы, на когнитивном уровне в смешанной эмоции совмещается собственной эмоциональная и рациональная оценка некоего события, действия, поступка. На примере перевода фрагментов текстов, содержащих случаи языкового выражения смешанных эмоций, подтверждается тезис о том, что смешанные эмоции относятся к пространству неопределенной эмотивности, когда неизменной при переводе остается только оценка, а конституирующие смешанную эмоцию элементы варьируются.

Ключевые слова: смешанные эмоции; эмотивность; языковая категоризация эмоций; принцип Поллианны; доминанта; флуктуативность; эмоционально-смысловой потенциал

Для цитирования: Штеба А. А. Проблема определения оценочной доминанты смешанной эмоции // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 159–165. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-159-165. https://elibrary.ru/GKFCRQ

Original article

Determining the evaluative dominance of a mixed emotion

Alexey A. Shteba
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of Romance philology, Volgograd State Pedagogical University. 400005, Volgograd, Lenin Ave., 27
alexchteba@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0067-8204

Abstract. The article deals with the linguistic categorization of mixed emotions, by which it is proposed to understand such cases of verbalizing emotional experience, when two or more nominations of mono-, poly- and ambiocentric emotional states/experiences are combined into a single linear whole. Mixed emotions are considered as a new subject of emotive linguistics research, since the linguistic categorization of mixed emotions differs in its formal and substantive features from the established paradigm of emotivity and means of its explication in modern linguistics. The problem of mixed emotions has not become an object of independent research in linguistics or psychology. However, the position of duality and ambivalence of any emotion is basic in psychology. In literary studies, attention is also paid to

© Штеба А. А., 2022

the problem of explication of mixed feelings / emotions, but a separate analysis of the structural, compositional, functional, etc. features of mixed emotions is not carried out. It should also be pointed out that the terminological approach to the problem of mixed emotions and their linguistic embodiment is difficult due to the usual and intuitively clear nature of the definition itself. The aspect of the mixed emotion dominant analysis is based on the Pollyanna principle, which explains the reason for the asymmetry of negative and positive evaluation in language and speech. The author formulates the assumption that the situational dominant of a mixed emotion, despite its summative nature, is the postpositive element. The prepositive element of a mixed emotion corresponds to the position of the theme, and the postpositive element corresponds to the rheme; at the cognitive level, the mixed emotion combines its own emotional and a rational evaluation of a certain event, action, or behavior. The example of the translation of text fragments containing linguistic expression of mixed emotions confirms the thesis that mixed emotions belong to the space of indefinite emotivity, when only the evaluation remains unchanged during translation, and the elements constituting the mixed emotion vary.

Key words: mixed emotions; emotivity; linguistic categorization of emotions; Pollyanna principle; dominant; fluctuation; emotional and semantic potential

For citation: Shteba A. A. Determining the evaluative dominance of a mixed emotion. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):159–165. (In Russ* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-159-165. https://elibrary.ru/GKFCRQ

У любви не бывает причин, это верно, человек любит, и все;
но всякая любовь бывает как-то окрашена.
Ты любишь, и при этом тебе грустно, или весело, или тревожно,
ты можешь быть доверчив, а можешь быть ревнив,
в общем, за любовью всегда есть что-нибудь еще

А. Моравиа. Скука

Введение

Смешанные эмоции как один из способов экспликации эмоциональных переживаний имеет достаточно разнообразные формы языкового воплощения. В первую очередь, сущностной характеристикой любой эмоции выступает ее потенциальная амбивалентность. Данная категориальная особенность эмоции совмещается с безграничным эмоционально-смысловым потенциалом любого слова.

В компонентном составе слова имеются облигаторные семы ‘эмоция’ и ‘оценка’, которые либо относятся к ядерной, либо к периферийной зонам. При этом расположение сем ‘эмоция’ и ‘оценка’ в ядерной зоне семантики слова (к примеру, когда речь идет об эмотивах в статусе аффектива или коннотатива) не исключает возможности актуализации у данного слова дополнительной скрытой эмотивности на основе аналогичных сем ‘эмоция’ и ‘оценка’, относящихся к периферии. Данное положение обусловливает безграничные эмоционально-смысловые модуляции слова.

Методология исследования

Поскольку эмотивность являет собой семантическую категорию, в работе значимы достижения в области лексической семантики, в частности, постулируется тезис о том, что в компонентом составе любой лексической единицы представлены семы ‘эмоция’ и ‘оценка’. Последние могут быть ингерентными и адгерентными, когда ингерентный (внутренний) статус эмотивности может быть изменен посредством наведения в семантику слова внешних эмосем (адгерентных) [Шаховский, 2008, 2016, 2019; Арнольд, 1999; Филимонова, 2007; Вольф, 2019; Смирнова, 2013]. В качестве специальных методов, используемых при проведении исследования, следует выделить компонентный, дистрибутивный, контекстуальный анализ, а также элементы конверсационного анализа в ситуации наблюдения за эмоциональным реагированием коммуникативных партнеров при анализе диалогических единств. Известно, что аффективы (подробнее о классификации эмотивов см.: [Шаховский, 1988]), к которым относятся бранные слова и междометия, могут терять свою воздействующую составляющую, что вынуждает говорящего использовать иные более экспрессивные способы выражения эмоционального состояния/переживания/отношения. А. А. Потебня указывал, что «междометие уничтожается обращенной на него мыслью» [Потебня, 1999, с. 83], реакцией на подобную привычность и осознанность использования междометия становится появление новых междометий, расширяющих парадигму обозначения одной и той же эмоции.

Обзор научной литературы

Проблема языковой категоризации смешанных эмоций еще не становилась предметом отдельных самостоятельных исследований. Исключение составляют единичные работы [Варзаева, 2012; Варзаева, 2013; Карловская, 2009; Борисова, 2003; Могутова, 2002; Орлова, 2009 и др.], затрагивающие проблему множественности, двойственности, амбивалентности эмоционального, а также спосо-

бы выражения данных характеристик. Прежде чем рассмотреть подробнее особенности языковой категоризации смешанных эмоций, нужно указать на то, что любое слово потенциально является эмотивом, эмоционально-оценочная составляющая которого вариативна, множественна. Любое слово, как следствие, является скрытой смешанной эмоцией, не получившей экспликации. В пьесе Э. Йонеско «Лысая певица» имеется следующий фрагмент: одна из главных героинь предлагает рассказать своим собеседникам поразивший ее случай, свидетелем которого она стала. Другие действующие лица со свойственным жанровой организации произведения воодушевлением охотно соглашаются выслушать г-жу Мартин (далее приводится перевод Е. А. Суриц данного фрагмента пьесы с сокращениями): *Так вот, значит, иду я сегодня на рынок купить овощей, а они все дорожают... (...) И вдруг вижу возле кафе прилично одетого господина лет пятидесяти, и он... (...) Ну вот, вы скажете, что я сочиняю. Он опустился на колено и нагнулся. (...) Я подошла поглядеть, что же такое он делает... (...) Он завязывал шнурки. Они у него развязались*. Внимание привлекают реплики других персонажей произведения, эмоционально реагировавших на достаточно банальное и едва ли заслуживающее внимание событие:

Миссис Мартин. Ну вот, вы скажете, что я сочиняю. Он опустился на колено и нагнулся.

Мистер Мартин, мистер Смит, миссис Смит. О-о!

Миссис Мартин. Да, нагнулся.

Мистер Смит. Невероятно!

Миссис Мартин. Да, он нагнулся... Я подошла поглядеть, что же такое он делает...

Мистер Смит. И что же?

Миссис Мартин. Он завязывал шнурки. Они у него развязались.

Трое остальных. Фантастика!

Мистер Смит. Если б это не вы, я б ни за что не поверил!

В представленном примере интересна не только девербализация, но и, как следствие, деэмоционализация слова, когда эмоциональная составляющая нейтрализуется и лексическая единица, служащая для выражения эмоционального отношения, лишается своей единственной функции, а эмотивность слова нейтрализуется.

В следующем примере положительный коннотатив *отец* также теряет свою эмоционально-оценочную составляющую:

- Я твой отец, мальчуган! – И когда Дядёк выговорил эти слова, сердце у него всполошилось, как пожарный колокол.

Хроно и бровью не повел.

- И что с того? – сказал он с леденящим безразличием. <...> На Марсе это слово было эмоционально стерильным (К. Воннегут).

Поскольку в данном примере представлено восприятие слова отец жителями другой планеты, когда в данной фикциональной реальности родственные отношения не являются значимыми, у слова теряется внутренняя форма, а именно последняя направляет мысль адресата, дает способ развития значений, оставляя интерпретативное поле максимально свободным [Потебня, 2019, с. 162].

Отличительной характеристикой смешанных эмоций является то, что данный способ выражения эмоционального переживания предполагает объединение в линейное целое двух и более номинаций эмоций.

В сердце юноши кипела ревность и бешеная ненависть к чужаку, который, как ему казалось, встал между ним и сестрой (О. Уайлд).

Внутри Маргарет-кочаммы горе и ярость из-за смерти дочери лежали свернутые, как злая пружина (Р. Арундати).

Ослепительно яркие голубые глаза Кодуэлла взирали на меня сейчас с убийственной смесью недоверия и презрения (Ф. Ротт).

При этом данные эмоции могут быть как моно-, так и поли-, а также амбивалентными.

И поволок Педро за собой. Тот не сопротивлялся, лицо его выражало и испуг и радость (Ж. Амаду).

Обо всем этом вспоминал Тертулиано Максимо Афонсо, в душе которого боролись восхищение, неприязнь и опасная нежность (Ж. Сарамаго).

Еще совсем недавно, по ту сторону страха и отчаяния, они были тверды как скала, и это давало тупую силу их упорству (Э. М. Ремарк).

Я не имею в виду память об отце. Я имею в виду все остальное – страх, безнадежность, ненависть (Э. М. Ремарк).

Анализ собранной картотеки примеров показывает, что кластеры смешанных эмоций с положительно-оценочными эмоциональными доминантами характеризуются сравнительно большей амбивалентностью (к примеру, ‘радость + ужас, печаль, горечь, грусть’; ‘удивление + отчаяние, отвращение, насмешка’). Смешанным эмоциям с отрицательно-оценочной эмоциональной доми-

нантой свойственна интенсификация превалирующей оценки (‘страх + отчаяние, гнев, ненависть, зависть, презрение, злость’; ‘гнев + огорчение, страх, ужас, отчаяние, грусть’). Количественно отрицательные смешанные эмоции частотнее, чем положительные. Данные наблюдения подтверждают положение об асимметрии положительной и отрицательной оценки в языке [Ионова, Штеба, 2019].

На когнитивном уровне для человека более значимыми являются отрицательно-оценочные события, поскольку последние связаны со страхом, опасностью, тогда как положительные представляются менее стрессогенными (ассоциации с безопасностью, защищенностью). Соответственно, большее внимание уделяется отрицательным, а не положительным событиям [Liebrecht et all., 2019, p. 171–173]. Отрицательная оценочность воспринимается как более сильная по сравнению с положительной, при этом интенсивность вследствие присоединения к положительно- или отрицательно-оценочным лексическим единицам разного рода качественных атрибутов воспринимается как более активная у положительных, но не отрицательных слов [Idem, p. 181].

Согласно принципу Поллианны [Boucher, Osgood, 1969] отрицательно оценочные высказывания воспринимаются как более сильные, экспрессивные, воздействующие, чем положительные. Данный принцип заключается в том, что человек на подсознательном уровне активнее реагирует на положительные события, однако на сознательном уровне – акцентирует внимание преимущественно на негативных событиях (вероятно, по причине уже указанной ранее связи отрицательно-оценочных ситуаций со страхом, незащищенностью, опасностью).

Интересно, что в смешанной эмоции также выделяется две составляющие, при этом линейно постпозитивная часть смешанной эмоции либо амбивалентна (со знаком ‘минус’), либо интенсивнее препозитивной (например, любовь и ненависть, радость и грусть, страх и ужас). Как следует из принципа Поллианны, на подсознательном уровне человек стремится к позитивизации, окружению себя положительно-оценочными событиями, но на сознательном – фокусируется на негативных событиях, поскольку подобная ориентация на отрицательные события позволит либо лучше к ним подготовиться, либо избежать их и, в итоге, остаться в комфортном пространстве положительного.

В статье [Baumeister, et all., 2001] приводятся аргументы в доказательство гипотезы о превалировании отрицательно-оценочного на примере реакций на информацию, память, социальные отношения, развитие ребенка, учебу, эмоции и пр. У человека развита большая адаптивность к отрицательному, чем к положительному. Люди, которые ведут себя неприятно, вызывают активные отрицательные реакции окружающих, когда обратное положение не является верным. Поскольку отрицательные эмоции сильнее и важнее (в частности, для выживания), они должны быть более репрезентативными в языке. Как следствие, в языке содержится больше слов для отрицательных эмоций, чем для положительных [Idem, p. 331]. Показано, что респонденты, которым предлагалось составить список наиболее частотных эмоций, включали в данный перечень преимущественно номинации отрицательных эмоций.

Результаты исследования

Представленные выше наблюдения о природе отрицательной и положительной оценки отсылают к магической функции языка, которая опирается на веру человека в то, что слово (устное или письменное) представляет собой обязательную часть обозначаемого предмета, а значит, воздействуя на слово, человек воздействует и на предмет [Киклевич, 2009, с. 8]. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, человек пытается избегать использования некоторых слов, руководствуясь принципом воздействия словом на предмет, т.е. активизацию данного предмета, но, с другой, используя синоним, увеличивает парадигму лексических единиц, включенных в лексико-семантическое поле с доминантой в форме табуированного элемента.

Несмотря на то, что преимущественно смешанные эмоции характеризуют отрицательные эмоциональные переживания, проблемным остается вопрос о доминанте смешанной эмоции. Следует отметить, что смешанная эмоция – суммативное образование, в котором сумма больше его частей. Однако в случае, если говорящий характеризует свое состояние как смешанную эмоцию любви и грусти, неопределенной является оценочная доминанта. Согласно теории актуального членения предложения, последнее обладает шкалой коммуникативного динамизма:

Разумеется, воздух, что же еще! – сказал он, смешивая жалость с презрением (Э. М. Ремарк).

Постпозитивный элемент данного примера являет собой, в широком смысле, рему приведенно-

го примера. Однако сам по себе данный рематический блок может быть разделен на подблоки, состоящие из темы («смешивая»), перехода темы («жалость») и ремы («презрение»). Предложения развертываются линейно по принципу от общего к частному, соответственно первый элемент средства выражения смешанных эмоций должен рассматриваться как тема, второй – переход темы, то есть на данном этапе говорящий понимает, что переживаемое им эмоциональное состояние характеризует комплексность, многокомпонентность. Результатом экспликации смешанных эмоций становится создание нового противоречивого целого, в котором один из элементов относится к сфере когниции (осознанности), а другой – непосредственной переживаемости [Штеба, 2020].

На примере языковой категоризации смешанных эмоций можно показать, что в ее структуре совмещается эмоциональный и рациональный компоненты (собственно бессознательный и осознанный) с тяготением к полюсу отрицательных эмоций. Феномен смешанных эмоций и их языковой категоризации относится к парадигме когнитивной сложности по ряду таких факторов, как нелинейность, противоречивость, системность, данность восприятию, но неданность определенному языковому выражению. В смешанных эмоциях мы видим процесс усложнения отражения эмоций в языке, что сопровождается модуляциями конвенциональной системы экспликации эмоций.

Такие особенности смешанных эмоций, как их суммативность, динамичность, амбивалентность, неопределенность, приводят к трудностям интерпретации и декодирования не только в аспекте повседневной коммуникации, но и на практическом уровне, к примеру, при переводе текстового фрагмента, содержащего смешанную эмоцию, с одного языка на другой. Так, в романе Фр. Кафки «Триумфальная арка» смешанная эмоция *ужаса* и *утешения* (*Vergessen. Welch ein Wort. Voll von Grauen, Trost und Gespensterei!)* на английский (*Forget. What a word, he thought. Full of horror, comfort, and apparitions!*) и русский язык (*Забыть… Какое слово! В нем и ужас, и утешение, и обман!*) переведены аналогичным образом. В другом романе Фр. Кафки («Пропавший без вести (Америка)») смешанная эмоция *бешенства* и *стыда* (*Katze, tolle Katze, konnte Karl gerade noch aus dem Durcheinander von Wut und Scham rufen, in dem er sich befand*) на английский язык переведена как смешанная эмоция *ярости* и *стыда* (*«Cat, wild cat,» Karl was able to cry out in the muddle of rage and shame he found himself in. «You're crazy, you wild cat»*), а на русский – *бессилия, ярости* и *стыда* (*С ума сошла!? Вот бешеная! – только и смог выдавить Карл, испытывая бессилие, ярость, стыд – все вместе*). Смешанная эмоция гневного отчаяния (*Ihre Augen waren hell und groß in dem blassen Gesicht und wie erstarrt in einer zornigen Verzweifl ung*) на русский язык переведена через смешанную эмоцию *гнева* и *отчаяния* (*на бледном лице ее светлые глаза казались огромными, гнев и отчаяние застыли в них),* а на английский – *яростного отчаяния* (*Her eyes were light and large in her pale face and as though fixed in a furious desperation*). В романе К. Исигуро «Погребенный великан» смешанная эмоция *ободрения, возбуждения и страха* (*Axl had felt, almost tangibly, the peculiar mix of comfort, excitement and fear such a movement could bring*) переведена на русский через смешанную эмоция *спокойствия, возбуждения и страха* (*Аксель почти физически ощутил особую смесь спокойствия, возбуждения и страха, которую могло вызвать такое движение*). В романе А. Моравиа «Презрение» смешанная эмоция *любви, восхищения, благодарности и влюбленности* (*Allora, guardando quel viso, mi colpi l'espressione degli occhi: amorosa, struggente mescolata di ammirazione soggetta, di gratitudine senza riserve, di invaghimento fisico e di una quasi*) переведена через смешанную эмоцию *восхищения, признательности, влечения и робости* (*Я взглянул на нее, и меня поразило выражение ее лица: в глазах светилась самозабвенная любовь, к которой примешивалось безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение и почти меланхолическая робость*), при этом каждая номинация эмоциональных переживаний внутри смешанной эмоции получает дополнительную качественную характеристику (*безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение, меланхолическая робость*). В оригинале А. Моравиа также прибегает к использованию эпитетов к номинациям эмоций, но их содержание отличается от перевода (например, *пронзительная любовь, покоренное восхищение*). В другом примере смешанная эмоция *нерешительности, мольбы и отвращения* (*Ma, nuova sensazione che soltanto adesso, scrivendone, mi torna alla memoria, una volta seduta accanto a Battista, con lo sportello ancora aperto, ella mi guarda con occhi irresolute, mescolati di preghiera e di ripugnanza*) переводится на русский как смешанная эмоция растерянности, мольбы, упрека и отвращения (*Сидя рядом с Баттистой,*

еще не захлопнув дверцы, она глядит на меня, и я вижу в ее растерянном взгляде то, что было нечто совсем новое, но осознал я это только теперь, когда пишу эти строки, мольбу, упрек, смешанные с отвращением).

Из представленных примеров переводов случаев языкового выражения смешанных эмоций на материале разноструктурных языков, когда эмоция является выражаемой, но не выразимой, следует, что в переводах сохраняются эмоционально-оценочные границы смешанного эмоционального переживания и эмоциональная доминанта, но внутри данных границ сами эмоции, как правило, варьируются, изменяют свою интенсивность и активность, что подтверждает как некодифицированный характер языковой категоризации смешанных эмоций, так и отсутствие эталонности восприятия и языкового выражения эмоций.

Заключение

Смешанные эмоции представляют собой когнитивно сложный прием экспликации эмоциональных переживаний, в которых один из элементов относится к сфере эмоционального, непосредственно ощущаемого, а второй – рационального. Данные элементы предложено выделять на основе принципа тема-рематической организации высказывания, где первый элемент смешанной эмоции относится к теме, а второй – реме. Высокая частотность амбивалентных и отрицательно-оценочных смешанных эмоций обусловлена асимметрией положительной и отрицательной оценочности в языке. Несмотря на попытки определения доминанты смешанной эмоции, следует подчеркнуть, что категориальными характеристиками смешанной эмоции выступают сложность, суммативность, гибкость, динамичность, множественность и неопределенность. Неопределенная эмоционально-смысловая составляющая смешанных эмоций продемонстрирована на основе анализа переводов фрагментов текстов, содержащих случаи экспликации смешанных эмоций, на разных языках, где сохраняется общая оценка, а конститутивные элементы смешанной эмоции рекуррентно варьируются.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Санкт-Петербург : Изд-во С-Петерб. ун-та, 1999. 444 с.

2. Борисова И. В. Семантика эгоцентрических категорий: liebe, hass и их актуализация в немецком языковом сознании. Абакан, 2003. 24 с.

3. Варзаева М. А. Освоение теории «смешанных ощущений» в творчестве В. А. Жуковского // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Сер. Филология. С. 218–221.

4. Варзаева М. А. Способы образования «смешанных эмоций» в элегиях В. А. Жуковского, объединенных мотивами разочарования и мимолетности юности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 1 (19). С. 39–42.

5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва : Либроком, 2019. 278 с.

6. Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 63–81.

7. Карловская В. Н. Репрезентация полярных эмоций в художественном тексте (на материале современной англоязычной прозы). Санкт-Петербург, 2009. 21 с.

8. Киклевич А. К. Двенадцать функций языка // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 5–13.

9. Могутова Н. В. Основные проблемы использования эмотивных языковых единиц для придания высказыванию естественности и эмоциональности (на примере английских междометий) // Язык, коммуникация и социальная среда: вып.2. Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2002. С. 88–93.

10. Орлова Н. Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект. Ростов-на-Дону, 2009. 22 с.

11. Потебня А. А. Мысль и язык. Москва : Лабиринт, 1999. 300 с.

12. Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения. Смоленск, 2013. 610 с.

13. Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие. Санкт-Петербург : ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с.

14. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. Москва : URSS, 2019. 144 с.

15. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (на материале англ. языка). Москва, 1988. 402 с.

16. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Москва : Гнозис, 2008. 416 с.

17. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Москва : URSS, 2016. 128 с.

18. Штеба А. А. Когнитивная сложность языковой категоризации смешанных эмоций // Известия ВГПУ. 2020. № 10 (153). С. 147–150.

19. Baumeister R. F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K. D. Bad is stronger than good // Review of General Psychology. 2001. Vol. 5. No. 4. P. 323–370

20. Boucher J., Osgood C. The Pollyanna hypothesis // Journal of Verbal and Learning Behavior. № 8 (1). 1969. P. 1–8.

21. Liebrecht Ch., Hustinx L., van Mulken M. The Relative Power of Negativity: The Influence of Language Intensity on Perceived Strength //Journal of Language and Social Psychology 2019. Vol. 38(2). P. 170–193.

Reference list

1. Arnol'd I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' = Semantics. Stylistics. Intertextuality. Sankt-Peterburg : Izd-vo S-Peterb. un-ta, 1999. 444 s.

2. Borisova I. V. Semantika jegocentricheskih kategorij: liebe, hass i ih aktualizacija v nemeckom jazykovom soznanii = Semantics of egocentric categories: liebe, hass and their actualization in German consciousness. Abakan, 2003. 24 s.

3. Varzaeva M. A. Osvoenie teorii «smeshannyh oshhushhenij» v tvorchestve V. A. Zhukovskogo = Exploring the theory of «mixed feelings» in V. A. Zhukovsky's works // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. № 4. Ser. Filologija. S. 218–221.

4. Varzaeva M. A. Sposoby obrazovanija «smeshannyh jemocij» v jelegijah V. A. Zhukovskogo, ob#edinennyh motivami razocharovanija i mimoletnosti junosti = Ways of forming «mixed emotions» in V. A. Zhukovsky's elegies, united by motifs of disappointment and fleeting youth // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2013. № 1 (19). C. 39–42.

5. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional evaluation semantics. Moskva : Librokom, 2019. 278 s.

6. Ionova S. V., Shteba A. A. Smeshannye jemocii: k voprosu o lingvisticheskoj reprezentacii i metajazyke opisanija = Mixed emotions: on the issue of linguistic representation and metalanguage of description // Voprosy psiholingvistiki. 2019. № 2 (40). S. 63–81.

7. Karlovskaja V. N. Reprezentacija poljarnyh jemocij v hudozhestvennom tekste (na materiale sovremennoj anglojazychnoj prozy) = Presentation of polar emotions in literary text (based on contemporary English prose). Sankt-Peterburg, 2009. 21 s.

8. Kiklevich A. K. Dvenadcat' funkcij jazyka = Twelve langage functions // Mir russkogo slova. 2009. № 3. S. 5–13.

9. Mogutova N. V. Osnovnye problemy ispol'zovanija jemotivnyh jazykovyh edinic dlja pridanija vyskazyvaniju estestvennosti i jemocional'nosti (na primere anglijskih mezhdometij) = The main problems of using emotive language units to add natural and emotional character to an utterance (using English interjections as an example) // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda: vyp.2. Voronezh : Izd-vo VGTU, 2002. S. 88–93.

10. Orlova N. N. Jazykovye sredstva vyrazhenija jemocij: sintaksicheskij aspekt = Linguistic means of expressing emotions: the syntactic aspect. Rostov-na-Donu, 2009. 22 s.

11. Potebnja A. A. Mysl' i jazyk = Thought and langage. Moskva : Labirint, 1999. 300 s.

12. Smirnova L. G. Leksika russkogo jazyka s ocenochnym komponentom znachenija = Russian vocabulary with an evaluative component of meaning. Smolensk, 2013. 610 s.

13. Filimonova O. E. Jemociologija teksta. Analiz reprezentacii jemocij v anglijskom tekste = Textual emotionalism. Analyzing emotions in the English text : uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg : OOO «Knizhnyj Dom», 2007. 448 s.

14. Shahovskij V. I. Golos jemocij v jazykovom kruge homo sentiens = The voice of emotion in the linguistic circle of homo sentiens. Moskva : URSS, 2019. 144 c.

15. Shahovskij V. I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka (na materiale angl. Jazyka) = Categorization of emotion in the lexico-semantic system of the English language. Moskva, 1988. 402 s.

16. Shahovskij V. I. Lingvisticheskaja teorija jemocij = Linguistic theory of emotions. Moskva : Gnozis, 2008. 416 s.

17. Shahovskij V. I. Jemocii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologija = Emotions: pre-linguistics, linguistics, linguoculturology. Moskva : URSS, 2016. 128 s.

18. Shteba A. A. Kognitivnaja slozhnost' jazykovoj kategorizacii smeshannyh jemocij = Cognitive complexity of linguistic categorization of mixed emotions // Izvestija VGPU. 2020. № 10 (153). S. 147–150.

19. Baumeister R. F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K. D. Bad is stronger than good // Review of General Psychology. 2001. Vol. 5. No. 4. P. 323–370

20. Boucher J., Osgood C. The Pollyanna hypothesis // Journal of Verbal and Learning Behavior. № 8 (1). 1969. P. 1–8.

21. Liebrecht Ch., Hustinx L., van Mulken M. The Relative Power of Negativity: The Influence of Language Intensity on Perceived Strength //Journal of Language and Social Psychology 2019. Vol. 38(2). P. 170–193.

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; одобрена после рецензирования 13.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 09.08.2022; approved after reviewing 13.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 81.276.6
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-166-173
EDN: GKPOVV

Терминообразование в сфере искусственного интеллекта

Анастасия Сергеевна Мусаева
Преподаватель кафедры английской филологии Самарского филиала ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». 443081, Самара, ул. Стара-Загора, д. 76
ana.mus@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1760-7055

Аннотация. В статье анализируется терминообразование в сфере искусственного интеллекта. Рассматривается один из способов формирования специальной лексики – привлечение. Под привлечением авторы понимают заимствование терминов и словосочетаний из литературного языка в профессиональное поле. На сегодняшний момент терминологическое поле искусственного интеллекта состоит из 452 терминов. Все они входят в параграфы «Термины и определения» утвержденных государственных стандартов по искусственному интеллекту. Из этих 452 терминов привлеченными являются 238 единиц (53 %) – слова и словосочетания. В рамках данной статьи анализируются привлеченные слова – 92 лексемы (38 %). Адаптация привлеченных слов к функции термина осуществляется следующими способами: 1) перераспределение сем (в термине при наличии некоторых сем литературного слова может отсутствовать часть дифференциальных признаков либо появляются новые, периферийные, которые и становятся значимыми для термина). В научно-технических сферах семы лексического фона, отражающие факторы внеязыковой действительности, оказываются более важными для семантики термина, чем собственно понятийные; 2) метафоризация. Для метафорических терминов можно реконструировать линии семантического пересечения со словами литературного языка. При этом термины ИИ наделяются, как правило, свойствами, присущими человеку; 3) спецификация дифференциальных признаков. В результате этого процесса происходит обогащение семантики специального слова новыми семами, появляются дополнительные конкретизирующие признаки; 4) сужение значения за счет ведения слов-ограничителей. Такими словами являются маркеры принадлежности к определенному профессиональному полю, в нашем случае – принадлежности к терминологии искусственного интеллекта. Толкование общелитературного слова и дефиниция термина в целом практически идентичны, но определение термина содержит отсылку к некоторому терминополю; 5) отсечение семантики общеупотребительного слова. У литературного слова отсекается его лексическое значение и привязывается строго научное определение – дефиниция.

Ключевые слова: терминообразование; привлечение; семантика; семантический анализ; искусственный интеллект; терминология

Для цитирования: Мусаева А. С. Терминообразование в сфере искусственного интеллекта // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 166–173. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-166-173. https://elibrary.ru/GKPOVV

Original article

Term formation in the field of artificial intelligence

Anastasia S. Musaeva
Lecturer at the department of English philology, the Samara branch of the Moscow city teachers' training university. 443081, Samara, Stara Zagora st., 76
ana.mus@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1760-7055

Abstract. The author analyzes the formation of terms in the field of artificial intelligence. The article considers the way of creating specialist vocabulary – attraction. Attraction is the borrowing of terms and phrases from literary language into professional terminology. To date, the terminological field of artificial intelligence consists of 452 terms. All terms are included in the paragraphs «Terms and Definitions» of the Russian State Standards on Artificial Intelligence. Out of 452 terms, 238 are attracted terms (53 %). These are words and word combinations. In this article the author analyzes only attracted words – 92 terms (38 %). The adaptation of attracted words to perform the function of a term is carried out in the following ways: 1) regrouping of semes. The term lacks some of the semes of the literary word. How-

© Мусаева А. С., 2022

ever, new, peripheral semes appear. They become significant for the term. In scientific and technical sciences, semes, which reflect factors of extra-linguistic reality, are more important for the semantics of the term than conceptual semes; 2) metaphorization. For metaphorical terms the author reconstructs semantic overlap with words of literary language. AI terms receive the properties inherent in humans; 3) specification of differential features. As a result of this process, the semantics of the specialist word is enriched with new semantics. Additional specifying features appear; 4) narrowing of the meaning due to the introduction of limiting words. Limiters are markers of belonging to a particular professional field, in our case – belonging to the terminology of artificial intelligence. The interpretation of a literary word and the definition of the term in general are almost identical, but the definition of the term contains a reference to a certain terminological field; 5) cutting off the semantics of a commonly used word. A literary word has its lexical meaning cut off and a strictly scientific definition attached.

Key words: mixed emotions; emotivity; linguistic categorization of emotions; Pollyanna principle; dominant; fluctuation; emotional and semantic potential

For citation: Musaeva A. S. Term formation in the field of artificial intelligence. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):166–173. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-166-173. https://elibrary.ru/GKPOVV

Введение

В современном терминоведении для описания процесса заимствования формирующимся терминологическим полем слов из других сфер национального русского языка обычно используются термины «привлечение» и «транстерминологизация». Общим процессом между ними является то, что и привлечение, и транстерминологизация являются способами семантического терминообразования через специализацию в условиях особого контекста [Сложеникина, Зайцева, 2018, с. 140].

Однако можно отметить отсутствие единой терминологии при описании процессов терминообразования. Например, С. В. Гринев использует термин «заимствование» для описания процесса пополнения специальной лексики средствами литературного языка, а привлечением называется переход термина в другое профессиональное поле [Гринев, 1993, с. 63]. Такой же позиции придерживается, например М. А. Левина [Левина, 2013, с. 127]. На этапе становления терминоведения как самостоятельной отрасли лексикологии один из ее основателей – Д. С. Лотте – пользовался термином «перенос» [Лотте, 1961, с. 99], В. П. Даниленко говорит о вторичной терминологизации номинативной единицы [Даниленко, 1977, с. 21]. «Переход лексики из метаязыка одной системы в метаязык другой» Е. И. Мальцева называет трансфером [Мальцева, 2021, с. 150]. В настоящее время широко используется термин транстерминологизация, см.: [Козловская 2015; Кухно, 2018; Сложеникина, Звягинцев, 2018, Зайцева, 2019 и др.]. «Процесс субституции одного терминологического значения другим» называет транстерминологизацией А.С. Якушина [Якушина, 2020, с. 134].

Нет определенности и в энциклопедическом словаре В. А. Татаринова «Общее терминоведение» [Татаринов, 2006]. И под привлечением, и под транстерминологизацией понимается один и тот же процесс переноса термина из одной терминосистемы в другую. Ср. *привлеченные термины* – термины из других отраслей, использующиеся в определенной терминосистеме [Татаринов, 2006, с. 146]; *транстерминологизация* – процесс перехода термина из одной отрасли в другую [Татаринов, 2006, с. 309].

При неупорядоченности определений считаем возможным пользоваться в данном исследовании следующей терминологией: *привлечение* – заимствование терминов и словосочетаний из литературного языка; *транстерминологизация* – заимствование термина из одного терминологического поля в другое. Таким образом, привлечение – это вертикальный процесс, когда лексема «спускается» из системы общенародного языка в один из пластов лексики, а именно, в специальную, узкоограниченную сферу. Транстерминологизация – это процесс горизонтальный, связанный с переходом из одной профессиональной области в другую.

Материал и методы

Языковой материал терминополя «Искусственный интеллект» составляют 452 термина ИИ. Все они входят в параграфы «Термины и определения» утвержденных государственных стандартов по искусственному интеллекту. Из них:

− привлеченными являются 238 единиц (53 %);

− транстерминологизированными – 190 (42 %);

− созданными как неологизмы для обслуживания теории и практики ИИ – 24 (5 %).

Из литературного языка могут заимствоваться

как слова, так и словосочетания. В нашем языковом материале:

− привлеченные слова – 92 лексемы (38 %);

− привлеченные словосочетания – 146 единиц (62 %).

В рамках данной статьи анализируются привлеченные слова, приведем некоторые: *автономность, агент, аномалия, безопасность, грабеж, д**анные, д**атчик, **детекция, д**остоверность, доступность, **з**адача, **з**ащищенность, изготовитель, качество, класс, классификация, конфиденциальность, метрика, **м**одель, мониторинг, надежность, намерение, о**бзорность, о**бъяснимость, **о**нтология, отказоустойчивость п**онятность, праздношатание, п**редвзятость, п**редсказуемость, п**репятствие, прецедент, прозрачность, прослеживаемость, процесс, робот, робототехника, система, сервис, с**итуация, с**онливость, с**пецифичность, сумка, т**олпа, т**очность, **у**правление, ф**он, ч**увствительность, эксперт, экстремизм, эффективность* и др.

В качестве лингвистических методов используются:

− метод сплошной выборки. Он заключается в сборе языкового материала из ГОСТов, утвержденных к настоящему времени. Их около 30;

− метод компонентного анализа. Его целью является представление значения слова в виде дискретной структуры. Для этого дефиниция термина раскладывается на минимальные семантические составляющие. В основе метода лежит предположение о том, что значение любой языковой единицы состоит из минимальных семантических компонентов – сем, которых в языке, в отличие от слов, исчислимое количество;

− метод оппозиций. В работе осуществляется семиотическое противопоставление лексем, предполагающее разложимость единиц языка на общие и различные элементы с выделение дифференциальных признаков;

− сравнительный метод. Он заключается в сопоставлении слов литературного языка и омонимичных им терминов с выделение специфики последних;

− количественный метод. Он заключается в использование подсчетов и измерений при изучении терминов;

− метод изучения источников. Источниками исследования являются утвержденные в РФ ГОСТы по искусственному интеллекту. Они разрабатываются в рамках «Перспективной программы стандартизации по приоритетному направлению „Искусственный интеллект" на период 2021–2024 гг.». В программу, в частности, включены стандарты общего назначения, закрепляющие термины и определения в области ИИ. Стандартизация предполагает разработку и утверждение ГОСТов по внедрению ИИ в приоритетных областях человеческой деятельности: промышленности, транспорте, медицине, образовании, строительстве и др.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим на примере некоторых терминов, как происходит их сематическая адаптация в терминологическом поле ИИ.

Перераспределение сем

Одним из терминов ИИ стало слово *праздношатание.* В русском литературном языке под праздношатанием понимается пребывание в определенном общественном месте в течение длительного времени без определенной цели и/или без законного на это повода. В качестве термина ИИ слово закреплено в ГОСТе Р 59385–2021 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Ситуационная видеоаналитика. Термины и определения»: праздношатание – сценарий в наблюдаемой сцене, при котором человек или группа людей находятся или перемещаются в пределах контролируемой зоны дольше порогового заданного времени и цель нахождения данного человека или группы людей в контролируемой зоне не установлена [ГОСТ Р 59385–
2021: https://www.standards.ru/document/6845643.aspx].

Состояние пребывания без дела в законодательстве РФ как противоправное не фиксируется, поэтому можно считать данное слово заимствованным из литературного языка. В литературном языке семантика слова складывается из 5 сем: 1) пребывание, 2) место (в определенном общественном месте), время (в течение длительного времени), цель (без определенной цели) и/или 4) релевантность, соответствие норме, правилам (без законного на это повода).

В терминологии ИИ дефиниция терминов включает семы: 1) ситуация (сценарий), 2) преднамеренность (наблюдаемая сцена), 3) объектность (человек или группа людей), 4) пребывание, 5) место (контролируемая зона), 6) время (дольше порогового заданного времени), 7) цель (неопределенная). Общелитературное и терминологическое значение состоят в эквиполентной оппозиции, имеют общие семы пребывания, ме-

ста, времени, цели. Однако реализация этих сем может быть различной: в определенном общественном месте – в контролируемой зоне, в течение длительного времени – дольше порогового заданного времени. Если в литературном языке нарратив праздношатания задается с точки зрения самого человека, находящегося в состоянии лойтеринга (от англ. Loitering – слоняться без дела), то в термине представлена точка зрения наблюдателя – контролирующего лица. Именно он (или предписания) определяют оценку места, времени, цели.

Еще один термин вышеназванного ГОСТа – *сумка*. Это бытовое понятие стало одним из терминов ИИ. Сумка как литературное понятие – это вместилище из ткани, кожи и т. п. для ношения чего-либо. Для определения сумки как общеупотребительного понятия важны 3 семы: 1) вместилище, 2) материал, 3) функциональное предназначение. И классификация сумок может строиться на оппозиции материала (тканевая, кожаная и др.), владельца (почтальон, спортсмен и др.), формы (сумка-коробка, кольцо, багет и др.), места (дорожная, пляжная и др.) и нек. Др. Основная сема – функциональная.

Как термин ИИ *сумка* – **это** ручная кладь, багаж либо другая емкость, пригодная для провоза либо проноса незаконных вложений, предъявляемых к анализу. В термине при наличии сем вместилища и функции отсутствует сема материала, но появляются два периферийных семантических признака, которые и становятся значимыми для термина: сема релевантности, отношения к закону (незаконные вложения) и операционная сема (анализ). В данном случае, как отмечает Ю. В. Сложеникина, происходит перераспределение сем, изменяется семантический объем лексемы [Сложеникина, 2018, с. 168–171]. В монографии «Терминологическая вариативность: семантика, форма, функция» (Москва, 2018) исследователь относит подобные явления к семантической вариантности, под которой понимает «перегруппировку, наличие или отсутствие в значении некоторых семантических компонентов…» [Сложеникина, 2018, с. 168; см. также: Polshchykova, 2021, с. 23–30; L'Homme M.-C., 2020, с. 415–424; Sigacheva N., 2020, с. 012211].

Основой для выводов Ю.В Сложеникиной послужила лингвострановедческая (лингвокультурологическая) теория слова Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, которая доказала свою универсальность и может быть экстраполирована на семантику термина. Ученые пишут, что слово выполняет функцию орудия познания, поскольку обладает нестрогой заданностью семантических границ в определении понятия. Не только текст, но и само слово, по Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову, является носителем полной информации, складывающейся из понятийных и непонятийных компонентов. Понятийное значение состоит из набора минимальных составляющих – семантических долей (СД). СД обеспечивают узнавание и именование сущности. При этом семантика слова, помимо понятийного компонента, включает непонятийные семантические доли. Они образуют лексический фон, актуальный не столько для языка, сколько для речевой деятельности, коммуникации субъектов. Семантические доли лексического фона фиксируют внеязыковую действительность, они гораздо обширнее, разнообразнее [Верещагин, 1980]. В научно-технических сферах семы лексического фона, отражающие факторы внеязыковой действительности, оказываются более важными для семантики термина, чем собственно понятийные [Bazarova, 2021, с. 1–4].

Возвращаясь к термину *сумка*, отметим, что его терминологическая классификация отличается от общеязыковой. Поскольку, как было ранее отмечено, для термина важна сема релевантности, отношения к закону, то в ГОСТе в качестве видовых фиксируются 2 термина-словосочетания: *безопасная сумка* – сумка, не являющаяся опасной; *опасная сумка* – сумка, содержащая опасные предметы либо определенный набор условно-опасных предметов, достаточный для признания содержимого сумки опасным.

Описанный процесс терминологизации общеупотребительного слова соответствует теории В. Н. Прохоровой. Терминовед считает, что перенос лексемы совершается на основании общности признаков общеупотребительного понятия, при этом у специальной единицы наличествуют дополнительные семантические признаки. У термина в профессиональном поле появляются другие, основные и важные именно для него, признаки, отсутствующие в общеупотребительном понятии [Прохорова, 2012, с. 79].

Исчезновение одних и появление других семантических компонентов можно наблюдать в термине *очередь*. В толковых словарях русского языка очередью называются люди, располагающиеся друг за другом, в ожидании чего-либо. В терминологии ИИ *очередь* – это скопление людей или других объектов, организованное в по-

рядке последовательного доступа к тому или иному участку сцены видеонаблюдения. Оба слова объединяют семы субъекта (люди) и расположения (друг за другом, последовательно). Но при переходе в термин из определения была исключена сема состояния (ожидание), зато появилась сема места (сцена видеонаблюдения).

Спецификация дифференциальных признаков

Рассмотрим данный механизм на примере слова и термина *процесс*. В литературном языке слово *процесс* многозначно, наиболее близко к терминологическому одно из значений, а именно: совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенного результата. В терминологии ИИ *процесс* – это совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих видов деятельности, преобразующая входы в выходы. Обе лексемы содержат 2 семы: действия и результата. Но если в общеупотребительном слове конкретный результат не определен, то в дефиниции термина он обозначается конкретно: преобразование входов в выходы.

Сужение значения за счет ведения слов-ограничителей

Такими словами являются маркеры принадлежности к определенному профессиональному полю, в нашем случае – принадлежности к терминологии искусственного интеллекта. Толкование общелитературного слова и дефиниция термина в целом практически идентичны, но определение термина содержит отсылку к некоторому терминополю. Например, многозначное слово *качество* в одном из своих лексико-семантических вариантов (ЛСВ) обозначает степень достоинства, ценности, пригодности вещи, действия и т. п., соответствия тому, какими они должны быть.

Термин качество в ГОСТе трактуется как совокупность характеристик и свойств системы ИИ, обусловливающих ее способность удовлетворять установленным или предполагаемым требованиям в соответствии с ее назначением.

И для литературного, и для специального слова основной является сема релевантности, способности соответствовать требованиям, быть пригодным. Однако дефиниция термина, включив маркер «система искусственного интеллекта», ограничила семантику и перевела лексему из общенационального языка в специальный.

Можно также привести в пример термин *объяснимость* – свойство системы искусственного интеллекта, заключающееся в возможности представления причин, приводящих к тому или иному решению системы, в виде, понятном человеку. И слово, и термин толкуются через доступность, понятность. При этом все эти свойства дефиниция приписывает системе искусственного интеллекта.

Отсечение семантики общеупотребительного слова

Иным сущность процесса терминологизации видит Л. А. Капанадзе. По мнению исследователя, у слова отсекается его лексическое значение и привязывается строго научное определение – дефиниция [Русский…, 1968, с. 152].

Ряд терминов ИИ в своем научном определении никак семантически не связан со значением омонима в общеупотребительном языке. Например, термин *предвзятость*. Сравним толкования. В литературном языке отвлеченное существительное определяется через прилагательное *предвзятый* – сложившийся заранее, до ознакомления с кем или чем-либо, без учета действительных фактов; пристрастный.

Как термин *предвзятость* – это свойство системы искусственного интеллекта, заключающееся в принятии ошибочных решений, связанных со статистической смещенностью обучающей выборки исходных данных или необъективностью применяемых при ее создании результатов экспертной работы.

Разной оказывается даже базовая классификационная сема: в общем употреблении *предвзятость* – это отношение, в специальном – свойство. Весьма имплицитно выражается связь термина и его общеязыкового субстрата. Можно реконструировать 3 линии семантического пересечения двух слов: семы реальности, действительности (факт, данные); результата (ошибочный); времени (заранее).

Точно так же разошлась семантика слова и термина *задача*. В литературном языке слово *задача* полисемично, это цель, упражнение, сложная проблема, вопрос. В терминологии ИИ задача – набор действий, алгоритм, программа, последовательность инструкций, выполняемых компьютером.

Приведем в пример термин ИИ *прецедент*. В общенародном языке прецедентом называется случай в прошлом, служащий примером или оправданием для последующих случаев подоб-

ного рода. Для семантики слова важна сема сравнения двух происшествий.

В ГОСТе *прецедент* определяется как спецификация последовательности действий, включая опции, которые система ИИ может выполнить при взаимодействии с пользователями. Слова расходятся по классификационной семе – случай / спецификация, причем под *спецификацией* понимается технический документ с детальным описанием процесса и условий, которым он должен соответствовать. В семантику термина дополнительно входят семы связи (взаимодействие), субъекта (пользователь), предмета (искусственный интеллект).

Интересно также расхождение семантики слова и термина *специфичность*. В толковых словарях русского языка слово *специфичность* через прилагательное *специфичный* отсылает к лексеме *специфика*, то есть отличительная особенности чего-либо, своеобразие. В ГОСТе под *специфичностью* понимается доля лиц с отрицательным результатом работы системы искусственного интеллекта в целевой популяции без изучаемого заболевания (то есть вероятность того, что объекты без изучаемого заболеванием будут определены как здоровые). Если в слове литературного языка доминирует сема сравнения и на ее основе выделения отличительных признаков, то в семантике термина можно обнаружить семы количества (доля), субъекта (лицо, популяция), результата (отрицательный), предмета (искусственный интеллект), состояния (заболевание). Данные слова являются омонимами и не обнаруживают семантических пересечений.

Интересно также сравнение слова и термина *препятствие*. В литературном языке *препятствие* – это то, что преграждает путь, мешает, задерживает движение; помеха, затруднение. В терминологии ИИ *препятствие* – это предмет или состояние рельефа местности, которое может причинить какой-либо вред или может быть повреждено при контакте с автоматизированной машиной или ее присоединяемым оборудованием. В термине отсутствует семантика преграды, зато появляется сема вреда, повреждения, порчи.

Заключение

Терминология искусственного интеллекта принадлежит к терминологиям новоейшего времени. Начальным с точки зрения государственного интереса к проблеме ИИ можно считать 2019 год. 30 января 2019 г. президент В. В. Путин утвердил перечень поручений по развитию в России технологий ИИ и разработке национальной стратегии развития искусственного интеллекта. В результате Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. N 490 была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». В рамках данной стратегии началась разработка ГОСТов по ИИ. На сегодняшний момент терминологическое поле искусственного интеллекта состоит из 452 терминов. Все они входят в параграфы «Термины и определения» утвержденных государственных стандартов по искусственному интеллекту. Из этих 452 терминов привлеченными являются 238 единиц (53 %) – слова и словосочетания. Адаптация неологизмов в поле искусственного интеллекта осуществляется 4 способами: перераспределение сем, спецификация дифференциальных признаков, сужение значения за счет ведения слов-ограничителей, отсечение семантики общеупотребительного слова.

Библиографический список

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. Москва : Русский язык, 1980. 320 с.

2. Гринев С. В. Введение в терминоведение. Москва : Московский лицей, 1993. 280 с.

3. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. Москва : Наука, 1977. 246 с.

4. Зайцева А. С., Сложеникина Ю. В. Семантика отраслевого термина (на примере терминологии чрезвычайных ситуаций) // Терминология: становление, развитие, функционирование: коллективная монография. Астрахань, 2019. С. 158–186.

5. Козловская Н. В. Явление транстерминологизации в «философии общего дела» Н.Ф. Федорова // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2014). Сб. науч. тр. 2015. С. 236–242.

6. Кухно И. Ю., Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В. Авторский термин и авторская терминология пассионарной теории этногенеза // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2018. № 10. С. 36–41.

7. Левина М. А. Принципы организации вторичных терминосистем права // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (25). С. 126–131.

8. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Москва : Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.

9. Мальцева Е. И. Семантические процессы при трансфере verba dicendi в язык искусства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 9 (851). С. 148–161.

10. Прохорова В. Н. Русская терминология. Москва : Кн. по требованию, 2013. 125 с.

11. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование: В 4 кн. / под ред. М. В. Панова. Москва : Наука, 1968. 4 т. Кн. 1: Лексика современного русского литературного языка / авт. И. П. Мучник, М. В. Панов, Д. Н. Шмелев и др. 1968. 184 с.

12. Сложеникина Ю. В. Терминологическая вариативность: семантика, форма, функция. Москва : ЛКИ, 2018. 288 с.

13. Сложеникина Ю. В., Зайцева А. С. Категоризация действительности в специальной картине мира // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2018. № 4. С. 137–149.

14. Сложеникина Ю. В., Звягинцев В. А. Нормализация и кодификация терминологии в условиях вариантности. Самара : СФ МГПУ, 2018. 112 с.

15. Татаринов В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. Москва : Московский Лицей, 2006. 526 с.

16. Якушина А. С Терминологизация и транстерминологизация в криминалистическом дискурсе // Сборник научных статей. Казань, 2020. С. 131–137.

17. Bazarova L.V. Systematic organization of english medical terminology // Archivos Venezolanos de Farmacologia y Terapeutica. 2021. Т. 40. № 1. С. 1–4.

18. L'Homme M.-C. Revisiting polysemy in terminology // EURALEX Proceedings. 19th. Сер. «Lexicography for Inclusion: Proceedings of the 19th EURALEX International Congress, 2021». 2020. С. 415–424.

19. Polshchykova O.N., Genkin Yu.Y. Synonymy in the terminology of computational linguistics // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2021. Т. 7. № 4. С. 23–30.

20. Sigacheva N., Baranova A., Vakhitova D., Gulkanyan M., Gainanova D. Scientific communication and translation problems with synonyms, antonyms, homonyms in construction sphere // IOP CONFERENCE SERIES. Materials Science and Engineering. Kazan, Russia, 2020. С. 012211.

Reference list

1. Vereshhagin E. M., Kostomarov V. G. Lingvostranovedcheskaja teorija slova = Linguocultural theory of word. Moskva : Russkij jazyk, 1980. 320 s.

2. Grinev S. V. Vvedenie v terminovedenie = Introduction to terminology. Moskva : Moskovskij licej, 1993. 280 s.

3. Danilenko V. P. Russkaja terminologija. Opyt lingvisticheskogo opisanija = Russian terminology. Linguistic description. Moskva : Nauka, 1977. 246 s.

4. Zajceva A. S., Slozhenikina Ju. V. Semantika otraslevogo termina (na primere terminologii chrezvychajnyh situacij) = Semantics of branch terms (based on terminology of emergency situations) // Terminologija: stanovlenie, razvitie, funkcionirovanie: kollektivnaja monografija. Astrahan', 2019. S. 158–186.

5. Kozlovskaja N. V. Javlenie transterminologizacii v «filosofii obshhego dela» N.F. Fedorova = The phenomenon of trans-terminologization in N.F. Fedorov's «philosophy of the common cause» // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chtenija – 2014). Sb. nauch. tr. 2015. S. 236–242.

6. Kuhno I. Ju., Slozhenikina Ju. V., Rastjagaev A. V. Avtorskij termin i avtorskaja terminologija passionarnoj teorii jetnogeneza = Author's term and author's terminology of the ethnogenesis passionary theory // Nauchno-tehnicheskaja informacija. Serija 2: Informacionnye processy i sistemy. 2018. № 10. S. 36–41.

7. Levina M. A. Principy organizacii vtorichnyh terminosistem prava = Principles of organizing secondary legal terminological systems // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2013. № 1 (25). S. 126–131.

8. Lotte D. S. Osnovy postroenija nauchno-tehnicheskoj terminologii = The basics of scientific and technical terminology construction. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1961. 158 s.

9. Mal'ceva E. I. Semanticheskie processy pri transfere verba dicendi v jazyk iskusstva = Semantic processes in transferring verba dicendi into the language of art // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. № 9 (851). S. 148–161.

10. Prohorova V. N. Russkaja terminologija = Russian terminology. Moskva : Kn. po trebovaniju, 2013. 125 s.

11. Russkij jazyk i sovetskoe obshhestvo: Sociologo-lingvisticheskoe issledovanie: V 4 kn. = The Russian language and Soviet society: A sociological and linguistic study: In 4 books / pod red. M. V. Panova. Moskva : Nauka, 1968. 4 t. Kn. 1: Leksika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka / avt. I. P. Muchnik, M. V. Panov, D. N. Shmelev i dr. 1968. 184 s.

12. Slozhenikina Ju. V. Terminologicheskaja variativnost': semantika, forma, funkcija = Terminological variation: semantics, form, function. Moskva : LKI, 2018. 288 s.

13. Slozhenikina Ju. V., Zajceva A. S. Kategorizacija dejstvitel'nosti v special'noj kartine mira = Categorization of reality in a special picture of the world // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22: Teorija perevoda. 2018. № 4. S. 137–149.

14. Slozhenikina Ju. V., Zvjagincev V. A. Normalizacija i kodifikacija terminologii v uslovijah variantnosti = Normalization and codification of terminology under the conditions of variability. Samara : SF MGPU, 2018. 112 s.

15. Tatarinov V. A. Moskva : Moskovskij Licej, 2006. 526 c.

16. Jakushina A. S Terminologizacija i transterminologizacija v kriminalisticheskom diskurse = Terminologization and trans-terminologization in criminalistic discourse // Sbornik nauchnyh statej. Kazan', 2020. S. 131–137.

17. Bazarova L.V. Systematic organization of english medical terminology // Archivos Venezolanos de Farmacologia y Terapeutica. 2021. T. 40. № 1. S. 1–4.

18. L'Homme M.-C. Revisiting polysemy in terminology // EURALEX Proceedings. 19th. Ser. «Lexicography for Inclusion: Proceedings of the 19th EURALEX International Congress, 2021». 2020. S. 415–424.

19. Polshchykova O.N., Genkin Yu.Y. Synonymy in the terminology of computational linguistics // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2021. T. 7. № 4. S. 23–30.

20. Sigacheva N., Baranova A., Vakhitova D., Gulkanyan M., Gainanova D. Scientific communication and translation problems with synonyms, antonyms, homonyms in construction sphere // IOP CONFERENCE SERIES. Materials Science and Engineering. Kazan, Russia, 2020. S. 012211.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022; одобрена после рецензирования 23.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 15.03.2022; approved after reviewing 23.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-174-181
EDN: GLFTPW

Синтаксическая неподчинимость модальных слов с суффиксом -weise в немецком языке

Татьяна Владимировна Первак
Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
alexfirst@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3427-3317

Аннотация. Цель исследования заключается в том, чтобы из идеи ассиметрии обосновать, какие из производных модальных слов с суффиксом -*weise* могут встречаться в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях после фактивных предикатов в матричном предложении, а какие будут выступать синтаксически неподчинимыми. Цель определила решение следующих задач: (1) проанализировать типы модальных значений, передаваемых модальными словами с суффиксом -*weise*; (2) выявить сходства и различия фактивных предикатов эмоций и знания; (3) установить, какие из модальных слов с суффиксом -*weise* синтаксически подчинимы фактивным предикатам; (4) описать взаимосвязь модальной специфики данных слов и их синтаксической подчинимости. В ходе исследования было выявлено, что производные модальные слова с суффиксом -*weise* неоднородны по своей семантике и могут выражать оценочное, эвиденциальное и эпистемическое значения. Посредством привлечения корпуса немецкого языка DWDS установлено, что для анализируемых слов нетипична позиция в объектных придаточных предложениях после эмотивных предикатов *bezweifeln, bedauern, bereuen*, фактивность которых связана с презумпцией истинности пропозиции. Данные модальные слова показывают уверенную тенденцию к пропозициональной установке, неограниченно комбинируясь с фактивными глаголами. Более свободную синтаксическую сочетаемость модальные слова с суффиксом -*weise* демонстрируют после семифактивного глагола знания *wissen*, который теряет в определенных контекстах фактичность и допускает в таком случае эпистемическое прочтение пропозиции. В работе отмечено, что синтаксическая неподчинимость модальных слов обусловлена с одной стороны спецификой предикатов эмоций и знания, а с другой стороны многогранностью семантики модальных слов.

Ключевые слова: семантика; модальные слова; суффикс -weise; эпистемичность; оценочность; эвиденциальность; фактивные глаголы; семифактивные глаголы; пропозиция; фактичность

Для цитирования: Первак Т. В. Синтаксическая неподчинимость модальных слов с суффиксом -weise в немецком языке // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 174–181. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-174-181. https://elibrary.ru/GLFTPW

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

Syntactic insubordination of modal words with the suffix -weise in the German language

Tatiana V. Pervak
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of Germanic philology, Moscow Region State University. 141014, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24
alexfirst@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3427-3317

Abstract. The purpose of the study is to substantiate from the idea of asymmetry which of the derivatives of modal words with the suffix -*weise* can occur in illocutionary dependent subordinate clauses after factive predicates in a matrix sentence, and which will be syntactically insubordinate. The purpose determined the following tasks to be solved: (1) to analyze the types of modal meanings conveyed by the modal words with the suffix -*weise*; (2) to identify similarities and differences of emotive and cognitive predicates; (3) to determine which of the modal words with the suffix -*weise* are syntactically subordinate to the factive predicates; (4) to describe the correlation between the modal specifics of

© Первак Т. В., 2022

these words and their syntactic subordination. The study has found that the derived modal words with the suffix *-weise* are heterogeneous in their semantics and can express evaluative, evidential and epistemic meaning. By using the corpus of the German language DWDS, the author shows that the position of the analyzed words in the object subordinate clauses after the emotive predicates *bezweifeln, bedauern, bereuen* in the matrix sentence is atypical, because their factivity is connected with the presumption that the proposition is true. These modal words show a confident tendency toward a propositional setting, combining indefinitely with factive verbs. Modal words with the suffix *-weise* demonstrate a freer syntactic compatibility after the cognitive semifactive verb *wissen*, which loses its factivity in certain contexts and allows in this case an epistemic interpretation of the proposition. The paper notes that the syntactic insubordination of modal words is caused on the one hand by the specifics of emotive and cognitive factives, and on the other hand by the versatility of the semantics of modal words.

Key words: semantics; modal words; suffix -weise; epistemity; evaluation; evidentiality; factive verbs; semifactive verbs; proposition; factuality

For citation: Pervak T. V. Syntactic insubordination of modal words with the suffix -weise in the German language. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):174–181. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-174-181. https://elibrary.ru/GLFTPW

Введение

Настоящая работа выполнена в русле исследований по семантическому синтаксису, предполагающему выявление языковой ассиметрии как отдельных членов предложения, так и предложения в целом. В исследовании затронут вопрос о синтаксической неподчинимости производных модальных слов с суффиксом *-weise* в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях. К таким предложениям относятся в частности дополнительные придаточные предложения (Objektsätze) с фактивными предикатами эмоций и знания в матричном предложении.

Лингвистический анализ синтаксической неподчинимости модальных слов с привлечением корпусов уже осуществлялся рядом исследователей [Аверина, 2021; Падучева, 2011; Pittner, 1999]. Как отмечает А. В. Аверина, немало споров вызывал и вызывает вопрос относительно степени зависимости модальных слов от других членов предложения, местоположения в предложении и статуса в системе частей речи. В лингвистической литературе, однако, отсутствуют работы, позволяющие на основании корпуса проследить сочетательные возможности фактивных предикатов в матричном предложении и модальных слов с суффиксом *-weise*, вводимых в пропозицию. Вместе с тем проведение такого рода исследования представляется актуальным для осуществления всесторонней характеристики данной группы модальных слов.

В германистике неоднократно подчеркивалось, что класс модальных слов отличается семантической неоднородностью, а для обозначения данных слов существуют различные термины, например: Modaladverbien [Abraham, 2011]; Satzadverbien [Eroms, 2006; Müller, 2021; Pittner, Berman, 2015]; Modalwörter [Helbig/Helbig 1990; Admoni, 1986], Modalpartikel [Ballweg, 2009]. Несмотря на семантические различия общим для всех модальных слов является то, что синтаксически они выполняют функцию вводного слова, семантически – установочного оператора, а коммуникативно-прагматически – комментария [Helbig, Buscha, 2013, S. 505].

В немецком языке существует ряд семантических классификаций модальных слов, основанных на том, какое влияние данные слова оказывают на пропозициональное содержание высказывания [Helbig/Helbig, 1990; Zifonun, Hoffmann, Strecker, 1997; Ballweg, 2009]. Приведем классификацию Й. Баллвега, согласно которой модальные слова разделяются на два типа: 1) модально «ослабляющие» (в немецкой терминологии – modal abschwächende) и 2) утвердительные (assertive).

Модально «ослабляющие» слова, такие как *anscheinend, wahrscheinlich, vielleicht, möglicherweise, normalerweise, hoffentlich* отражают степень уверенности говорящего в истинности пропозиции. Спецификой данных слов является то, что их присутствие вносит амбивалентность в состав высказывания и не позволяет однозначно судить об истинности или ложности пропозиции [Первак, 2021, с. 126]. Их использование отчасти носит прагматический характер, поскольку позволяет говорящему уйти от ответственности за истинность пропозиционального содержания. Слова, входящие в данную группу, способны выражать различные модальные значения: эпистемическое (*vielleicht, möglicherweise, wahrscheinlich*), эвиденциальное (*anscheinend*), волитивное (*hoffentlich*).

В утвердительных модальных словах выделяют три группы:

1) утвердительные (rein assertive Satzadverbialia). К этой небольшой группе относятся, напри-

мер, *bestimmt, gewiss, tatsächlich, vermutlich, wirklich.*

2) слова с оценочной семантикой (bewertend-assertive Satzadverbialia). Это наиболее многочисленная группа, в которую входят слова как с положительной (*begrüßenswerterweise, dankenswerterweise, erfreulicherweise, glücklicherweise*), так и отрицательной оценкой (*bedauerlicherweise, dummerweise, unglücklicherweise, enttäuschenderweise, leider*). С помощью оценочных слов говорящий позитивно или негативно оценивает содержание пропозиции, выражает свое эмоциональное отношение к факту пропозиции. Некоторые производные от прилагательных оценочные слова выражают оценку, которую сложно расположить на шкале «позитивно» – «негативно», например, *bemerkenswerterweise, interessanterweise, verständlicherweise, rührenderweise.*

3) слова с эвиденциальной семантикой (evidenzbetonend-assertive Satzadverbialia). В эту группу входят такие слова, как *natürlicherweise, logischerweise, bezeichnenderweise, bekannterweise, sicherlich, zweifellos, offensichtlich.* С помощью слов с эвиденциальной семантикой подчеркивается очевидность положения вещей, например, посредством опоры на общие знания, на систему правовых норм [Ballweg, 2009, S. 549–552].

Из всего класса модальных слов в качестве объекта исследования были отобраны только модальные слова с суффиксом *-weise/-erweise* согласно вышеприведенной классификации (о суффиксе *-weise/-erweise* см. подробнее [Elsner, 2016; Axel-Tober K., 2016]). Стоит отметить, что большая часть данных слов являются оценочными. В классе модальных слов они занимают периферийное место, поскольку лишь частично соответствуют основополагающим критериям модальных слов, среди которых, например, тест на отрицание (см. подробнее [Helbig/Helbig, 1990, S. 48–55; Krifka, 2020]):

(1) a) *Er kommt vermutlich nicht.*

b) **Er kommt nicht vermutlich* [Helbig/Helbig, 1990, S. 19].

c) *Das klappt dummerweise nicht so gut, wenn die Flasche recht voll ist.*

d) *Nun möchte ich aber nicht dummerweise noch ein zweites Mal bezahlen müssen* [DWDS].

Постановка отрицания перед модальным словом в (1b) является аграмматичной, что вполне объяснимо: «модальное слово не представляет собой самостоятельного утверждения, которое может отрицаться, а выражает лишь отношение субъекта к сказанному» [Вольф, 2020, с. 95]. Однако как видно из примера (1d) ряд модальных слов с оценочной семантикой все же допускает частичное отрицание, находясь при этом в рематической позиции под ударением. Тем не менее германисты считают правомерным включение оценочных слов в класс модальных слов, так как они выражают установку говорящего к представленному факту действительности.

Модальные слова на *-weise* с оценочной и эмоциональной, а также эвиденциальной и эпистемической семантикой обнаруживают ряд синтаксических особенностей, находясь в пропозиции после фактивных глаголов эмоций и знания в матричном предложении.

Материал и методы исследования

Для выявления отличительных особенностей был привлечен корпус немецкого языка DWDS, который позволил продемонстрировать особенности взаимодействия фактивных глаголов и модальных слов, а также выявить определенные закономерности их сочетаемости. Корпус DWDS, созданный Берлинско-Бранденбургской Академией наук, содержит более 27 миллиардов словоупотреблений из исторических и современных источников (https://www.dwds.de). Источником материала данного исследования послужил подкорпус Webkorpora, включающий 555-738-087 предложений (дата обращения: 23.01.21).

Методом поиска по заданным критериям мы отобрали более 500 примеров использования модальных слов с суффиксом *-weise* в пропозиции после фактивных глаголов эмоций и знания в пропозициональной установке (критерии поиска: NEAR («bedauern», «dass», «möglicherweise»,11)). Анализ и классификация материала проведена с применением трансформационного метода и метода компонентного анализа.

Результаты исследования

При изучении синтаксиса языка признак фактивности / нефактивности значим как фактор, влияющий на структуру предложения и определяющий его трансформационные возможности. Фактивный предикат гарантирует подчиненной ему пропозиции статус презумпции, т. е. обеспечивает ее истинность как в положительном, так и в отрицательном контексте, например, в предложении:

(2) *Wir bedauern, dass es Schwierigkeiten während der Montage gab* [DWDS], сожалеем мы или

нет, пропозиция «возникшие во время монтажа трудности» остается истинной, то есть фактивный глагол *bedauern* имплицирует истинность объектного придаточного предложения.

Таким образом, фактивность связана с презумпцией истинности, а нефактивность с утверждением истинности пропозиции. Соответственно при использовании нефактивных предикатов истинность пропозиции утверждается, при употреблении фактивных предикатов истинность принимается как данное [Kiparsky, Kiparsky, 1970].

К фактивным предикатам в немецком языке относятся следующие глаголы (о классификациях см. подробнее [Reis, 1977, S. 202; Meinunger, 2007]:

− Sagensprädikate (verba dicendi): sagen, erzählen, behaupten;

− Einstellungsprädikate (verba putandi): glauben, hoffen, finden;

− Semifaktive Prädikate: wissen, entdecken, erfahren;

− Berucksichtigungsprädikate: ignorieren, beachten, vernachlässigen;

− Emotive Verben: bedauern, bereuen, leugnen, bezweifeln [Antomo, 2012, S. 27].

Общим для анализируемых эмотивных и семифактивных предикатов является то, что они гарантируют подчиненной им пропозиции статус презумпции, например:

(3) a. *Jenny hat erfahren, dass Evi die Schuhe gekauft hat.*

b. *Jenny hat noch nicht erfahren, dass Evi die Schuhe gekauft hat.*

Evi hat ~~die~~ Schuhe gekauft.

Однако в отличие от эмотивных глаголов семифактивные глаголы теряют фактивность, если выступают частью вопросительного или условного предложения, ср.:

(4) a) *Sollte ich später erfahren, dass du die Schuhe gekauft hast, gibt's 'nen Mordsärger.* / Если бы я позднее узнала, что ты купила ботинки, были бы ужасные неприятности (Перевод наш. – Т. П.).

b) **Sollte ich später bereuen, dass ich die Schuhe gekauft habe, kann ich sie ja umtauschen* [Antomo, 2012, S. 28].

Следующим важным отличием семифактивных глаголов является то, что после них допускается постановка предиката на второй позиции в придаточном предложении, что в первую очередь характерно для эпистемического прочтения пропозиции [Blühdorn, 2008, S. 217], ср.:

5) a) *Ich habe gerade erfahren, ich bin durchgefallen.*

b) **Peter bereut, dass Maria hat Fritz geheiratet* [Antomo, 2012, S.117].

Проследим далее на примерах из корпуса, влияют ли данные особенности фактивных предикатов на их способность подчинять производные модальные слова с суффиксом *-weise* в пропозиции. Стоит заметить, что признак фактичности также присущ всем исследуемым модальным словам, за исключением *möglicherweise*. Различие между фактивными и нефактивными модальными словами наглядно показывают следующие возможные трансформации, приведенные Г. Гельбих и А. Гельбих в их труде «Lexikon deutscher Modalwörter»:

(6) *Er ist bedauerlicherweise verunglückt* (признак фактивности).

- *Die Tatsache, daß er verunglückt ist, ist bedauerlich.*

(7) *Er ist wahrscheinlich verunglückt* (признак нефактивности).

- **Die Tatsache, daß er verunglückt ist, ist wahrscheinlich* [Helbig / Helbig, 1990, S. 48–49].

1. *Модальные слова с оценочной и эмоциональной семантикой*

В ходе корпусной выборки было отобрано и проанализировано 40 слов с оценочной и эмоциональной семантикой в пропозиции после фактивных глаголов *bedauern, bezweifeln, bereuen* в матричном предложении, однако зафиксированы лишь единичные случаи употребления. Рассмотрим их:

(8) *Ich bedauere, dass ich **fälschlicherweise** Intelligenzminderung als Diagnostikkriterium angesehen habe* [DWDS].

(9) *Er bedauerte aber, dass die katholischen Führer **bedauerlicherweise** ebenso wenig beteiligt gewesen waren wie bei der Gründung des Deutschen Reiches Bismarckscher Prägung* [DWDS].

Модальные слова в двух приведенных примерах выражают отрицательную оценку, что вполне логично указывает на их семантическую сочетаемость с эмоционально негативной семантикой фактивных предикатов. Однако нетипичную синтаксическую подчинимость в (8) и (9) осмелимся, вслед за Е. В. Падучевой, объяснить тем, что в разговорной речи вводные слова относительно свободно перемещаются по фразе и могут «забредать» в придаточное, оставаясь по смыслу в главном, и наоборот, подниматься из придаточного в главное» Также, с семантической точки зрения, ситуация, которая складывается в

контексте, где вводный оборот подчинен глаголу пропозициональной установки такова, что одна пропозиция – выраженная в подчиненном предложении – входит в сферу действия двух предикатов, подчиняющего и вводного [Падучева, 2011, с. 311–312].

В целом же отсутствие модальных слов с оценочной и эмоциональной семантикой в пропозиции свидетельствует о том, что они, обладая признаком фактивности, показывают уверенную тенденцию к пропозициональной установке, неограниченно комбинируясь там с фактивными глаголами. Как отмечает В. Г. Гак, оценочный, субъективный элемент имеет тенденцию предшествовать объективному, диктальному на всех уровнях структуры речи: на уровне словосочетания, на уровне предложения и на уровне сверхфразового единства и целого текста [Гак, 2016, с. 300], например:

(10) ***Interessanterweise*** *bezweifelt Glowasz sogar, dass der König ein homosexuelles Doppelleben geführt hat, was von seinen Feinden gezielt propagiert wurde und heute allgemein als Wahrheit akzeptiert ist* [DWDS].

В то же время оценочные слова как с положительной, так и отрицательной оценкой показывают относительно свободную сочетаемость с глаголом знания *wissen*. Так, из 30 зафиксированных в корпусе случаев употребления *fälschlicherweise* с глаголом *wissen* в матричном предложении, 17 встречаются в пропозиции:

(11) *Ich wusste, dass sie mich* ***fälschlicherweise*** *eingesperrt hatten.*

(12) *Ich weiß, dass mein Sohn* ***unglücklicherweise*** *an diesem Tag auch unterwegs war, an dem Tag als das Wohnmobil zurückgekommen ist.”*

(13) *Bei der Beauty-Queen wissen wir, dass sie uns* ***glücklicherweise*** *mit neuen Projekten überraschen wird.*

2. *Модальные слова с эвиденциальной семантикой* подчеркивают очевидность положения вещей, которая достигается привязкой к общим фоновым знаниям, ссылкой на общедоступные знания. В корпусе не зафиксировано случаев употребления слов *natürlicherweise, logischerweise, begreiflicherweise, bezeichnenderweise* в пропозиции после фактивных предикатов. Это можно связать с тем, что «вводный оборот, предполагающий нейтральную модальность ассоциированной пропозиции, не сочетается с подчиняющим предикатом, который требует для той же пропозиции презумптивного статуса [Падучева, 2016, с. 84].

Отдельную подгруппу образуют модальные слова, выражающие необходимость, например, *notwendigerweise*. При этом передаваемая ими необходимость, как и у модальных глаголов, имеет различные оттенки модальных значений (телеологическое, волитивное, деонтическое) [Zifonun, 1997, S. 1130–1131]. Для *notwendigerweise* также нехарактерно нахождение в скопусе фактивных предикатов, в корпусе зафиксировано лишь два примера в пропозиции, рассмотрим один из них:

(14) *Ich bezweifle aber, dass ihre Arbeit dadurch* ***notwendigerweise*** *besser wird* [DWDS].

Однако слова с эвиденциальной семантикой показывают достаточно свободную синтаксическую сочетаемость с предикатами знания, что подтверждается многими примерами из корпуса:

(15) *Übrigens wissen Sie, dass Getreidestroh und Mais* ***logischerweise*** *Kohlenstoff beinhalten* [DWDS].

(16) *Zwar weiß ich, dass dieses Vorhaben* ***notwendigerweise*** *erst an Weihnachten abgeschlossen sein wird* [DWDS].

3. *Модальные слова с эпистемической семантикой*

Модальное слово *möglicherweise* выражает эпистемическую модальность – говорящий высказывает предположение или оценивает вероятность того, насколько положение вещей в пропозиции может быть истинным. В отличие от всех вышерассмотренных слов *möglicherweise* не обладает признаком фактивности, но несмотря на это, нахождение в скопусе эмотивных предикатов для него также нехарактерно. В корпусе встречаются лишь единичные примеры:

(17) *Trotz ihres verrückten Lebens bereut Cyrus nicht, dass sie* ***möglicherweise*** *schon früher aus ihren Kinderschuhen herauswachsen musste, als ihr lieb war* [DWDS].

(18) *Er bedauert es zwar, dass Dieter Bohlen ihn* ***möglicherweise*** *nicht wird produzieren können, aber er stehe bereits mit einer anderen großen Plattenfirma in Verhandlungen* [DWDS].

(19) *Ich bezweifle, dass eine* ***möglicherweise*** *erfolglose Beerensuche im Wald die beste Unternehmung für mich und meinen Kugelbauch ist* [DWDS].

Модальное слово *normalerweise*, также как и *möglicherweise*, снижает степень уверенности говорящего в содержании высказывания. Отличием является то, что оно передает стереотипность представлений пропозиции, а также обладает признаком фактивности, что исключает его использование после фактивных предикатов.

Представленный ниже единичный пример из корпуса демонстрирует положение *normalerweise* в пропозиции, однако при прочтении легко заметить, что оно находится в скопусе прилагательного, а не фактивного предиката (как и в примере 19).

(20) *Dann hört die Diskussion schon hier auf und ich bedaure, dass die* ***normalerweise*** *seriöse Plattform «abgeordnetenwatch» dies hat durchgehen lassen* [DWDS].

Модальные слова, способные передавать эпистемическую модальность, неограниченно комбинируются с предикатами знания в матричном предложении, что подтверждается многочисленными примерами из корпуса:

(21) *Ich weiß auch, dass dieser rationale Ansatz* ***möglicherweise*** *nicht mit den Emotionen übereinstimmt, die viele von Ihnen durchleben müssen* [DWDS].

(22) *Hierbei ist es wichtig zu wissen, dass ein Hund* ***normalerweise*** *«nicht einfach so» zubeißt* [DWDS].

Заключение

Модальные слова с суффиксом *-weise* гетерогенны по своей семантике, что оказывает влияние на их синтаксические свойства, в частности на способность находиться в скопусе фактивных предикатов. Общим для них является выражение отношения говорящего к содержанию высказывания.

Анализируемые слова с оценочной, эпистемической и эвиденциальной семантикой показывают устойчивую тенденцию к модусной позиции, поэтому практически не встречаются в объектных придаточных предложениях после эмотивных предикатов в главном предложении. Это позволяет сделать вывод об их синтаксической неподчинимости фактивным предикатам эмоций.

Значение, выражаемое семифактивным глаголом *wissen*, можно отнести к разряду эпистемических, поскольку с помощью *wissen* говорящий утверждает, что факт пропозиции присутствует в фонде его знаний. Специфика глагола *wissen* проявляется и в том, что он утрачивает признак фактивности, выступая частью вопросительного или условного предложения, а также допускает постановку глагола в придаточном предложении на вторую позицию, что в целом характерно для эпистемического прочтения пропозиции. Учитывая эту особенность, модальные слова с оценочной, эпистемической и эвиденциальной семантикой демонстрируют достаточно свободную синтаксическую сочетаемость, находясь в скопусе глагола *wissen*. В заключение следует сказать, что синтаксическая подчинимость модальных слов обусловлена не только спецификой фактивных предикатов эмоций и знания, но и модальной семантикой слова.

Библиографический список

1. Аверина А. В. Синтаксис и семантика модальных слов в немецком языке // Филологические науки в МГИМО. Том 7. № 1(25). 2021. С. 5–14.

2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. 278 с.

3. Гак В. Г. Языковые преобразования. Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. Москва : ЛИБРОКОМ, 2016. 408 с.

4. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Языки славянской культуры, 2011. 480 с.

5. Падучева Е. В. Модальность // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. 448 с.

6. Первак Т. В. Семантика модальных слов с суффиксом -weise в немецком языке. В сборнике: Германистика 2021: nove et nova. Материалы IV Международной научной конференции. Москва, 2021. С. 124–129.

7. Abraham W. Über Unhintergehbarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Trier: Focus, 2011. S. 125–147.

8. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. Москва : Просвещение, 1986. 336 с.

9. Antomo M. I. Abhängige Sätze in einem fragebasierten Diskursmodell. Göttingen, 2012. 248 S.

10. Axel-Tober K. Satzadverbiale im Deutschen: synchrone und diachrone Fragen bei einem 'scheints' alten Thema // In: „dat ih dir it nu bi huldi gib“ – Linguistische, germanistische und indogermanistische Studien Rosemarie Lühr gewidmet, Neri S., Schuhmann R. & Zeilfelder S. (Hgg.). Wiesbaden : Reichert, 2016. S. 23–33.

11. Ballweg J. Modalpartikel. Handbuch der deutschen Wortarten // ed. by Ludger Hoffmann Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. S. 547–554.

12. Blühdorn H. Epistemische Lesarten von Satzkonnektoren – Wie sie zustande kommen und wie man sie erkennt // In: Semantik und Pragmatik. Pohl I. (Hg.) Frankfurt/Main : PeterLang, 2008. S. 217–251.

13. DWDS. URL: https://www.dwds.de/d/korpora/web (дата обращения: 23.01.21).

14. Elsner D. Empirisch basierte Überlegungen zu Ableitungen mit -weise/-erweise. In: Grammar and

Corpora 2016. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2018. S. 211–220.

15. Eroms H.-W. Satzadverbien und Diskurspartikeln // In: Ágel, V. e.a. (Hgg.), Dependenz und Valenz. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin, New York : de Gruyter, 2006. S. 1017–1036.

16. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Stuttgart : Klett, 2013, 654 S.

17. Helbig G., Helbig A. Lexikon deutscher Modalwörter. Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1990. 300 S.

18. Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // In: Progress in Linguistics. Bierwisch M. / Heidolph K. E. (Hg.). The Hague : Mouton, 1970. Pp. 143–173.

19. Krifka M. Zur Negierbarkeit von epistemischen Modalen // In: Grammatik und Pragmatik der Negation im Deutschen. Neuhaus L. (ed.). Berlin : De Gruyter, 2020. 351 S.

20. Meinunger A. In the mood of desire and hope: Remarks on the verb second phenomenon, the nature of volitional predicates // In: Moeschler J./et al.(Hgg.), Tense, mood and aspect. Amsterdam/ New York : Rodopi, 2007. S. 155–176.

21. Müller K. Satzadverbien und Evidentialität. Berlin, Boston : De Gruyter, 2021. 373 S.

22. Pittner K. Adverbiale im Deutschen. Untersuchungen zu ihrer Stellung und Interpretation. Tübingen : Narr, 1999. 390 S.

23. Pittner K., Berman J. Deutsche Syntax. Ein Arbeitsbuch. 6., aktualisierte Auflage. Tübingen : Gunther Narr Verlag, 2015. 208 S.

24. Reis M. Präsuppositionen und Syntax. Tubingen: Niemeyer, 1977. 238 S.

25. Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin, New York : De Gruyeter, 1997. 2571 S.

Reference list

1. Averina A. V. Sintaksis i semantika modal'nyh slov v nemeckom jazyke = Syntax and semantics of modal verbs in the German langage // Filologicheskie nauki v MGIMO. Tom 7. № 1(25). 2021. S. 5–14.

2. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2020. 278 s.

3. Gak V. G. Jazykovye preobrazovanija. Vidy jazykovyh preobrazovanij. Faktory i sfery realizacii jazykovyh preobrazovanij = Language transformations. Types of linguistic transformations. Factors and spheres of implementing linguistic transformations. Moskva : LIBROKOM, 2016. 408 s.

4. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovanija: Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa = Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of narrative. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2011. 480 s.

5. Paducheva E. V. Modal'nost' = Modality // Materialy k korpusnoj grammatike russkogo jazyka. Glagol. Chast' I. Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2016. 448 s.

6. Pervak T. V. Semantika modal'nyh slov s suffiksom -weise v nemeckom jazyke = Semantics of modal words with the suffix -weise in German. V sbornike: Germanistika 2021: nove et nova. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 2021. S. 124–129.

7. Abraham W. Über Unhintergehbarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Trier: Focus, 2011. S. 125–147.

8. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. Moskva : Prosveshhenie, 1986. 336 s.

9. Antomo M. I. Abhängige Sätze in einem fragebasierten Diskursmodell. Göttingen, 2012. 248 S.

10. Axel-Tober K. Satzadverbiale im Deutschen: synchrone und diachrone Fragen bei einem 'scheints' alten Thema // In: „dat ih dir it nu bi huldi gib“ – Linguistische, germanistische und indogermanistische Studien Rosemarie Lühr gewidmet, Neri S., Schuhmann R. & Zeilfelder S. (Hgg.). Wiesbaden : Reichert, 2016. S. 23–33.

11. Ballweg J. Modalpartikel. Handbuch der deutschen Wortarten // ed. by Ludger Hoffmann Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. S. 547–554.

12. Blühdorn H. Epistemische Lesarten von Satzkonnektoren – Wie sie zustande kommen und wie man sie erkennt // In: Semantik und Pragmatik. Pohl I. (Hg.) Frankfurt/Main : PeterLang, 2008. S. 217–251.

13. DWDS. URL: https://www.dwds.de/d/korpora/web (data obrashhenija: 23.01.21).

14. Elsner D. Empirisch basierte Überlegungen zu Ableitungen mit -weise/-erweise. In: Grammar and Corpora 2016. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2018. S. 211–220.

15. Eroms H.-W. Satzadverbien und Diskurspartikeln // In: Ágel, V. e.a. (Hgg.), Dependenz und Valenz. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin, New York : de Gruyter, 2006. S. 1017–1036.

16. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Stuttgart : Klett, 2013, 654 S.

17. Helbig G., Helbig A. Lexikon deutscher Modalwörter. Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1990. 300 S.

18. Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // In: Progress in Linguistics. Bierwisch M. / Heidolph K. E. (Hg.). The Hague : Mouton, 1970. Pp. 143–173.

19. Krifka M. Zur Negierbarkeit von epistemischen Modalen // In: Grammatik und Pragmatik der Negation im

Deutschen. Neuhaus L. (ed.). Berlin : De Gruyter, 2020. 351 S.

20. Meinunger A. In the mood of desire and hope: Remarks on the verb second phenomenon, the nature of volitional predicates // In: Moeschler J./et al.(Hgg.), Tense, mood and aspect. Amsterdam/ New York : Rodopi, 2007. S. 155–176.

21. Müller K. Satzadverbien und Evidentialität. Berlin, Boston : De Gruyter, 2021. 373 S.

22. Pittner K. Adverbiale im Deutschen. Untersuchungen zu ihrer Stellung und Interpretation. Tübingen : Narr, 1999. 390 S.

23. Pittner K., Berman J. Deutsche Syntax. Ein Arbeitsbuch. 6., aktualisierte Auflage. Tübingen : Gunther Narr Verlag, 2015. 208 S.

24. Reis M. Präsuppositionen und Syntax. Tubingen: Niemeyer, 1977. 238 S.

25. Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin, New York : De Gruyeter, 1997. 2571 S.

Статья поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 13.03.2022; approved after reviewing 17.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 81'373.47
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-182-194
EDN: GMKMZR

К вопросу о деривационных и семантических аспектах англоязычной неологической лексики периода пандемии COVID-19

Марина Аркадьевна Никулина
Кандидат филологических наук, доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 153000, г. Иваново, Посадский пер., 8 лит.А1.
nikulinoj.marine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0874-275X

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальной лексики, пополнившей состав английского языка в период пандемии COVID-19. В работе рассматривается этимология, а также – морфологические и семантические особенности «денотативных» неологизмов, созданных для наименования новых реалий (карантина, удаленной работы и учебы, вакцинации, самоизоляции, ограничений на перемещение в пространстве и т. п.). Помимо этого, анализу подвергаются причины, обуславливающие широкую употребительность «денотативных» неологизмов в пределах английского языка, а также их активного проникновения в другие национальные языки,

Кроме того, в работе исследуются особенности «коннотативных» неологизмов – экспрессивно-окрашенных лексем, принадлежащих преимущественно к разговорному стилю и служащих для выражения отношения говорящего к новым реалиям. Многие неологизмы этой группы связаны с ироничными наименованиями пандемии, содержат оценку поведения людей в семье и общественных местах или связаны с особенностями поведения людей в Интернете. Помимо этого, в статье дается обоснование целесообразности введения в широкий обиход эмоционально окрашенных неологизмов, связанных с пандемией COVID-19 и обладающих, преимущественно, отрицательным коннотативным значением.

Статья содержит анализ корреляции между семантическими и деривационными аспектами англоязычных неологизмов, связанных с «коронавирусной» тематикой, а также описывает некоторые тенденции в сфере словообразования, характерные для пандемийного периода (в частности, дается описание тенденции к увеличению доли неолексем, пополнивших лексикон английского языка в результате «народного словотворчества»).

Ключевые слова: коронавирусная пандемия; современный английский язык; «денотативные» неологизмы; «коннотативные» неологизмы; семантическая деривация; блендинг; семантический анализ

Для цитирования: Никулина М. А. К вопросу о деривационных и семантических аспектах англоязычной неологической лексики периода пандемии COVID-19 // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 182–194. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-182-194. https://elibrary.ru/GMKMZR

Original article

On derivational and semantic aspects of the english neologisms during the COVID-19 pandemic period

Marina A. Nikulina
Candidate of philological sciences, associate professor, Center of linguistics and professional communication, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 153000, Ivanovo, Posadsky lane, 8 A1
nikulinoj.marine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0874-275X

Abstract. The article is devoted to the analysis of newly-coined lexical units, which have entered the english language during the period of COVID-19 pandemic. Special attention is paid to etymological, morphological and semantic peculiarities of «denotative» neologisms which have been coined to name new phenomena (quarantine, distant work and study, vaccination, self-isolation, restrictions, imposed on moving in space and travelling, etc.). In addition, the paper contains the analysis of reasons for an extremely wide spreading of «denotative» neologisms, related to the

© Никулина М. А., 2022

COVID-19 pandemic in the modern english language, as well as their active acquisition by other national languages.

Besides, the article investigates the peculiarities of lexical units which may be regarded as «connotative» neologisms, or emotionally colored lexemes, belonging mainly to the colloquial style and expressing the speaker`s attitude to new phenomena. The research shows that neologisms, belonging to this group, may be associated with ironical naming of the pandemic, contain the evaluation of people`s habits, their behavior in the family, at work, in public places, as well as their conduct in the Internet during the pandemic. In addition, the article offers psychological argumentation, explaining a wide occurrence of emotionally colored «coronavirus» neologisms, possessing negative connotations.

The paper analyses the correlation between semantic and derivational aspects, typical of «denotative» and «connotative» neologisms. As one of the trends, observed in the english vocabulary during the COVID-19 pandemic, the research reveals a high proportion of new lexemes of folk etymology.

Key words: coronavirus pandemic; modern english language; lexical novations; «denotative» neologisms; «connotative» neologisms; semantic derivation; blending; semantic analysis

For citation: Nikulina M. A. On derivational and semantic aspects of the english neologisms during the COVID-19 pandemic period. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):182–194. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-182-194. https://elibrary.ru/GMKMZR

Введение

В период пандемии COVID-19 пристальное внимание лексикологов было обращено к процессам, протекающим в сфере генерирования, заимствования и эволюции новых лексических единиц, связанных с «коронавирусной» тематикой. По всей видимости, появление большого числа неологизмов, принадлежащих к данной семантической группе, обусловлено, *во-первых*, необходимостью заполнения понятийных лакун (за счет поиска наименований для новых реалий) и, *во-вторых,* – подсознательным стремлением носителей языка к «снижению градуса» отрицательных эмоций: тревоги, неопределенности и других стрессовых состояний, неизбежно испытываемых людьми в период пандемии. Отметим, что в сфере неологической лексики, связанной с «коронавирусной» тематикой, адаптивные свойства языка проявляются через реализацию как *денотативного* (или предметно-понятийного), так и *коннотативного* (или эмоционально-экспрессивного) содержания новых языковых единиц.

В качестве философско-методологической основы для исследования неологизмов, принадлежащих к рассматриваемой группе, целесообразно опереться на воззрения известного лингвиста и философа А. Х. Султанова. По его мнению, «…своим умственным взором человек созерцает смысл вещей, а не создает его в своей фантазии. Понятие – это особым образом обработанный рационально модифицированный смысл вещи» [Султанов, 2007, с. 41–42]. Иными словами, столкнувшись с необходимостью адаптироваться к «новой реальности», носители национальных языков оказались вынуждены своими «умственными глазами» увидеть «новые смыслы», переработать их в концепты (понятия) и дать им наименования.

Для того, чтобы обосновать появление в английском языке большого числа неолексем, связанных с пандемией COVID-19, представляется полезным обратиться и к мнению Т. В. Ларина, которая полагает, что «отсутствие в языке некоторого слова не означает отсутствия соответствующего концепта. Находятся другие слова и выражения, при помощи которых оказывается возможным, хотя бы приблизительно, передать соответствующее значение. Однако наличие специального слова в языке свидетельствует о значимости этого концепта для данной культуры» [Ларина, 2003, с. 129].

Таким образом, *номинативная* функция, реализуемая такими лексическими единицами, как *self-isolation, QR-code, super-spreader, PPE* (в знач. «personal protective equipment»), *mask-wearing* и т. п., является, по всей видимости, первичной, поскольку поиск наименований для новых (медицинских, социальных, экономических и др.) реалий способствует, в широком смысле, физическому выживанию носителей языка в условиях пандемии. Функция же, которую условно можно обозначить как «психологическая», является вторичной. Экспрессивно и эмоционально окрашенные неологизмы (напр., *covidiot, coronacation, coronapocalypse, covidivorce, quarantini* и др.) выполняют в сложившейся ситуации роль «психологических амортизаторов», способствующих сглаживанию переживаемых людьми негативных эмоций: через иронию, языковую игру, побуждение к разгадыванию значений слов-«ребусов», подобные неологизмы, – принадлежащие, преимущественно, к разговорному стилю, – вносят немалую лепту в сохранение психологического здоровья общества.

Попутно отметим, что интернет, роль кото-

рого в период пандемии стремительно возросла, вносит огромный вклад в распространение как новых, так и уже существующих, но приобретших новые смыслы лексем, – обеспечивая, таким образом, активную реализацию названных языковых функций. Отметим также, что многие неологизмы, связанные с пандемией COVID-19, являются результатами «народного словотворчества». Наиболее удачные (то есть востребованные, так как точно отражают действительность) неолексемы подхватываются и распространяются носителями языка, зачастую переходя из разряда окказионализмов в разряд «полноценных» неологизмов. Кроме того, многие из этих лексем выходят за пределы одного национального языка, переходя в другие в качестве калькированных заимствований. Примерами преодолевших межъязыковые границы «коннотативных» лексем стали такие лексические новации, как *stay-at-homes* (англ.) – *«сиди-домцы»* (рус.); *covidiots* (англ.) – *«коронапофисты»* (рус.) и т. п.

По наблюдениям исследователя английского сленга, автора словаря «Covidictionary: Glossary of Coronacoinages» Tony Thorne, с начала пандемии было создано более 1000 новых слов – как общеупотребительных, так и принадлежащих к терминологической лексике. По его мнению, «…большая часть новой лексики, связанной с COVID-19, создается „простыми людьми", не являющимися специалистами в области медицины или учеными… К созданию новых слов особенно склонны журналисты, блогеры и пользователи Твиттера, демонстрирующие высокий уровень лингвистической изобретательности… Однако узуальность этих лексем, как правило, довольно ограничена... В то же время, такие лексемы, как *„социальное дистанцирование"* или *„локдаун"*, успешно преодолевают языковые границы…» [Thorne, CBC, 2020; цит. по: Roig-Marin, 2020, с. 2].

Ниже мы рассмотрим, благодаря каким словообразовательным ресурсам в современных условиях обеспечивается реализация **денотативного** и **коннотативного** содержания лексических новаций, отражающих «коронавирусную» тематику. Рассмотрим также корреляцию между способами словообразования и принадлежностью той или иной неолексемы к «денотативной» или «коннотативной» группе. Далее, по результатам морфологического исследования, определим наиболее ярко выраженную словообразовательную тенденцию, характерную для английского языка в период пандемии COVID-19.

В цели настоящего исследования входит также анализ корреляции между способами словообразования, лежащими в основе англоязычных неологизмов, связанных с «коронавирусной» тематикой, и выполняемыми этими лексемами социально-прагматическими функциями.

Методика исследования

Исследование проведено с привлечением многочисленных интернет-ресурсов (социальных сетей, блогов, новостных статей и т. п.), а также словарей, содержащих разделы, посвященные лексическим единицам, связанным с реалиями COVID-19.

Так, пристальное внимание уделено анализу неологизмов, зафиксированных в следующих электронных ресурсах: 1) электронной базе английского словаря «Merriam-Webster Dictionary» [Merriam-Webster Dictionary: A Guide to Coronavirus-Related Words, 2021]; 2) «Oxford Learner Dictionary» [Oxford Learner Dictionary, 2021]; 3) «The Collins Dictionary» [The Collins Dictionary, 2021]; 4) «The Macmillan Dictionary»: [The Macmillan Dictionary, 2021]; 5) «Coronaspeak – the language of COVID-19 goes viral» [Thorne T., 2021].

Кроме того, исследование опирается на данные, включенные в доклад «The language of COVID-19: a special OED update», подготовленный редакцией «Oxford English Dictionary» (OED). Согласно преамбуле к докладу, «…редакция OED проводит регулярный мониторинг языковых новаций» [McPherson, Stewart, Wild, 2020]. Данный мониторинг подразумевает анализ текстовых корпусов (в том числе, одного из крупнейших сводов текстов 21-го века – «Оксфордского корпуса английского языка» (*«Oxford Monitor Corpus of English»*)) [OEC, 2021]. Отметим, что анализируемая коллекция текстов содержит около 2,1 миллиарда слов и ежемесячно пополняется публикациями о зарегистрированных ключевых словах *(keywords)*, частотность употребления которых за определенный период значительно выше, чем использование других лексем в данном текстовом корпусе.

Методы исследования, используемые в работе, включают в себя системный, дескриптивный и классификационный виды анализа.

Результаты исследования

В соответствии с поставленными целями,

был проведен сравнительный анализ двух групп англоязычных лексем «коронавирусной» тематики, классифицируемых по критерию преобладания в их семантическом составе денотативного или коннотативного компонента.

Сопоставление «денотативных» и «коннотативных» неолексем позволило выявить ряд тенденций, характерных для развития современного английского языка. Так, исследование показало, что «денотативные» неологизмы связанные с «коронавирусной» тематикой, обладают, как правило, более высокой степенью узуальности, чем «коннотативные» неолексемы, принадлежащие к той же семантической группы. Кроме того, «денотативные» неологизмы, как правило, обладают более высоким потенциалом для преодоления межъязыковых границ и перехода в другие национальные языки. В частности, результаты подтверждают мнение Т. Н. Буцевой и А. В. Зеленина о том, что «…высокую потенциальную возможность к узуализации можно предположить почти у 160 ковид-номинаций, составляющих около 27 % от всего корпуса ковид-словаря» [Буцева, Зеленин, 2020, с. 86].

О неологизмах, связанных с пандемией COVID-19, выполняющих номинативную функцию

По данным «Oxford Monitor Corpus of English», в период с января по май 2020 г. из семидесяти ключевых лексем *(key words)*, выполняющих преимущественно номинативную функцию, 26 лексем (то есть более 37 %) были связаны с «коронавирусной» тематикой: с ее медицинскими, социальными и экономическими аспектами [OEC, 2021].

Встречаемость лексических единиц, связанных с пандемией, в данном источнике представлена по месяцам следующим образом: в январе 2020 г. зарегистрировано **3 лексемы** (*coronavirus, SARS, virus*); в феврале – **8 лексем** (*Covid-19, coronavirus, quarantine, pandemic, virus, outbreak, infect, epicenter*) ; в марте – **10 лексем** (*Covid-19, pandemic, distancing, coronavirus, self-isolate, lockdown, self-isolation, sanitiser/sanitizer, quarantine, ventilator* (в знач. «аппарат искусственного дыхания»)); в апреле – **9 лексем** (*PPE* (*personal protective equipment), lockdown, pandemic, ventilator, stay-at-home, Covid-19, furlough* (в знач. «временное увольнение»), *distancing, coronavirus*); в мае – **10 лексем** (*reopen, lockdown, Covid-19, pandemic, Covid, distancing, hydroxychloroquine, covering, furlough, stay-at-home*); в июне – **3 лексемы** (*defund* (в знач. «закрытие» или «лишение финансирования»), *Covid, covering*); в июле – **10 лексем** (*covering, Covid, in-person, mask, mask-wearing, pandemic, distanced, Covid-19, SARS-Cov-2, pre-pandemic*) [OEC, 2021].

Ниже мы рассмотрим типичные для английского и русского языков способы словообразования, применяемые для создания неологизмов, семантически связанных с COVID-19 и выполняющих преимущественно **номинативную функцию.**

Таблица 1

Морфологические аспекты «денотативных» лексем периода пандемии COVID-19

№ п/п	Англоязычная лексема *(keyword)*	Способ словообразования англозычной лексемы	Русскоязычная лексема (переводческий эквивалент)	Способ словообразования русскоязычного эквивалента	Комментарий
1.	*coronavirus*	**заимствование + словосложение** (*corona + virus*)	*коронавирус*	**заимствование**	от лат. «virus» (в знач.: «болезнетворный яд», «слизь»
2.	*SARS*	**аббревиция** (от: *Severe acute respiratory syndrome-related*)	*SARS, ТОРС, атипичная пневмония* (от: *«ТОРС – тяжелый острый респираторный-синдром»*	**аббревиация; аббревиация + калькирование;**	

3.	*Covid-19*	**аббревиация** (от***:*** ***CO****rona****VI****rus* ***D****isease 2019 — коронавирусная инфекция 2019 гщда)*	*ковид-19*	**аббревиация + заимствование (транслитерация)**	
4.	*outbreak*	**аффиксация**	*вспышка (пандемии)*	**аффиксация**	
5.	*distancing*	**аффиксация + семантическая деривация**	*дистанцирование / сохранение социальной дистанции*	**заимствование + аффиксация / словосложение**	
6.	*self-isolate / self-isolation*	**аффиксация + семантическая деривация**	*самоизолироваться/ самоизоляция*	**калькированное заимствование + аффиксация**	
7.	*lockdown*	**словосложение**	*локдаун* (**в знач**.: «карантин, приостановка работы предприятия, изоляция»)	**транслитерированное заимствование** от англ. lockdown	
8.	*sanitiser/ sanitizer*	**заимствование + аффиксация** (от лат. *sanitas* – в знач.«здоровый»)	*санитайзер* (в знач.: «дезинфицирующее средство»)	**заимствование + аффиксация**	
9.	*PPE* (personal protectiveequipment)	**аббревиация**	*СИЗ* (средства индивидуальной защиты)	**аббревиация**	
10.	*stay-at-home*	**словосложение**	*самоизоляция*	**аффиксация**	
11.	*distanced*	**аффиксация + семантическая деривация**	*удаленный*	**калькированное заимствование**	
12	*Reopen*	**аффиксация + семантическая деривация**	*вновь открыться*	**аффиксация**	
13	*hydroxychoroquine*	**сложение основ + аффиксация**	*гидроксихлорохин* («противомалярийный препарат, часто используемый для профилактики пневмонии»)	**аффиксация (префиксация на базе усеченных основ + суффиксациия)**	
14	*covering*	**субстантивация + семантическая деривация** (e.g. *Wearing a face covering is necessary).*	*защитная /медицинская маска*	**словосложение**	
15	*Defund*	**аффиксация**	*приостановить финансирование*	**словосложение**	
16	*in-person*	**аффиксация**	*«вживую», очно*	**аффиксация**	
17	*mask-wearing*	**заимствование + словосложение + аффиксация**	*ношение маски*	**словосложение**	
18	*SARS-Cov-2*	**аббревиация + сложение усеченных основ** (от: *«Severe acute respiratory syndrome-related coronfvirus – 2»*)	SARS-Cov-2 (**в знач.:** «тяжелый острый респираторный синдром, вызванный коронавирусом»)	**неадаптированное заимствование (иноязычное вкрапление)**	
19	*pre-pandemic*	**заимствование + аффиксация**	допандемический (период),	**заимствование + аффиксация**	

Итак, морфологический анализ показал, что наиболее частотные лексемы, связанные с тематикой пандемии COVID-19 и выполняющие преимущественно денотативную функцию, образованы, как правило, по традиционным словообразовательным моделям (аффиксация, аббревиация, словосложение, субстантивация и т. п.). Также в широкий обиход входят неологизмы, образованные в результате комбинирования нескольких традиционных способов словообразования, например:

1) **заимствование + словосложение + аффиксация** (напр., *mask-wearing);*

2) **сложение основ + аффиксация** (напр., *hydroxychoroquine*);

3) **заимствование + словосложение** (напр., *coronavirus*);

4) **аббревиация + сложение усеченных основ** (напр., *SARS-Cov-2*);

5) **заимствование + аффиксация** (напр., *pre-pandemic*) и т. п.

Распространенным способом образования лексических единиц, принадлежащих к данной семантической группе, является также *семантическая деривация*. Как правило, семантическая деривация происходит стихийно – за счет появления у слова семантически производных значений, семантических коннотаций и/или дополнительных значений, причем во многих случаях расширение семантического объема слова приводит к возникновению полисемии (напр., *covering, ventilator* и т. п.). Другим способом образования «коронавирусных» неолексем является *детерминологизация*, происходящая, в связи с частым употреблением в СМИ и интернете медицинских и экономических терминов (например, во время пандемии в широкий обиход вошли такие слова и выражения, как: *self-isolation, flattening of the curve, PPE, SARS-Cov-2, hydroxychoroquine , ventilator, defund* и т. п.).

В целом, результаты этой части исследования согласуются с выводом *Tony Thorne* о том, что именно неологизмы, принадлежащие к «денотативной» группе, «особенно успешно преодолевают языковые границы, активно заимствуясь в другие национальные языки…» [Thorne, 2020, с. 4].

О неологизмах, связанных с пандемией COVID-19, выполняющих преимущественно психологическую функцию

Ниже мы рассмотрим словообразовательную специфику «коннотативных» неологизмов, то есть лексем, вошедших в широкий обиход в 2020–2021 гг., несущих преимущественно эмоционально-экспрессивную нагрузку и выполняющих, по сути, психологическую функцию.

Факт появления в английском языке относительно большого (по сравнению с русским языком) числа неологизмов, связанных с пандемией COVID-19 и служащих для выражения чувств, эмоций и межличностных отношений, не должен вызывать удивления. Очевидно, этот факт свидетельствует о том, что у носителей английского языка «умственный взор, с помощью которого человек созерцает смысл вещей» [Султанов, 2007, с. 41–42], относительно часто (в частности, по сравнению с аналогичным ментальным качеством, наблюдаемым у носителей русского языка) бывает обращен к явлениям, свойственным человеческой психике. Вообще, «в английской культуре традиционно ценится личность в ее уникальности, индивидуальности и свободолюбии» [Печунов, Соловьева, 2015., с. 23–27]. В целом, англоязычному менталитету в значительно большей мере, чем русскоязычному, «…свойственно заниматься внутренним миром человека: замечать, осознавать и дифференцировать тонкие нюансы эмоциональных переживаний личности» [Никулина, 2021, с. 184].

Для анализа «коннотативных» лексем, семантически связанных с пандемией COVID-19, за основу нами взяты результаты исследования, проведенного С. Аль-Салман и А. Хайдер [Al-Salman, Haider, 2021, с.24–42], а именно – созданная этими лингвистами подборка, состоящая из 208 неологизмов, «инспирированных» пандемией Covid-19 и составленная с привлечением словарей, СМИ, блогов и других Интернет-ресурсов, таких как:

1) электронная база английского словаря «Merriam-Webster Dictionary» [Merriam-Webster Dictionary: A Guide to Coronavirus-Related Words, 2021]; 2) «English-based coroneologisms: A short survey of our Covid-19-related vocabulary» [Roig–Marín, 2020; 3) «New English words and language change with COVID-19. Simple English Videos» [Hollett, 2020]; 4) «Covidiots? Quarantinis? Linguist explains how COVID-19 has infected our language» [CBC Radio, 2020]; 5) «From covidiot to doomscrolling: how coronavirus is changing our language» [Mahdawi, 2020). 6) «From ‘covidiots’ to ‘quarantine and chill’, the pandemic has led to many terms that help people laugh and commiserate. BBC» [Christine, 2020].

Кроме того, в ходе исследования его авторами был проведен опрос 93 респондентов, имеющих непосредственное отношение к лингвистике и, следовательно, обладающих относительно развитым «языковым чутьем»: преподавателей, выпускников, студентов и аспирантов факультета лингвистики Университета прикладных наук Иордании (*Applied Science Private University, Amman, Jordan*). В ходе опроса, каждый из респондентов представил список наиболее частотных, по его мнению, лексем, связанных с тематикой COVID-19, с которыми он сталкивался в период с апреля по июль 2020 г. (во время просмотра телепередач, чтения газет, поиска информации на сайтах социальных сетей и т. п.). По результатам опроса, был скомпилирован глоссарий «Sample glossary of COVID-19 – inspired neologisms», состоящий из 100 наиболее частотных лексических единиц. Далее неолексемы, полученные в ходе опроса, а также неологизмы, обнаруженные в результате работы с источниками, были классифицированы, в соответствии с выполняемыми ими социально-прагматическими функциями, по следующим категориям: 1. Nicknames (8 лексем); 2. Homeworking and teleconferencing (21 лексема); 3. Demographics and safety / security measures (12 лексем); 4. Describing new realities (24 лексемы); 5. Other socio-pragmatic functions (35 лексем).

Ниже мы приведем примеры некоторых «коннотативных» неолексем, входящих в состав каждой из названных семантических групп, а также определим способы их словообразования.

Таблица 2

Морфологические особенности «коннотативных» лексем периода пандемии COVID-19

№п/п	Социально-прагматическая функция, выполняемая лексической единицей	Лексемы неологического характера, выполняющие преимущественно экспрессивно-эмоциональную языковую функцию и способы их словообразования		
		Англоязычная Неолексема	Русскоязычный эквивалент / описательный перевод	Способ словообразования
1.	***Nicknames***	*Rona*	*Корона* (В знач.: «коронавирус»)	**усечение основы слова** (образовано на основе *олицетворения*)
		Lady Rona	*Корона* (В знач.: «коронавирус»)	**усечение основы слова** (образовано на основе *олицетворения*)
		boomer remover	(В знач.: «вирус, убивающий представителей старшего поколения») ***дослов.*:** «устранитель (поколения) бумеров»)	**словосложение + аффиксация** (образовано на основе *олицетворения* и *антономазии*: вместо имени собственного употребляется описательное выражение)
		Pandy	*пандемия*	**усечение основы слова + аффиксация**
		Panda	*пандемия*	**усечение основы слова + аффиксация + олицетворение усечение** (образовано на основе *олицетворения* – за счет ассоциации со словом, обозначающим название животного *«панда»*)
		Nightingale	*Коммунарка* (В знач.: «временный госпиталь, развернутый для лечения больных коронавирусной инфекцией»)	**семантическая деривация** (образовано на основе *метонимии* – переноса наименования с одного предмета на другой на основе смежности понятий)

2	***Homeworking and teleconferencing***	*WFH, wfh*	*удаленка, дистанционка*	**аббревиация** (**от:** *working/ work from home*)
		quaranteams	В знач.: «группа людей, которые вместе проводят досуг или работают в период локдауна (самоизоляции), намеренно избегая вступать в контакты с другими членами общества» ***дослов.:*** «карантинная команда»	**словослияние (блендинг) + аффиксация** («игра слов» основана на паронимии: *quarantine – quaranteam* (**от:** *quarantine + team*)
		Quarantrolls	В знач.: «люди, отправляющие вредоносные сообщения, связанные с карантином»	**словослияние (блендинг) + аффиксация** (от: *quarantine + trolls)*
		Zoom bombing	В знач.: «незаметное или тайное присутствие на онлайн встрече или онлайн собрании»	**словосложение + аффиксация**
		Zoom fatigue	В знач.: «усталость от продолжительной работы в Zoom (во время пандемии)»	**словосложение + заимствование**
		corona-fi	В знач.: «распространять коронавирус путем электромагнитного излучения через воздействие сетей wi-fi»	**словосложение + усечение основ** (от: *coronavirus + wi-fi***)**
		homeference	В знач.: «участие в онлайн конференции» ***дослов.:*** *«домашняя конференция»)*	**словослияние (блендинг)** (**от:** *home + conference)*
		Isobaking	В знач.: «изготовление домашней выпечки в условиях самоизоляции»	**словослияние (блендинг)** (**от:** *isolation + baking)*
3.	***Demographics and safety / security measures***	*Coronials*	*корониалы* В знач.: «дети, рожденные в период пандемии коронавируса»)	**словослияние + аффиксация**
		masklessness	В знач.: *«отсутствие на лице защитной маски»* ***дослов.:*** *«безмасочность»*	**аффиксация**
		corona-shaming	В знач.: *«осуждение человека, который пренебрегает коронавирусными ограниченями»*	**словосложение + аффиксация**

		Elbump	В знач.: *«бесконтактное приветствие»* ***дослов.:*** «приветствие локтями» (**от:** *elbow + bump)*	**словослияние (блендинг)** **(от:** *elbow + bump)*
		covid waltz	*«ковидный вальс»* В знач.: *«манера передвигаться таким образом, чтобы все время находиться на безопасном расстоянии от других людей»*	**словосложение** **(от:** *Covid + waltz*) (образовано на основе *метафоры* – переноса наименования с одного явления действительности на другой на основе их сходства: «движения, как во время вальса»)
4.	***Describing new realities***	*Quarantime*	В знач.: *«время / период карантина»* ***дослов.:*** «карантинное время»	**словосложение** **(от:** *quarantine + time)*
		BCV, BC	В знач.: *«в докоронавирусную эпоху»*	**аббревиация** (**от:** «*before coronavirus»)*
		coronapocalypse	В знач.: «апокалипсис, вызванный пандемией коронавируса»	**словослияние (блендинг)** **от:** *coronavirus + apocalypse*
		Coronanoia	В знач.: «паранойя, вызванная пандемией коронавируса»	**словослияние (блендинг)** **от:** *coronavirus + paranoia*
		Unlockdown	В знач.: «выход из локдауна»	**калькированное заимствование** (от фр. *«deconfinement»*)
5.	***Other socio-pragmatic functions***	*covideo party*	В знач.: «онлайн вечеринка с совместным просмотром видео во время пандемии Covid-19»	**словослияние (блендинг) + словосложение** **от:** *Covid + video + party*)
		Covidivorce	В знач.: «развод, в результате длительного пребывания супругов в одном пространстве во время пандемии Covid-19»	**словослияние (блендинг)**
		Zoom-room	В знач.: «сессионный зал («комната») платформы Zoom: пользователи, собранные в одной «комнате», могут взаимодействовать только друг с другом, т.к. информация поступает только к ограниченному числу участников».	**словосложение**
		Quarantine	*«карантини»* В знач.: «алкогольный напиток, который употребляется во время он-лайн вечеринки в период самоизоляции» **от:** *quarantine + martini*	**словослияние (блендинг)**
		PUM	«человек / пациент под наблюдением» В знач.: «лицо, проходящее лечение дома, но под наблюдением врачей»	**аббревиация** **от:** «Person / Patient Under Monitoring»

Итак, анализируя «коннотативные» неологизмы, представляющие собой лексические единицы, вошедшие в словарный состав английского языка, вследствие пандемии COVID-19, и выполняющие преимущественно **экспрессивно-оценочную функцию**, можно отметить следующие тенденции:

1. В переводческом отношении, в английском языке наблюдается высокая доля «коннотативных» неологизмов, не имеющих точных русскоязычных эквивалентов. Значение этих лексем может быть передано на русский язык лишь с помощью описательного перевода (зачастую – с сохранением денотативного значения, но с потерей стилистической окраски: напр., *BCV* – в знач.: «до пандемии», *Panda* и *Rona* – в знач. «пандемия» и т. п.).

2. В морфологическом отношении, многие «коннотативные» неологизмы данной группы образованы за счет словообразовательного приема *блендинг* (словослияние), подразумевающего генерацию новых слов при помощи аббревиации, слияния морфем или их частей [Самигуллина, 2021, с. 168]. Такие «гибридные» слова, создаваемые на базе слияния ранее уже существовавших лексических основ, получают смысл обеих лексем. Например: ***coronasomnia*** = *corona(virus) + (in)somnia* – в знач. «бессонница, в результате тревоги, вызванной пандемией»; ***infodemic*** = *information + pandemic* – в знач. «информационный фон, созданный СМИ в результате пандемии» и т. п.

В целом, популярность побуждающего к творчеству словообразовательного приема *блендинг* (словослияние) в период пандемии вполне объяснима. Так, исследователь лингвокультурных особенностей англоязычной личности Т. М. Григоренко отмечает, что «в структуру категории «английский национальный характер» входит творческая составляющая, подразумевающая удачное сопоставление предметов, обычно не соотносящихся друг с другом» [Григоренко, 2010, с. 209–213]. По мнению же А. Д. Самигуллиной, для того, чтобы «распознать исходные лексемы и их значения в составе неолексемы, образованной в результате блендинга, необходимо приложить определенные умственные усилия» [Самигуллина, 2021, с. 167]. В период пандемии интерес к языковой игре как к доступному способу развлечь себя, поднять настроение себе и другим, обострился, и английский язык пополнился большим количеством таких «блендов», как: *homeference, coronials, covidiot* и т. п.

3. В стилистическом отношении, «коннотативные» неологизмы, включенные в данную семантическую группу, принадлежат преимущественно к разговорному стилю и обладают эмоционально-оценочной или экспрессивной окраской. Рассматриваемые лексические единицы зачастую передают шутливо-ироничное или отрицательное (укоризненное, презрительное, пренебрежительно-фамильярное и т. п.) отношение говорящего к предмету сообщения. Например: *boomer remover, Lady Rona, quarantime, hate-wear (иронич.), antivaxers, quarantrolls (укоризн.)* и т. п. [Priya Elan, 2021]. В качестве примеров русскоязычных «коронавирусных» неологизмов, имеющих схожую стилистическую окраску, можно привести такие лексические новации, как *сисидомцы* и *коронапофигисты* [Зеленин, Буцева, 2020, с. 97–106]. Одной из наиболее «плодотворных» основ для словотворчества стало актуальное в эпоху COVID-19 англоязычная аббревиатура *QR* (в знач. *Quick Response*): преодолев межъязыковые границы, в составе русского языка данная аббревиатура была транслитерирована в *куар*, а затем стала источником для многочисленных «словотворческих экспериментов». Так, в составе русского языка появились слова: *куарнуться* (в знач. «получить куар-код»), *куаролесить* (в знач. «устраивать пьяный дебош в ресторане на радостях, что получил куар-код»), *обескуариться* (в знач. «лишиться куар-кода»), *QRепостные, бескуарник* (в знач. «лишенный куар-кода») [Туркова, 2021, с. 3].

4. В психологическом отношении, неологизмы, обладающие экспрессивной окраской, выполняют важную социально-психологическую функцию: через ироничное отношение к называемой реалии, а также – через «языковую игру», они способствуют сглаживанию или выплеску негативных эмоций, неизбежно испытываемых людьми в период пандемии.

Библиографический список

1. Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Лексикография в ситуации неологического экстрима // Вестник Череповецкого государственного университета, 2020. № 6. С. 86–105.

2. Григоренко Т. М. Семантическая корреляция концептов «Остроумие» и «Wit» в русском и англий-

ском языках // Язык. Личность. Культура: сб. науч. тр. Краснодар, 2010. С. 209–213.

3. Зеленин А. В., Буцева Т. Н. «От сидидомцев до коронапофигистов» (наименования лиц в период пандемии коронавируса) / Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 6. С. 97–106.

4. Ларина Т. В. «Privacy», или автономия личности, как важнейший концепт английской культуры. // Вестник РУДН. Серия: «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2003. №1. С. 128–134.

5. Никулина М. А. Специфика семантического компонента англоязычных неологизмов периода пандемии COVID-19 // Верхневолжский филологический вестник. 2021. №4 (27). С. 176–186.

6. Печунов Н. О., Соловьева Е. Г. Специфика англо-японского межкультурного диалога в современном гдлобальном мире // Terra Linguae: Сб. науч. ст . Вып. 2. Казань : Издательство «ТАИ», 2015. С. 23–27.

7. Самигуллина А. Д. Англоязычные неологизмы в период пандемии коронавируса: функции и семантика. // Международный научно-исследовательский журнал. Серия «Филологические науки». 2021. Вып. № 3 (105). С. 166–170.

8. Султанов А. Х. Слово и термин (пролегомены и философия имени). Москва : РУДН, 2007. 205 с.

9. Туркова К. Д. Он жив еще, куарилка! Как введение QR-кодов вызвало словообразовательное цунами. Яндекс Дзен: электронный журнал. 13.07.2021. URL: https://zen.yandex.ru/media/zenmag/on-jiv-esce-kuarilka-kak-vvedenie-qrkodov-vyzvalo-slovoobrazovatelnoe-cunami-60ed403153c91d0b8a9ef753 (дата обращения 19.03.2022).

10. CBC Radio. 2020. Covidiots? Quarantinis? Linguist explains how COVID-19 has infected our language. URL: https://www.cbc.ca/radio/thecurrent/the-current-for-april-22-2020-1.5540906/covidiots-quarantinis-linguist-explains-how-covid-19-has-infected-our-language-1.5540914 (дата обращения 08.12.2020).

11. Cambridge Dictionary Blog: Neologisms. URL: https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/page/6/ (дата обращения 12.02.2021).

12. Hollett Viki. 2020. New English words and language change with COVID-19. Simple English Videos. URL: https://www.simpleenglishvideos.com/new-english-words-and-language-change-with-covid-19 (дата обращения 12.12.2020).

13. Mahdawi Arwa. 2020. From Covidiot to doomscrolling: how coronavirus is changing our language. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/15/from-covidiot-to-doomscrolling-how-coronavirus-is-changing-our-language (accessed: 10 December 2020).

14. McPherson F., Stewart P., Wild K. The language of COVID-19: a special OED update, 10.09.2020 // Oxford University Press: Oxford English Dictionary (OED), 2020. URL: https://public.oed.com/webinars-and-events/the-language-of-covid-19/ (дата обращения 20.03.2022).

15. Merriam-Webster Dictionary: A Guide to Coronavirus-Related Words. URL: https://www.merriam-webster.com/words-at-play/coronavirus-words-guide (дата обращения 12.02.2021).

16. Oxford Monitor Corpus of English (OEC) // Oxford University Press, 2021. URL: https://en-academic.com/dic.nsf/enwiki/2822326 (дата обращения 24.03.2022).

17. OED: Social change and linguistic change: the language of COVID-19. URL: https://public.oed.com/blog/the-language-of-COVID-19/ (дата обращения 12.02.2021).

18. Oxford Learner Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/COVIDiot (дата обращения 12.02.2021).

19. Priya Elan «Hate-wear» and «sadwear»: fashion`s new names for lockdown dressing» // The Guardian, 17 Jan 2021. URL: https://www.theguardian.com/fashion/2021/jan/17/hate-wear-and-sadwear-fashion-new-names-for-covid-lockdown-dressing (дата обращения 20.02.2022).

20. Roig-Marine A. English-based coroneologisms. A short survey of our Covid-19-related vocabulary //The International Review of the English // Cambridge: Cambridge University Press. 03.08.2020. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/english-today/article/abs/englishbased-coroneologisms/99D6DA8CF3E953D1C3BC4B9EE574EE9C (дата обращения 20.03.2022).

21. Saleh Al-Salman and Ahmad S. Haider. Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. No 1. С. 24–42.

22. Samylicheva N., Gazda J. Derivative neologisms as Sociocultural dominants in the Russian and Chech Languages of the Modern Period, 2020. SHS Web of Conferences 88, 01022 (2020). URL: https://www.researchgate.net/publication/347939948_Derivative_neologisms_as_sociocultural_dominants_in_the_Russian_and_Czech_languages_of_the_modern_period (дата обращения 15.04.2022).

23. The Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com (дата обращения 16.04.2022).

24. The Macmillan Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary (дата обращения 12.02.2021).

25. Thorne T. Coronaspeak – the language of COVID-19 goes viral. URL: https://language-and» innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-COVID-19-goes-viral/ (дата обращения 12.02.2021).

26. Thorne T. Covidiots? Quarantinis? Linguist explains how COVID-19 has infected our language: радиоинтервью: аудио.: Canada, CBC News, 22.04.2020.URL: https://www.cbc.ca/radio/thecurrent/the-current-for-april-22-2020-1.5540906/covidiots-quarantinis-linguist-explains-how-covid-19-has-infected-our-language-1.5540914 (дата обращения: 20.03.2022).

27. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Oxford_English_Corpus (дата обращения 18.02.2022).

28. Online Etymology Dictionary (ORD). URL: htpps://www. etymoline.com (дата обращения 16.03.2022).

29. Wictionary (a Wiki-based Open Content Dictionary). URL: https://www.wiktionary.org (дата обращения 22.03.2022).

Reference list

1. Buceva T. N., Zelenin A. V. Leksikografija v situacii neologicheskogo jekstrima = Lexicography in neological extreme situations / Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta, 2020. №6. S. 86–105.

2. Grigorenko T. M. Semanticheskaja korreljacija konceptov «Ostroumie» i «Wit» v russkom i anglijskom jazykah = Semantic correlation of the concepts «Ostroumiye» and «Wit» in Russian and English // Jazyk. Lichnost'. Kul'tura: sb. nauch. tr. Krasnodar, 2010. S. 209–213.

3. Zelenin A. V., Buceva T. N. «Ot sididomcev do koronapofigistov» (naimenovanija lic v period pandemii koronavirusa) = «From Sididomets to Coronapofigists» (naming persons during the coronavirus pandemic) / Russkij jazyk v shkole. 2020. T. 81. № 6. S. 97–106.

4. Larina T. V. «Privacy», ili avtonomija lichnosti, kak vazhnejshij koncept anglijskoj kul'tury = «Privacy,» or personal autonomy, as an essential concept in English culture // Vestnik RUDN. Serija: «Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija». 2003. №1. S. 128–134.

5. Nikulina M. A. Specifika semanticheskogo komponenta anglojazychnyh neologizmov perioda pandemii COVID-19 = Specificity of the semantic component of English neologisms during COVID-19 pandemic // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. №4 (27). S. 176–186.

6. Pechunov N. O., Solov'eva E. G. Specifika anglo-japonskogo mezhkul'turnogo dialoga v sovremennom global'nom mire = The specifics of Anglo-Japanese intercultural dialogue in today's global world // Terra Linguae: Sb. nauch. st . Vyp. 2. Kazan' : Izdatel'stvo «TAI», 2015. S. 23–27.

7. Samigullina A. D. Anglojazychnye neologizmy v period pandemii koronavirusa: funkcii i semantika = English neologisms during the coronavirus pandemic: function and semantics // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. Serija «Filologicheskie nauki». 2021. Vyp. № 3 (105). S. 166–170.

8. Sultanov A. H. Slovo i termin (prolegomeny i filosofija imeni) = Word and term (prolegomena and name philosophy). Moskva : RUDN, 2007. 205 s.

9. Turkova K. D. On zhiv eshhe, kuarilka! Kak vvedenie QR-kodov vyzvalo slovoobrazovatel'noe cunami = He's still alive, QRilka! How the introduction of QR codes caused a word-formation tsunami. Jandeks Dzen: jelektronnyj zhurnal. 13.07.2021. URL: https//: zen.yandex.ru/media/zenmag/on-jiv-esce-kuarilka-kak-vvedenie-qrkodov-vyzvalo-slovoobrazovatelnoe-cunami-60ed403153c91d0b8a9ef753 (data obrashhenija 19.03.2022).

10. CBC Radio. 2020. Covidiots? Quarantinis? Linguist explains how COVID-19 has infected our language. URL: https://www.cbc.ca/radio/thecurrent/the-current-for-april-22-2020-1.5540906/covidiots-quarantinis-linguist-explains-how-covid-19-has-infected-our-language-1.5540914 (data obrashhenija 08.12.2020).

11. Cambridge Dictionary Blog: Neologisms. URL: https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/page/6/ (data obrashhenija 12.02.2021).

12. Hollett Viki. 2020. New English words and language change with COVID-19. Simple English Videos. URL: https://www.simpleenglishvideos.com/new-english-words-and-language-change-with-covid-19 (data obrashhenija 12.12.2020).

13. Mahdawi, Arwa. 2020. From Covidiot to doomscrolling: how coronavirus is changing our language. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/15/from-covidiot-to-doomscrolling-how-coronavirus-is-changing-our-language (accessed: 10 December 2020).

14. McPherson F., Stewart P., Wild K. The language of COVID-19: a special OED update, 10.09.2020 // Oxford University Press: Oxford English Dictionary (OED), 2020. URL: https://public.oed.com/webinars-and-events/the-language-of-covid-19/ (data obrashhenija 20.03.2022).

15. Merriam-Webster Dictionary: A Guide to Coronavirus-Related Words. URL: https://www.merriam-webster.com/words-at-play/coronavirus-words-guide (data obrashhenija 12.02.2021).

16. Oxford Monitor Corpus of English (OEC) // Oxford University Press, 2021. URL: https://en-academic.com/dic.nsf/enwiki/2822326 (data obrashhenija 24.03.2022).

17. OED: Social change and linguistic change: the language of COVID-19. URL: https://public.oed.com/blog/the-language-of-COVID-19/ (data obrashhenija 12.02.2021).

18. Oxford Learner Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/COVIDiot (data obrashhenija 12.02.2021).

19. Priya Elan «Hate-wear» and «sadwear»: fashion`s new names for lockdown dressing» // The Guardian, 17 Jan 2021. URL:

https://www.theguardian.com/fashion/2021/jan/17/hate-wear-and-sadwear-fashion-new-names-for-covid-lockdown-dressing (data obrashhenija 20.02.2022).

20. Roig-Marine A. English-based coroneologisms. A short survey of our Covid-19-related vocabulary //The International Review of the English // Cambridge: Cambridge University Press. 03.08.2020. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/english-today/article/abs/englishbased-coroneologisms/99D6DA8CF3E953D1C3BC4B9EE574EE9C (data obrashhenija 20.03.2022).

21. Saleh Al-Salman and Ahmad S. Haider. Russian Journal of Linguistics. 2021. T. 25. No 1. S. 24–42.

22. Samylicheva N., Gazda J. Derivative neologisms as Sociocultural dominants in the Russian and Chech Languages of the Modern Period, 2020. SHS Web of Conferences 88, 01022 (2020). URL: https://www.researchgate.net/publication/347939948_Derivative_neologisms_as_sociocultural_dominants_in_the_Russian_and_Czech_languages_of_the_modern_period (data obrashhenija 15.04.2022).

23. The Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com (data obrashhenija 16.04.2022).

24. The Macmillan Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary (data obrashhenija 12.02.2021).

25. Thorne T. Coronaspeak – the language of COVID-19 goes viral. URL: https://language-and» innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-COVID-19-goes-viral/ (data obrashhenija 12.02.2021).

26. Thorne T. Covidiots? Quarantinis? Linguist explains how COVID-19 has infected our language: radio-interv'ju: audio.: Canada, CBC News, 22.04.2020.URL: https://www.cbc.ca/radio/thecurrent/the-current-for-april-22-2020-1.5540906/covidiots-quarantinis-linguist-explains-how-covid-19-has-infected-our-language-1.5540914 (data obrashhenija: 20.03.2022).

27. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Oxford_English_Corpus (data obrashhenija 18.02.2022).

28. Online Etymology Dictionary (ORD). URL: htpps://www. etymoline.com (data obrashhenija 16.03.2022).

29. Wictionary (a Wiki-based Open Content Dictionary). URL: https://www.wiktionary.org (data obrashhenija 22.03.2022).

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 14.03.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья
УДК 801.804
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-195-201
EDN: GNSQVS

Разграничение фразеологических неологизмов и индивидуально-авторских образований в современных русском и французском языках

Игорь Владимирович Скуратов
Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии института лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУ ВО «Московский государственный областной университет», 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
iv.skuratov@mgou.ru, https://orcid.org/0000-0003-0578-4855

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические обороты русского и французского языков, появившиеся за последние десятилетия и представляющие большой интерес как яркий пример образных выражений, которые активно употребляются в актуальной речи. Большинство из них являются неологизмами и еще не зафиксированы в словарях, поэтому их описание проводится впервые. Материалы современных СМИ максимально быстро отражают языковые изменения и демонстрируют основные тенденции в развитии русского и французского языков, а именно: значительный приток заимствований из английского языка, все возрастающую неологизацию лексики и фразеологии на исконно русской и французской почве. Фразеологические обороты достаточно полно отражают динамику развития русского и французского языков на современном этапе, открывая наиболее подвижные для образной номинации сферы функционирования – политику, экономику и бизнес, спорт, в которых в настоящее время особенно проявляется экспрессивность речи. Фразеологические неологизмы явление весьма интересное, поскольку при их создании делается акцент на «творчество». Любая новая языковая единица, в частности фразеологический оборот, обладает идиоматичностью значения. При анализе дается объяснение значения новых языковых единиц, показываются особенности их употребления в речи, указывается на их происхождение и фразеологический образ, лежащий в основе значения, предполагается ответ на вопрос, как фразеологические единицы соотносятся с реальной действительностью и каким образом образуются, закрепляются новые языковые единицы. Источником отбора фразеологических неологизмов послужили материалы современных российских и французских СМИ, а также словарей.

Ключевые слова: фразеологические неологизмы; индивидуально-авторские образования; приток заимствований; неологизация лексики; устойчивая воспроизводимость; окказионализмы

Для цитирования: Скуратов И. В. Разграничение фразеологических неологизмов и индивидуально-авторских образований в современных русском и французском языках // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 195–201. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-195-201. https://elibrary.ru/GNSQVS

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

Delimitation of phraseological neologisms and unique authors' formations in modern russian and french languages

Igor V. Skuratov
Doctor of philology, associate professor, head of the department of romance philology, Institute of lnguistics and intercultural communication, Moscow region state university, 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24
iv.skuratov@mgou.ru, https://orcid.org/0000-0003-0578-4855

© Скуратов И. В., 2022

Abstract. The article deals with phraseological expressions in russian and french that have appeared in recent decades and are of great interest as a vivid example of figurative expressions, actively used in actual speech. Most of them are neologisms and have not been registered in dictionaries yet, so their description is given for the first time. The materials of modern media represent rapid language changes and the main trends in the development of the russian and french languages, namely: a significant influx of borrowings from the English language, alongside an increasing neologization of vocabulary and phraseology in native russian and french environments. Phraseological expressions quite fully, though selectively reflect the dynamics of the russian and french languages development, revealing the most mobile images of the concept nomination – politics, economics, business and sports where expressive speech is especially evident nowadays. Phraseological neologisms are a very interesting phenomenon because when they are created the emphasis is on «creativity. Any new language unit, in particular a phraseological one, has an idiomatic significance. The analysis considers the meanings of various language units, identifies the features of their use in speech, indicates their origin and the phraseological image underlying the meaning, taking into account the answer to the question of how phraseological units correlate with real practice and how new language units are accumulated and fixed. The phraseological neologisms for the study have been selected from the materials of modern russian and french media, as well as from dictionaries.

Key words: phraseological neologisms; unique authors' formations; flow of loanwords; vocabulary renewal; stable reproductivity; occasionalisms

For citation: Skuratov I. V. Delimitation of phraseological neologisms and unique authors' formations in modern russian and french languages. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):195–201. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-195-201. https://elibrary.ru/GNSQVS

Введение

Последние два первых десятилетия XXI века в современной истории насыщены важнейшими событиями и характеризуются кардинальными изменениями в жизни общества.

Фразеологические обороты, появившиеся в русском и французском языках, представляют большой интерес как яркий пример образных выражений, которые являются весьма актуальными для нового времени, поскольку в них отражаются особенности эпохи, важные перемены в сознании людей.

Как известно, до настоящего времени во фразеологии как лингвистической науки продолжает сохраняться двойственная система терминов: **фразеологизм = идиома, фразеология = идиоматика**.

Подобная двойственность терминологии была свойственна этой науке с самых первых моментов её становления: латинское слово **phraseologia** (от греческ. **phrasis** – «оборот речи, выражение», – **logia** – «сборник, собрание», сравним: русск. антология, трилогия, тетралогия, франц. anthologie, tétralogie [Солодуб, Альбрехт, 2002, с. 171].

Интересно отметить, что один из первых выдающихся русских филологов, М. В. Ломоносов, употреблял в своих трудах термины, образованные от обеих названных выше корневых морфем: **фразес, идиоматизм** [Архангельский, 1964].

В XX веке в европейской лингвистике следует выделить работы выдающегося швейцарского лингвиста Шарля Балли, сыгравших основополагающую роль в развитии **фразеологии** (= **идиоматики**) как самостоятельной лингвистической науки, сохраняющей по-прежнему параллелизм терминов. В них автор разработал проблемы типологии словосочетаний французского языка в зависимости от степени устойчивости связей составляющих их слов-компонентов [Bally, 1925].

Идиома – это устойчивое словосочетание, содержание которого не определяется отдельными значениями составляющих его лексем.

В этой связи для тех, кто изучает иностранный язык, перевод подобных словосочетаний вызывает определенные трудности.

Говоря об идиомах, возникает вопрос о литературном переводе, а данная область касается переводческого ремесла, творчество и талант которого всегда зависит от таланта исполнителя.

Ведь идиомы, с точки зрения современных исследователей XXI века, – это плоть от плоти культуры языка и его философии [Хазина, 2012, с. 3].

1.Новый фразеологический оборот с точки зрения концепции воспроизводимости

Общеизвестно, что в современной теории фразеологии наиболее распространенной признаётся **концепция воспроизводимости** («широкая» концепция фразеологизма).

Известный российский ученый Н. М. Шанский писал, например: «… **фразеологизмы** предстают перед нами как **устойчивые словосочетания, воспроизводимые** и, значит, **готовые единицы языка**, существующие в виде **целостных** и **устойчивых в своем составе** и **структуре образований**» [Шанский, 1972, с. 173].

Согласно данной концепции, в состав **фразеологизмов** включаются так называемые **фразеологические выражения/обороты – устойчивые**

сочетания, компоненты которых сохраняют свои прямые номинативные значения.

Устойчивые (фразеологические) обороты достаточно полно отражают языковые изменения и демонстрируют основные тенденции в эволюции русского и французского языков, а именно: значительное проникновение заимствований из английского языка, активная неологизация лексики и фразеологии, пополнение активного словаря единицами из жаргонов.

Следует также подчеркнуть, что фразеологические обороты в достаточной мере отражают специфику динамического развития русского и французского языков на современном этапе, проявляя подвижность и открытость для образной номинации в различных общественных сферах функционирования, в которых в наше время наиболее ярко проявляется экспрессивность речи.

Признавая определенные временные рамки появления в языке и вхождения фразеологизма в речевое употребление, весьма важным является критерий воспроизводимости нового фразеологического оборота в речи, который способствует разграничению фразеологических неологизмов и индивидуально-авторских образований.

Цель настоящего изыскания состоит в анализе фразеологических оборотов, которые довольно часто употреблялись в разных текстах различными авторами, продемонстрировали устойчивую воспроизводимость, что выступает одним из ведущих признаков фразеологической единицы.

Как отмечают многие современные лексикологи, лексический состав того или иного языка особенно интенсивно развивается в периоды бурных социальных потрясений и изменений [Duneton, 2012; Fayard, 2002; Gross, 1996; Lehmann et Martin-Berthet, 1998; Mortureux, 1997; Gaudin, Gauspin, 2000; Nectoux, 2005; Merle, 2006 ; De Romilly, 2007].

В настоящее время Россия и Франция переживают очень сложные социально-политические и экономические изменения. Это находит отражение в постоянном обновлении и синхронно-диахронических сдвигах лексического состава современных русского и французского литературных языков самых различных сфер общества.

Следует заметить, что фразеологический словарь, в котором описываются семантически несвободные сочетания слов, относится к востребованным типам словарей.

За последние десятилетия появилось достаточно большое количество специальных фразеологических словарей разных жанров, однако практическая словарная разработка фразеологии еще не может сравниться со словарной репрезентацией лексики.

Разделяя мнение лексикологов, что к фразеологизмам надо относить сочетания слов, которые «характеризуются воспроизводимостью, устойчивостью, общеизвестностью и раздельнооформленностью, независимо от того, обладают они или не обладают переносным значением» [Бобунова, 2009, с. 60–61] рассмотрим некоторые фразеологические неологизмы – образования новейшего времени на примере фразеологического словаря Н. В. Баско 2019 года выпуска.

Например:

Держать планку = поддерживать высокий уровень, не снижая его.

Фразеологизм пришел из спортивной терминологии, где *планка* – часть спортивного снаряда: тонкая длинная пластинка, устанавливаемая как барьер при прыжках, беге. Связь фразеологизма со спортивным дискурсом можно проиллюстрировать следующим примером из российских СМИ:

По словам В. Путина, «всегда так: одни спортсмены уходят, другие еще не вошли в ритм, не набрали нужных оборотов и не достигли своих максимальных планок в своем спортивном развитии. Поэтому это не значит, что мы всегда будем такую *планку держать*, это достаточно сложно, но то, что мы можем развиваться и будем это делать, – это очевидно» (*Интервью Владимира Путина Российским телеканалам. По итогам Олимпиады в Сочи Владимир Путин ответил на вопросы журналистов первого канала, ВГТРК // НТВ, РБК // ИНТЕРФАКС, 25.02.2014)* [Баско, 2019, с. 48]

Жирный живот = разбогатевший в постсоветский период (часто незаконным путем) бизнесмен, банкир, представитель шоу-бизнеса.

Выражение *жирный живот* – калька с англ. *fat cat. Жарг.* «презрительное название лица, субсидирующего политическое мероприятие». Идиома *жирные животы* появилась в США в 1920-е годы для обозначения богачей, которые используют накопленные средства, чтобы влиять на политическую жизнь страны.

«Можно их оскорблять, называть «**жирные животы**», но это важный сектор российской экономики, и перед ними стоят серьёзные задачи», – сказал В. Путин о российских банкирах. – *А. Романов // Новый регион 2. 06.04.2009»* [Баско, 2019, с. 55].

Мало не покажется = кто-либо окажется в

крайне сложном, трудном положении.

Это чрезвычайно употребительное в наши дни выражение о предупреждении негативных последствий каких-либо действий человека появилось в речи россиян в начале XXI тысячелетия.

Грохнется рынок гос-облигаций США или какой-нибудь из европейских стран, а с ним доллар или евро – никому в мире **мало не покажется.** – А. Добрюха // Комсомольская правда, 23.10.2013 [Баско, 2019, с. 75].

Ловить /поймать хайп = добиваться популярности, известности в интернете, в СМИ с помощью шумихи, скандала вокруг какого-либо события или персоны.

В основе семантики нового популярного у молодежи выражения *ловить/поймать хайп* лежит слово «хайп» – неологизм, который пришел в русский язык из английского. Это модное сленговое словечко от англ. hype имеет значение «навязчивая реклама, шумиха, ажиотаж». Новый производный глагол «хайпить» означает «поднимать медийный шум вокруг какой-то новости или персоны, сайта или мема».

Кадыров **поймал хайп** на том, что он такой грозный и ужасный, но он пехотинец Путина. И один раз он **поймал хайп** по-настоящему серьезный, и вот здесь я его приветствую… Это когда он из Сирии вызволил ряд женщин и детей, которые туда поехали по обманке за мужьями и попали в запрещенную организацию ДАИШ (ИГИЛ). – *Д. Муратов //ЭХО Москвы, 13.06.2018)* [Баско, 2019, с. 73].

Пролетать/пролететь, как фанера над Парижем = разг., шутл. – ирон. Терпеть неудачу, поражение.

Существует такая версия появления в русском языке этого выражения. В 1908 году известный французский авиатор Огюст Фаньер, совершая показательный полет над Парижем, врезался в Эйфелеву башню и погиб. После чего известный меньшевик Мартов писал в газете «Искра», что царский режим летит к своей гибели так же быстро, как г-н Фаньер над Парижем». Русский человек воспринял данную сентенцию несколько иначе, изменив фамилию иностранного авиатора не «фанеру». (Источник: orator.ru www.orator.ru/int_krylatye_frasy.html) [Баско, 2019, с. 102].

«Отказали мне в визе впервые за все годы моих заграничных поездок, при забитом американскими и шенгенскими визами паспорте… Похоже, **пролетаю** я, **как фанера над Парижем.** // *Труд - 7, 25.06.2010* [Баско, 2019, с. 102].

В словаре А. М. Хазиной 2012 года выпуска рассматриваются устойчивые французские словосочетания с переводом их значений или с наиболее точными эквивалентами в русском языке. Французские идиомы сопровождаются примерами их употребления в разговорной и письменной речи.

Рассмотрим некоторые из них:

Affaire en or = золотая жила

« DSK : une *affaire en or* pour les médias. / Д. Стросс-Канн: *золотая жила* для СМИ».

Mine d'or = золотая жила

« L'ex-femme donne aussi au juge des carnets de son mari trouvés dans leur maison londonienne, unr vraie *mine d'or* pour les enquêteurs. / Бывшая жена также передала судье дневники мужа, обнаруженные в их лондонском доме, которые оказались *золотой жилой* для следователей».

Accepter/prendre pour argent comptant = принимать *(брать)* **за чистую монету**

« Un mauvais journaliste, c'est un journaliste qui *accepte pour argent* comptant ce que le gouvernement ou d'autres lui disent./ Плохой журналист – это тот, кто принимает *за чистую монету* все, что говорит ему правительство и прочие».

Aiguille dans une boîte de foin = иголка в стоге сена

« Moi, petite française noyée dans la masse comme une *aiguille dans une boîte de foin :* une minuscule pièce d'un échiquier géant aussi rond et grand que la terre » / Я маленькая француженка, потонувшая в массе людей как иголка в стоге сена, крошечная фигурка на гигантской шахматной доске, огромной и круглой, как земля» [Хазина, 2012, с. 7, 8, 159].

2. Фразеологизмы в составе индивидуально-авторских новообразований

Как известно, в русле устоявшихся традиций существует стремление исследователей к отражению разных аспектов слова.

Перед нами лингвистическое явление, свойственное русскому и французскому языкам.

Следует заметить, что единичные употребления новых образных выражений ближе к лексемам, относящихся к **индивидуально-авторским окказионализмам**, созданным еще А.С. Пушкиным:

За ужином объелся я, / А Яков запер дверь оплошно -/ Так было мне, мои друзья, / И *кюхельбекерно* и тошно (Эпиграмма 1818 года) [Филиппов 1999, с.76].

Как видим, окказионализм *кюхельбекерно* – индивидуально-авторское образование, которое

близко к лексеме, по своей звуковой форме и морфологической организации напоминающей русские слова категории состояния. Это сходство усиливается контекстом эпиграммы, в котором в сочинительной связи с этим индивидуально-авторским образованием выступает слово категории состояния *тошно.* В контексте эпиграммы окказионализм *кюхельбекерно* получает и вполне определенный смысл – «неприятно», «противно» [Солодуб, Альбрехт, 2002, с. 151].

Заметим, что освоение новообразований продолжается и в наши дни. Внимание исследователей обращено на их активное и сознательное использование.

Общество развивается, появляются новые слова и фразеологизмы как ответ на вызовы времени, как попытки осмыслить социокультурные, политические, природные явления нашей жизни и сформировать оценочные отношения к ним.

Одним из источников новых фразеологизмов в нашей речи в последние несколько десятилетий стала телевизионная и интернет-реклама.

Особенностью крылатых фраз, прилетевших к нам из рекламных слоганов, является их недолговечность. Они живут столько времени, сколько повторяется рекламный ролик.

Как показывает языковая ситуация, некоторые «рекламные» фразеологизмы смогли укрепиться в русском языке.

Например:

Айс/не айс – выражение, которое пришло из рекламы жевательной резинки. Рекламу давно уже не показывают, а слово осталось.

Фраза «Не *запостил*, значит не было» – из рекламы Билайн. Так говорят о каком-то событии, действии, мероприятии в жизни человека, которое он не зафиксировал в социальных сетях, а значит, этого события как бы не было.

Фразеологизм «*Тогда мы идем к вам*». Из рекламы стирального порошка Tide. Полный текст был: «Все ещё кипятите?» *Тогда мы идем к вам*!» Первая часть фразы забылась, а вот вторая осталась.

Примечательны высказывания Виктора Степановича Черномырдина, «черномырдинки», пополнившие современную фразеологию яркими, экспрессивными выражениями. Самое известное из них: «*Хотели как лучше, а получилось как всегда*». Или еще например: «*Курс, он у нас один – правильный*», «*Лучше водки – хуже нет*!», «*Много говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу*».

Аналогичное явление можно наблюдать при анализе русских поговорок, которые спустя 200 лет попали в сборник Владимира Ивановича Даля:

Было / *Каково волокно, таково и полотно*. Стало / *Каков бюджет – таков сюжет*. Было / *Любишь ездить, люби и саночки возить*. Стало / *Любишь кататься – купи проездной.* Было / *Тише едешь – дальше будешь*. Стало / *Тише едешь – не доедешь*. Было / *Слово не воробей: вылетит не поймаешь*. Стало / *Слово не воробей: поймают – вылетишь* [Клушина, 2021, с. 5].

Фразеологические неологизмы представляют собой, бесспорно, весьма интересный феномен. При создании многих из них наглядно прослеживается установка на «творчество».

Например:

На одной волне – *с кем-то быть,* находиться. Согласованно, хорошо понимая друг друга. Выражение заимствовано из французского языка. Франц. *Être sur la même longueur d'onde*: 1. *Физич*. Находиться на одной волне. 2. *Перен*. Понимать друг друга, говорить на одном и том же языке.

Как вам удается настроить работу так, чтобы вся компания была **на одной волне**? – Как стать миллиардером: Лекция основателя Фейсбука Марка Цукерберга // Комсомольская правда, 11.10.2012 [Клушина, 2021, с. 81].

Etre dans le même bateau, être logé à la même enseigne – оказаться в одной связке /компании; попасть в ту же ситуацию.

J'eus pour consolation de me trouver *logé à la même enseigne* que Le Goff, figure de proue de la recherche historique moderne. / Я утешился тем, что *оказался в одной компании* с Ле Гоффом, ключевой фигурой современной исторической науки (Хазина, 2012, с.71)

« **Etre à l'ouest** » – est une expression d'usage récent. Elle s'ajoute à beaucoup d'autres façons d'exprimer l'état de quelqu'un qui donne le sentiment qu'il ne sait pas trop où il en est. La personne est « à côté de la plaque », « dans le coaltar », elle est incapable de fixer son attention, « a la tête ailleurs ». « Etre dans les nuages » est plus faible et momentané. L'explication qui se rattache à une expression anglaise a le mérite d'être plausible. Durant la guerre de 1914-1918, les Anglais disaient « aller à l'ouest » (*go to west*) pour signifier « aller se faire tuer », « aller au casse-pipe ». De là serait venue l'idée de se trouver dans un état comateux. Un proverbe chinois affirme qu'en allant trop à l'ouest, on finit par se retrouver à l'est. Joli, mais le lien avec notre locution n'est pas évident. Récemment, une ministre a dit des conseillers du Premier ministre qu'ils étaient « à l'ouest » pour signifier qu'ils « débloquaient »

complétement. / **Быть на западе** – выражение довольно распространенное в последнее время. Оно добавляется к другим манерам выразить состояние человека, который не знает, что с ним происходит. Человек, который делает не то, ошибается, не способен сконцентрировать внимание, думает о чем-то другом. Выражение «витать в облаках» преходящее и уступает последнему. Объяснение данного фразеологизма соотносится с английским выражением, которое правдоподобно. Во время Первой мировой войны 1914–1918 годов англичане говорили «идти на запад» для обозначения «погибнуть», «идти на побоище». Отсюда возникла идея о коматозном состоянии. Китайская пословица гласит, что, уходя далеко на запад, ты оказываешься на востоке. Хорошее дело, но связь с французской идиомой не вполне очевидна. Совсем недавно, одна министерша сказала советникам премьер-министра, что они «были на западе», чтобы подчеркнуть, что они «молотили абсолютный вздор» [Desalmand, Stalloni, 2011, p. 26].

Общеизвестно, что создателей неологических выражений распределяют согласно категориям передаваемой информации: 1) «профессионалы» языка (журналисты и некоторые писатели); 2) говорящие на языке / *«les usagers normaux»*/**.**

В статье сделан упор на язык политических деятелей, деловых людей. Эта разница тем более ощутима, поскольку она усиливается по отношению к там называемым «простым» неологизмам **(***néologismes «simples»***)**, примеры с которыми можно найти во всех источниках [Скуратов, 2006].

Однако подобные суждения надо принимать с осторожностью, поскольку легче выявить неологические выражения из письменной прессы, чем те, которые используются в обращении различными категориями говорящих.

Между прочим, достаточно трудно идентифицировать с полной достоверностью источник неологизма. Человек может употребить выражение, не осознавая его новизны.

В прессе нужно проводить четкое разграничение между журналистами, работающими в редакции, и теми, кто передаёт ту же информацию, скажем читателями, временными сотрудниками, лицами, получившими разрешение.

Журналисты оперируют актуальным материалом, поэтому не следует удивляться тому, что их «продукция» полностью зависит от событий и заявлений, которыми адресат располагает в своем сознании в момент передачи ими высказываний.

Зато писатели с трудом могут сделать намек на обстоятельства, укоренившиеся временем.

В анализируемых примерах речь идёт одновременно об устойчивости выражения и его инновации в результате замены одного из элементов словосочетания.

Заключение

Как видим, языковые единицы современных русского и французского языков выступают как динамическая система. Появление любой новой языковой единицы, в частности фразеологического оборота, обладающего идиоматичностью значения, усложняет речь. Для снятия подобных трудностей предпринята попытка объяснить значение новых языковых единиц, показать их употребление в речи, указать на фразеологический образ, лежащий в основе значения.

Проведенный анализ показал, как фразеологические единицы соотносятся с реальной действительностью и каким образом они образуются как языковые единицы.

Библиографический список

1. Архангельский В. Л. Устойчивые формы в современном русском языке. Ростов, 1964. С. 8.

2. Баско Н. В. Фразеологический словарь. Наше время в зеркале фразеологизмов. Москва : «КДУ», «Университетская книга», 2019. 140 с.

3. Бобунова М. М. Русская лексикография XXI века : учебное пособие. Москва : Флинта: Наука, 2009. 200 с.

4. Клушина Н. Даль бы прослезился – во что превратили русские поговорки. Metro www.gazetametro.ru, понедельник, 27 ноября 2021, С. 5.

5. Скуратов И. В. Типологическая характеристика неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистический аспекты. Москва : МГОУ, 2006. 424 с.

6. Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). Учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. Москва : Флинта: Наука, 2002. 264 с.

7. Филиппов Л. К. Окказионализмы в письмах А. С. Пушкина // Филологические науки. 1999. №4. С. 76.

8. Хазина А. М. 1500 русских и 1500 французских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. Москва : Астрель: Санкт-Петербург : Сова. Владимир : ВКТ, 2012. 224 с.

9. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. Москва : Просвещение, 1972. С. 173.

10. Bally Ch. Précis de stylistique. Paris, 1925. P. 91–92.

11. De Romilly J. Dans le jardin des mots. Paris, Editions de Fallois, 2007. 344 p.

12. Desalmand P., Stalloni Y. 365 expressions expliquées. Editions du Chêne, Hachette Livre, 2011. 365 p.

13. Duneton C. Petit dictionnaire du français familier. Paris, Editions du Seuil, 2012. 534 p.

14. Fayard L. Dictionnaire impertinent des branchés. Paris, Editions Générales First, 2002. 271 p.

15. Gaudin F., Guespin L. Initiation à la lexicologie française. De la néologie aux dictionnaires. Bruxelles, Editions Duculot, 2000. 355 p.

16. Gross G. Les expressions figées en français. Noms composés et autres locutions. Paris, coll. «L'essentiel français», Ophrys, 1996. 161 p.

17. Lehmann A., Martin-Berthet F. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. Paris, Dunod, 1998. 201 p.

18. Merle P. Les mots à la con. Paris, Collection Mots et Cie, 2006. 113 p.

19. Mortureux M.-F. La lexicologie entre langue et discours. Paris, Editions SEDES, 1997. 191 p.

20. Nectoux Ph. Dictionnaire insolite de la Modernitude. Paris, Cosmopole Active. Media, 2005. 231 p.

Reference list

1. Arhangel'skij V. L. Ustojchivye formy v sovremennom russkom jazyke = Stable forms in the modern Russian langage. Rostov, 1964. S. 8.

2. Basko N. V. Frazeologicheskij slovar'. Nashe vremja v zerkale frazeologizmov = Phraseological dictionary. Our time in the mirror of phraseological units. Moskva : «KDU», «Universitetskaja kniga», 2019. 140 s.

3. Bobunova M. M. Russkaja leksikografija XXI veka = Russian lexicography of XXI century: uchebnoe posobie. Moskva : Flinta: Nauka, 2009. 200 s.

4. Klushina N. Dal' by proslezilsja – vo chto prevratili russkie pogovorki = Dal would weep – what Russian proverbs were turned into. Metro www.gazetametro.ru, ponedel'nik, 27 nojabrja 2021, S. 5.

5. Skuratov I. V. Tipologicheskaja harakteristika neologizmov v sovremennom razgovornom i delovom francuzskom jazyke: lingvisticheskij i sociolingvisticheskij aspekty = Typological characteristics of neologisms in modern colloquial and business French: linguistic and sociolinguistic aspects. Moskva : MGOU, 2006. 424 s.

6. Solodub Ju. P., Al'breht F. B. Sovremennyj russkij jazyk. Leksika i frazeologija (sopostavitel'nyj aspekt). Uchebnik dlja studentov filologicheskih fakul'tetov i fakul'tetov inostrannyh jazykov = Modern Russian language. Vocabulary and phraseology (comparative aspect). Textbook for students of Philology and Foreign Languages faculties. Moskva : Flinta: Nauka, 2002. 264 s.

7. Filippov L. K. Okkazionalizmy v pis'mah A. S. Pushkina = Nonce words in A.S. Pushkin's letters // Filologicheskie nauki. 1999. №4. S. 76.

8. Hazina A. M. 1500 russkih i 1500 francuzskih idiom, frazeologizmov i ustojchivyh slovosochetanij = 1,500 Russian and 1,500 French idioms, phraseological units and set phrases. Moskva : Astrel': Sankt-Peterburg : Sova. Vladimir : VKT, 2012. 224 s.

9. Shanskij N. M. Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka = Modern Russian lexicology. Moskva : Prosveshhenie, 1972. S. 173.

10. Bally Ch. Précis de stylistique. Paris, 1925. P. 91–92.

11. De Romilly J. Dans le jardin des mots. Paris, Editions de Fallois, 2007. 344 p.

12. Desalmand P., Stalloni Y. 365 expressions expliquées. Editions du Chêne, Hachette Livre, 2011. 365 p.

13. Duneton C. Petit dictionnaire du français familier. Paris, Editions du Seuil, 2012. 534 p.

14. Fayard L. Dictionnaire impertinent des branchés. Paris, Editions Générales First, 2002. 271 p.

15. Gaudin F., Guespin L. Initiation à la lexicologie française. De la néologie aux dictionnaires. Bruxelles, Editions Duculot, 2000. 355 p.

16. Gross G. Les expressions figées en français. Noms composés et autres locutions. Paris, coll. «L'essentiel français», Ophrys, 1996. 161 p.

17. Lehmann A., Martin-Berthet F. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. Paris, Dunod, 1998. 201 p.

18. Merle P. Les mots à la con. Paris, Collection Mots et Cie, 2006. 113 p.

19. Mortureux M.-F. La lexicologie entre langue et discours. Paris, Editions SEDES, 1997. 191 p.

20. Nectoux Ph. Dictionnaire insolite de la Modernitude. Paris, Cosmopole Active. Media, 2005. 231 p.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 14.03.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 808.53
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-202-208
EDN: GRAXJH

Автоматизированный анализ ритма испанского рекламного текста

Елена Игоревна Бойчук
Доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
elena–boychouk@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6600-2971

Аннотация. Статья представляет собой результаты исследования ритмической специфики испанского рекламного текста, основанного на работе компьютерного приложения PRD (ProseRhythmDetector). Приложение создано и апробировано преподавателями ЯГПУ им. Ушинского и ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Оно осуществляет поиск и анализ 12 ритмических средств, включая аллитерацию и ассонанс на фоностилистическом уровне, анафору, эпифору, симплоку, диакопу, эпаналепсис, анадиплозис, эпизевксис, повторение вопросительных, восклицательных предложений и апозиопезу. Для анализа были отобраны тексты испаноязычной интернет рекламы (40 текстов общим объемом 17 тыс. знаков без пробелов), полученные методом сплошной выборки с сайтов продающих компаний. Основная цель исследования – определить частотность и специфику использования представленных выше средств в испанском рекламном тексте. Основные методы исследования – количественный метод, метод анализа и синтеза, сравнительный метод (для сравнения частотности и специфики использования ритмических средств). Основным результатом исследования являются выводы о том, что наиболее активными ритмическими средствами испанской рекламы являются диакопа и анафора. Также следует отметить, что объем текста рекламы практически не предусматривает разнообразия повторов, что объясняет довольно редкое их использование в рекламном тексте, однако следует отметить, что наиболее активным средством является диакопа, поскольку ее элементы при повторении имеют свободный порядок, что отчасти объясняет ее высокую частотность. Остальные средства проявили себя менее активно.

Ключевые слова: ритм; мой ритм; публичность; испанский язык; диакопа; анафора; ProseRhythmDetector; воздействие на подсознание

Для цитирования: Бойчук Е. И. Автоматизированный анализ ритма испанского рекламного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 202–208. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-202-208. https://elibrary.ru/GRAXJH

Original article

Automated analysis of the rythm in spanish advertising text

Elena I. Bojchuk
Doctor of philology, associate professor, romance languages department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
elena–boychouk@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6600-2971

Abstract. The article presents the study of the Spanish advertising text rhythmic specificity, based on the work of the computer application PRD (ProseRhythmDetector). The application was created and tested by the professors of YSPU named after K.D. Ushinsky and Yaroslavl Demidov State University. It searches for and analyzes 12 rhythmic means, including alliteration and assonance on the phonostylistic level, anaphora, epiphora, symploce, diacope, epanalepsis, anadiplosis, epizeuxis, repetition of interrogative and exclamatory sentences, and aposiopesis. For the analysis we selected texts from spanish online advertising (40 texts with a total of 17,000 characters without spaces), obtained by continuous sampling method from the websites of sales companies. The main purpose of the study is to determine the frequency and specificity of using rhythmic means in the Spanish advertising text. The main research methods are the quantitative method, the method of analysis and synthesis, the comparative method (to compare the frequency and specifics of using rhythmic means). The main result of the study is the conclusion that the most active rhythmic means of Spanish advertising are the diacope and the anaphora. It should be noted that the volume of the advertising text practically does not provide for a variety of repetitions, which explains their rather rare use in the advertising text,

© Бойчук Е. И., 2022

however, it should also be noted that the most active tool is diacope, since its elements are in free order when repeated, which partly explains its high frequency. Other means prove to be less active.

Key words: rhythm; publicity; spanish text; diacope; anaphora; ProseRhythmDetector; impact on the subconscious

For citation: Boichuk E. I. Automated analysis of the rythm in spanish advertising text. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):202–208. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-202-208. https://elibrary.ru/GRAXJH

Языковая специфика испаноязычной рекламы, представленная в работах лингвистов

Рекламный дискурс привлекает внимание очень многих исследователей, что обусловлено в первую очередь тем, что данный тип дискурса основан на принципах психологического, суггестивного воздействия на реципиента, на его подсознание, на восприятие информации. Это тип дискурса, способствующий побуждению к действию, принятию определенных решений, подталкивающий к совершению определенного выбора. Исследователями предпринимались попытки анализа различных аспектов рекламного дискурса на материале романских языков. За последние два десятилетия следует отметить работы Ф. Л. Косицкой [Косицкая, 2001], О. В. Гориновой [Горинова, 2007], А.В. Барябина [Барябина, 2008], Е. С. Гриценко [Гриценко, 2008], С. В. Тютина [Тютина, 2009], С. А. Архиповой [Архипова, 2012], Ю. В. Бубенко, М. В. Терских [Бубенко, Терских, 2015], Л. Г. Газизова, Л. Г. Дуняшева [Газизова, Дуняшева, 2019], К. В. Якушкиной [Якушкина, 2019] и др. Среди испанских лингвистов следует отметить работы Perez, Ch., Garcia N. [Perez, Garcia, 2001], Hurtado González S. [Hurtado González, 2005], Romero V. [Romero, 2005].

В работах перечисленных выше лингвистов затрагиваются вопросы языковой специфики рекламы и способов ее воздействия на потребителя. Так, в работе Л. Г. Газизовой и Л. Г. Дуняшевой рассматриваются вопросы медийного дискурса испаноязычных и русскоязычных текстов телевизионной рекламы. Лингвопрагматический анализ отобранных текстов, предпринятый авторами, показал, что для реализации коммуникативной стратегии привлечения внимания в рекламном дискурсе Испании и России используются речевые приемы на разных языковых уровнях: фонетическом (ономатопея, рифмы, омонимы), морфологическом (личные местоимения в функции апеллятивов и референтных форм, нарушение грамматических норм, числительные), лексическом (единицы с семантикой новизны, необычная лексическая сочетаемость, иностранная лексика), синтаксическом (анафоры, эпифоры, параллельные конструкции, вопросы) и стилистическом (прецедентные тексты и прочее). Сравнительно-сопоставительный анализ применения указанной тактики в рекламных текстах выявил различие анализируемых лингвокультур в части манеры подачи и восприятия культурно-специфических суггестивных приемов. В частности, для испанской лингвокультуры характерен интерес ко всему новому, что выражается в частом использовании слов с семантическим значением «новизны», в отличие от консервативности и наличия прецедентных текстов в русскоязычной рекламе. Проанализировав отобранный материал, мы пришли к заключению, что рекламный дискурс как сеть социальных тем, пресуппозиций и действий обладает высоким персуазивным потенциалом благодаря использованию коммуникативной стратегии привлечения и удержания внимания [Газизова, Дуняшева, 2019].

Авторы Л. Г. Газизова и А. И. Носкова рассматривают синтаксические особенности рекламного и газетного дискурсов (на примере венесуэльского и пиренейского вариантов испанского языка). Авторы подчеркивают, что в большинстве случаев в рекламном и газетном дискурсах испанскому языку Пиренейского полуострова характерно использование инверсии, параллельных синтаксических и редупликативных конструкций, что также свойственно испанскому языку Венесуэлы. Сопоставительный анализ позволил выявить отличительные черты венесуэльского варианта испанского языка, в частности употребление подчинительного союза que, дискурсивных маркеров, форм сослагательного наклонения глаголов [Газизова. Носкова, 2019].

В работе А. С. Архиповой «Особенности испанской рекламы на телевидении: на материале пиренейского национального варианта испанского языка» внимание акцентируется на наиболее часто использующемся приёме, облегчающем запоминание, а именно на повторении. Однако автор отмечает, что зависимость запоминания и убеждения от повторений не очевидна. В связи с

этим появляется тенденция создавать в текстах рекламы на телевидении запоминающиеся образы у зрителей с помощью образных средств языка, среди которых наиболее часто используются: приём персонификации, эпитеты, гиперболы, а также, создавать различные рекламные ролики одного товара или услуги [Архипова. 2012].

К. В. Якушкина в своем исследовании проводит анализ примеров рекламных эвфемизмов, который позволил выявить их содержательную специфику. Автор выявляет темы, наиболее часто включающие эвфемизмы: «Здоровье», «Еда», «Красота», «Семья», «Взаимоотношения», «Домашний очаг», а также «Карьера» и «Деньги», в том числе нейминг профессий. Кроме того, в исследовании выявлены структурно-семантические особенности (однокомпонентные и перифрастические эвфемизмы; эвфемизмы разных морфологических категорий: enfermedad → necesidad; sufrir → manifestar; discapacitado → especial и пр.) [Якушкина, 2019].

Исследование концептосферы испанской рекламы авторами Ю. В. Бубенко и М. В. Терских показывает, что испанский потребитель в большей степени ориентирован на восприятие рекламных текстов, в которых эксплуатируется концепт «Культура» (27 упоминаний). Следующие по частоте употребления концепты «Эмоции» (9 упоминаний) и «Универсальность» (8 апелляций). [Бубенко, Терских, 2015].

С.В. Тютина отмечает, что в испанском периодическом тексте выделяются высокочастотные модели семантической, прагматической и структурной компрессии. Анализ опущения различных компонентов показал, что модели структурной компрессии являются наиболее высокочастотными и разнообразными, по сравнению другими видами (94 %). Второй по частотности является прагматическая или текстовая компрессия (87 %), третьей является семантическая компрессия (42 %). Автор отмечает такие языковые средства компрессии, как фигуры сокращения, зевгматические модели и другие модели эллипсиса [Тютина, 2008].

В исследовании К. О. Москаленко, проводимом на материале объявлений о знакомстве, представлены средства экспрессивного синтаксиса, такие как парцелляция, вопросительные конструкции, умолчание, частичный параллелизм, инверсия, асиндетон и асиндетон [Москаленко, 2014].

Испанские лингвисты в большей степени отмечают влияние англицизмов на язык испанской прессы. В частности в исследовании A. M. Ferro Bajuelo представлен анализ влияния английского языка на испанский через самую символичную газету «*El Nuevo Herald*». Автор ставит целью определить, является ли эта ежедневная газета на испанском языке истинным отражением двуязычной речи этой группы или использования спанглиша [Valíková, 2002]. Для большей полноты картины автор также рассматривает специфику заимствований в кубинской национальной газете «*Granma*», а также в популярных испаноязычных газетах в других латиноамериканских анклавах в Соединенных Штатах [Ferro Bajuelo, 2011].

Роль ритма в языковой репрезентации испаноязычной рекламы и его автоматизированный анализ

В перечисленных выше исследованиях немалое место занимают повторы как особое средство выразительности рекламного текста, некоторые лингвисты говорят об анафоре, эпифоре и рифме, синтаксическом параллелизме и повторе вопросительных конструкций. Все перечисленные средства представляют собой средства ритмизации текста на разных языковых уровнях. О ритме рекламы следует говорить отдельно, поскольку на повторах разных типов, как основных компонентах ритма, основывается ритмическая структура текста, позволяющая оказывать суггестивный эффект на реципиента.

Анализ ритмических средств на лексико-грамматическом уровне, выполненный при помощи компьютерного приложения PRD (ProseRhythmDetector), созданного нами с целью анализа ритма прозаических текстов на 4 языках (русском, французском, английском и испанском), осуществляющего поиск и количественный анализ таких ритмических средств, как *анафора, эпифора, симплока, анадиплозис, эпаналепсис, диакопа, эпизевксис, последовательность вопросительных и восклицательных предложений, апозиопеза, полисиндетон*, показал, что для англоязычной рекламы наиболее частотными средствами ритма являются *диакопа, эпифора, анафора, анадиплозис*. Остальные средства либо не употреблялись совсем, либо имели низкую частотность [Тютина, 2008]. Вышеупомянутое компьютерное приложение было модернизировано нами с целью выявления также фоностилистических средств, таких как аллитерация и ассонанс.

Приложение выявило такие наиболее частотные средства для испанских рекламных текстов (40 текстов общим объемом 17 тыс. знаков без пробелов), как **диакопа, анафора, эпифора, эпизевксис, полисиндетон.** Приложением была сгенерирована тепловая карта, демонстрирующая интенсивность проявления ритмических средств и позволяющая визуально оценить преобладание одних средств над другими. Если диакопа присутствует практически во всех анализируемых текстах, то анафора, эпизевксис, полисиндетон и эпифора отражены как разовые цветовые вкрапления. Отразим данные в виде таблицы с частотностью заявленных средств:

Таблица 1

Частотность ритмических средств в испанской рекламе

Средства/ № текста	Диакопа	Анафора	Эпифора	Полисиндетон	Эпизевксис
1	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
2	0.0	100.0	0.0	0.0	0.0
3	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
4	87.5	0.0	0.0	12.5	0.0
5	75.0	25.0	0.0	0.0	0.0
6	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
7	25.0	0.0	50.0	0.0	25.0
8	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
9	50.0	25.0	0.0	25.0	0.0
10	66.7	11.1	0.0	22.2	0.0
11	76.5	0.0	5.9	17.6	0.0
12	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
13	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
14	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
15	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
16	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
17	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
18	0.0	100.0	0.0	0.0	0.0
19	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
20	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
21	66.7	0.0	33.3	0.0	0.0
22	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
23	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
24	0.0	0.0	100.0	0.0	0.0
25	0.0	0.0	100.0	0.0	0.0
26	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
27	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
28	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
29	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
30	66.7	0.0	33.3	0.0	0.0
31	50.0	0.0	50.0	0.0	0.0
32	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
33	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
34	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
35	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
36	0.00.0	0.0	0.0	0.0	0.0
37	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
38	0.0	100.0	0.0	0.0	0.0
39	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0
40	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0

Количественная характеристика проявления данных средств подтверждает то, что **диакопа**, как повтор слов через определенные промежутки текста в рамках одного предложения, является наиболее активным средством: *Una **margarita** icónica de Marc Jacobs, Daisy Love floresce con una **margarita** enorme.*

*Complétalo con el **juego** de pendientes y la pulsera a **juego**.*

*¿Dispones de poco espacio? Prueba **un escritorio** con un tablero plegable. ¿Necesitas más espacio? Prueba **un escritorio** con estantes integrados. ¿Encajonado en un rincón? También tenemos mesas de estudio y trabajo para esta circunstancia.*

В последнем примере диакопа включена в последовательность вопросительных и повествовательных предложений в вопросно-ответной структуре рекламного текста, что является довольно распространенным.

*Da un **paso** hacia una nueva rutina de trabajo, y acumula más **pasos** a diario con **un escritorio para trabajar de pie**. Cambiar de posición con **un escritorio para trabajar de pie** y sentado te ayudará a moverte, te sentirás mejor y trabajarás cómo quieras. Porque tu **escritorio** no es el jefe.*

В приведенном примере сочетается несколько повторяющихся лексем: *paso* и сочетание *un escritorio para trabajar de pie.* Повтор лексемы paso (*da un paso* (взгляни по-новому, измени) в первом случае и *acumula más pasos* (сэкономь шаги) во втором делает акцент на игре слов при повторе, а повтор второго сочетания акцентирует внимание на объекте рекламы.

В качестве **анафоры** часто выступают повторы рекламируемых продуктов или марок: ***O leave-in** Résistance Therapiste Nutre de Kérastase proporciona qualidade à fibra, tratando e selando as pontas de cabelos danificados e superprocessados quimicamente. **O Leave-in** Thérapiste compensa a perda de matéria da fibra e reativa sua síntese, reparando, uniformizando e reforçando a estrutura capilar instantaneamente.*

В качестве примеров **эпизевксиса** (повтора 2 и более лексем в начале предложения) могут послужить следующие: ***Corre, corre**, que te puede alcanzar. **Mira, mira**, como vuela el pájaro. **Bebe, bebe**, y disfruta de la fiesta. ¡**oye, oye**, no me escuchas! **Sube, Sube** que todos llevamos prisa. **Come, come**, que no debes dejar nada. **Pase, pase**, yo no llevo prisa. **Canta, Canta**, hay que alegrarse. **Duerme, duerme** lo hace sin preocupación* [https://www.adgency.la/blog/ejemplos-increibles-de-figuras-retoricas-en-publicidad/]. При этом большая часть примеров с эпизевксисом использует в качестве повтора глагол в повелительном наклонении.

Примеры полисиндетона (многосоюзия) немногочисленны и как правило в качестве повторяющегося элемента в данных конструкциях выступает союз *y* (и): *Tienen cierre de broche **y** colgante **y** anillo a juego.* Низкая частотность таких конструкций обусловлена тем, что предложения в испанской рекламе в большей степени простые с точки зрения их грамматической структуры и чаще всего союзы могут встречаться в конструкциях с однородными членами предложения, однако как правило такие конструкции объединяют не более 2–3 компонентов.

Заключение

Таким образом, наиболее частотными средствами для испаноязычной рекламы являются диакопа и анафора. Учитывая небольшой объем рекламного текста, следует отметить, что средство с наибольшей свободой расстановки повторяющихся элементов (диакопа) является наиболее активным. В большинстве проанализированных случаев диакопа употреблена 1 раз на один рекламный текст, при этом другие ритмические средства либо не проявляют себя совсем, либо употребляются в сочетании с диакопой. Так, например, из 40 контекстов только 13 содержат другие средства, в частности анафору, эпифору, полисиндетон, эпизевксис. Данное исследование подтверждает то, что, несмотря на небольшой объем рекламного объявления, одним из наиболее распространенных языковых средств воздействия на покупателя все же остается повтор, как наиболее эффективное средство, побуждающее к тому, чтобы приобрести тот или иной товар.

Библиографический список

1. Архипова С. А. Особенности психологического воздействия на зрителя в рекламе на телевидении // Современные научные исследования и инновации. Март, 2012. URL: http://web.snauka.ru/issues/2012/03/10837 (дата обращения: 12.03.2022).

2. Барябин А. В. Социальные функции рекламы как феномена повседневной культурной коммуникации // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. No2(15). С. 106–111.

3. Бойчук Е. И. Автоматизированный анализ ритма рекламного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 137–144.

4. Бубенко Ю. В., Терских М. В. Концептосфера туристического дискурса (на материале российских и испанских рекламных текстов) // Язык и культура. 2015. С. 60–72.

5. Газизова Л. Г., Дуняшева Л. Г. вербализация стратегии привлечения внимания в рекламном дискурсе Испании и России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 111–115. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/3/23.html (дата обращения: 12.03.2022).

6. Газизова Л. Г., Носкова А. И. Синтаксические особенности рекламного и газетного дискурсов (на примере венесуэльского и пиренейского вариантов испанского языка) // Филология и культура. №1 (55), 2019. С. 31–36.

7. Горинова О. В. Проявление тендерных стереотипов в языке рекламы (на материале русского, испанского и английского языков) // Язык и культура. Материалы докладов межд. конф. VI Степановские чтения. Москва : Изд-во РУДН, 2007. С. 85–87.

8. Гриценко Е. С. Тендер в английской лингвокультуре / Е. С. Гриценко, А. О. Лалетина, М. В. Сергеева. Нижний Новгород : Нижегород. гос. лингвист, ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2008. 218 с.

9. Косицкая Ф. Л. Каталог моды как средство массового воздействия // Лингвистические и культурологические традиции образования. Материалы I Международной научно-методической конференции. Томск, 2001. С. 12–15.

10. Москаленко К. О. Коммуникативные тактики в текстах испанских объявлений о знакомстве, реализующие стратегию самопрезентации // Омский научный вестник. Омск : Изд-во Ом ГУ, 2014. No 1 (125). С. 137–139.

11. Тютина С. В. Особенности функционирования компрессии в заголовках испанских газет // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена : научный журнал. 4.1. Общественные и гуманитарные науки. Санкт-Петербург, 2008. No 34 (74). С. 493–497.

12. Якушкина К.В. Политкорректность в рекламном дискурсе (на материале испанского языка) // Тезисы XLVIII Международной филологической научной конференции. Санкт-Петербург, 18–27 марта, 2019.

13. Ferro Bajuelo A. M. Análisis de la influencia del inglés en el habla cubano-americana en el condado de miami-dade a través de la prensa escrita. Alcalá de Henares, 2011.

14. Hurtado González S. Dos tendencias antagónicas en el lenguaje periodístico actual // Español Actual. 2005. № 83.

15. Perez Ch., Garcia, N. Los estereotipos en la publicidad. Barcelona: Upress, 2001. 121 p.

16. Romero V. Lenguaje publicitario. Barcelona: Editorial Aries, S.A. Avda Diagonal, 2005.

17. Valíková H. Unos apuntes sobre el fenómeno llamado el «spanglish», Sborník Prací Filozofické Fakulty Brněnské Univerzity, 2002. № 23, P. 56-60.

18. Реклама товара. URL: https://shopee.com.br/PERFUME-DAIDY-LOVE-MARC-JACOBS-100ML-i.490222629.8678599805 (дата обращения: 12.03.2022)

19. Реклама товара. URL: https://www.opaque.com.br/olympea-legend-edp-030ml-paco-05-000188/p (дата обращения: 12.03.2022)

20. Реклама товара. URL: https://www.magazineluiza.com.br/kit-de-perfume/beleza-e-perfumaria/s/pf/pfkp/?page=15 (дата обращения: 12.03.2022)

21. Реклама товара. URL: https://www.epocacosmeticos.com.br/212-heroes-carolina-herrera-perfume-masculino-edt/p (дата обращения: 12.03.2022).

Reference list

1. Arhipova S. A. Osobennosti psihologicheskogo vozdejstvija na zritelja v reklame na televidenii = Psychological impact on the viewer in television advertising // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. Mart, 2012. URL: http://web.snauka.ru/issues/2012/03/10837 (data obrashhenija: 12.03.2022).

2. Barjabin A. V. Social'nye funkcii reklamy kak fenomena povsednevnoj kul'turnoj kommunikacii = Social functions of advertising as a phenomenon of everyday cultural communication // Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. 2008. No2(15). S. 106–111.

3. Bojchuk E. I. Avtomatizirovannyj analiz ritma reklamnogo teksta = Automated analysis of advertising text rhythm // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 1 (24). S. 137–144.

4. Bubenko Ju. V., Terskih M. V. Konceptosfera turisticheskogo diskursa (na materiale rossijskih i ispanskih reklamnyh tekstov) // Jazyk i kul'tura. 2015. S. 60–72.

5. Gazizova L. G., Dunjasheva L. G. Verbalizacija strategii privlechenija vnimanija v reklamnom diskurse Ispanii i Rossii Verbalizing attention-grabbing strategies in Spanish and Russian advertising discourse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2019. Tom 12. Vypusk 3. C. 111–115. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/3/23.html (data obrashhenija: 12.03.2022).

6. Gazizova L. G., Noskova A. I. Sintaksicheskie osobennosti reklamnogo i gazetnogo diskursov (na primere venesujel'skogo i pirenejskogo variantov ispanskogo jazyka) = Syntactic features of advertising and newspaper discourse (examples from Venezuelan and Iberian Spanish) // Filologija i kul'tura. №1 (55), 2019. S. 31–36.

7. Gorinova O. V. Projavlenie tendernyh stereotipov v jazyke reklamy (na materiale russkogo, ispanskogo i anglijskogo jazykov) = Tender stereotypes in the language of advertising in Russian, Spanish and English // Jazyk i kul'tura. Materialy dokladov mezhd. konf. VI Ste-

panovskie chtenija. Moskva : Izd-vo RUDN, 2007. S. 85–87.

8. Gricenko E. S. Tender v anglijskoj lingvokul'ture = Tender in English linguistic culture / E. S. Gricenko, A. O. Laletina, M. V. Sergeeva. Nizhnij Novgorod : Nizhegorod. gos. lingvist, un-t im. N. A. Dobroljubova, 2008. 218 s.

9. Kosickaja F. L. Katalog mody kak sredstvo massovogo vozdejstvija = Fashion catalog as a means of mass influence // Lingvisticheskie i kul'turologicheskie tradicii obrazovanija. Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. Tomsk, 2001. S. 12–15.

10. Moskalenko K. O. Kommunikativnye taktiki v tekstah ispanskih ob#javlenij o znakomstve, realizujushhie strategiju samoprezentacii = Communicative tactics in Spanish dating ads implementing the self-presentation strategy // Omskij nauchnyj vestnik. Omsk : Izd-vo Om GU, 2014. No 1 (125). S . 137–139.

11. Tjutina S. V. Osobennosti funkcionirovanija kompressii v zagolovkah ispanskih gazet = Peculiarities of compression functioning in Spanish newspaper headlines // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena : nauchnyj zhurnal. 4.1. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. Sankt-Peterburg, 2008. No 34 (74). S. 493–497.

12. Jakushkina K. V. Politkorrektnost' v reklamnom diskurse (na materiale ispanskogo jazyka) = Political correctness in Spanish advertising discourse // Tezisy XLVIII Mezhdunarodnoj filologicheskoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 18–27 marta, 2019.

13. Ferro Bajuelo A. M. Análisis de la influencia del inglés en el habla cubano-americana en el condado de miami-dade a través de la prensa escrita. Alcalá de Henares, 2011.

14. Hurtado González S. Dos tendencias antagónicas en el lenguaje periodístico actual // Español Actual. 2005. № 83.

15. Perez Ch., Garcia, N. Los estereotipos en la publicidad. Barcelona: Upress, 2001. 121 p.

16. Romero V. Lenguaje publicitario. Barcelona: Editorial Aries, S.A. Avda Diagonal, 2005.

17. Valíková H. Unos apuntes sobre el fenómeno llamado el “spanglish”, Sborník Prací Filozofické Fakulty Brněnské Univerzity, 2002. № 23, P. 56-60.

18. Reklama tovara.= Product advertisement. URL: https://shopee.com.br/PERFUME-DAIDY-LOVE-MARC-JACOBS-100ML-i.490222629.8678599805 (data obrashhenija: 12.03.2022)

19. Reklama tovara. = Product advertisement. URL: https://www.opaque.com.br/olympea-legend-edp-030ml-paco-05-000188/p (data obrashhenija: 12.03.2022)

20. Reklama tovara. = Product advertisement. URL: https://www.magazineluiza.com.br/kit-de-perfume/beleza-e-perfumaria/s/pf/pfkp/?page=15 (data obrashhenija: 12.03.2022)

21. Reklama tovara. = Product advertisement. URL: https://www.epocacosmeticos.com.br/212-heroes-carolina-herrera-perfume-masculino-edt/p (data obrashhenija: 12.03.2022)

Статья поступила в редакцию 12.03.2022; одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 12.03.2022; approved after reviewing 17.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-209-219
EDN: GWKCSY

Диалог «войны» и «мира» в русской культуре

Игорь Вадимович Кондаков
Доктор философских и кандидат филологических наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6
ikond@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-8903-8368

Аннотация. Статья посвящена культурфилософскому осмыслению с позиций теории диалога как универсального культурного механизма (М. М. Бахтин) культурной семантики и исторической динамики важнейших концептов русской культуры, связанных с войной и миром (мир, міръ и война – в прямом и переносном смысле). На обширном эмпирическом материале русского искусства и интеллектуальной рефлексии (П. А, Сорокин, Д. С. Лихачев, А. М, Панченко, Ю. С. Степанов) XIX–XXI вв. произведен культурфилософский дискурс концептов «война» и «мир». Выявлен особый алгоритм их взаимодействия: вступая в диалог друг с другом, концепты сближаются и размываются, объединяются и разъединяются. Выявлены ключевые факторы, обусловливающие данный алгоритм: изначальная включенность в амбивалентные хронотопы; формирование в результате диалога медиативной зоны (вне обоих хронотопов и между ними); риски непонимания, в силу которых диалог переходит в конфронтацию. Определена концептосфера дискурса «войны и мира», включающая как непосредственно концепты «войны» и «мира», так и возникающие промежуточные концепты: «мировойна», пост-война, пост-мир, характеризующиеся многозначностью, синкретичностью и смысловой неопределенностью. Все эти нетрадиционные концепты являются своего рода симулякрами исторических трансформаций в понимании современных войны и мира. Они находят свое воплощение в текстах художественной культуры (литературы: от Л. Толстого до А. Королева, музыки: Д. Шостакович, С. Прокофьев, кино: от С. Герасимова до А. Балабанова) и их критических интерпретациях.

Ключевые слова: диалог; русская культура; концепты; мир; міръ; война; «мировойна»; пост-война; пост-мир

Для цитирования: Кондаков И. В. Диалог «войны» и «мира» в русской культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 209–219. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-209-219. https://elibrary.ru/GWKCSY

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

Theory and history of culture and the arts

Original article

Dialogue of «war» and «peace» in russian culture

Igor V. Kondakov
Doctor of philosophical sciences and candidate of philological sciences, professor, the department of history and theory of culture, faculty of cultural studies, Russian state university for the Humanities. 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6
ikond@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-8903-8368

© Кондаков И. В., 2022

Abstract. The article is about philosophical comprehension of cultural semantics and historical dynamics of the most important concepts in Russian culture related to war and peace, which is based on the theory of dialogue as a universal cultural mechanism (M. M. Bakhtin). The extensive empirical material of russian art and intellectual reflection (P. A. Sorokin, D. S. Likhachev, A. M. Panchenko, Y. S. Stepanov) of the 19th – 21st centuries serves as the basis for the cultural-philosophical discourse of the concepts «war» and «peace». The author describes a special algorithm of their interaction: entering into a dialogue with each other, the concepts converge and blur, unite and disintegrate. The key factors that condition this algorithm are the following: the initial involvement in ambivalent chronotopes; the formation of a mediative zone as a result of the dialogue (outside both chronotopes and between them); the risks of misunderstanding due to which the dialogue turns into confrontation. The article defines the conceptual sphere of «war and peace» discourse, including both the concepts of «war» and «peace» and the emerging intermediate concepts: «peace-war», post-war, post-peace, characterized by polysemy, syncretism and semantic ambiguity. All these unconventional concepts are a kind of simulacra of historical transformations in contemporary understandings of war and peace. They are reflected in artistic texts (literature: from Leo Tolstoy to A. Korolev, music: D. Shostakovich, S. Prokofiev, cinema: from S. Gerasimov to A. Balabanov) and their critical interpretations.

Key words: dialogue; russian culture; concepts; peace; міръ; war; « peace-war»; post-war; post-peace

For citation: Kondakov I. V. Dialogue of «war» and «peace» in russian culture. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):209–219. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-209-219. https://elibrary.ru/GWKCSY

Введение

«Всё мое, – сказало злато;
«Всё мое, – сказал булат.
«Всё куплю», – сказало злато;
«Всё возьму», – сказал булат.

А. С. Пушкин. Золото и булат (1826)
[Пушкин, 1977. Т.3, с.351]

Бахтинское понимание диалога как универсального культурного механизма предполагает, что в диалоге (то есть взаимной коммуникации двух субъектов) могут участвовать не только, например, две личности или две культуры, но и две мыслительные или деятельностные системы, – такие как «война» и «мир». На первый взгляд, у «войны» и «мира» нет общего культурного языка и общего хронотопа: они взаимоисключают друг друга. Даже ситуация «перемирия» или концепция «ни мира, ни войны» (вспомним «похабный» Брестский мир и странную инициативу Л. Троцкого на дипломатических переговорах с представителями германского штаба) не проясняет возможности какого-либо содержательного диалога между «войной» (как комплексом боевых действий и мыслей) и «миром» (как воплощенным отказом от каких-либо военных действий и планов). В реальности отношения войны и мира скорее напоминают маятник: либо война – либо мир. Зато в культуре, особенно культуре художественной, концепты *война* и *мир* постоянно находятся в состоянии перманентного диалога «который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов» [Бахтин, 1986, с. 354].

Особенно «богата» чередованиями войны и мира Россия, и неслучайно русская культура XIX и тем более XX веков так насыщена нескончаемыми диалогами войны и мира, отнюдь не ведущими к их согласию.

1

Со времени толстовского романа «Война и мир» (60-е гг. XIX в.) словам «война» и «мир» придается смысл емких и многозначных концептов, несущих символическое содержание и эквивалентное ментальным и мировоззренческим константам русской культуры. Утвердившаяся еще при жизни Л. Толстого школьническая практика – «проходить» его знаменитый роман по двум «образам» (или фазам) жизни: мальчишки читают «про войну», девчонки – «про мир» или, все вместе, поочередно: то о «войне», то о «мире» – еще и до сих пор имеет место в школе (в той мере, в какой этот роман вообще читается школьниками). Соответственно, еще сохранилось в массовом обыденном сознании деление отечественной истории на «мирную» и «военную» жизнь, на «довоенную» и «послевоенную» историю, в том числе не только по отношению к Великой Отечественной войне (о Первой мировой и Гражданской сегодня уже практически никто не вспоминает; участвовавшие в них поколения безвозвратно ушли), но и об Афганской, и двух Чеченских войнах, не говоря о «гибридной войне» с Украиной. Таким образом, культурфилософский дискурс восприятия войны и мира «в связке» был задан русской культуре во многом еще в XIX веке заглавием романа Л. Толстого.

В самом деле, в повседневной школьной практике выборочное чтение фрагментов худо-

жественного текста, условно разделенных на две колонки: «о войне» и «о мире», – конечно, выход из положения и для преподавателя, ограниченного в учебном времени и в возможности каким-либо образом повлиять на процесс чтения своими подопечными художественной литературы) и для учеников, стремящихся, с одной стороны, не читать роман-эпопею целиком, а, с другой – составить о его содержании хоть какое-то представление. Однако, в этом методическом приеме все же заключена ошибка в понимании толстовского замысла и концепции толстовского романа. Концепты «война» и «мир» выполняют в тексте толстовского романа гораздо более многочисленные и многозначные функции, нежели школьническая практика, на деле сложно взаимодействуя и переплетаясь между собой.

Так, «мир» в заглавии толстовского романа одновременно обозначает: 1) *не-войну, мирную жизнь* (по правописанию XIX в. – «миръ») и 2) *весь свет, мирское сообщество* (в правописании толстовского времени – «міръ»). Здесь же (2) присутствует смысл *патриархальной общины* (крестьянской или церковной), также обозначаемой как «міръ» (широко известны такие важные для семантики романа Толстого фразы, как: «міром Господу помолимся» и «всем міром навалиться хотят») [Бочаров, 1985; Бочаров, 1987]. Кроме того, «миръ» появляется в романе на разных смысловых уровнях: это и перемирие в военных действиях, и «классовый мир» во взаимоотношениях между помещиками и крестьянами, и «миролюбивые» отношения между персонажами романа, и «гармония» в душе главных героев – князя Андрея, Пьера, Наташи и Николеньки Ростовых, и концептуальная смерть-растворение в мире / міре Платона Каратаева и, по-своему, князя Андрея и т. д.

Что же касается «войны», то этот концепт почти столь же многозначен в контексте толстовского романа, как и «мир»: здесь и политика Наполеона и Александра, и парад на плацу, и «дубина народной войны», и самое ужасное в истории человечества; но одновременно своего рода «микровойной» является дуэль Пьера и Долохова, и ссора Пьера с Элен, и попытка бегства Наташи Ростовой с Анатолем Курагиным, и душевный кризис Андрея Болконского… Как в прямом, так и в переносном смысле «война» как концепт в романе Л. Толстого противостоит «миру» на всех смысловых уровнях текста, знаменуя собой распад гармонии и единства, нарастание конфликтов, борьбы различных сил и интересов. В одних случаях «война» несет в себе негативный смысл деструкции и распада мира, но в других (как в случае с «дубиной народной войны») именно война служит стимулом и причиной будущего мира, победы над агрессорами-французами, источником «классового мира» русских помещиков и крестьян, сплоченных «скрытой теплотой патриотизма».

В конечном счете «мир и война» в философской концепции Толстого соотносятся между собой как «гармония и дисгармония», «лад и разлад», «единство и борьба противоположностей», «преодоление кризиса и кризис», «добро и зло», то есть как предельно широкие категории бытия, поляризующие пространство и время человека и человечества. В своей предельной обобщенности эти культурфилософские категории выступают как взаимодополнительные и циклически чередующиеся – как в истории страны и мира, так во взаимоотношениях близких людей и в жизни отдельного человека. В каждой событийной или сюжетной линии выстраивается бесконечная цепочка чередований:

…Мир – Война – М – В – М – В – М – …

Эта цепочка может быть в любой момент начата и в любой момент оборвана. Главное в ней – зафиксированный контраст сменяющих друг друга состояний – *мира* и *войны*. И в то же время – поток незаметно перетекающих друг в друга событий – то мирного, то военного характера.

Рассмотрение переходных состояний в этом процессе предполагает два в принципе различных переходных состояния – от «мира» к «войне (**М – В**) и противоположное – от «войны» к «миру» (**В – М**). Оба перехода – как в жизни народа, так и в жизни отдельного человека – носят драматический характер, сопровождаясь «сломом» – социальным, психологическим, мировоззренческим, культурным, бытовым. Перестраиваться на «военный лад» – с началом войны – и на «мирный лад» – с наступлением мира – оказывается крайне трудно, и каждый из этих переходов оказывается интересным для художественного отображения и анализа (не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, в музыке, в театре и ки-

но). В любом из подобных дискурсов мы фактически имеем дело не только и не столько с концептами «войны» и «мира», взятыми отдельно друг от друга, а с контрастной «парой» концептов «война / мир» («мир / война»), передающих трагизм самого «слома» привычных образов жизни.

И эта культурная семантика «*мировойны*», во-первых, бинарная, а, во-вторых, внутренне изменчивая, так или иначе, задает координаты всем представлениям о войне и мире в русской культуре конца XIX и всего XX века (за малым исключением) – прежде всего в литературе и искусстве, но не только. Однако понимание диалектики войны и мира в русской культуре не является ни исторически постоянным, ни стабильным и определенным. На протяжении XX века оно постоянно меняется, наполняясь новыми смыслами и коннотациями, и в конце концов уходит до неузнаваемости далеко от исходной толстовской формулы – «Война и мир».

Впрочем, в русской литературой классике толстовская модель «Войны и мира» – как сменяющих друг друга состояний в процессе мировой истории – не является единственной. Еще задолго до Л. Толстого в творчестве Н. Гоголя рождается модель «Миргорода», воссоздающая образ фантастического города (производного от небольшого городка на Полтавщине, существующего и поныне), который становится символом не то Города Міра (города мірского или мірового), не то – Города Мира (города мирного, миролюбивого, умиротворяющего и т. п.). В оригинале сборник повестей назван Гоголем «Миргородъ» (1835), то есть город производен от «Мира» («Город Мира»), то есть Покоя, Гармонии в міре. Однако название города-призрака на поверку оказывается обманчивым, двусмысленным, амбивалентным… Исследования филологов [Вайскопф, 2003, с. 154–155] и [Манн, 2007, с. 494–495] показали, что гоголевский Миргород ведет свое происхождение от Миргорода Г. Сковороды, который ассоциируется с Иерусалимом (Городом Мира – по популярной, но ложной древнееврейской этимологии: Yerushalayim – Ir shalom). Отталкиваясь от образа «Града небесного», Гоголь низводит свой Миргород к образу «града земного», грешного и порочного, и придает ему гротескно-сниженные и мелочные черты травестийного «Анти-Иерусалима».

Как мы помним, книга «Миргород» состоит из четырех повестей, соединенных попарно. Первую пару составляют «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба». Они воплощают патриархальные малороссийские представления о мире и, соответственно, о войне. Первая повесть сентиментальна; вторая – романтична и героична. На их противопоставлении и напряжении держится конструкция всего цикла. Вторая пара повестей более многозначна. Первая из них (то есть третья в цикле) – «Вий», вторая (то есть четвертая в цикле) – «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Действие обеих заключительных повестей разворачивается в мирное время, но содержание их выходит далеко за рамки «мира».

Идейно-образная семантика и той, и другой исподволь пронизана пафосом войны. «Вий» посвящен войне с нечистой силой, и ужас от соприкосновения с миром нечисти, совершенно парализует волю Хомы Брута и делает его совершенно беззащитным перед лицом врагов рода человеческого, а вера бурсака оказывается бессильной противостоять сплочению темных сил. Хома (Фома неверный) гибнет в результате своего неверия. Четвертая повесть излагает трагикомическую историю нарастающей бытовой войны, которую ведут друг с другом два соседа, недавние друзья, по пустяковому поводу. Иными словами, последние две повести по своей семантике двухслойны: на поверхности они причастны «миру», а в глубинном отношении представляют «войну» – мистико-религиозную или социально-бытовую. Во всех четырех повестях цикла война и мир оказываются неразрывно связанными и влияющими друг на друга. Более того, включенными друг в друга. Это – мир, чреватый войной, и война под маской мира. Неразделимые и неслиянные, мир и война сосуществуют в одном городе.

Тем не менее, по замыслу Гоголя, и этот «град земной», кощунственно называющий себя «Миргородом», а на поверку выступающей очагом различных войн, имеет шанс на спасение. Недаром ведь в промежутке между четырьмя повестями цикла – сентиментально – героико-романтической и мистико-религиозной – гротескно-комической – просматривается невидимый миру крест:

Старосветские помещики	Тарас Бульба
Вий	Повесть о том, как поссорились…

2

Осмысляя концептосферу русской культуры, академик Ю. С. Степанов в своем «Словаре русской культуры» выделял лишь один ключевой концепт – «мир», придавая ему значение *константы* (то есть устойчивой постоянной в мире русской культуры. Если обратиться к индоевропейской компаративистике, выясняется исключительное своеобразие русской культуры, обусловленное значением и строением концепта «мир» в ней. Особенно уникальным оказывается «совмещение двух значений в одном слове» – «мир»: только русская культура «в определенной мере сохраняет это совмещение, сменившееся в других европейских культурах более резким разделением». (Причем «в написании на протяжении всего древнерусского периода оба значения постоянно смешиваются и изображаются и так, и эдак [то есть через “*и*” и через “*і*”. – *И. К.*.], чаще через “и”».) «Вообще же, – заключает Ю. Степанов, – соединение двух рядов представлений – “Вселенная, высший мир” и “согласие между людьми, мирная жизнь” – в одном исходном концепте постоянно встречается в культуре, это одна из констант культуры. <…> Ядром этого соединения является концепт «свои» в противопоставлении их «чужим, чужому» [Степанов, 2004, с. 86].

Это означает, что патриархальное общинное сознание древних восточных славян на протяжении многих веков держалось за стратегические принципы самоизоляции («свои», «свое»), избегая не только конфликтов с миром «чужих» (в том числе войн с «чужаками»), но и вообще каких-либо контактов за пределами своего «*міра*» (племени, общины, рода). И напротив, выход за пределы замкнутого мира общины («*міра*») чреват разрушением первобытной гармонии («*мира*»), возникающими конфликтами, этническим противоборством и в конечном счете *войной*. Явно предпочитая *мир – войне*, восточные славяне тем не менее много воевали с южными и восточными кочевниками, а затем и западными захватчиками, каждый раз представляя *войну* как оборону родного дома (*міра*), как вынужденное отступление от привычного, неизменно-гармоничного, органично-этнического образа жизни (*мира*).

Во время мирной жизни русичи морально и материально готовились дать отпор врагам военными средствами и поддерживали в своем *міре* боевой дух (строительство крепостей и оборонительных сооружений, создание и сохранение текстов былин и воинских повестей, летописные сведения о войнах и сражениях, и т. п.) как средство поддержания *мира*. Но в то же время, обращаясь к жанру воинской повести или к архитектуре кремля, древнерусский человек постоянно помнил о *мире* как об идеальном состоянии своего *міра*, связывая мирную и гармоничную жизнь с Русской землей, с родным социокультурным пространством и охраной его границ.

Академик Д. С. Лихачев в связи с двумя юбилеями – 150-летия Л. Толстого и 600-летия Куликовской битвы обратил внимание на устойчивость национальной *топики* (термин этот был введен в научный оборот позднее акад. А. М. Панченко), преемственной от XIII–XVII до XIX вв. «Все значительнейшие воинские повести посвящены оборонительным сражениям в пределах Русской земли. <…> Историческая сторона романа [Л. Толстого «Война и мир». – *И. К.*] в ее нравственно-победной части вся оканчивается в России, и ни одно событие в конце романа не переходит за пределы Русской земли. <…> Толстой в фактической стороне событий усматривает ту же народную концепцию оборонительной войны» [Лихачев, 1981, с. 134–135].

Продолжая эти наблюдения, академик А. М. Панченко сформулировал концептуальные положения, характеризующие национальную топику русской культуры: «Россия, если можно реставрировать ее символическое мышление по литературе, ставит героизм выше одоления, а самопожертвование и самоотречение выше силы» [Панченко, 2000, с. 261]. Если это суждение «перевести» на язык концептов «война» и «мир», мы убедимся, что в этом семантическом комплексе сложным образом соотнесены и переплетены между собой «миръ», «міръ», «война», приобретающих в совокупности парадоксальный смысл: «война как миръ міра» или «война ради мира в нашем міре».

Заметим, что сталинский лозунг послевоенного времени: «Миру мир!» – относится к мо-

дификациям того же национально-русского смыслового комплекса («*міру – миръ*»), в подтексте которого лежит еще более парадоксальное утверждение («*миру – міръ*»), навязывающее мировому сообществу определенную модель *міра* (коммунистическую, сталинистскую) под флагом борьбы с «*поджигателями войны*». (При этом «*война*» остается неупоминаемой; о ней говорится исключительно двусмысленным языком «*мира*».) Фактически лозунг «борьбы за *миръ*» означал «борьбу за *міръ*», а потому включал подготовку к новой мировой войне с помощью ядерного оружия в качестве средства достижения *мира*, а вместе с тем – мірового господства. Чисто русская игра слов («*миръ*» – «*міръ*») обретает в послевоенном историческом контексте совершенно особый многозначный идеологический смысл.

Как видим, пространственные и временные отношения, определяемые в русской культуре концептами «война» и «мир», настолько тесно переходят друг в друга, что образуют особый культурный хронотоп. Среди «своих», на Русской земле, царит «мир», а среди «чужих» неизбежна «война». «Мир» стабилен и отличается повторяемостью одних и тех же форм и выражений; он привычен, константен, а потому идеален для русского этноса. «Война» динамична, непредсказуема и уже этим, помимо приносимых ею массовых смертей и разрушений, страшна и ужасна.

Впрочем, для кочевых народов, живших набегами на чужие территории и завоеваниями «чужого», «война» представляется органичным и желанным состоянием жизни; «мир» же рассматривается как передышка между войнами. Очевидно, по мере проникновения тюркского этноса в полиэтническое пространство Древней Руси (особенно значительное после завоевания Руси монголами, в период так называемого «монголо-татарского ига») этнокультурные константы русской ментальности стали размывать исходный концепт «міръ / миръ» за счет компонентов концепта «войны». В XVII в., после драматических событий Смутного времени, полосы крестьянских бунтов (по существу, первой в русской истории гражданской войны) и русского религиозного Раскола, представление о «войне» и «мире» в русской культуре существенно изменилось, сдвинувшись в сторону синкретической формулы «*мировойны*».

С этого времени и начинается некий цивилизационный «слом» в национально-русском менталитете, приведший к интерпретации войны как «борьбы за мир», предвосхищающей оруэлловское «Война – это мир».

3

Великий русский и американский социолог XX в. Питирим Сорокин в своей во многом пророческой книге «Главные тенденции нашего времени» (1964), где П. А. Сорокин предсказал неизбежность конвергенции, развивающейся в отношениях между двумя системами и обеими сверхдержавами – США и СССР, и следующей из нее глобализации, уделил внимание и проблематике войны и мира в период после окончания Второй мировой войны. В соответствии с принципами, разработанными Сорокиным в его знаменитой «Социальной и культурной динамике», он просматривает зависимость социальных процессов, происходящих в мире, от культурных, а культурных – от социальных. «В двадцатом веке великолепный чувственный мир западного человека начал быстро разрушаться и затем гибнуть. <…> Заметная дезинтеграция чувственного порядка возбудила вспышки первой и второй мировых войн, множество войн меньшего масштаба, кровопролитнейших революций, мятежей, преступлений и насилия в их наихудших формах. <…> Войны, революции, мятежи и преступления, в свою очередь, ускорили дезинтеграцию чувственного строя» [Сорокин, 1997, с. 28–29].

В XX в. Россия пережила прошедшую три этапа Русскую революцию, Гражданскую войну, Первую и Вторую мировые войны, не считая более локальных войн и конфликтов (включая Русско-японскую войну, Халхин-Гол, 1-ю, 2-ю и 3-ю Советско-финские войны, Корейскую, Вьетнамскую, Афганскую, 1-ю и 2-ю Чеченские войны). Сегодня к ним невольно добавились крымские события и боевые действия в Новороссии (Донбассе) и Сирии. Нет сомнений в том, что все эти военные кампании оказали и оказывают свое влияние и на культуру России (включая ее важнейшую составляющую – русскую культуру), и на менталитет россиян, и на тексты художественной культуры этого времени. В послевоенное время (эпоха «оттепели» 1950–60-х гг.) в русской литературе XX в. родилась так называемая «военная проза», посвя-

щенная рефлексии военного опыта Советской Армии в Великой Отечественной войне. Тема войны активно занимала русскую прозу и поэзию и в последующее время – в 1970–80-е гг., вплоть до постсоветской современности. Однако следует заметить, что за прошедшие после окончания Второй мировой войны семь десятилетий литературное отображение и культурное осмысление военного опыта сильно изменилось.

Изменились и ключевые концепты «мировойны» по мере удаления от военного времени. Строго говоря, «война» в понимании писателей эпохи «оттепели» не вполне война, а скорее использование военного дискурса восприятия и оценки «мира». Ситуации и персонажи К. Симонова и В. Гроссмана, Г. Бакланова и Ю. Бондарева, К. Воробьева и Б. Окуджавы, В. Астафьева и В. Распутина, Б. Васильева и В. Кондратьева, Д. Гранина и А. Адамовича, вбирая в себя опыт действий и переживаний эпохи Великой Отечественной войны, в то же время были и крупнее и значительнее чисто военных эпизодов российско-советской жизни. Почти каждая ситуация выбора, почти каждая трагическая коллизия могли быть интерпретированы и как *житейские испытания* в условиях мирного времени, и как *философские*, обладающие внеисторическим, общечеловеческим смыслом. Многие сюжеты и фабульные эпизоды произведений «военной прозы» воспринимались и писателями, и читателями как *притча, философское*, а подчас и *религиозно-философское иносказание*, выходящее за пределы конкретно-исторического и культурного контекста.

Особенно показательны в этом отношении военные повести В. Быкова («Альпийская баллада», «Западня», «Мертвым не больно», «Круглянский мост», «Атака с ходу», «Сотников», «Дожить до рассвета», «Обелиск», «Волчья стая», «Его батальон», «Знак беды», «Карьер», «В тумане», «Облава» и др.), представляющие собой не столько чисто литературные произведения, сколько философские тексты отечественного экзистенциализма (коррелирующие с литературными произведениями Сартра и Камю, Кафки и Беккета). Нравственный максимализм, неразрешимость роковых ситуаций выбора, характерные для всех без исключения произведений В. Быкова, лишь опираются на военно-партизанский «антураж» действия; на самом же деле все бытовые и исторические детали повествования условны и лишь дополнительно осложнены обстоятельствами оккупированной фашистами Белоруссии, этого партизанского края. Все трагические коллизии нравственного выбора и человеческого выживания в невыносимых физически и нравственно условиях для Быкова важны сами по себе – нравственно-этически, психологически, философски; к тому же разворачиваются они по преимуществу не между «своими» и «чужими», а «среди своих». Сама линия фронта пролегает у Быкова между «своими» и другими «своими» (то есть «чужими», но другими «чужими»), что особенно непонятно и страшно. Ведь это означает, что параллельно с отечественной войной идет подспудная гражданская война, не затихшая с начала 1920-х годов.

Быковские персонажи не имеют «мира» в душе; нет «мира» и между живущими бок-о-бок персонажами; «міръ», в котором они существуют и в котором разворачивается сюжетное действие, сам внутренне расколот и размыт не только войной, но и советским довоенным опытом, и лишь глубинное погружение в ситуацию позволяет героям Быкова постепенно осознать, кто «свой», а кто «чужой», и в каком смысле следует понимать их «свойскость» и «чуждость» друг другу и человеческому вообще. Людей из быковских повестей в буквальном смысле окружает «туман», и понимание того, что же происходит вокруг на самом деле, подчас героям удается лишь ценой собственной жизни или совести, средствами войны, да и то, чаще всего, к концу сюжета.

Много близкого такому условному восприятию жестокой правды о войне характерны и для творчества В. Астафьева («Пастух и пастушка», «Прокляты и убиты», «Так хочется жить», «Веселый солдат», последние рассказы – «Трофейная пушка», «Жестокие романсы», «Пролетный гусь»… Не случайно здесь и столь характерное для В. Астафьева сочетание предельного натурализма и жестокости, граничащих с абсурдом, и высокого идеализма, сентиментальности, тонкого психологического анализа, казалось бы, совершенно несовместимых между собой. Однако в жанре философской притчи о вечных проблемах человека и его души все средства литературы оказываются хороши. Нередко здесь идет противопоставление «мира» – «міру», их конфликтное наложение друг на дру-

га, непримиримый спор между различными «срезами» культуры, искаженными, исковерканными нескончаемой войной. Войной против войны и против мира.

По существу, вместо концепта «война» в русской «военной прозе» 50–90-х гг. (и в послевоенной поэзии – например, Б. Слуцкого, А. Межирова, Д. Самойлова, Ю. Левитанского и особенно ярко Б. Окуджавы) мы сталкиваемся с чем-то принципиально иным, что можно было бы условно назвать «*пост-войной*». Имеется в виду жизненный и нравственный опыт, который мог появиться и быть отрефлексирован лишь *после* окончания войны, именно в послевоенной, *мирной* ситуации, но без кардинального переосмысления военного опыта этот «мирный» взгляд в принципе не мог появиться. «Война» и «мир», многократно опосредуя друг друга в сознании, вырабатывают конструкты именно *пост*-военной культуры, конфигурации *пост*-военного сознания. Но это сознание слишком проникнуто войной, чтобы быть мирным. Это подспудное продолжение *войны после войны*.

Главное, что отличает «военное» от «поствоенного» в культуре – это многослойность концепта «пост-война», где над условно «военным содержанием» надстраиваются различные ее – рефлексивные и надрефлексивные – интерпретации. При этом нарратив (или метанарратив) военных событий и переживаний вытесняется поствоенным дискурсом, совершенно изменяющим «оптику» восприятия и войны, опосредованной миром, и мира, омраченного войной. Война как бы утрачивает свои объективные, онтологические черты и предстает как предмет восприятия, воспоминания, переосмысления, то есть как феномен эпистемологии, аксиологии, интенциональности – едва ли не как виртуальный объект.

Чтобы понять разницу между военным и поствоенным дискурсом, сошлюсь на несколько примеров. У А. Твардовского «Василий Теркин» – это военный дискурс, а «Теркин на том свете» – поствоенный. У К. Симонова его трилогия «Живые и мертвые» написана в русле военного дискурса, а «Так называемая личная жизнь (Из записок Лопатина)» – поствоенного. У В. Гроссмана роман «Сталинград» – военный, а его продолжение «Жизнь и судьба» – поствоенный. Романы В. Астафьева «Прокляты и убиты» и Г. Владимова «Генерал и его армия», «Московская сага» В. Аксенова пронизаны поствоенным дискурсом.

В творчестве Д. Шостаковича Седьмая и Восьмая симфонии – военные, а Девятая – поствоенная; из них первые две героико-трагические, третья – гротескная, трагикомическая. В творчестве С. Прокофьева Пятая симфония – военная, а Шестая симфония и «Ода на окончание войны» – поствоенные. Если Пятая симфония Прокофьева несет в себе героико-драматическое начало, то Шестая и «Ода» представляют собой трагическое и лирико-драматическое переосмысление итогов войны как внутренне-противоречивых. Оперы Прокофьева «Война и мир» и «Повесть о настоящем человеке» – именно поствоенные, причем первая из них проникнута рефлексией событий Великой Отечественной войны больше, чем Отечественной войны 1812 г., а вторая обращена к теме выживания каждого «настоящего человека» в нечеловеческих условиях (с оттенком автобиографизма). Подобные наглядные примеры военного и поствоенного дискурса можно привести и из области изобразительного искусства, театра, кино.

Так, в сфере отечественного кино: «Молодая гвардия» С. Герасимова, «Живые и мертвые», «Возмездие» А. Столпера, «Освобождение» Ю. Озерова, «Судьба человека» и «Они сражались за Родину» С. Бондарчука – это военные фильмы, описывающие войну изнутри войны, глазами войны. А «Летят журавли» М. Колотозова, «Иваново детство» А. Тарковского, «Восхождение» Л. Шепитько, «Иди и смотри» Э. Климова, «Проверки на дорогах» и Двадцать дней без войны» А. Германа, «Военно-полевой роман» и «Анкор, еще анкор» П. Тодоровского – все это поствоенные фильмы (кино о войне, отрефлексированной в мирное время или через призму мирного времени). Отличие поствоенного искусства от военного – многомерность восприятия и осмысления войны через совмещение разных дискурсов, нередко не только дополняющих, но и противоречащих друг другу. Особенно показательны примеры художественных возможностей поствоенного дискурса фильмы А. Балабанова – «Брат», «Брат-2», «Война», в недрах которых открывались возможности нового – *пост-поствоенного дискурса*.

4

В последнее время в русской культуре постсоветского времени начал складываться еще один неожиданный дискурс, еще один современный концепт восприятия «войны и мира». Отталкиваясь от концепта, условно названного нами «*пост-война*», эту конструкцию можно было бы наименовать «*пост-пост-война*», или «*пост-мир*». Конечно, подобные представления были во многом навеяны военными ситуациями посреди мирного времени (вроде Афганской или Чеченской войн). «Миръ» (и «міръ»), увиденные через призму «войны», опосредованные «войной», хотя бы и «гибридной», пронизанные дважды поствоенным дискурсом. Это отнюдь не «мирная жизнь», наступающая «после войны», и не «военная жизнь», наступающая после «мирной», – это совершенно другое качество жизни, иное ее понимание – многомерное, многослойное, многозначное. Это, скорее, очертания «войны», проступающие сквозь описание или переживание «мира»; «пост-война» как своего рода *подтекст* иллюзорного «мира». Эти и подобные дискурсы «пост-мира» демонстрируют прямое идейно-эстетическое родство с постсоветским постмодернизмом.

По-своему «*пост-мир*» представлен в романе-анекдоте В. Войновича про Ивана Чонкина (гротескно-пародийная интерпретация Василия Теркина и гротескный образ Великой Отечественной войны). Но к «пост-мирному» дискурсу относятся и последние романы А. Проханова, идеологически противоположные произведениям В. Войновича, эстетизирующие и героизирующие военный натурализм и апеллирующие к гипертрофированным деталям Афганской и Чеченской войн («Дворец», «Чеченский блюз»), постсоветской истории («Господин Гексоген»), событий в Донбассе («Новороссия, кровью умытая») и др. Многие особенности «пост-мира» мы угадываем в последних романах В. Сорокина («День опричника» и др.), В. Пелевина.

Из этой же обоймы «пост-мирных» произведений, представляющих «мир с точки зрения войны», «мир как разновидность войны»; в другом мировоззренческом ключе – как «мир после войны в состоянии перманентной войны», выделяются кинофильмы А. Балабанова – «Жмурки» и «Груз-200», во многом продолжающие и усиливающие тенденции, заложенные в его предшествующих «поствоенных» фильмах. Сходные тенденции «пост-мирного» дискурса нашли выражение в фильмах «Сестры» С. Бодрова, «Водитель для Веры» П. Чухрая, «Мой сводный брат Франкенштейн» В. Тодоровского.

Интересно концепт «*пост-мира*» явлен в романе А. Королева «Быть Босхом» [Королев, 2004], представляющем интеллектуальную, постмодернистскую традицию современной литературы (номинант Букера-2005). В основе автобиографического сюжета лежит исходная коллизия: начинающий писатель после окончания филфака университета сослан за инакомыслие в Советскую Армию, где он обречен служить «офицером в дисбате, в лагере для заключенных солдат на Южном Урале». Собственно, это и есть рисуемый писателем «пост-мир» советской действительности, являющийся оборотной стороной «пост-войны». Невольно сопоставляя свой опыт и впечатления с «Записками из Мертвого дома» Ф. Достоевского и «Архипелагом ГУЛАГ» А. Солженицына, лейтенант Королев, выполняющий обязанности следователя на солдатской зоне, задумывает роман о гениальном Иерониме Босхе, предвосхитившем феномен «пост-мира» в эпоху Северного Возрождения.

Фантасмагорический ад, в котором лейтенанту Королеву приходится жить, словно погружает молодого художника в мир босхианских картин и страшных, апокалиптических видений художника, и он начинает жить двойной жизнью: днем он работает в армейском Гулаге, а ночью становится подмастерьем Босха в брабантском Хертогенбосе. Незаметно грань между двумя мирами – советским и средневековым – в сознании писателя и его читателя размывается, и кошмарная явь проникает во все клеточки сознания и бытия будущего постмодерниста, навсегда отравляя его жизнь и творчество эстетикой ужаса и распада, где «война» проникает во все клеточки «мира» на микромолекулярном уровне.

Всесильное Зло предстает в романе А. Королева прекрасной 17-летней девушкой, заражающей едва ли не всю солдатскую зону, жаждущую женской любви, сифилисом. Всемогущий Дьявол оказался эстетически очаровательным, юным, ликующим в своем гедонизме существом. Такое вот явление Мессии советскому

народу!

Королёвскому Босху из незаконченного лейтенантского романа в его финале является Князь тьмы и отвечает на главный вопрос, задаваемый себе – рано или поздно – каждым человеком: «в чем смысл человека? Зачем он был создан Всемогущим Творцом?»

«Так вот, человек создан с единственной целью – сотворить Зло, которое не с руки сотворить Богу, потому что зло – единственное, что ему не под силу в силу Божьей природы. Быть источником злотворения в мире, вот и все. Элементарно. И ты один из сильных мира сего, который освистал Творца».

«Тсс… больше ни слова.

Тьма приложила палец к губам» [Королев, 2004, с. 291].

Королёвско-босхианский «пост-мир» разрастается в глазах свободного художника, загнанного в мундир подневольного младшего офицера, в ужасающий своей безысходностью «пост-мір», то есть во вселенную после конца света.

Художник приходит к трагическому финалу жизни и творчества. Эротика в его изложении поднимается (или опускается) к религиозно-философским и экзистенциальным безднам смысла, превращаясь в апокалипсис любви. Отчаяние, ужас, бессилие разверзаются перед читателем… Русская литература XXI века, теряя слова и их значения, вновь останавливается в недоумении перед тайной человека на перекрестке добра и зла, войны и мира, гуманизма и бесчеловечности, света и тьмы...

Заключение

Мы видим, как на протяжении XIX–XXI вв. содержание концептов «войны» и «мира» непрерывно меняется, в основном за счет того, что смысловые границы между противоположностями размываются и опосредуются различными многозначными контекстами. Это связано, во-первых, с тем, что концепты «война» и «мир» в русской культуре изначально были включены в амбивалентные хронотопы. Хронотоп «мира» (как «не-войны») и хронотоп «міра» (как сообщества людей) имеют различные культурфилософские основания и разные пространственно-временные измерения. Хронотоп «войны», на первый взгляд, более однозначен, но и он имеет буквальный смысл («не-мир») и переносный, метафорический смысл («хаос», «дисгармония», «разлад»), далеко не всегда совпадающие между собой. Во-вторых, вступая в диалог друг с другом эти концепты формируют медиативную зону (вне обоих хронотопов и между ними), в которой возникают новые, более сложные концепты, соответствующие реалиям XX и XXI вв., – симулякры «пост-война» и «пост-мир», в составе которых изначальные концепты «война» и «мир» образуют сложные, многоэтажные конфигурации мирных, военных и переходных аллюзий. В-третьих, когда нет возможности концептам «война» и «мир» вступить в диалог друг с другом, между ними разверзается пропасть непонимания, диалог переходит в конфронтацию, и побеждает война.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2 изд. Москва : Искусство, 1986. 445 с.

2. Бочаров С. Г. «Мир» в «Войне и мире» // Он же. О художественных мирах. Москва : Сов. Россия, 1985. С. 229–248.

3. Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». Москва : Худ. лит., 1987. 155 с.

4. Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души. Работы 1978–2003 годов. Москва : Новое литературное обозрение, 2003. 576 с.

5. Королев А. Быть Босхом. Москва : Гелеос, 2004. 310 с.

6. Лихачев Д. С. Литература – Реальность – Литература. Ленинград : Сов. пис, 1981. 215 с.

7. Манн Ю. В. Творчества Гоголя: смысл и форма. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2007. 744 с.

8. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ // Он же. О русской истории и культуре. Санкт-Петербург, 2000. С. 13–278.

9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Ленинград : Наука, 1977. Т. 3. 497 с.

10. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. Москва : Наука, 1997. 351 с.

11. Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры. 3 изд. Москва, 2004. 992 с.

Reference list

1. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva = The Aesthetics of verbal art. 2 izd. Moskva : Iskusstvo, 1986. 445 s.

2. Bocharov S. G. «Mir» v «Vojne i mire» = «Peace» in «Shhar and Peace» // On zhe. O hudozhestvennyh mirah. Moskva : Sov. Rossija, 1985. S. 229–248.

3. Bocharov S. G. Roman L. Tolstogo «Vojna i mir» = Leo Tolstoy's novel «Shhar and Peace». Moskva : Hud. lit., 1987. 155 s.

4. Vajskopf M. Ptica-trojka i kolesnica dushi. Raboty 1978–2003 godov = The bird-troika and the chariot of the soul. Shhorks of 1978-2003. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 576 s.

5. Korolev A. Byt' Boshom = To be Bosch. Moskva : Geleos, 2004. 310 s.

6. Lihachev D. S. Literatura – Real'nost' – Literatura = Literature — Reality — Literature. Leningrad : Sov. pis, 1981. 215 s.

7. Mann Ju. V. Tvorchestva Gogolja: smysl i forma = Gogol's shhork: meaning and form. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 744 s.

8. Panchenko A. M. Russkaja kul'tura v kanun Petrovskih reform = Russian culture on the brink of Peter's reforms // On zhe. O russkoj istorii i kul'ture. Sankt-Peterburg, 2000. S. 13–278.

9. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10 t. 4-e izd. = Complete shhorks: In 10 vols. 4th edition. Leningrad : Nauka, 1977. T. 3. 497 s.

10. Sorokin P. A. Glavnye tendencii nashego vremeni = The main trends of the present time. Moskva : Nauka, 1997. 351 s.

11. Stepanov Ju. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury = Constants. Dictionary of Russian culture. 3 izd. Moskva, 2004. 992 s.

Статья поступила в редакцию 12.03.2022; одобрена после рецензирования 19.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 12.03.2022; approved after reviewing 19.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-220-227
EDN: HBQGKL

Классические и неклассические структуры драмы

Полина Борисовна Богданова
Доктор культурологии, доцент кафедры театрального искусства АНО ВО «Институт современного искусства». 121309, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27а
polina11@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6405-2374

Аннотация. В статье предпринимается попытка применения структурного подхода к бытованию и развитию драматического жанра. Автор исходит из положения о двух типах структур – классической (структуры порядка) и неклассической (структуры хаоса). Постоянная трансформация одной структуры в другую на протяжении истории демонстрирует некий устойчивый механизм смены, когда центростремительные движения классической структуры уступают место центробежным, отчего классическая структура разрушается. В дальнейшем происходит ее размыкание, расширение и трансформация. Потом этот механизм идет в обратном порядке. Таким образом, художественная культура, в частности, драматическая (равно как и социальная, историческая) проходят на протяжении двух больших циклов процессы сжатия и расширения, закрытости и открытости. Это постоянный «рисунок» движения циклов от классической структуры (порядка) до неклассической (хаоса) и становится ключом к разгадке бытования драматического жанра на больших периодах, возможно, на периоде всей цивилизации, показывая «кривую» хода и трансформаций драматического жанра, которая не укладывается в линейную парадигму. Вместе с тем эта «кривая» свидетельствует и о трансформациях социальных и исторических структур. В связи со всем этим можно выдвинуть некоторые гипотезы, которые смогут найти подтверждение в смежных науках – квантовой физике, философии и пр. В целом это говорит о существовании некоего надисторического закона или метазакона, который действует во Вселенной. Для того, чтобы понять движение жанров, в данном случае, драматического, недостаточно пользоваться только историческим описательным подходом. Некий постоянный, универсальный закон трансформаций бытования и движения жанра дает структурный подход.

Ключевые слова: структура; порядок; хаос; трансформация; драма; центростремительные линии; центробежные линии; ризома; постмодерн

Для цитирования: Богданова П. Б. Классические и неклассические структуры драмы // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 220–227. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-220-227. https://elibrary.ru/HBQGKL

Original article

Classical and non-classical drama structures

Polina B. Bogdanova
Doctor of cultural sciences, associate professor, the department of theatrical art, Institute of Modern Art. 121309, Moscow, Novozavodskaya st., 27a
polina11@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6405-2374

Abstract. The article attempts to apply a structural approach to the existence and development of the dramatic genre. The author proceeds from the position of two types of structures – classical (order structure) and non-classical (chaos structure). The constant transformation of one structure into another throughout history demonstrates a certain stable mechanism of change, when the centripetal movements of the classical structure give way to centrifugal ones, which causes the classical structure to collapse. In the future, it opens, expands and transforms. Then this mechanism goes in reverse order. Thus, artistic culture, in particular, dramatic (as well as social, historical) processes of compression and expansion, closeness and openness take place over two large cycles. This is a constant «drawing» of the movement of cycles from the classical structure (order) to the non-classical (chaos) and becomes the key to unraveling the existence of the dramatic genre for large periods, perhaps for the period of the entire civilization, showing the «curve» of the course and transformations of the dramatic genre, which does not fit into the linear paradigm. At the same time, this

© Богданова П. Б., 2022

«curve» also testifies to the transformations of social and historical structures. In connection with all this, it is possible to put forward some hypotheses that can be confirmed in related sciences – quantum physics, philosophy, etc. In general, this indicates the existence of some kind of supra-historical law or meta-law that operates in the universe. In order to understand the movement of genres, in this case, the dramatic, it is not enough to use only a historical descriptive approach. A kind of permanent, universal law of transformations of the existence and movement of the genre gives a structural approach.

Key words: structure; order; chaos; transformation; drama; centripetal lines; centrifugal lines; rhizome; postmodern

For citation: Bogdanova P. B. Classical and non-classical drama structures. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):220–227. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-220-227. https://elibrary.ru/HBQGKL

ВВЕДЕНИЕ

Современный взгляд на движение процессов в различных гуманитарных областях в последнее время уходит от однозначности линейного (исключительно исторического) подхода. Философские достижения постструктурализма, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяра и др., которые отразили собой период постмодерна второй половины XX – начала XXI века, показав, что основную ось христианской цивилизации – логоцентризм, можно считать разрушенной, углубили теоретические разработки структурного анализа и показали, что современный мир можно понять и объять с помощью понятия ***структура*** [Барт, 2000; Делез, Гваттари, 1996; Деррида, 2007; Косиков, 2000; Лотман, 1998], через ее трансформации. Думается, что такой подход приносит свои неожиданные результаты и вскрывает движение не только одного жанра, но и целостных цивилизаций, античной и европейской.

Если применить понятие структуры к бытованию драматического жанра на протяжении истории, то придется говорить о том, как мы понимаем структуру и какие типы структур будем рассматривать. Это принципиально другой подход к драме, чем был принят традиционно. Истории драмы практически не написано, хотя предпринимались различные попытки этого. Они, как правило, ограничивались конкретно-историческими описаниями жанра и всех его составляющих: конфликта, действия, философии.

В данной статье предпринимается попытка подойти к описанию драмы в ее развитии от античности до XXI века с помощью более общих и универсальных оснований. А именно оснований – структуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При взгляде на драму на больших исторических периодах обращает на себя внимание такой механизм как **структурный переход**. Для того, чтобы к нему подойти, необходимо дать понятие структуры и ее типов.

Имеются в виду две основные, универсальные структуры – **замкнутая** и **открытая** [Вельфлин, 2009], или **структура порядка** и **структура хаоса** [Василькова, 1999; Гедденс, 2005; Делез, Гварттари, 1996; Можейко, 2001]. На определенном этапе, а именно на этапе социального, экономического, культурного подъема возникает структура замкнутая, структура порядка. Она претворяется не только в искусстве, но и в социуме, в мышлении и пр. На этапе разложения целостности возникает структура открытая, структура хаоса. Трансформация из одной структуры в другую происходит не одномоментно, а постепенно. Появляются и увеличиваются центробежные тенденции, и структура открывается или размягчается, разламывается. Структуру порядка назовем **классической**. Структуру хаоса **неклассической**. Трансформации структуры можно обнаружить уже в античной драме, затем в европейской.

При анализе бытования драматического жанра можно прибегнуть и к достижением формального метода в его классическом варианте. Немецкий искусствовед рубежа XIX–XX века Г. Вельфлин говорил о «замкнутости» и «открытости» на примере композиции в живописи. «„Замкнутым” мы называем изображение, которое с помощью большего или меньшего количества тектонических средств прекращает картину в явление, ограниченное в себе самом во всех своих частях, объясняющееся собою самим, тогда как стиль открытой формы, наоборот, всюду выводит глаз за пределы картины, желает показаться безграничным, хотя в нем всегда содержится скрытое ограничение, которое одно и обуславливает возможность замкнутости (законченности) в эстетическом смысле» [Вельфлин, 2009, с. 145–146]. В живописи это различие стилей очевидно на уровне композиции. Открытая форма выходит за границы холста и таким образом как будто продолжается. Примером могут послужить морские пейзажи Айвазовского, на них моря всегда «больше», чем вмещается в раму

картины. Соответственно, «замкнутая» композиция – это, к примеру, картины Федотова, все, что там изображено, происходит в комнате, в закрытом помещении, между людьми, так, что мы погружены в их мир, понимаем соотношения между ними. Открытую и замкнутую структуру можно обнаружить и в кинематографе. В фильмах неореализма структура открытая, действие, изображение уходит за кадр фильма. И есть, так называемое «комнатное кино», где действие, изображение замкнуто внутри кадра.

Рассуждая о драматической форме, нужно говорить не просто о композиции, как в живописи, но именно о структуре, ибо драма – это объемное изображение, а не плоскостное. Придется также учитывать видовые особенности драмы – тип действия, героев, воспользоваться еще одним разделением Г. Вельфлина на «линейность» и «живописность».[Вельфлин, 2009, с. 21–86] А также определить, какое движение главенствует – **центростремительное** или **центробежное**. Однако, и это еще не все. Придется углубиться в философию или содержание драмы и понять тип структуры по философским основаниям.

Таким образом, мы можем определить целостный, объемный тип структуры драмы. Классической и неклассической, закрытой и открытой, централизованной и децентрализованной, линейной и нелинейной, структуры, в которой господствует порядок закон, и структуры, в которой наблюдается хаос и власть случайностей.

Итак, в определенные моменты истории в художественной практике возникает структура **классического** типа (замкнутая). Это периоды, как правило, связаны с социальным и общественным подъемом, целостностью государства, наличием и авторитетом центральной власти, центростремительными тенденциями в социальной и общественной жизни. Если говорить применительно к искусству, в частности, драмы, то это структура Возрождения, классицизма, реализма, соцреализма, экзистенциализма.

Неклассические структуры (открытые), как правило, совпадают с историческими периодами раздробленности, размывания государственной целостности, преобладанием центробежных тенденций, распадом художественных направлений, общим философским и социальным кризисом. Появлением иррационального начала, субъективизмом. **Неклассические** структуры – это барокко, сентиментализм, романтизм, модернизм (символизм, сюрреализм, экспрессионизм, абсурд), постмодернизм .

Неклассическая структура всегда возникает как разложение предыдущей целостной структуры порядка, линейности, центрированности, и можно добавить еще – сознания, рацио и того, что К. Г. Юнг называл «психологизмом» [Юнг, 1998].

Юнг применял бинарную модель к типам художественного творчества. Он разделял его на «психологическое» и «провидческое». Юнг писал: «Психологический вид творчества имеет дело с материалом, почерпнутым из сознательной жизни человека – с его драматическим опытом, сильными эмоциями, страданием, страстями и человеческой судьбой в целом» [Юнг, 1998, с. 87]. В провидческом творчестве, по мнению К. Юнга, «речь скорее идет о снах, ночных страхах и темных, жутковатых закоулках человеческого мышления» [Юнг, 1998, с. 87], этот вид творчества связан с метафизикой, религией, мистикой, иррациональным началом. Провидческое творчество питается бессознательным.

Как правило, провидческое творчество связано с религиозностью во всех ее проявлениях, включая всякие мистические практики, оккультизм. Если прибегать к образным примерам, то провидческое творчество можно уподобить разливу реки, вышедшей из берегов. По аналогии с провидческим творчеством можно определить и провидческие эпохи (циклы), которые связаны со стихией в обществе (и природе), а такой стихией становится революция, всякого рода бунты. Провидческие эпохи также связаны с ситуациями разлома в культуре, разрушением прежней гомогенной парадигмы.

В обществе и культуре периодически обнаруживают себя те древние пласты человеческой природы и цивилизации, которые остались как будто принадлежностью дальних эпох. Можно высказать гипотезу, что так устроен человек, так он задуман природой, что в своем движении, развитии, постижении мира он должен возвращаться к архаическим началам своего существа, к некоей родовой памяти или, по выражению Юнга, к древним архетипам.

Переходы от сознания к подсознанию, опора на интуицию в противовес рациональному началу является одним из постоянных механизмов смены. Для того, чтобы общество и культура расстались со своими прежними идеями и убеждениями, отринули их во имя дальнейшего движения, и вместе с тем усвоили какой-то новый опыт, шагнув на другую ступень, они должны постоянно подпитываться своим подсознанием.

В подсознании человек и культура черпают дополнительную силу и энергию, что дает им возможность сохранять себя в бурях истории. Однако, бессознательное, если ему не ставится преград с помощью разума, способно на большие разрушения.

Открытую структуру можно определить еще и как структуру **потока**, то есть броуновского хаотического движения. События открытой драмы – это всегда только часть, вырезанная из **потока** (истории, жизни), который начался задолго до завязки драмы, и будет продолжаться после ее окончания. Так происходит в пушкинском «Борисе Годунове», так происходит в чеховских пьесах. В драматической структуре **потока** конфликт не разрешается, аналогичные события могут возникать и после финала. Тогда как в **закрытой** драме он разрешается и исчерпывается, в финале ставится точка. Классический пример – «Гроза» А. Островского, где героиня бросается в Волгу, так выходя из конфликта. Или «Собака на сене» Лопе де Вега, где герои, преодолев препятствия, женятся. В **неклассической** абсурдистской драме «В ожидании Годо» герои будут вечно ждать появления этого загадочного Годо, и их конфликт в реальности никогда не разрешится.

Самое сложное и интересное определить структуру с точки зрения философии, то есть уяснить, что стоит за структурой порядка или за структурой хаоса.

Структура порядка – это, как правило, умопостигаемый мир, в котором действуют причинно-следственные связи, логика, это мир, как правило, материалистический, он виден и осязаем в своем облике и существе. Структура хаоса – это, как правило, мир не во всем постигаемый логически, в нем нарушены связи и пропорции, искажен порядок, в иных случаях – до абсурда, это мир неуловимый, обманчивый, иррациональный.

Механизм трансформации одной структуры в другую происходит и в античной культуре, и в европейской.

В классической структуре, где существует определенный порядок, существует и **закон.** В неклассической, разомкнутой структуре нет центра и нет закона. Здесь действует не закономерность, а принцип **случайности** [Можейко, 2001]. Случайностей может быть много, в их наличии и чередовании нет никаких правил и причин, кроме одной, того, что в этой структура не имеет жесткой формы, логики, она предельно свободна. Поэтому все художественные тексты, будь то литература, драма, музыка, живопись имеют свободную композицию, в них отсутствует нормативный канон. В то время как в классической структуре нормативный канон, как правило, присутствует. Примером может служить каноны классицизма и соцреализма. Все классицистские произведения строятся на основе повторяющегося, строго соблюдаемого конфликта между долгом и чувством, в нем побеждает долг. Этот канон соответствует структуре общества абсолютной монархии, в которой подданные, слуги трона рассматриваются с точки зрения своего долга перед государем. Так реализуются их гражданственность. Вообще гражданственность возникает как раз в эпохи целостных социумов, каким в древней Греции был афинский полис.

Другой нормативный канон – соцреализм возник в жестко сформированном тоталитарном государстве с национальным лидером, каким у нас был Сталин, во главе и соответствовал задачам построения этого социума, подчинения всех граждан его созиданию и его конечной цели, которая провозглашалась как построение коммунизма.

Что отличает жесткие каноны еще? Отсутствием идеалистических построений, изгоняется интуиция, чувство, все основано на рацио, в Советском союзе писатель не случайно был назван «инженером человеческих душ». Чувства из арсенала идеалистических учений проявляют себя в разомкнутой, неклассической структуре. Так, в романтизм опирается целиком и полностью на интуицию гения, на откровение. Тут же возникает и мистика. Культ иррациональности.

Красноречивым примером двух структур являются структуры эпохи возрождения – классические, и структуры эпохи барокко. Есть мнение, что у каждой эпохи свое барокко [Вельфлин, 1913]. То есть своя разомкнутая структура или своя деструкция. Поскольку разомкнутая структура – это, прежде всего деструкция, разрушение целостности, разрушение замкнутой структуры.

Ренессанс, в художественных жанрах которого обнаруживает себя классическая структура, создал **объективистское** [Жирмунский, 1977, с. 134] искусство, которое было ориентировано на подражание природе («держать зеркало перед природой», как у Шекспира), являющейся некоей объективной субстанцией. Барокко, в своих художественных жанрах обнаруживающее неклассические структуры, – это **субъективистское** [Жирмунский, 1977, с. 134] искусство, характеризующееся не только деструктивной природой, «провидческим» началом, но и ориентацией на

бессознательное, на видимость, на некий сдвинутый с естественной оси взгляд творца. Не случайно в барокко одной из главных метафор стала метафора «жизнь есть сон». В барокко сдвинута грань между явью и сном, между ярким днем и темной ночью, между тем, что есть на самом деле и что кажется уединенному сознанию. Барокко – это релятивизм. Смещение с естественной оси. Барокко – это оборотная сторона любой дневной объективистской эпохи, ее изнанка.

Можно на мир смотреть с поверхности вещей, с того, что очевидно, имеет зримую форму и природу события. А можно смотреть с точки зрения того, что определяет суть явления, но не обладают зримой, очевидной формой. Во втором случае суть явления словно бы скрыта под водой. Это субъективный взгляд – он определяет видение автора, его представления, ощущения, интуитивные догадки. Автор не отражает, не копирует, не зарисовывает натуру. Его зрение сдвинуто с поверхности вещей и устремлено в глубину, оно прихотливо и своеобразно, в нем меняются естественные пропорции и растворяются зримые формы, оно может достичь в значительной степени преувеличенной до гротеска образности как в романтизме или сюрреализме, оно питается не наблюдением над жизнью, а собственными бессознательными токами и интенциями. Оно и проистекает именно из глубин бессознательного. Не все определяется видимой стороной, не все проявляется при ярком свете дня, есть и ночное видение, когда человека одолевают фантомы и появляются неожиданные демоны, когда играют тени и возникают пугающие провалы в темноту.

Теперь необходимо перейти к **структурным трансформациям**. То есть о переходах от классической, целостной структуры к неклассической, барочной, разомкнутой. Когда произойдет перемена, то есть центробежные тенденции окажутся сильнее центростремительных, то на этапе, когда будет длиться борьба между ними, структура приобретет переходный характер. В дальнейшем она окончательно трансформируется в разомкнутую структуру, в которой центр или будет смещен или вовсе исчезнет. Эта структура в философии постструктурализма получила название ризомы [Делез, 1996; Zayani, 2000].

Закон **структурной трансформации** – это закон цивилизационного движения (сейчас говорим только о Европе, хотя еще в античности он действует, не затрагиваем восточный мир, это требует специального анализа). При инверсионном переходе от одного цикла к другому меняются на противоположные все основы цикла. Меняются как при переходе от замкнутой структуры к разомкнутой, так и наоборот. Так, с цикла Серебряного века в России, разомкнутого, идеалистического, распространившего различные религиозные и квазирелигиозные течения, опиравшегося на интуицию и подсознание, произошел переход к советскому материализму, рациональности, строгому нормативному канону в творчестве. Были изъяты все идеалистические науки, начиная с психоанализа Фрейда и Юнга, и включая субъективизм в творчестве, интуицию и пр.

Структурная трансформация от порядка к хаосу, от замкнутости к разомкнутости подтверждает, что процесс в художественной и внехудожественной сфере идет не линейно, что каждый раз целостность размагничивается, разрушается. Это можно назвать кризисом, но не все так однозначно. Разрушение целостности – это возможность ее изжить, от нее отказаться, это механизм смены. Наступающий кризис, скажем так условно, это переход к противоположной парадигме. К противоположному процессу, в котором происходит не круговое движение, а движение «вдоль», без начала и конца. Это движение, в котором происходит формирование, созревание новой целостности. Ее надо нащупать, ее надо «нажить». Поэтому в этом движении участвуют центростремительные силы и одновременно подспудно проявляются центробежные – к новому центру. Движение «вдоль» в отличие от движения по замкнутому кругу поднимает со дна подсознательные токи, оно не отформатировано, оно идет наощупь, в нем просматривается шаг за шагом формирующаяся реальность. Оно **процессуально**, вот, пожалуй, главное определение – длящийся процесс, длящееся время.

В чем причина перехода от одной структуры к другой? На этот счет возможны разные гипотезы. Одна из них заключается в том, что структуры человеческого мозга повторяют структуры вселенной [Вселенная работает как.., 2022]. Поэтому вся жизнь на земле протекает под действием изначальных структур, которые оказывают непосредственное воздействие на все земные процессы. В основу механизма этих структур и положена трансформация, которая обеспечивает движение всех процессов на Земле, их зарождение, а, в конечном счете, смерть, исчерпанность. Иначе, возможно, жизнь бы не менялась и консервировалась на отдельных стадиях. А при

смене происходит переход от свободы к несвободе, или от несвободы к свободе, все явления и процессы претерпевают изменения, в конечном счете, умирают, чтобы в силу вступили процессы противоположного свойства. Поэтому периоды жестких диктатур не становятся вечными, равно как и периоды мира и благоденствия.

Разложение стиля или разложение структуры или, как не назови, происходит не в один день. Это закон общемировой, в нем скрыты те же механизмы, о которых мы уже говорили. Механизм рождения и смерти. Ничто не утверждается раз и навсегда, Возрождение не было вечным, оно пришло к закономерному упадку и разложению. В связи с чем мы и говорим о рождении барокко. Этот закон жизни, приходящей к своему концу и перерождению, проявлял себя и в античности, когда век Перикла сменился эпохой эллинизма, когда Греция оказалась раздробленной, и пали все ценности прежнего демократического полиса. У Г. Вельфлина есть краткое упоминание об античном барокко [Вельфлин, 1913]. Барокко – это тот стиль, который наступает после каждой высокой гомогенной культурной эпохи, после гармонии. Поэтому романтизм по отношению к классицизму – это тоже барокко, равно как и модернизм по отношению к реализму или постмодернизм по отношению к модернизму.

В чем еще причины? В увядании стиля, в консервации, стремлении к разнообразию и обновлению? Отчасти да. Но есть и некие внутренние причины, которые проявляются в каждой трансформации от эпохи к эпохе, от цикла к циклу. Они состоят в самом механизме смены, инверсионном механизме. Для того, чтобы родилось что-то новое, старое должно умереть. Этот механизм положен в основу жизни. А закон всего живого – это рождение, становление, достижение некоей высшей точки, затем увядание и смерть. С этим законом ничто не может поспорить, так устроена жизнь. Не может быть вечного Возрождения как не может быть вечного реализма.

Развитие драмы в эпоху античности и в XVI–XVII веке в период Возрождения и барокко и дальше, вплоть до XXI века, демонстрирует устойчивую трансформацию структуры, от замкнутой к разомкнутой, от классической к барочной. Это говорит о том, что в культуре, художественной сфере, мышлении и всех других сферах жизни происходит циклическое движение [Сорокин, 2020; Тойнби, 2021]. Почему оно происходит? С чем это связано? Думается, что тут действуют не только исторический, но и некий надисторический закон, – метазакон. «Ученые предполагают, что существует некий «метазакон», существовавший задолго до законов физики. Общая теория относительности и Стандартная модель появились позднее, когда Вселенная обрела стабильность. То есть законы физики, известные нам в нынешнем виде, могут подчиняться законам Вселенной более высокого порядка, которые их контролируют и которые мы даже не можем понять» [Вселенная сама может нарушать…, 2022].

На данном этапе развития науки мы можем только выдвигать гипотезу о некоем надисторическом законе. Объяснения могут появиться позже в результате открытий в области квантовой физики и в других науках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Драма – та частная художественная структура, которая глубоко и наглядно отражает общую художественную и вне художественную структуру мышления конкретной эпохи. Через движение и трансформацию драматических структур на протяжении большого периода времени, точнее говоря, на протяжении развития всей цивилизации, можно объять целостную картину жизни этой самой цивилизации, увидеть ее рождение и смерть, которые составляют жизнедеятельность цикла. А цикл имеет свое начало и свой конец, он развивается в определенных параметрах и границах. Поэтому тут напрашивается апеляция к концепции О. Шпенглера о закате Европы [Шпенглер, 2017]. Развитие драмы от античности до XXI века этот вывод как раз и подтверждает.

В общем, для того, чтобы понять движение жанров, в данном случае драматического, на протяжении истории не достаточно апеллировать только к вопросам содержания, идей, стиля, то есть пользоваться только историческим описательным подходом, необходимо найти некие общие основания бытования жанра в различные эпохи (циклы). Вполне возможным в связи с этим является структурный подход. Он дает целостный взгляд не только на движение драмы во времени, но и на закономерности этого движения, что очень важно, поскольку эти закономерности открывают не картину хаотических, случайных изменений драмы от эпохи к эпохе, а наличие некоего постоянного механизма этих изменений, некоего универсального закона трансформаций жанра в истории и культуре.

Библиографический список

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов.// Французская семиотика. От структурализма к поструктурализму. Москва : Прогресс, 2000. С. 50–97.

2. Василькова В. Л. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной организации. Санкт-Петербург : Лань, 1999. 480 с.

3. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств. Москва : Издательство В. Шевчук, 2009. 344 с.

4. Вельфлин Г. Ренессанс и барокко. Исследование сущности и становления искусства барокко в Италии / пер. с нем. Е. Лундберга; ред. А. Л. Волынский. Санкт-Петербург : Грядущий день, 1913. XII. 164 с.

5. Вселенная работает как огромный человеческий мозг. URL: https://hr-portal.ru/article/vselennaya-rabotaet-kak-ogromnyy-chelovecheskiy-mozg (дата обращения 15.02.2022)

6. Вселенная сама может нарушать законы физики. URL: https://zoom.cnews.ru/rnd/article/item/vselennaya_sama_mozhet_narushat_zakony_fiziki (дата обращения 16.02.2022)

7. Гегель Ф. Лекции по эстетике. Книга третья / Гегель Ф. Собр. Соч. в 14 т. / перевод П. С. Попова. Москва, 1958. 440 с.

8. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Москва : Весь мир, 2004. 276 с.

9. Гедденс Э. Устроение общества. Очерк теории структурации. Москва : Академический проект, 2005. 528 с.

10. Делез Ж. Гваттари Ф. Ризома. Минск, БГУКИ, 1996. 397 с.

11. Деррида Ж. Письмо и различие. Москва : Академический проект, 2007. 479 с.

12. Жирмунский В. М. О поэзии классической и романтической / Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Ленинград, 1977. С. 134–142.

13. Иванов А. А. Пространственные структуры, их теории и применение Зап. научн. сем. ПОМИ. Москва, 2002, т. 287. С. 5–226.

14. Косиков Г. К. «Структура» и/ или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика. От структурализма к поструктурализму. Москва : Прогресс, 2000. С. 3–49.

15. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / перевод с французского: Н. А. Шматко. Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. 159 с.

16. Лотман Ю. Структура художественного текста // Об искусстве. Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 1998. С. 14–285.

17. Можейко М. А. Бинаризм // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск : Интерпре сервис, 2001. С. 78–81.

18. Можейко М. А. Ризома // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпре сервис, 2001. С. 650–660.

19. Можейко М. А. Хаос // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск : Интерпре сервис, 2001. С. 936–937.

20. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск : Интерпре сервис, 2001. 1038 с.

21. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. Москва : Прогресс, 1994. 436 с.

22. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. Москва : Академический проект, 2020. 486 с.

23. Тойнби А. Постижение истории. Москва : Академический проект, 2021. 640 с.

24. Шпенглер О. Закат Европы. Полное собрание в одном томе. Москва : Альфа-книга, 2017. 704 с.

25. Юнг К. Г., Нойман Э. Психоанализ и искусство. Антология. Рефл-бук, Ваклер, 1998. 304 с.

26. Posner R. Post-modernism, post-structuralism, post-semiotics? Sign theory at the fin de siecle / Semiotica. 2011. Vol. 183, Issue 1-4. P. 9–30..

27. Reilly A. The textual dimensions of post-structuralist thought. Pittsburgh (PA) : Dorrance, 2001. IX, 106 p.

28. Ubersfeld A. Lire le theatre : en 3 t. [T.] 3 : Le dialogue de theatre. Paris : Belin, 1996. 217 p. (Belin SUP Lettres).

29. Zayani M. Gilles Deleuze, Félix Guattari and the total system / Philosophy & Social Criticism. 2000. Vol. 26, Issue 1. P. 93–114.

Reference list

1. Bart R. Vvedenie v strukturnyj analiz povestvovatel'nyh tekstov = Introduction to structural analysis of narrative texts // Francuzskaja semiotika. Ot strukturalizma k postrukturalizmu. Moskva : Progress, 2000. S. 50–97.

2. Vasil'kova V. L. Porjadok i haos v razvitii social'nyh sistem: sinergetika i teorija social'noj organizacii = Order and chaos in the development of social systems: synergetics and social organization theory. Sankt-Peterburg : Lan', 1999. 480 s.

3. Vel'flin G. Osnovnye ponjatija istorii iskusstv = Basic concepts in the history of the arts. Moskva : Izdatel'stvo V. Shevchuk, 2009. 344 s.

4. Vel'flin G. Renessans i barokko. Issledovanie sushhnosti i stanovlenija iskusstva barokko v Italii = Renaissance and Baroque. A study of the essence and development of Baroque art in Italy / per. s nem. E. Lundberga; red. A. L. Volynskij. Sankt-Peterburg : Grjadushhij den', 1913. XII. 164 s.

5. Vselennaja rabotaet kak ogromnyj chelovecheskij mozg = The universe works as a huge human brain. URL: https://hr-portal.ru/article/vselennaya-rabotaet-kak-ogromnyy-chelovecheskiy-mozg (data obrashhenija 15.02.2022)

6. Vselennaja sama mozhet narushat' zakony fiziki = The universe itself can break the laws of physics. URL: https://zoom.cnews.ru/rnd/article/item/vselennaya_sama_

mozhet_narushat_zakony_fiziki (data obrashhenija 16.02.2022)

7. Gegel' F. Lekcii po jestetike. Kniga tret'ja = Lectures on aesthetics. Book three. / Gegel' F. Sobr. Soch. v 14 t. / perevod P. S. Popova. Moskva, 1958. 440 s.

8. Giddens Je. Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn' = The fading world: how globalization is changing our lives. Moskva : Ves' mir, 2004. 276 s.

9. Geddens Je. Ustroenie obshhestva. Ocherk teorii strukturacii = Structuring society. An outline of the theory of structuration. Moskva : Akademicheskij proekt, 2005. 528 s.

10. Delez Zh., Gvattari F. Rizoma = Rhizome. Minsk, BGUKI, 1996. 397 s.

11. Derrida Zh. Pis'mo i razlichie = Writing and distinction. Moskva : Akademicheskij proekt, 2007. 479 s.

12. Zhirmunskij V. M. O pojezii klassicheskoj i romanticheskoj = On classical and romantic poetry / Teorija literatury. Pojetika. Stilistika. Leningrad, 1977. S. 134–142.

13. Ivanov A. A. Prostranstvennye struktury, ih teorii i primenenie = Space structures, their theories and use. Zap. nauchn. sem. POMI. Moskva, 2002, t. 287. S. 5–226.

14. Kosikov G. K. «Struktura» i/ ili «tekst» (strategii sovremennoj semiotiki) = «Structure» and/or «text» (modern semiotics strategies// Francuzskaja semiotika. Ot strukturalizma k postrukturalizmu. Moskva : Progress, 2000. S. 3–49.

15. Liotar Zh. F. Sostojanie postmoderna = The postmodern state / perevod s francuzskogo: N. A. Shmatko. Sankt-Peterburg : Aletejja, 1998. 159 s.

16. Lotman Ju. Struktura hudozhestvennogo teksta = Literary text structure // Ob iskusstve. Sankt-Peterburg : Iskusstvo – SPb, 1998. S. 14–285.

17. Mozhejko M. A. Binarizm = Binarism // Postmodernizm. Jenciklopedija. Minsk : Interpre servis, 2001. S. 78–81.

18. Mozhejko M. A. Rizoma = Rhizome // Postmodernizm. Jenciklopedija. Minsk: Interpre servis, 2001. S. 650–660.

19. Mozhejko M. A. Haos = Chaos // Postmodernizm. Jenciklopedija. Minsk : Interpre servis, 2001. S. 936–937.

20. Postmodernizm. Jenciklopedija = Postmodernism. Encyclopedia. Minsk : Interpre servis, 2001. 1038 s.

21. Prigozhin I., Stengers I. Vremja, haos, kvant = Time, chaos, quantum. Moskva : Progress, 1994. 436 s.

22. Sorokin P. A. Social'naja i kul'turnaja dinamika: issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, jetiki, prava i obshhestvennyh otnoshenij = Social and cultural dynamics: examining changes in large systems of the arts, truth, ethics, law, and social relations. Moskva : Akademicheskij proekt, 2020. 486 s.

23. Tojnbi A. Postizhenie istorii = Understanding history. Moskva : Akademicheskij proekt, 2021. 640 s.

24. Shpengler O. Zakat Evropy. Polnoe sobranie v odnom tome = The decline of Europe. Complete works in one volume. Moskva : Al'fa-kniga, 2017. 704 s.

25. Jung K. G., Nojman Je. Psihoanaliz i iskusstvo. Antologija = Psychoanalysis and the arts. Anthology. Refl-buk, Vakler, 1998. 304 s.

26. Posner R. Post-modernism, post-structuralism, post-semiotics? Sign theory at the fin de siecle / Semiotica. 2011. Vol. 183, Issue 1-4. P. 9–30. URL: https://depositonce.tubrlin.de/bitstream/11303/7239/1/semi.2011.002.pdf.

27. Reilly A. The textual dimensions of post-structuralist thought. Pittsburgh (PA) : Dorrance, 2001. IX, 106 p.

28. Ubersfeld A. Lire le theatre : en 3 t. [T.] 3 : Le dialogue de theatre. Paris : Belin, 1996. 217 p. (Belin SUP Lettres).

29. Zayani M. Gilles Deleuze, Félix Guattari and the total system / Philosophy & Social Criticism. 2000. Vol. 26, Issue 1. P. 93–114.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 16.03.2022; approved after reviewing 21.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

Научная статья
УДК 392.8
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-228-237
EDN: HETDOG

Национальная кухня Китая как культурный код (Часть 2)

Ли Сяотао[1], Светлана Александровна Колода[2]✉
[1]Доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2
[2]Кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2
[1]Lxt928lxt@163.com, https://orcid.org/0000-0002-8533-3431
[2]sveta_koloda@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8482-1524

Аннотация. Во второй части статьи рассматриваются ведущие региональные направления культуры питания Китая с позиции особенностей приготовления и вкусовых качеств блюд. Подчеркивается деление продуктов, используемых в китайской кухне, на «основные» (рис, лапша, хлеб и другие продукты из зерновых) и «дополнительные» (мясо, рыба, овощи, фрукты и др.), а также различия региональной кухни в связи с оппозициями «соленое-сладкое», «кислое-острое». Выделяются 8 основных региональных направлений культуры питания: Шаньдунская кухня, Сычуанская кухня, Кантонская кухня, Фуцзяньская кухня, кухня провинции Цзянсу, Чжэнцзянская кухня, Хунаньская кухня, Аньхойская кухня. Отмечается, что каждая региональная кухня имеет свои особенности и традиции, отсутствует общекитайский канон и вряд ли можно говорить о единстве китайской кухни. Гастрономическая культура рассматривается авторами как культурный текст, дающий возможность интерпретировать посредством символов исторические и культурные смыслы. В статье представлены основные культурные символы китайской кухни. Среди них важное место занимает лингвистический компонент, а именно номинация блюд. Важным фактором формирования кода национальной культуры является праздничная культура с ее специфическими блюдами, отражающими историю и мифологию праздника. Элементы праздничной кухни, как символы мифов, традиций, верований в меньшей степени обусловлены кулинарными соображениями, но в большей культурным кодом страны. Пища становится знаком ситуаций и событий. Самыми значимыми и узнаваемыми символами праздничной культуры являются традиционные блюда. Есть набор обязательных блюд для определённых праздников – свадеб, дней рождения, праздничных банкетов, в зависимости от конкретного торжества. Авторы раскрывают отдельные национально-культурные, исторические и этнографические лакуны, заложенные в названиях блюд китайской кухни.

Ключевые слова: региональные кухни Китая; праздничная кухня; мифология праздника; традиционные блюда; культурные символы китайской кухни

Для цитирования: Ли Сяотао, Колода С. А. Национальная кухня Китая как культурный код (Часть 2) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 228–237. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-228-237. https://elibrary.ru/HETDOG

Original article

Chinese national cuisine as a cultural code (Part 2)

Li Xiaotao[1], Svetlana A. Koloda[2]✉
[1]Doctor of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Southwest university in Chongqing. China, 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng st., 2
[2]Candidate of philological sciences, associate professor, Institute of foreign languages, Southwest university in Chongqing. China, 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng st., 2
[1]Lxt928lxt@163.com, https://orcid.org/0000-0002-8533-3431
[2]sveta_koloda@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8482-1524

Abstract. The second part of the article examines the major regional food cultures of China in terms of cooking techniques and flavors. The products used in Chinese cuisine are divided into «basic» (rice, noodles, bread, and other cereal products) and «supplementary» (meat, fish, vegetables, fruit, etc.). The author also emphasizes the differences in

© Ли Сяотао, Колода С. А., 2022

regional cuisines in relation to «salty-sweet» and «sour-spicy» oppositions. There are eight main regional food cultures: Shandong cuisine, Sichuan cuisine, Cantonese cuisine, Fujian cuisine, Jiangsu cuisine, Zhengjiang cuisine, Hunan cuisine, Anhui cuisine. It is noted that each regional cuisine has its own characteristics and traditions, there is no pan-Chinese canon and one can hardly talk about the unity of Chinese cuisine. The authors consider gastronomic culture as a cultural text that helps to interpret historical and cultural meanings through symbols. The article presents the main cultural symbols of Chinese cuisine, with the linguistic component (nomination of dishes) being one of the most important. An important factor in forming the national culture code is the festive culture with its specific dishes reflecting the history and mythology of the holiday. Elements of holiday cuisine as symbols of myths, traditions, and beliefs are less based on culinary considerations, but more on the nation's cultural code. Food becomes a sign of situations and events. The most significant and recognizable symbols of festive culture are traditional dishes. There is a set of obligatory dishes for certain holidays – weddings, birthdays, holiday banquets, depending on particular celebrations. The authors examines certain national, cultural, historical, and ethnographic lacunae that the names of Chinese dishes contain.

Key words: regional cuisines of China; festive cuisine; mythology of the holiday; traditional dishes; cultural symbols of Chinese cuisine

For citation: Li Xiaotao, Koloda S. A. Chinese national cuisine as a cultural code (Part 2). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):288–237. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-228-237. https://elibrary.ru/HETDOG

Анализ

Региональные кухни Китая отличаются разнообразием и особыми способами приготовления. Продукты, используемые в китайской кухне, традиционно разделяются на две категории: «основные» и «дополнительные», fan и cai. Fan – это рис, лапша, хлеб и другие продукты из зерновых; cai обозначает мясо, рыбу и овощи, в задачу которых входит раскрыть вкус fan. Двадцать процентов продуктов питания приходится на овощи и фрукты. Но при этом нельзя утверждать, что основной продукт китайской кухни − рис. В последние десятилетия в Китае все больше употребляется продуктов из пшеницы.

Наиболее традиционное деление региональной кухни Китая связанно со вкусовыми оппозициями «соленое − сладкое», «кислое − острое». Сами китайцы, рассказывая о традициях своей родной региональной кухни, чаще всего используют именно эти категории. Мы также попытаемся описать основные особенности региональных кухонь Китая, опираясь на особенности технологии приготовления блюд и соответствующие вкусы.

Шаньдунская кухня (кухня Lu), преимущественно соленая. В ней используются особые техники жарки продуктов: техника Бао и техника Па. Предпочтение отдается блюдам из мяса и овощей. Географическое положение провинции на побережье позволяет использовать в большом количестве рыбу и морепродукты. Данная кухня славится блюдами из рыбы, пшеницы и батата. Но больше всего столичная кухня славится популярным блюдом, известным в русском языке под названием «утка по-пекински».

Сычуаньская кухня (кухня Chuan) – одна из самых популярных в Китае. Она широко распространена не только за пределами провинции Сычуань в Китае, но и во многих странах мира. «За пищей езжай в Китай, за ароматами − в Сычуань», − гласит известная пословица. Сычуаньская кухня − самая острая в Китае и самая яркая по цвету готового блюда. В провинции Сычуань используют острый сычуаньский перец: белый, зеленый, красный и т. д. Сочетание этих перцев в блюде создает «сухую остроту», которая обладает следующими особенностями: яркостью и мгновенным действием вначале, с некоторым эффектом онемения языка и приятным медленным послевкусием. Два совершенно особенных способа готовки: тушение сухим методом и томление сухим методом. По утверждению знатоков сычуаньской кухни, «только в кухне Chuan можно сделать сотню блюд, каждое из которых будет иметь свой уникальный вкус, и приготовить одно блюдо, которое будет иметь все эти сто вкусов» [Секреты сычуаньской кухни]. Популярными блюдами сычуаньской кухни являются хого (горячий горшок или чунцинский самовар), «мясо, вернувшееся в горшок», цыпленок «гуньбао», «тофу рябой тетушки» (мапо доуфу).

Кантонская кухня, наиболее известная за пределами Китая. Соусы являются главной приправой в кухне провинции Гуандун. Гуандунская (кантонская) кухня сохраняет сладковатый вкус продуктов. Особое внимание в кантонской кухне уделяется свежести продуктов. Блюда кантонской кухни в наибольшей степени сохраняют свежесть, естественные соки и вкус продуктов. В пищу используется все, что можно поймать, выловить, собрать, вырастить в этом регионе. Ингредиенты для блюд кантонской кухни необходимо как можно меньше подвергать обработке и

как можно меньше добавлять приправ.

Фуцзяньская кухня (Min) В кухне Мин большое внимание уделяется супам. Одна местная поговорка гласит: «Невозможно себе представить еду без супа». Жители провинции Фуцзянь любят использовать различные виды соусов и приправ, для того чтобы создать сочетание соленого, сладкого, кислого и острого вкусов. Для данной кухни характерным является сладко-острый вкус и изысканные приправы. Фуцзяньская кухня славится блюдами из морепродуктов. Наиболее известными блюдами местной кухни являются цыпленок в винном соусе, моллюски с забродившим клейким рисом, морской карась в мандаринах, жареные морские моллюски, тефтели «жемчужина дракона восточной стены храма».

Кухня провинции Цзянсу (кухня Su) считается одной из самых традиционных кухонь Китая. Она начала формироваться в доциньскую эпоху, а в период династий Сун и Тан уже приобрела популярность. Блюда кухни провинции Цзянсу имеют свежий вкус. Они умеренно соленые и умеренно сладкие. В этой кухне много блюд из свежей рыбы, которую вылавливают непосредственно из реки Янцзы. Блюда нежирные, часто используются экзотические продукты такие как, какомба, водный каштан. Около тысячи лет назад в кухне провинции Цзянсу важное место стали занимать блюда из утиного мяса. Фирменным блюдом Нанкина стала соленая высушенная утка. Основные технологии приготовления блюд кухни Си − варка, тушение, томление на пару, запекание на медленном огне, что делает их достаточно здоровыми и популярными как среди китайцев, так и среди иностранцев. Блюда этой кухни отличаются особой утонченностью и изысканностью при подаче.

Чжэцзянская кухня (кухня Zhe) сладкая, нет жирных и тяжелых блюд, состоит из трех главных стилей. Это стиль Ханчжоу, стиль Нинбо и стиль Шаосин. Эти территории часто называют «краем рыб и риса». Блюда этой кухни отличаются свежестью продуктов, оригинальностью подачи и простотой приготовления. Широко используется бамбук, морепродукты (Нинбо), местные растительные и животные продукты. Среди известных местных блюд можно назвать следующие: черепаха в сахарном сиропе, желтый горбыль с водорослями, рыбные молоки в крахмале и др. Вкус многих блюд чжэцзянской кухни – пресно-соленый. При их приготовлении используется мало масла и совсем отсутствует острый перец.

Хунаньская кухня (кухня Xiang) − сочетание соленого и сладкого вкуса, при этом используется много острых приправ, прежде всего острого красного перца. Хунаньская кухня сложилась еще в эпоху династии Хань, ее отличает исключительное мастерство повара при приготовлении блюд. Особенности хунаньской кухни можно охарактеризовать тремя словами − аромат, кислота, острота. Большую долю ингредиентов, используемых в кухне провинции Хунань, занимают различные овощи. Характерный вкус – жирный и насыщенный, а также остро-кислый, ароматный и нежный. Особенностью этой кухни является также ее доступность и дешевизна. Популярным блюдом этой кухни стало блюдо под названием «мясо Мао, обжаренное докрасна». Это было любимое блюдо Председателя КНР Мао Цзэдуна, которое он щедро сдабривал соевым соусом. Позднее в рецепт были внесены изменения, а в качестве соуса стали использовать карамель с солью.

Аньхойская кухня (кухня Hui) придает большое внимание натуральным продуктам. Разнообразные травы, грибы, ягоды, чайные листья, ростки бамбука, добываемые в горах, составляют ее основу, поэтому эта кухня благоприятна для здоровья. Известные блюда: ветчина и черепаха на пару, соевый сыр в тигровой шкуре − вегетарианские блюда, занимающие ведущее место в аньхойской кухне на протяжении 500 лет; тушеные голуби с горы Хуаншань − это блюдо варится без воды и считается наилучшим для питания организма и продления жизни.

В наши дни региональные кухни Китая постоянно меняются на основе сохранения традиционных особенностей. К примеру, культура кантонской кухни известна давней историей и яркими местными характеристиками. Кухня Гуанчжоу вобрала в себя как навыки кулинарного искусства Запада, так и навыки кулинарии всех других регионов Китая в совершенствовании своих собственных неповторимых особенностей приготовления пищи. Современная китайская кухня, известная за рубежом, включает в себя помимо ставшей уже традиционной кантонской, другие экзотические блюда регионов Китая, характерные для северо-восточной, синьцзянской, сычуаньской кухни и др. Поэтому говорить о единстве китайской кухни, как это принято в странах Европы, вряд ли возможно. У каждой региональной кухни Китая есть свои особенности и традиции, свои исторические, географические и климатические особенности развития.

Именно это создает национальную специфику китайской кухни − отсутствие общего канона, разнообразие и характерные особенности кулинарии в разных провинциях.

Важным элементом гастрономической культуры любой страны является праздничная еда. Праздник стал неизменной частью культуры повседневности. Именно праздник с его повторяемостью, цикличностью, символичностью составляет важный код культуры. Повседневные способы приема пищи, ставшие своеобразной практикой питания, всегда дополняются специфическими праздничными блюдами. Именно элементы праздничной кухни, как символы мифов, традиций, верований в меньшей степени обусловлены кулинарными соображениями, но в большей культурным кодом страны. Пища становится знаком ситуаций и событий, которые она сопровождает. В китайской культуре это выражено очень четко. Наряду с разного рода материальными символами китайских праздников − парными надписями для няньхуа (традиционный китайский лубок) для Праздника Весны, благовониями и праздничными фонарями для Праздника середины осени (Праздник Луны) − самыми значимыми и узнаваемыми символами праздничной культуры являются традиционные блюда.

Есть набор обязательных блюд для определённых праздников (свадеб, дней рождения, праздничных банкетов) в зависимости от конкретного торжества. Традиционные пельмени, *цзяо цзы*, напоминающие по своей форме серебряные слитки, как символ богатства и достатка, подаются независимо от названия праздника, но являются непременным символическим блюдом Нового года. Народные поверья связывают это блюдо с пожеланиями богатства и счастливого потомства. [Джарылгасинова, 1985; Филиппова, 2015]. Обычай предписывал наедаться пельменями до отвалу. Эта традиция сохранилась и сегодня − пельменей в китайских семьях на Новый год заготавливают очень много, их хватает на несколько недель. Часто лепкой пельменей занята вся семья − от маленьких детей до старших членов семьи. Для многих молодых людей семейные традиции празднования Нового года ассоциируются в том числе с совместным приготовлением пельменей. Молодые родители стремятся передать эту традицию своим детям, когда приезжают на праздник в отчий дом.

Традиция готовить рыбу для праздничной трапезы, символизирует пожелания богатства и процветания. Рыба на новогоднем столе – это пожелание процветания в будущем году. Как правило, любая рыба готовится целиком, с головой и хвостом, символизируя, что Новый год заканчивается и начинается полно и хорошо. Также традиционным блюдом для Праздника Весны, как мы отметили выше, являются пельмени. Однако для разных регионов Китая они имеют как разный вид и форму, так и разный символический смысл. На Севере готовят *цзяо-цзы*, которые еще называют *сяо-бо-бо* (маленькая пампушка) и *гэн-нянь-цзяо-цзы* (пельмени при смене годов). Цзяо-цзы по своей форме напоминают большие и мелкие серебряные и золотые слитки. На Юге готовят *хуньтунь* – маленькие пельмени полукруглой формы, которые также символизируют слитки юаньбао, соответственно, достаток и благополучие [Джарылгасинова, 1985, с. 46]. Японский исследователь культуры Рюдзо Нагао отмечает что, в деревнях провинции Хэнань обряд поедания хуньтунь назывался «заполнением закромов» и выражает надежду на богатый урожай. В провинции Сычуань тот же обряд называли «захватом богатства» [Нагао, 1973, с. 541].

Появление традиционных блюд на многих праздников связано не только с определенными поверьями, но и с легендами. К таким блюдам можно отнести *цзун-цы*, характерные для праздника Драконьих лодок (Дуань-у-цзе) и *лунные пряники* (*лепешки*), изготавливаемые для Праздника середины осени (Джунь-цзе). Поедание лунных пряников и любование луной в Праздник середины осени символизирует для китайцев единение с родными и любимыми. А подарок в виде лунного пряника − самый желанный в этот день, особенно если китаец оказался вдали от родины.

Фактически традиционные для каждого праздника символические блюда выполняют ритуальную функцию, передают и сохраняют многовековую культурную традицию. 1 января – праздник Весны (春节), где обязательные блюда − новогоднее печенье, пельмени и рыба; 15 января – праздник фонарей (元宵节), люди встречают этот праздник, поедая пельмени; 5 апреля – праздник Цинмин (清明节), где угощают зелеными пампушками; 5 мая – праздник Дуаньу (端午节), в этот день принято употреблять в пищу цзунцзы; 7 июля – праздник Влюбленных (七夕节), едят цяого; 15 августа – праздник Луны (中秋节), в этот день все едят юэбин, что являет-

ся символом счастья; 9 сентября – праздник Чунъян (重阳节), когда принято на праздничный стол подавать крабов.

Одним из важных элементов культуры, отражающих ее национальный смысл, является язык. При этом язык описывает не только культурные коннотации, но и отражает действительность. Мысль о том, что язык и действительность структурно сходны, высказывал еще известный датский лингвист, основатель глоссосемантики Луи Ельмслев. Он, в частности, отмечал, что структура языка может быть приравнена к структуре действительности или взята из нее. Сегодня для лингвистов и культурологов тезис о том, что язык − это факт культуры, является неоспоримым. Язык, как важнейшее явление культурного порядка, позволяет лучше понять культурные коды. Важным проявлением значения еды и гастрономической культуры является традиционная этикетная форма китайского языка, используемая вместо приветствия: «Ты уже ел?». У представителей западной культуры, впервые приехавших в Китай, такая форма приветствия вызывает недоумение, ведь зачем малознакомым людям или просто коллегам заботиться об их питании? Для китайца же это очень важный элемент повседневного общения. Практически все разговоры китайцев на отвлеченные темы, не связанные с работой, семейными или бытовыми делами, связанны с едой. В Китае к пище всегда относились как к величайшему дару. Наиболее ярко, на наш взгляд, национально-культурные особенности китайской кухни, выявляемые в языке, проявляется в названиях блюд. Анализируя пищевой код культуры необходимо обращать внимание на особенности наименования блюд национальной кухни. Особенно значимым становится такой анализ при оценке национально-культурных особенностей китайской кухни. Такой анализ не только поможет выявить национально-культурную специфику китайской кухни, но и даст возможность объяснить лакуны, неизбежно появляющиеся при взаимодействии разных культур. Для китайской гастрономической культуры важен и рецепт, и технология приготовления блюда. Не менее важным является его название, поскольку в наименовании блюда отражено не только содержание (продукты из которых оно приготовлено), но и его культурная ценность.

Большинство исследователей китайской кулинарной номинации [Зуева, 2017; Чжан Хунлэй, Ван Хэйянь, 2018] определяют следующие принципы, положенные в названия блюд китайской кухни: 1) по основному продукту, например: 莲藕 (корень лотоса), 西红柿炒鸡蛋 (жареные яйца с помидорами); 2) по способу приготовления − 炒面 (жареная лапша), 清蒸白鱼(белая рыба на пару); 3) по характерному вкусу − 糖醋里脊 (свинина в кисло-сладком соусе); 剁椒鱼头 (рыбьи головы с острым перцем); 辣子鸡 (острая курица); 4) по внешнему виду − 馄饨 (ушки); 5) по форме − 春卷 (рулеты); 6) по месту происхождения блюда − 川香鸡翅(жаренные куриные крылья по-сычуаньски).

Стоит отметить, что эти принципы характерны также и для номинации блюд иных национальных кухонь. Например, во французской кухне есть такие названия популярных блюд: уха по-марсельски (по месту происхождения), бургундские улитки (по основному продукту и месту происхождения), утка конфи (по способу приготовления); в кухне восточных славян − тульский пряник, рассольник ленинградский (по месту происхождения), голубцы (по внешнему виду, похожи на маленьких птичек), вертуты (по внешнему виду), драники (способ приготовления − драть, тереть), сырники, борщ (по основному продукту). Т.е. можно сделать вывод, что указанные выше принципы номинации реализуют общесемантический подход. Поэтому такие названия не составляют труда ни для понимания их состава, ни для выбора эквивалента при переводе на другие языки. Например, 西红柿炒鸡蛋 «яичница с помидорами»,馄饨 «равиоли»,饺子«клецки/пельмени». Хотя эти названия интересны с точки зрения лингвистики и переведения, для выявления национально-культурной специфики номинации блюд необходимо рассмотреть другие примеры. Здесь нам кажется целесообразным обозначить такие способы как: а) по связи с культурным фактом или историческим событием, б) национальным праздником, мифологическим или историческим персонажем.

Приведем примеры подобных названий блюд китайской кухни. Одним из самых популярных китайских блюд у иностранцев считается – 宫保鸡丁 жареные куриные кубики «гуньбао»/цыпленок «гуньбао». Название этого блюда связывают с культурным фактором. Во времена династии Цинь к одному придворному гуньбао (ранг чиновника) неожиданно пришли важные

гости. Гуньбао приказал повару приготовить для них угощение. Умелый повар использовал все ингредиенты, которые были на кухне и приготовил совершенно новое блюдо. Он нарезал куриное филе маленькими кубиками, добавил арахис, перец и пожарил все в густом соевом соусе. Это блюдо понравилось не только гостям гуньбао, но и другим людям и за ним закрепилось это название [陈金标, 2001, с. 34].

Многие популярные блюда сохраняют мифологическую сторону их создания. В названиях таких блюд легенда закрепилась как постоянная номинация. Такие примеры достаточно многочисленны. Суп из ласточкиных гнезд был приготовлен в XIII веке, во время вторжения в Китай Чингисхана. Молодой император с горсткой верных вассалов отступал на юг, пока не оказался на островке, осажденном монголами. Когда у остатков китайской армии закончилась еда, они стали есть то, что нашли в гнездах. Император от отчаяния бросился в море и утонул, но блюдо так и считается символом храбрости и бесстрашия. С тех пор ни один китайский император не позволял изъять его из своего меню.

Другие названия блюд имеют конкретные исторические корни, например, традиционное китайское доуфу (тофу). Достаточно интересна история появления знаменитых блюд сычуаньской кухни. В 60-70-е годы XIX века в городе Чэнду была лавочка, хозяйка которой − рябая тетушка Чэнь − готовила пряное и острое (по-китайски 麻辣mālà) блюдо с нежным доуфу и говяжьим фаршем. Блюдо пользовалось огромной популярностью среди посетителей. Так появилось известное 麻婆豆腐 – «доуфу рябой тетушки» [Секреты сычуаньской кухни, 2016]. Другое блюдо 夫妻肺片 − буквально «легкие супругов» − появилось в Чэнду в 30-е годы прошлого века. Торговец по имени Го Чаохуэй вместе с женой был искусен в приготовлении нарезки из холодной легочной массы. Люди в шутку прозвали блюдо «легкие супругов». Это название дошло до нашего времени [У Вэйбо, 2015, с. 156].

Некоторые названия содержат в себе сразу несколько принципов номинации. Так, популярное в провинции Аньхой блюдо 黄山臭桂鱼 одновременно включает три принципа: основной продукт (китайский окунь), место (озеро Хуаньшань), культурный фактор. Согласно легенде, более 200 лет назад один торговец вез на лодке рыбу, но из-за долгой дороги у нее появился не свежий запах. Тогда жена торговца залила рыбу смесью уксуса и масла, чтобы отбить неприятный запах, а затем приготовила блюдо [Энциклопедия китайской кухни, 2018, с,122.].

Китайский ученый Чэнь Цзиньбяо в своем «Исследование названия китайского блюда» отмечает, что при наименовании блюд с культурным фактором используются такие литературные приемы как сравнение, изображение, метафора, олицетворение, метонимия, заимствование и каламбур [陈金标, 2001, с. 56). Например, 滋补老鸡汤 «питательный старый куриный суп», 叫花鸡 «курица нищего», 东篱采菊 «сбор хризантем у восточной ограды», 凤鸣朝阳 «феникс поет навстречу утреннему солнцу».

Особенно интересны названия блюд с использованием метафоры: 1) 虎皮辣子(букв. шкура тигра пряная), при этом ни одно краснокнижное животное в пищу не употребляется. В данном блюде используются зеленый перец, который при жарке приобретает вид полосатой шкуры тигра; 2) 蚂蚁上树 (букв. муравей на (ползет) дереве) − лапша с маленькими кусочками жареной свинины; 3) 松鼠鳜鱼 (букв. белка-мандаринка), хотя это жареная рыба в виде белки.

Интересные трансформации произошли с названием, а точнее его переводом, самого известного блюда в Китае и за рубежом. Речь идет о названии 火锅 (Huǒguō). В английском языке используется его буквальный перевод − «горячий котелок» или «горячий горшок», в русском языке закрепилось название «китайский самовар». По легенде так это блюдо стали называть советские дипломаты, прибывшие в КНР после 1949 г. В дальнейшем название блюда закрепилось в среде китайских русистов и русскоязычных специалистов, а затем перешло в туристическую сферу и стало активно использоваться в путеводителях и рекламных проспектах для туристов на русском языке. Также часто можно встретить название «чунцинский самовар» как номинацию блюда с указанием на место его происхождения. В данном случае мы можем говорить также и об особенностях состава такого блюда – в нем используется специальный бульон на основе острого сычуаньского перца. Однако понять это может только тот, кто ел настоящий «чунцинский самовар».

Проведя анализ лишь некоторых, наиболее

популярных блюд китайской кухни, мы можем сделать вывод, что традиция номинации носит не только стандартный характер − по основному продукту, способу приготовления, месту происхождения и т. п., но также активно используется культурный фактор номинации, что является ярким элементом реализации национальной языковой специфики китайской кухни. Китайский исследователь Ши Шу отмечает существование значительного количества языковых и культурных лакун, непозволяющих дать точный перевод названия китайского блюда средствами другого языка [师舒, 2010, с. 51].

Результаты

Анализ китайской кухни с точки зрения ее специфики дает нам возможность выделить несколько особенностей, создающих культурный код китайской нации:

1) китайское кулинарное искусство сложилось как минимум 3000 лет назад. Известный российский историк и знаток мирового кулинарного искусства В. Похлебкин отмечает, что будучи чрезвычайно древней, во многой чуждой современному человеку, китайская кухня уже своей сложностью, непохожестью, необычностью отличается от западной [Похлебкин, 1991]. При этом за последние 100−150 лет технология приготовления блюд китайской кухни практически не изменилась. Фактически ее правила стали законом, аксиомой, без точного знания и четкого выполнения которых невозможно приготовить китайское блюдо. В повседневной жизни китайцы употребляют продукты, привычные и знакомые на Западе: овощи, пшеничную муку, рис, растительное масло, сахар, яйца, курятину, баранину, свинину, но только четкое соблюдение правил приготовления, порой очень сложных и не очевидных для западных поваров, дает возможность создать поистине китайское блюдо, а не блюдо «с китайской экзотикой».

Е. П. Бажанов отмечает, что «если неукоснительно не придерживаться старинных кулинарных законов, не получится истинно китайского блюда. Поэтому некитайцам китайская стряпня не удается» [Бажанов, 2008, с. 4]. Подтверждение его мнения мы находим и у других исследователей;

2) национальная кухня не только главный атрибут материальной культуры народа, но и составная часть истории Китая. Исторические особенности китайской кухни отражены в названиях блюд, способах обработки пищи, традициях подачи блюд и т. п.;

3) сохранность древнего наследия прослеживается не только в способах приготовления блюд, но и в их наименовании. Часто названия китайских блюд, сохранившие древнюю семантику и традиции наименования, связанные с иероглифической письменностью, трудно перевести на европейские языки. Названия многих блюд не только поражают своей экзотичностью, но и не дают иностранцу никакого понимания об их составе. Е. П. Бажанов приводит такие примеры: «серебряный колокол, зарытый в снегу», «белые кролики на лужайке», «плавающий дракон заигрывает с фениксом», «лунный свет пробивается сквозь кружевной занавес» и многое другое [Бажанов, 2008, с. 3]. Выше в нашем исследовании мы также приводили подобные примеры;

4) резкое разделение на парадный и повседневный стол, что означает, фактически, наличие у одного народа двух разных меню, двух разных подходов к приготовлению, подаче и употреблению пищи. Например, одно из самых известных и самых желанных для иностранцев блюд в Китае − утка по-пекински. Утка по-пекински это не просто блюдо, за этим названием скрывается целый банкет. Сначала подаются десятки кушаний из лапок, печенки, языка, кишок, сердца, желудка птицы. И только затем кусочки утиной мякоти с хрустящей корочкой, завернутые в пергаментно тонкие блинчики. К этому блюду также подается особенный соус, который зачастую нельзя нигде приобрести, кроме ресторана, где и подают такую утку. Эта особенность разделения китайской кухни очень часто удивляет приехавших в первый раз в Китай иностранцев, многие из которых либо ждут, что все китайцы едят только простой рис и острый перечный соус, либо каждый день питаются такими экзотичными блюдами как ласточкины гнезда или акульи плавники;

5) сочетаемость продуктов и восприятие еды не только как способа удовлетворения голода и источника пополнения физической энергии, но определенная философия еды, когда пища воспринимается и как определенное социальное действие, и как способ сохранения и поддержания древних национальных традиций, и как источник духовного и физического здоровья. В пище должен сочетаться баланс инь и янь, мужского активного и женского пассивного начала. Пища разных цветов положительно действует на различные функции организма. Гармоничное сочетание трех основных факторов − цвета, вку-

са и аромата является важным элементом национальной китайской кухни. Правило пяти вкусов − горькое, соленое, кислое, острое, сладкое, предполагающее их уравновешенное состояние, позволяет удерживать инь и янь в равновесии. Ни в коем случае нельзя исключать ни одного из них, потому что как уже отмечалось каждый вкус питает определённый орган. Например, если не употреблять продукты с солёным вкусом, почки и мочевой пузырь не получат энергии, а если пострадает один орган, весь организм получит дисбаланс [Канатова, 2011]. То же касается сбалансированности жирности, вкуса основных продуктов и дополнительных приправ. С древних времен китайцы придерживаются мнения о едином происхождении пищи и лекарств. При определенных физических состояниях, болезнях, а также в разное время года и даже в разных климатических зонах китайские врачи, диетологи и повара рекомендуют употреблять (или наоборот накладывают запрет) определенную пищу. Так, например, китайцы придерживаются мнения, что зимой нужно есть много, летом – мало, а весной и осенью – умеренно, потому что каждое время года имеет свою характерную энергию, которая содержится в пище и передается в процессе питания [Похлебкин, 1999]. Все это создает «философию обеда», в которую входит и порядок подачи и потребления блюд, и расположение гостей за обеденным столом, и традиционные палочки для еды.

Традиционные блюда, способы их приготовления, принципы их наименования составляют важную часть нематериального культурного наследия Китая и являются, бесспорно, не только китайским национальным достоянием, но важным элементом глобальной мировой культуры. Однако специфичный культурный код, транслируемый китайской гастрономической культурой, настолько древний и сложный, что он требует изучения и разъяснения для представителей других культур.

Библиографический список

1. Бажанов Е. П. Съедобные драконы. Тайны китайской кухни. Москва : Восток–Запад, 2008. 128 с.

2. Ван Хэйянь. Русский перевод названий китайских блюд в аспекте транскультурной коммуникации // Вестник Калмыцкого университета. Элиста : КалмГУ, 2018. № 38 (2). С. 88−94.

3. Восемь главных региональных китайских кухонь. URL: https://www.chinahighlights.ru/culture/eight-cuisine.htm (дата обращения: 12.07.2020).

4. Джарылгасинова Р. Ш. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год / Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. Москва : Наука, 1985. 276 с.

5. Зуева Т. А. Принципы номинаций кушаний в китайском языке / Т. А. Зуева, Чжан Хунлэй // Человек в мире культуры. 2017. № 4. С. 97–100.

6. Канатова А. Х. Особенности китайской культуры питания // Научный потенциал регионов на службу модернизации. Астрахань : АИСИ, 2011. С. 243−246.

7. Капкан М. В. Национальная кухня как элемент национальной культуры России: динамика исторических изменений XIX−XX века // Человек в мире культуры. 2013. № 3. С. 15–26.

8. Капкан М. В. Культура повседневности. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 110 с.

9. Леви-Стросс К. Мифологики: сырое и приготовленное / пер. с фр. А. З. Акопяна, З. А. Сокулер. Москва : FreeFly, 2006. 399 с.

10. Леви-Стросс К. Мифологики: происхождение застольных традиций / пер. с фр. Е. О. Пучковой. Москва : FreeFly, 2007. 461 с.

11. Нагао Рюдзо. Сина миндзоку си (Описание народных обычаев в Китае) Т. 1−2. Токио, 1973. 678 с.

12. О дворцовой кухне // Международное радио Китая. URL: http://russian.cri.cn/3072/2016/10/12/1s590592.htm (дата обращения: 18.07.2020).

13. Похлебкин В. В. Национальные кухни наших народов. Москва : Агропромиздат, 1991. 605 с.

14. Похлебкин В. В. Собрание избранных произведений. Моя кухня и мое меню. Москва : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. 362 с.

15. Секреты сычуаньской кухни // Международное радио Китая. URL: http://russian.cri.cn/3072/2016/11/08/1s591834.htm (дата обращения: 18.07.2020).

16. Сказание о Чан Э, оказавшейся на Луне // Международное радио Китая. URL: http://russian.cri.cn/chinaabc/chapter16/chapter160110.htm (дата обращения: 18.10.2021).

17. Смоленский Б. Л. Вера и питание: Обряды и народные традиции в мировых религиях / Б. Л. Смоленский, Л. В. Белова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская государственная медицинская академия имени И.И. Мечникова, 1994. 155 с.

18. У Вэйбо. Доуфу рябой тетушки // Дыхание Китая. 2015. № 4. С. 48–50.

19. Филиппова Н. П., Го Юн Ло Праздничная культура Китая: символические составляющие // Культура и цивилизация. 2015. № 1–2. С. 30–46.

20. Чжан Чжаолинь. Ягненка − на стол // Дыхание Китая. 2015. № 26. С. 44–45.

21. Энциклопедия китайской кухни. URL: https://baike.baidu.com/item/中国烹饪百科全书/10463410 (дата обращения 12.11.2021).

22. Chinese imperial cuisine: сайт. URL: http://www.china.org.cn/english/imperial/25995.htm (дата обращения: 12.07.2020).

23. Food and culture: A reader / ed. by C. Counihan and P. van Esterik. 2017. New York : Routledge. 608 p.

24. 杨琳申楠。论跨文化传播中我国文化软实力的提升// 西安: 西安交通大学学报(社会科学版), 2012，№ 1，6-11页。

25. 熊欣。跨文化交际理论下的中国菜名英译研究 // 上海: 上海外国语大学, 2013, 202页。

26. 陈金标。中国菜肴命名研究 // 江苏: 扬州大学烹饪学报，无锡，2001-03-20。

27.中国菜名及翻译特点。北京：哲学科学出版社, 2010, 248页。

Reference list

1. Bazhanov E. P. S#edobnye drakony. Tajny kitajskoj kuhni = Edible dragons. Secrets of Chinese cuisine. Moskva : Vostok–Zapad, 2008. 128 s.

2. Van Hjejjan'. Russkij perevod nazvanij kitajskih bljud v aspekte transkul'turnoj kommunikacii = Russian translation of Chinese dishes in the aspect of transcultural communication // Vestnik Kalmyckogo universiteta. Jelista : KalmGU, 2018. № 38 (2). S. 88−94.

3. Vosem' glavnyh regional'nyh kitajskih kuhon' = Eight major regional Chinese cuisines. URL: https://www.chinahighlights.ru/culture/eight-cuisine.htm (data obrashhenija: 12.07.2020).

4. Dzharylgasinova R. Sh. Kalendarnye obychai i obrjady narodov Vostochnoj Azii. Novyj god = Calendar customs and rituals of the East Asian peoples. New Year / R. Sh. Dzharylgasinova, M. V. Krjukov. Moskva : Nauka, 1985. 276 s.

5. Zueva T. A. Principy nominacij kushanij v kitajskom jazyke = The principles of food nominations in the Chinese language / T. A. Zueva, Chzhan Hunljej // Chelovek v mire kul'tury. 2017. № 4. S. 97–100.

6. Kanatova A. H. Osobennosti kitajskoj kul'tury pitanija = Specificity of Chinese food culture // Nauchnyj potencial regionov na sluzhbu modernizacii. Astrahan' : AISI, 2011. S. 243−246.

7. Kapkan M. V. Nacional'naja kuhnja kak jelement nacional'noj kul'tury Rossii: dinamika istoricheskih izmenenij XIX−XX veka = National cuisine as an element of Russian national culture: the dynamics of historical change in XIX-XX centuries // Chelovek v mire kul'tury. 2013. № 3. S. 15–26.

8. Kapkan M. V. Kul'tura povsednevnosti = Everyday culture. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2016. 110 s.

9. Levi-Stross K. Mifologiki: syroe i prigotovlennoe = Mythologiques: raw and cooked / per. s fr. A. Z. Akopjana, Z. A. Sokuler. Moskva : FreeFly, 2006. 399 s.

10. Levi-Stross K. Mifologiki: proishozhdenie zastol'nyh tradicij = Mythologiques: the origin of dining traditions / per. s fr. E. O. Puchkovoj. Moskva : FreeFly, 2007. 461 s.

11. Nagao Rjudzo. Sina mindzoku si (Opisanie narodnyh obychaev v Kitae) = Shina minzoku si (Description of popular customs in China) T. 1−2. Tokio, 1973. 678 c.

12. O dvorcovoj kuhne = On the royal cuisine // Mezhdunarodnoe radio Kitaja. URL: http://russian.cri.cn/3072/2016/10/12/1s590592.htm (data obrashhenija: 18.07.2020).

13. Pohlebkin V. V. Nacional'nye kuhni nashih narodov = National cuisines of Russian peoples. Moskva : Agropromizdat, 1991. 605 s.

14. Pohlebkin V. V. Sobranie izbrannyh proizvedenij. Moja kuhnja i moe menju = Collection of selected works. My cooking and my menu. Moskva : ZAO Izd-vo Centrpoligraf, 1999. 362 s.

15. Sekrety sychuan'skoj kuhni = Secrets of Sichuan cuisine // Mezhdunarodnoe radio Kitaja. URL: http://russian.cri.cn/3072/2016/11/08/1s591834.htm (data obrashhenija: 18.07.2020).

16. Skazanie o Chan Je, okazavshejsja na Lune = The tale of Chang Ae who ended up on the moon // Mezhdunarodnoe radio Kitaja. URL: http://russian.cri.cn/chinaabc/chapter16/chapter160110.htm (data obrashhenija: 18.10.2021).

17. Smolenskij B. L. Vera i pitanie: Obrjady i narodnye tradicii v mirovyh religijah = Faith and diet: Rituals and folk traditions in the world's religions / B. L. Smolenskij, L. V. Belova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskaja gosudarstvennaja medicinskaja akademija imeni I.I. Mechnikova, 1994. 155 s.

18. U Vjejbo. Doufu rjaboj tetushki = Auntie's Doufou // Dyhanie Kitaja. 2015. № 4. S. 48–50.

19. Filippova N. P., Go Jun Lo Prazdnichnaja kul'tura Kitaja: simvolicheskie sostavljajushhie = Chinese holiday culture: symbolic components // Kul'tura i civilizacija. 2015. № 1–2. S. 30–46.

20. Chzhan Chzhaolin'. Jagnenka − na stol = Lamb to the table // Dyhanie Kitaja. 2015. № 26. S. 44–45.

21. Jenciklopedija kitajskoj kuhni = Encyclopedia of Chinese cuisine. URL: https://baike.baidu.com/item/中国烹饪百科全书/10463410 (data obrashhenija 12.11.2021).

22. Chinese imperial cuisine: sajt. URL: http://www.china.org.cn/english/imperial/25995.htm (data obrashhenija: 12.07.2020).

23. Food and culture: A reader / ed. by C. Counihan and P. van Esterik. 2017. New York : Routledge. 608 p.

24.杨琳申楠。论跨文化传播中我国文化软实力的提升// 西安：西安交通大学学报(社会科学版)，2012，№ 1，6-11页。

25.熊欣。跨文化交际理论下的中国菜名英译研究 // 上海: 上海外国语大学, 2013, 202页。

26. 陈金标。中国菜肴命名研究 // 江苏: 扬州大学烹饪学报，无锡，2001-03-20。

27.中国菜名及翻译特点。北京：哲学科学出版社, 2010，248页。

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 13.12.2021; approved after reviewing 20.01.2021; accepted for publication on 26.01.2022

Научная статья
УДК 008:1-027.21, 008(091)
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-238-243
EDN: HKDCLR

Образ кота как Другого в русской поэзии: от классики XIX в. к «оттепели» XX в.

Лилия Борисовна Брусиловская
Кандидат культурологии, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории мандельштамоведения Института истории и филологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6
ikond@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-7066-584X

Аннотация. Статья посвящена культурологическому осмыслению кота / кошки как персонажа и образа русской поэзии XIX–XX веков. Указано, что наиболее известные и закрепившиеся в русском сознании коты входят в читательский и, соответственно, культурный опыт наших соотечественников в детстве при знакомстве с классической русской литературой (А. С. Пушкин, кот ученый из вступления к поэме Руслан и Людмила» и русской литературной сказкой (К. Чуковский). Определено, что еще в XIX в. эти животные являлись неизменной частью русского литературного пейзажа, однако не играли там самостоятельной роли, будучи, своего рода, полуодушевленными персонажами для своих хозяев (А. Фет). Выявлено, что некоторые творцы рубежа XIX–XX вв. наделяли их сверхъестественными способностями, признавая загадочность этих существ и непознаваемость их человеком (И. Бунин). В данный историко-культурный период русские поэты в целом не отделяли кота / кошку от животного мира, который противопоставлялся человеческому (Саша Черный). Установлено, что в эпоху «оттепели» отношение к кошкам принципиально изменилось: поэты-шестидесятники видели в их поведении ту степень внутренней свободы и независимости, которая им самим была недоступна на социокультурном уровне, но к которой так хотелось стремиться (Б. Ахмадулина, А. Вознесенский). Зафиксировано, что отношение к животным, в частности, к котам / кошкам, стало для многих критерием человеческих качеств личности и это был знак безусловного смягчения нравов в советском обществе (И. Бродский). В статье предложена и изучена динамика образа / персонажа кота от второстепенного персонажа, входящего в окружение лирического героя, через позиционирование кота как части животного мира, к гуманизации его образа в поэзии XX века и наделении качествами мыслящих существ, собеседников и единомышленников, с одной стороны, а также интерпретации кота как существа, причастного тайнам мироздания.

Ключевые слова: русская литература; кот / кошка; поэт; классическая поэзия; стихи о животных; эпоха «оттепели»

Для цитирования: Брусиловская Л. Б. Образ кота как Другого в русской поэзии: от классики XIX в. к «оттепели» XX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 238–243. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-238-243. https://elibrary.ru/HKDCLR

Original article

The image of the cat as the Other in russian poetry: from the 19th century classics to the « thaw» of the 20th century

Liliya B. Brusilovskaya
Candidate of cultural sciences, senior researcher at the Mandelshtam research laboratory, Institute of history and philology, Russian state university for the humanities. 125993, Moscow, Miusskaya Ploshchad, 6
ikond@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-7066-584X

Abstract. The article is devoted to the culturological comprehension of the cat as a character and image of the XIX–XX century Russian poetry. It is noted that the most famous and firmly established in the Russian mentality cats enter the reading and, accordingly, the cultural experience of Russians in their childhood when they are introduced to classical Russian literature (A. S. Pushkin, the learned cat from the introduction to the poem Ruslan and Lyudmila» and the Russian literary fairy tale (K. Chukovsky). The author specifies that even in the 19th century these animals were an inseparable part of the Russian literary landscape, but they did not play an important role there, being semi-animate char-

© Брусиловская Л. Б., 2022

acters of sorts for their masters (A. Fet). It is found out that some writers of the turn of XIX-XX centuries assigned supernatural abilities to them, recognizing the mysteriousness of these creatures and our inability to understand them (I. Bunin). In this historical period, Russian poets in general did not separate the cat from the animal world, which was opposed to the human world (Sasha Chyorny). The attitude towards cats changed fundamentally during the «thaw»: the poets of the Sixties saw in their behavior a degree of inner freedom and independence which they themselves were unable to achieve on the social and cultural level, but which they desired so much. (B. Akhmadulina, A. Voznesensky). The attitude toward animals, cats in particular, became for many a criterion of the human personal qualities and it was a sign of certain softening of mores in Soviet society (I. Brodsky). The article suggests and studies the development of the cat's image / character from a minor character being a part of the lyrical hero's environment, through positioning the cat as part of the animal world, to humanizing its image in XX century poetry and assigning to it the qualities of human beings, interlocutors and associates, on the one hand, and interpreting the cat as a creature involved in the mysteries of the Universe, on the other hand.

Key words: Russian literature; cat; poet; classical poetry; poems about animals; « thaw» era

For citation: Brusilovskaya L. B. The image of the cat as the Other in russian poetry: from the 19th century classics to the « thaw» of the 20th century. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(2):238–243. (In Russ.).* http://dx.doi.org/ http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-238-243. https://elibrary.ru/HKDCLR

Введение

Кот – как образ и персонаж всегда являлся неизменной составляющей русского литературного пространства. С детства все представляют себе пушкинского «кота ученого», который «все ходит по цепи кругом» или кота, едущего задом наперед вместе с медведями на велосипеде из сказки К. Чуковского «Тараканище». Ряд поэтов XIX в. стали авторами нескольких произведений, где коты – не второстепенные персонажи, выступающие как декоративная часть литературного пейзажа, а полноценные герои поэтического текста.

Результаты исследования

А. Фет создает два небольших стихотворения, в центре которых оказывается кот, равнодушно, казалось бы, наблюдающий за людьми, находящимися рядом с ним:

1) Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.
«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».
Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и все поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот. [Фет, 1959, с. 156]

2) Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:
Без тебя темно и дико
В нашей стороне;
Без тебя всё та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
И опять хандра… [Фет, 1959, с. 249]

В первом случае кот выступает как некий одушевленный атрибут комнаты: он не придает значения действиям своих хозяев, лишь поводит глазами, не прекращая своей кошачьей песни и сам автор воспринимает его как часть той темной дикой природы, которая неподвластна человеческому разуму и живет по своим законам. Буря свищет у ворот, кот поет в комнате – все это составляет некий цельный мир, существующий рядом с человеком.

Во втором стихотворении поэт не просто наблюдает за своим питомцем, но вступает с ним в диалог, сознательно помещая себя в единое смысловое пространство с котом и противопоставляя себя и его той неизбывной русской тоске, которая их окружает. Здесь кот – эта та живая и разумная душа, что помогает человеку преодолеть его хандру и поэтому для автора его мурлыка уже не часть дикой природы, бушующей за окном, а собеседник и единомышленник.

Еще один поэт, вдохновившийся образом кошки – И. Бунин и его стихотворение «Кошка»:

Кошка в крапиве за домом жила.
Дом обветшалый молчал, как могила.
Кошка в него по ночам приходила
И замирала напротив стола.

Стол обращен к образам – позабыли,
Стол как стоял, так остался. В углу

Каплями воск затвердел на полу –
Это горевшие свечи оплыли.

Помнишь? Лежит старичок-холостяк:
Кротко закрыты ресницы – и кротко
В черненький галстук воткнулась бородка.
Свечи пылают, дрожит нависающий мрак...

Темен теперь этот дом по ночам.
Кошка приходит и светит глазами.
Угол мерцает во тьме образами.
Ветер шумит по печам. [Бунин, 1956, с. 98]

Тут кошка – словно представитель каких-то потусторонних сил, избегающая людей, выбравшая в качестве пристанища крапиву, чтобы еще больше затруднить возможное общение с ней. Был ли умерший старичок-холостяк ее хозяином и той единственной родственной душой, верность которой кошка сохраняет и теперь, повинуясь только ей одной известному кодексу кошачьей преданности? Или это сам хозяин дома, в образе кошки являющийся по ночам в свой дом, где было ему так хорошо и спокойно при жизни? В этой поэтической зарисовке Бунина кошка – символ непостижимости мироздания, самое загадочное существо на земле, владеющее всеми тайнами Вселенной, неподвластными человеку, необыкновенно грациозное во всех своих движениях и независимое во всех своих поступках.

Однако не все поэты изображали кошек так возвышенно: примером, где в описании взаимоотношений человека и кота используется ирония и самоирония, можно назвать стихотворение С. Черного «Чуткая душа»:

Сизо-дымчатый кот,
Равнодушно-ленивый скот,
Толстая муфта с глазами русалки,
Чинно и валко
Обошел всех, знакомых ему до ногтей,
Обычных гостей…
И вдруг, свернувши с дороги,
Клубком по стене —
Спираль волнистых движений, —
Повернулся ко мне
И прыгнул ко мне на колени.
Я подумал в припадке амбиции:
конечно, по интуиции
Животное это
во мне узнало поэта…
Кот понял, что я одинок,
Как кит в океане,…
Но кот, повернувши свой стан,
вдруг мордой толкнулся в карман:
Там лежало полтавское сало в пакете.
Нет больше иллюзий на свете! [Черный, 1996, с. 303–304]

Здесь автор, хоть и вполне добродушно, но и вполне отчетливо рисует портрет кота как достаточно примитивного существа, типичного животного, для которого имеет значение только вкусная еда, о чем свидетельствует его сравнение с «толстой муфтой с глазами русалки». За ироничным предположением автора, что кот узнал в нем поэта, почувствовал в нем одиночество, скрывается драма художника, так до конца и не понятого современниками. Но кот не оправдал надежд поэта, оказавшись банальным любителем полтавского сала, таким котом-обывателем, которому чужды понятия «творчество» и «поэзия».

В эпоху «оттепели» «взаимоотношения» художников с котами, а также с другими представителями мира животных получили дополнительное развитие.

Б. Ахмадулина публикует стихотворение «Два гепарда» – о живущих в зоосаде двух больших кошках, чья история любви может служить примером всем людям.

Этот ад, этот сад, этот зоо —
там, где лебеди и зоосад,
на прицеле всеобщего взора
два гепарда, обнявшись, лежат.

Шерстью в шерсть, плотью в плоть проникая,
сердцем втиснувшись в сердце – века
два гепарда лежат. О, какая,
два гепарда, какая тоска! [Ахмадулина, 1998, с. 137]

Зоосад здесь выступает в качестве такого вполне комфортабельного ада с лебедями, в котором звери, вырванные из привычной среды обитания, противопоставляют неволе свою любовь.

Смотрит глаз в золотой, безвоздушный,
равный глаз безысходной любви..
На потеху толпе простодушной
обнялись и лежат, как легли. [Ахмадулина, 1998, с. 137]

Их крепкое объятие, их олимпийское равнодушие к окружающему миру является образцом того сдержанного достоинства, которое нечасто

встретишь у людей, а также символом холодного презрения к «простодушной толпе», пришедшей поглазеть на заморскую диковинку. Любовь двух гепардов выступает и в качестве своеобразного щита против жестокого и несправедливого мира, и молчаливым вызовом тем обстоятельствам, которые нельзя изменить, но которые можно постараться игнорировать.

Прихожу ли я к ним, ухожу ли –
не слабее с той давней поры
их объятье густое, как джунгли,
и сплошное, как камень горы.

Обнялись – остальное неправда,
ни утрат, ни оград, ни преград.
Только так, только так, два гепарда,
я-то знаю, гепард и гепард [Ахмадулина, 1998, с. 137]

Автор не скрывает своего восхищения большими кошками и признает, что такая модель поведения – «только так!» – должна быть взята на вооружение людьми, желающими чувствовать себя внутренне свободными в условиях внешней несвободы. Кошка лучше человека – так недвусмысленно можно прочитать посыл ахмадулинского стихотворения. Мы тоже существуем в неволе, как и эти красивые животные, только не можем позволить себе их божественной независимости.

О том, что кошки во всех отношениях достойнее человека, утверждал И. Бродский, всю свою жизнь декларировавший любовь к ним и не раз заявлявший, что в своей следующей жизни хотел бы быть котом. Хотя и в этой жизни поэт часто сравнивал себя с котом, полагая, что кошачье отношение к жизни самое правильное: «Я, как кот. Когда мне что-то нравится, я к этому принюхиваюсь и облизываюсь… Вот, смотрите, кот. Коту совершенно наплевать, существует ли общество «Память». Или отдел пропаганды в ЦК КПСС. Так же, впрочем, ему безразличен президент США, его наличие или отсутствие. Чем я хуже кота?» – сказал однажды Иосиф Бродский.

Особенно трепетным у поэта было отношение к рыжим котам, он часто рисовал себя в этом образе, именно рыжего кота можно назвать alter-ego поэта. Вот одно из «кошачьих» стихотворений Бродского на эту тему:

Он был тощим, облезлым, рыжим,
Грязь помоек его покрывала.
Он скитался по ржавым крышам,
А ночами сидел в подвалах.
Он был старым и очень слабым,
А морозы порой жестоки.
У него замерзали лапы,
Точно так же, как стынут ноги.
Но его никогда не грели,
Не ласкали и не кормили.
Потому что его не жалели.
Потому что его не любили.
Потому что выпали зубы.
Потому что в ушах нарывы.
Почему некрасивых не любят?
Кто-то должен любить некрасивых [Бродский, 2017]

Поэту было настолько комфортно идентифицировать себя с котом, что это проявлялось в общении с довольно широким кругом знакомых. Б. Янгфельдт вспоминал: «Бродский был кошатником. Под этим я имею в виду не только то, что он всю жизнь окружал себя котами и кошками, но и то, что его «код общения» был под сильным влиянием кошачьих способов коммуникации. Мяуканье как способ коммуникации не ограничивалось семейным кругом, а распространялось и на друзей и вообще на людей, к которым Иосиф питал симпатию. Он подходил сзади, царапал тебя когтём по плечу и говорил: «Мяу». Ожидалось, что ты ответишь тем же мурлыканьем» [Янгфельдт, 2010].

Очевидно, что для Бродского отношение человека к кошкам являлось показателем качества человеческой личности. Известно о его весьма прохладном отношении к А. Вознесенскому, однако при личной встрече в Нью-Йорке, когда речь зашла о кошках и выяснилось, что оба поэта – страстные почитатели этих животных, глаз Бродского, по воспоминаниям Вознесенского, «озарился нездешнею искрой», и, надо думать, он смягчил свое отношению к коллеге.

А. Вознесенского можно по праву назвать главным кошатником литературы «оттепели». Еще в 1961 г., в одном из самых известных произведений поэта, стихотворении «Антимиры» есть такие строки:

«Зачем среди ночной поры встречаются антимиры?
Зачем они вдвоем сидят и в телевизоры глядят?
Им не понять и пары фраз. Их первый раз – последний раз!

Сидят, забывши про бонтон, ведь будут мучиться потом!

И уши красные горят, как будто бабочки сидят...

...Знакомый лектор мне вчера
сказал: «Антимиры? Мура!»
Я сплю, ворочаюсь спросонок,
наверно, прав научный хмырь.
Мой кот, как радиоприемник,
зеленым глазом ловит мир». [Вознесенский, 2015, с. 106–107]

Здесь Вознесенский совершенно блестяще доказывает преимущество кошачьего разума перед человеческим. Пока люди бессмысленно глядят в телевизор, пытаясь постичь ту искусственную реальность, которую формируют для них штатные пропагандисты, кот, без всяких дополнительных приспособлений, одним зеленым глазом общается напрямую со Вселенной без всяких посредников. Коты, в отличие от людей, прекрасно различают подлинное и мнимое.

Показательна история о появлении в переделкинском доме Вознесенского кошки Кус-кус, о которой шла речь в их разговоре с Бродским.

Этот сюжет в изложении поэта вырастает до масштабов почти космической трагедии, но со счастливым концом: «Переделкинская трехшерстка мисс Кус-кус имела драматичную историю. Будучи котенком, она забралась на вершину мачтовой сосны и орала, не умея спуститься. Стояла зима. Это продолжалось двое суток. В темном небе вопил белый комок. Я попробовал залезть, но куда там! Позвал двух алкоголиков – безрезультатно. Наташа Пастернак вызвала пожарную команду, но даже те, с их „кошками“, не смогли забраться. Что делать?! Небо вопило над нами. Тогда я решил спилить сосну. Был риск, что ветви задавят котенка. Но когда все рухнуло, из-под ветвей грохнувшейся хвойной империи, как ни в чем не бывало, выскочила Кус-кус, не понимая, сколько бед она натворила.

<…> Она и не представляет, что о ней шла беседа в Нью-Йорке с нобелевским лауреатом, кошатником, подобно Бодлеру, Эдгару По, Бальмонту и Хэму. И зрачок лауреата озарялся нездешней искрой» [Вознесенский, 1998, с. 113–114].

Вознесенский сознательно выстраивает в ряд выдающихся художников, любителей кошек, словно лишний раз пытается заручиться их авторитетной поддержкой в таком благородном деле как преклонение перед этими замечательными животными.

Именно перу А. Вознесенского принадлежит самое пронзительное, самое глубокое стихотворение о кошках «Реквием для кошки».

Каждая кошка умрёт однажды,
В бездну скатившись клубком из лукошка;
Пускай девять жизней у них у каждой –
Смерть не считается даже с кошкой...

Не ежедневно – лишь однократно,
Не понемножку и не понарошку –
Бесповоротно и безвозвратно –
Так умирает каждая кошка. [Вознесенский, 2009]

В этом тексте поэт фактически ставит знак равенства между смертью кошки и человека. Не обесценивая человеческие страдания, он настаивает, что перед лицом смерти не только все живые существа находятся в одинаковых условиях в каком-то метафизическом смысле, но что кошки имеют такое же право на реквием, как и люди.

Заключение

Итак, кошки самых разных размеров и пород всегда составляли окружение классиков русской поэзии. Но если творцы далекого прошлого относились к ним все же как к части животного мира, то наши современники часто воспринимали котов не только как разумных, мыслящих существ, а как собеседников и единомышленников, и даже отдавали им должное как особям, причастным к неким тайнам мироздания. Все это в конечном итоге свидетельствует о смягчении человеческих нравов и гуманизации общества.

Библиографический список

1. Ахмадулина Б. Два гепарда //Ахмадулина Б. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. 1998. С. 137.
2. Бродский И. «Он был тощим, облезлым, рыжим…». URL: http://bibliocbs.blogspot.com/2017/06/blog-post_2.html
3. Бунин И. Кошка // Бунин И. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. 1956. С. 98.
4. Вознесенский А. Судьбабы // Вознесенский А. На виртуальном ветру. 1998. С. 113–114.
5. Вознесенский А. Антимиры // Вознесенский А Стихотворения и поэмы: В 2 т. 2015. Т. 1. С. 106–107.
6. Вознесенский А. Реквием для кошки. URL: https://www.stihi.ru/2009/03/06/5669
7. Саша Черный. Чуткая душа // Саша Черный. Собрание сочинений в 5 т. 1996. Т. 2. С. 303–304.

8. Фет А. «Кот поет, глаза прищуря…»// Фет А. Полное собрание сочинений. 1959. С. 156.

9. Фет А. «Не ворчи, мой кот-мурлыка…» // Фет А. Полное собрание сочинений. 1959. С. 249.

10. Янгфельдт Б. Заметки об Иосифе Бродском. URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/5/zametki-ob-iosife-brodskom.html

Reference list

1. Ahmadulina B. Dva geparda = Two cheetahs //Ahmadulina B. Izbrannoe. Vsemirnaja biblioteka pojezii. 1998. S. 137.

2. Brodskij I. «On byl toshhim, oblezlym, ryzhim…» = «He was skinny, shabby, ginger…». URL: http://bibliocbs.blogspot.com/2017/06/blog-post_2.html

3. Bunin I. Koshka = The cat // Bunin I. Stihotvorenija. Biblioteka pojeta. Bol'shaja serija. 2-e izd. 1956. S. 98.

4. Voznesenskij A. Sud'baby = Destinywomen // Voznesenskij A. Na virtual'nom vetru. 1998. S. 113–114.

5. Voznesenskij A. Antimiry = Antiworlds // Voznesenskij A Stihotvorenija i pojemy: V 2 t. 2015. T. 1. S. 106–107.

6. Voznesenskij A. Rekviem dlja koshki. = Requiem for a cat. URL: https://www.stihi.ru/2009/03/06/5669

7. Sasha Chernyj. Chutkaja dusha = A sensitive soul // Sasha Chernyj. Sobranie sochinenij v 5 t. 1996. T. 2. S. 303–304.

8. Fet A. «Kot poet, glaza prishhurja…» = «The cat sings, with squinting eyes…» // Fet A. Polnoe sobranie sochinenij. 1959. S. 156.

9. Fet A. «Ne vorchi, moj kot-murlyka…» = «Don't grumble, my purring cat…» // Fet A. Polnoe sobranie sochinenij. 1959. S. 249.

10. Jangfel'dt B. Zametki ob Iosife Brodskom = Notes on Joseph Brodsky. URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/5/zametki-ob-iosife-brodskom.html

Статья поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.
The article was submitted on 13.03.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 30,5 п. л., 25,2 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 113. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 04.07.2022
Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32 98 69